

ОСНОВА

1861

ОКТАБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзарь XXXV—XXXVII, Т. Г. Шевченко.
- II. Листи Шевченка до Я. Г. Кухаренка и М. С. Щипкина.
- III. Химéри, Лемуса.
- IV. Сámъ-сови; Лѣли-лѣли; Стáрець; Дуна́йська Ду́ма, И. А. Кулиша.
- V. Вуси, А. И. Стерезенка.
- VI. Веснянки, I, II, Висѣла удова, В. С. Кулиша.
- VII. Хатне лихо, А. Мечуй-вiтеръ.
- VIII. Журба, И. С. Кузьменка.
- IX. Подтащина, Л. М. Жемчужникова.
- X. Правда Полякамъ о Руси, И. И. Костомарова.
- XI. Правда Москвичамъ о Руси, И. И. Костомарова.
- XII. Настуся (поэма), И. А. Кулиша.
- XIII. Зъ народнiхъ устъ: Вчи лiнiвого не молотомъ, а голодомъ, и не впусти рака зъ рота, А. И. Стерезенка. Вороний кнiз, Я. Г. Кухаренка.
- XIV. Людська память про старовину, Ст. Д. Неса.
- XV. Надъ могилами, Л. И. Яценка.
- XVI. Великдень у Подолянь, А. И. Свидницкого.
- XVII. Отвѣтъ Киевской Комиссии, М. В. Юзефовича и И. Д. Иванничева.
- XVIII. Правительственные постановленія и распоряженія, касающіеся Южнорусскаго края.
- XIX. Вісти. Послѣ поездеки на Югъ, И. И. Дарагана. — Насколько словъ о Пнчухахъ, Ю. Мохраниці. — Изъ Борншполя, И. И. Чубинскаго. — Изъ М. — Листъ зъ дороги, Олександра Переходвца. — Изъ Лузень, Фасила Шевича. — Зъ Гадяча, Швана Бивайголови и друг.
- XX. Извѣщенія.
- XXI. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Ж.
- XXII. Библиографическія извѣстія.
- XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскіхъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочу братьи и Русьскій Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ОКТАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 24 дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXXV.

Прочитавши 11 псаломъ.

Мій Боже милий! якъ то мало.
Святѣхъ людей на свѣті стало!..
Одинъ на другого кують
Кайдани въ серці.... а словами,
Медоточивими устами —
Цілюютьця, и часу ждуть,
Чи швидко брата въ домовині
Зъ гостей на цвингаръ повезуть?...
А ти, о Господи единый,
Скуєшь лукавіи уста,
Языкъ отой велеричивый,
Мовлявший: »ми — не суета,
И возвеличимо на диво —
И розумъ нашъ, и нашъ языкъ....
Та й дѣ той Панъ, що намъ закаже
И думать такъ и говорить?«
»Воскресну я!« той Пацъ вамъ скаже:
Воскресну нині, ради ихъ,
Людей закованихъ моихъ —
Убогихъ нищихъ... Возвеличу
Малихъ отихъ рабовъ похилихъ!
Я на сторожі коло ихъ
Поставлю слово.»

И поніче,
Неначе стоптана трава,
И думка ваша и слова. —

Неначе срібло куте, біте
И семикрати перелите
Огнемъ въ горнілі, — словеса
Твої, о Господи, такіі.
Роскїнь же ихъ, твої святїі,
По всій землі!.. И чудесамъ
Твоимъ увірують на свѣті
Твої малі убогі діти!

15 февраля 1859 р.

XXXVI.

Чи ви ще зійдетеся знову,
 Чи вже на-віки розійшлись,
 И слово правди и любови
 Въ степи-вертепи понесли?
 Нехай и такъ!... не наша мати,
 А довелось поважати.
 То воля Господа!.. Годить,
 Смиритеся, молитесь Богу
 И згадайте одинъ другого,
 Свою Україну любить.
 Любить її, бо время люте...
 Въ останню, тяжкую мнвту
 За неї Господа молитъ!

1847 р.

XXXVII.

Надъ Дніпровою сагою
 Стоить яворъ міжъ лозію,
 Міжъ лозію зъ яліною,
 Зъ червоною калиною.
 Дніпро берегъ ріє-ріє,
 Яворові корінь мие;
 Стоить старий, похилився,
 Мовъ козакъ той зажурился, —
 Що безъ доли, безъ родини
 Та безъ вірної дружини,
 Безъ дружини и надіи
 Въ самотині поспіє!
 Явіръ каже: похлюся,
 Та въ Дніпріві скупаяся;
 Козакъ каже: погуляю,
 Та любої пошукую.
 А калина зъ яліною
 Та гнучкою лозиною,
 Мовъ дівчаточка пзъ гаю
 Вихожаючи, співають, —
 Повбірані, заквічані
 Та зъ таланомъ заручені.
 Думки-гадоньки не мають —
 Вьютця-гну́тця та співають...

24 Іюня 1860 г.

СПБ.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

1) ДО Я. Г. КУХАРЕНКА (1).

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

1 апреля 1854.

Я оце сяжу та сидячи думаю: Господи, Господи, якъ то швидко ті літа минають! молодні то ще такъ и сякъ, а що вже ті старі (погані літа!), то такъ и лпять, неначе той шуліка за куркою... такъ вони за нашою мерзеною грішною душою.

Я оце сидячи лічу літа та долічуюсь до того року, якъ ми съ тобою вперше побачились. Угадай, чи багато я налічивъ їхъ, тихъ нікчеменихъ, марнихъ літъ? трохи чи не буде чотирнадцять, коли не брешу. А якъ матимешъ часъ, то самъ здоровъ перелічи. Останній листъ твій получивъ я року Божого 1846 (7), въ Миргороді. И того жъ Божого року, написавши тобі листъ, и гарненько властними руками, у тимъ же богоспасаемомъ граді Миргороді, отдавши на почту, поїхавъ собі гарненько въ престольний градъ Москву. Отъ, не маючи гадки, приїхавъ я у тую Москву, та й гуляю собі по улицяхъ, звичайне якъ чоловікъ иностранний; — розглядаю собі то церкви то собори, тільки — глядь, — ажъ иде Чорноморець. Отъ, спинивши ёго, й питаю — чи давно съ Коша и чи далеко Господь несе? — »Съ Коша«, каже, »шоста, чи сёма, неділя, а гируємо ажъ у саму столицю Петербургъ.« — Отъ, я й питаю ёго про Шамрая — маляра, про

(1) Вся Україна, разомъ зъ нами, подякує високоповажному Я. Г. Кухаренкові и славному артистові М. С. Щепкину, що ласкаво згодились напечатать оці дорогі листи незабутнёго нашого *Кобзаря*, (ихъ ми списали, съ подлинниківъ, слово-въ-слово). — Просимо всіхъ, хто має у себе листи Тараса Григоровича пойти въ слідъ за Я. Г. Кухаренкомъ и М. С. Щепкинымъ; бо листи Шевченка теперъ вже сталися власністю всієї рідної землі, — всієї Славянщини. *Ред*

Порохню, та й кажу ёму: — А щó то тамъ поробляе нашъ Кошовий, Кухаренко? — »Який«, каже, »Кухаренко?« — Та Яцько, — кажу! — »Эгеє, каже: ёго на Зеленихъ Святкахъ поховали«. — Отъ тобі й на! — подумавъ я собі: — чи давно чоловікъ мені рáдивъ, щобъ я бивъ лихомъ объ землю, якъ той швець мокрою халивою объ лаву... а ёго вже й поховали! Попрощавшися зъ Чорноморцемъ, зайшовъ у якусь стару-престару церковъ, одправивъ по твоїй душі панахиду, та й пішовъ собі знову блукать, по закарлючистихъ улицяхъ московськпхъ, ажъ до самого вечора. У вечері зайшовъ у тїатръ, та згадавъ твій *Чорноморський Побитъ* (1). Вийшовъ изъ тїатру, та цілісівку нічъ не знавъ уже щó съ собою й робить. Такъ мені тебе жаль стало!

Съ тиждень, чи й більшь, блукавъ я після того по тїй Москві, — тільки вже не лічпвъ воропъ на Йвану великому, а все дивився по улицяхъ, чи не зострію дé хочъ поганенького Чорноморця, щобъ доскональне роспитать про тебе, друже мій єдиний! Бо мені все якось здавалось, що ти живий п здоровий (воно такъ-таки п було собі, благодарить Господа милосердного), а Чорноморець той мерзений, уповательно думаю собі, що ніхто ниший, якъ самъ сатана (бодай вінъ здохъ!). Скинувшп свою повшєдну одєжу (німецькпй кудцпй жупанокъ), та надівъ чорноморську достáтню одєжу, щобъ почванитьця передъ московками підъ *Новинськимъ*, або на *Трубъ*, або на *Козихъ*. Та правда, въ Москві всюди єсть дé пощголять, а особлпве такому козакові якъ сатана.

Отъ я, упоравши въ Москві щó мені тамъ треба було, вернувся знову въ Київъ п тільки-що ступивъ на Дніпровський бай-

(1) Такъ високоповажний *Яковъ Гарасимовичъ Кухаренко* назвавъ свою оперетту, зложена ще 1836 року, въ двохъ частяхъ. Зъ ёго ласки, *Чорноморський Побитъ* уже въ нашихъ рукахъ, п ми незабаромъ ёго напеча-таємо. Тутъ показуєтця:

Якъ бувáло на Кубáні,
Червóний відъ крові;
Якъ тамъ діялось въ козáстві
На Україні нóвій;
Якъ тамъ свáталсь, женíлсь
Нáші Чорномóрці,
Обселáлсь, воювáл
Йї добувáлсь въ Горцívъ

(Зъ передмови до *Ч. Побиту*, Я. Г. Кухаренка). Ред

дакъ... такъ за мною тако трапилося, що противъ ночи не треба бѣ було и розказувать, а то ще, прокляте, приснитця. Мене, по правді сказати, риптовали, та посадивши, зъ кимъ слідъ, на возокъ, привезли ажъ у самий Петербургъ. — — Черезъ півроку (2 місяці) вивели мене на світъ Божий, та зновъ посадили мене на чортопхайку та одвели ажъ у Оренбургъ, а въ Оренбурсі и до прієму не водивши, наділи на мене салдацьку (мушкіцію), и такъ съ того часу, друже мій єдиний, я ставъ салдатомъ. Не зробивъ я и не думавъ я, отамане батьку мій, кому-небудь лихого, а терплю горе и Богъ ёго зна — за що? Така, мабуть, уже усімъ кобзарямъ погана доля, якъ и мені, недотѣпному, випала. Сѣмий рікъ оце пішовъ зъ апреля (зъ іюня), якъ я нужу світомъ въ Киргизькімъ, безводнімъ и безлюднімъ, степу.

Вернувшись торікъ изъ Аральського моря въ Оренбургъ, та сидючи ввечері у одного земляка свого (мене, спасибі, земляки таки не цураютьця), та сидючи перебіраю старий *Руський Пивалдъ*. Коли — зіркъ, — ажъ надрюковано, що такий-то Яцько Кухаренко назначаєця въ таке и таке військо Кошовимъ. Ну, такъ и єсть, шо то мені въ Москві зострівся ніхто другий, якъ самъ прорідивъ снівъ, сатана! Та й справді, яка-таки недобра сила понесе Чорноморця въ Москву? Чого вінъ тамъ не бачивъ? Адже Чорноморці съ Коша прямують на столицю черезъ Курське, черезъ Орель, та на Смоленське, а не на Москву. Ажъ теперъ тільки догадався, що я хочъ и въ школі вчився, а самъ бачу шо дурень. Та ще хто и одуривъ? Сатана, ледачий снівъ, бодай ёму и въ пеклі добра не було!

Друга половина першого листу, особо послана.

10 апреля.

Христосъ воскрес! Друже мій єдиний!

Покл Христа дочтуютця, то я тимъ часомъ допишу оцей нікчемний листъ; та воно, по-правді сказавши, давно бѣ его треба завершитъ, такъ шожъ ти маєшь робити? — ніколи, — такъ ніколи, шо за лежею нема коли и посидіть. Ти, я думаю, бачивъ коли-небудь Кавказькіи укріпленія, то, певне, бачивъ що тамъ и поробляє людъ хрещений? Отакъ достеменно и у насъ, въ Новопетровськімъ укріпленіі, а найпаче — зімою: лежемо собі цілісіньку зіму, та ждемо весни та пароходу изъ Астрахані. Цю

весну щось довгенько его нема, — чи не було тамъ у васъ зімн лютоті часомъ? у насъ, благодарить Бога, свігу и невидно було.

Вернімося трохи назадъ. Такъ отакъ-то, друже мій єдиний! прочптавши въ тїмъ *Инвадї*, що ти, благодарить Господа милосердного, живий и здоровий, я, трохи не рікъ, усе застругувавъ перо, щобъ написать до тебе листъ, а тимъ часомъ мене изъ Оренбурга вислали въ Новопотровське укріпленіє, а тутъ... думавъ я, думавъ, та й така зъ нудьги проклята думка напала: »Що я ему напишу? Може вінъ теперъ на свосму Коші забувъ, якъ мене й зовуть... Та ніс, думаю: »не такий козакъ! хочъ вінъ теперъ, думаю, и кошовимъ, а все-таки повисенъ остатьця добримъ козакомъ.

16 апрелл.

Завтра, слава Богу, одъ насъ пароходъ повезе почту, а коли-то вінъ привезе одъ тебе, друже мій єдиний, листъ, то вже цего й самъ найстаршій не скаже.

Згадауй мене пиколн, друже мій! а якъ часъ матимишъ, то й напиши мені, якъ ти тамъ у тому *Азові* самъ пробувасшъ? Стара твоя — чи бгає ще, хочъ якъ-небудь, *метелицю*? спни - соколн твої — дє вони теперъ повертаютця? Поцілуй їхъ, друже мій, за мене. Скажи імъ, що се, мовъ, васъ цілує той старпій дядько, що зъ вами цілуався колнсь у Царському Селі. Добре було бъ, якъ би згадали! Та ні, не згадають! Маї булн, забулн, — то імъ нагадай, колн самъ здоровъ згадасшъ, якъ ми зъ Бориспольцемъ зъ вами попрощалнся, не доїзжаючи Александровського корпусу.

А я й досі співаю, та може и довго ще співатиму, згадуючи дочку твою невеличку:

Тече річка невеличка зъ вишневого саду;
Кличе козакъ дівчоньку собі на поряду...

Поцілуй її за мене, друже мій.

Чи ти надрукувавъ свій *Чорноморський Побитъ*? Якъ шо надрукувавъ, то ласкавий будь — пришли и мені хочъ одинъ екземпляръ.

У Харківъ, до Метлинського, може пиколн пишешъ, — то кланяйся ёму, и скажи, що я ще, на лихо мені, живий и здоровий, — блукаю, мовъ, по степахъ Киргизькихъ, та пноді и ёго згадую за ёго *Думки та.ще дє-цо*.

Живи, здоровий друже мій єдиний! Писавъ би тобі багато ще дѣ-чого про свою погану неволю, та, бачишъ, ніколи. У другому листі все до крихти напишу.

Будь здоровий! Нехай тобі Господь на все добре помагає!

Незабувай свроту *Т. Шевченка*.

Якъ шо дійде цей листъ до твоїхъ рукъ, и ти, прочитавши ёго, самъ собі, скажишъ: — дѣ жъ-то вінъ, той Тарасъ? написати би ёму... Якъ шо тобі така думка прийде, то пиши такъ: *его вблагородію, Н. А. У—ву, черезъ городъ Астрахань, а зимою — черезъ Гурьевъ-городокъ.*

Ще ось-що. Якъ що ти надрюкувавъ свій *Чорноморський Побитъ*, то пришли мені одинъ екземпляръ ради святої*(двохъ слівъ не можна прочитати)*:» За це въ другому листі опишу свій поганій — побитъ. Бувай здоровъ, мені й Богу милий, мій єдиний друже! Нехай съ тобою все добре дієця! Не забувай безтазанного *Т. Шевченка*.

ДРУГІЙ ЛИСТЪ.

22 апрѣля 1857. *Новопетровское укрѣпленіе.*

Христосъ воскресє! Батьку Отамане Кошовий!

Якъ-разъ на Великдень привезла мені астраханьска почта твое дружнее ласкавее письмо и 25-рублевую писанку. Зробивъ ти мені свято, друже мій єдиний! Таке свято, таке велике свято! що я и на тїмъ світі не забуду. Не видержавъ, голубе мій сизий: (та який би ёго вражий синъ и видержавъ?): упився, та такъ щиро упився твоїмъ могоричемъ, що ажъ голомозину собі розкромивъ. Отъ-що зробивъ ти мені своєю — не такъ писанкою, якъ братнімъ щиримъ словомъ!

Тїлько-що схаменувся я одъ твого слова, и взявъ уже перо въ руку щобъ написати тобі — *спасибі*, ажъ приходить пзъ Гурьева почта и привозить мені листи пзъ самого Питера. Одинъ пише молодий козакъ, Маркевичъ (*Андр. Мик.*) съ товариствомъ, и шле мені на почивокъ трохи грошнїягъ. Пише, що молоде товариство въ столиці складчину для мене зробило... Треба було бъ и въ другий разъ упитця, але я якось видержавъ. Тїлько (безъ сороба казка) тихенько заплакавъ.... Другий листъ, пзъ столиці жъ пише мені Курінний, Лазаревскій (*М. М.*) и упевняє мене,

що не забаромъ мене випустять изъ цієї широкої хурдиги. Вінъ пише, що добрий царь нашъ уже давъ приказъ розбивать мої кайдани. І плачу, і молюся, і все таки не вірю. Десять літъ неволі, друже мій єдиний, знівечили, убили мою і віру і надію. А вони були колись чисті, непорочні, якъ те дитятчко, взяте одъ купелі, — чисті і кріпкі, якъ той самоцвітъ-камень ошлифований! Але чого не зробить *риторта химська*? Я трохи-трохи не здурівъ на сімъ тижні. Та й тиждень же удався! Не дармо я ёго виглядавъ десять літъ. Десять літъ! Друже мій єдиний! вимовить страшно... а витерніть? І за що витерніть? цуръ ему!... а то я справді одурію. Теперъ думаю ось-якъ зробить: якъ дасть Богъ, дождуся съ корпусного штабу одпуску, то думаю навпростець черезъ Астрахань ушкварить на Чорноморію. Я ще її зроду не бачивъ: треба хочъ на старість подивитця, що то таке та славна Чорноморія; а поки те буде, послаю теперъ тобі, друже мій єдиний, своє поличче. Нема въ мене, брате, нічого більшъ теперъ. Якъ дасть Господь милосердний приїду самъ на Січъ, то, може, щё який небудь привезу тобі гостинець. Одного боюся, щобъ не потребовали мене часомъ въ Оренбургъ. А може, дасть Богъ, що її не потребують? На-чортового-батька я імъ теперъ здався!

Чи старший Щенкинъ ще живий? Отъ щира козацька душа, і молода, якъ у дитини. Чи не пишешъ ти ёму часомъ? якъ пишешъ, то цілуй ёго за мене. Яку вінъ тамъ тобі *Цўстку* (1) читавъ? Я — поганий зъ мене батько — забувъ свою рідну дитину.

Приславъ мені, пзъ Питера, Курієвий, Панько Кулішъ, книгу своєї роботи, названу *Записки о Южной Руси*, писану нашимъ язикомъ. Не знаю, чи дійшла до Чорноморіи ся дуже-розумна і щира книга? Якъ-що не дійшла, то впиши: не будешъ каятця. Такої доброї книги на нашому язикі ще не було друковано. Тутъ живо виштий і кобзарь, і гетьманъ і запорожець, і гайдамака, і вся старожитна наша Україна, якъ на долоні показана. Кулішъ тутъ свого нічого не додававъ, а тільки записавъ те, що чувъ одъ сліпихъ кобзарівъ, а тимъ самимъ і книга ёго вишла добра, щира і розумна. Пославъ би я тобі, друже мій єдиний, свій екземпляръ, але я ще самъ добре не начитався. Мене, спасибі, люди добрі книгамъ не забувають. Нема-нема — та й

(1) Напечатана у 1-ій книжці *Основи. Ред.*

пришле хто-небудь. А журналу уже десятій рікъ п въ очі не бачивъ, и не знаю, щó тамъ п дітця, въ тій новій, чи сучасній, літературі. Самъ не написавъ нічого, (да й якъ ёго було писати?) а теперъ уже и Богъ ёго святий знає, чи й напишу щó-небудь путне. Я ще во дуже зостарівся, — та знівчився, мій друже єдиний. А може, дасть Господь милосердний, ще одпочину, та на старість попробую писати прозу. Объ віршахъ уже нічого й думати.

Прощай, мій єдиний друже! Може дасть Богъ, що се літо побачимось; а поки те буде — цілую тебе якъ брата рідного. А ти поцілуй за мене свою стару п перецілуй своїхъ діточокъ, п не забувай искренняго твого друга, кобзаря *Т. Шевченка*.

Умісне пишу тобі на одному листочку, щобъ було де поличче положити п щобъ конвертъ не дуже важивъ.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ.

3 іюня 1837.

Батьку Отамане Кошовий,
п друже мій єдиний!

Пострігъ ти мене въ брихуни своїмъ братерськимъ листомъ п своєю щирою писанкою! Я писавъ тобі, друже мій єдиний, що вже не втну нічого віршами. Отъ же й збривавъ, — збривавъ п не схамкнувся. Правда, п самъ думавъ, що я вже зледащівъ, захолюнувъ въ неволі; ажъ бачу — ні! Нікому тільки було огню положити підъ мое, горемъ недобите, старе серце, а ти, друже мій, догадався — взявъ та й підкпнувъ того святого огню. Спасибі тобі, друже мій єдиний! Довго я читавъ твій листъ, разівъ зъ десять, чи не більше. Дочитався до того, що въ мене не тільки очі — серце заплакало, мовъ та голодна дитина. А серце, сказано, не дитина; ёго галушкою не нагодуєшъ. — Щó тутъ на світі робити? — думаю собі, — та вставши раненько, помолвився Богу, закачавъ рукава та й заходився коло оцієї *Москалевої Крилиці* (1). Богъ помігъ, — то сякъ, то такъ — кончивъ. Мені п полегшало трохи. Не знаю тільки, чи подобається вона тобі, мій друже єдиний? Якъ-що подобається, то дай доброму писареві переписати п *Крилицю* п *Чельця* (2), п *Вечір* (3), та пошлай старому Щеп-

(1) Напечатана въ 3-ій кнжці *Основи*.(2) Напечатаний въ 1-ій кнжці *Основи*.

Ред.

(3) Напечатаний въ *Руській Бесіді* 1839 року.

кпну: нехай на старість читас та не забуває безталанного кобзаря, *Тараса Дармоіраля*. Я умісне приписавъ *Ченьця* и *Вечір*, щобъ ти порівнявъ ёго зъ *Криницею*, бо *Криниця*, бачъ, сеголітня, а *Чернец* и *Вечір* — Богъ-зна колишні. Чп помолодшавъ я черезъ десять літъ въ неволі, чп постарішавъ, серцемъ, — скажи мені, мій брате рідний!

Ще ось-що: чп продаюця у васъ на Коші *биноклі*, або хочъ добрі окуляри? Якъ-що ні, то нічого и читать мое писаніе, бо я такъ надрюкувавъ, що й самъ ледве читаю. Правда, у тебе есть спій зъ молодимп очамп, — то нехай вони по-троху розбирають, а ти тільки слухай та критику клади, — більшъ нічого.

Не знаю, чп получивъ ти мое полицче, завернуте въ невеличку цидулку? Я тамъ писавъ, що не забаромъ вирвуся изъ цієї неволі и приїду до тебе въ гості. Але ще й досі нема нічого офіціального. И хто ёго знае, коли воно буде те — офіціальне? Може ще й зімуть останусь за сімъ скаженимъ моремъ. Але ти все-таки напиши мені, чи будешъ ти се літо на Коші, чв, може, знову підешъ *вражого черкеса* — — — *по кручахъ ганяти*? Бо якъ дасть мені Богъ вирватця літомъ, то до кого я приїду, якъ тобі не буде на Коші? А щобъ швидче твое письмо прийшло въ мої руки, то пиши отакъ на конверті: *въ г. Астрахань, г. смотрителю госпиталя, Хр—ру М—чу Е—ву съ передачею. П—ю Ефр — чу Б — ву. Въ Новопетровское укрѣпленіе.*

Дунавъ я тобі послать свій екземпляръ *Записокъ о Южной Руси*, але и самъ ще добре не начптався тихъ *Записокъ*. Дуже добра книга. *Мозила*, кажуть, видае зборникъ нашихъ пісень. Нехай ёму Богъ допомагае.

Пиши мені швиденько, — не покидай мене, друже мій, брате мій єдиний. Цілую всімъ серцемъ твою стару и твоїхъ діточокъ.

Пор — ні, Лит — му и Ш — аю и всѣму товариству, на Коші и за Кошемъ, доброго здоровья!

ЧЕТВЕРТИЙ ЛИСТЪ.

15 августа 1857.

Батьку Отамане Кошовий и

друже мій єдиний!

Я свободень, я уже въ Астрахані! Вчора бачпвся съ тимъ Ел—вимъ, на имя которого просивъ я тебе переслать мені письмо объ *Москалевій Криниці*. Письма твоего нема, и я теперь не

знаю, що й думать, — бо вона вже давно тобі послана, ще 5 іюня. Може тебе дома нема, або-що? Думавъ я, ідучи въ столицю, завернуть до васъ на Січъ, поцілувать тебе, твою стару й твоїхъ діточокъ. Але не такъ воно робитця, якъ намъ хочеться. Мені велено одправитця прямо въ столицю, лихий ёго знає — для чого? И я теперъ изъ Астрахані попростую на паракоді ажъ до Нижнёго-Новгорода, а тамъ, черезъ Москву, въ столицю. Але чи швидко я туди прибуду — святий знає. Я, въ Москві, побачуся зъ старимъ Щенкинимъ, и дуже добре зробивъ би ти, друже мій єдиний, якъ би черезъ ёго, хочъ одну стрічечку; напиши тільки, чи живъ ти, чи здоровъ, и чи получивъ мою *Москалеву Крилицю*? Мене вона торбує. А въ столицю пиши до мене такъ: *Въ С. Петербургъ, ёю в — благородію, М. М. Лазаревскому. Въ Большой Морской, въ домъ графа Уварова.*

Не пишу тобі більше, бо нема чого й писать, та й паракодъ, сясибі ёму, не дас. Завтра попливу вверхъ *по матушкь по Волль*, а поки що, цілую тебе, твою стару и твоїхъ діточокъ. Не забувай мене, друже мій єдиний.

Т. Шевченко.

Чи получивъ ти мое поличче?

П'ЯТИЙ ЛІСТЬ.

(Безъ числа).

Батько Отаманс Кошовий!

Письмо твое, одъ 7 августа того (1857) року, изъ Екатеринодара, получивъ я 10 февраля сёго (1858) року, ажъ у Нижнёму-Новгороді. Пошукало-таки воно мене немало часу, та сясибі, що хочъ коли-небудь, а все-таки найшло; а то вже я не знавъ, що и думать про тебе. Думавъ уже, нехай Богъ милує, чи не занастивъ ти де-небудь своєї доброї голови на тому родовому Кавказі. А теперъ, слава Богу, бачу, що ти живий и здоровий и зъ жівкою и зъ діточками своїми. Нехай їхъ Богъ ховає на многі літа! У мене була думка пробратця до тебе на хутіръ, — та ба! такъ думкою и осталась. Одъ 16 мая до 2 августа не давали знать изъ корпуса въ укрєпленіє о тій свободі... — Мало — — — було десяти літь... Кровъ холоде якъ згадаю...

3 августа, вприваяся я изъ того — — укрєпленія, и черезъ море, Волгою, прямувавъ на столицю. Я боявся застрять у тебе до осені. Въ Нижнёму, мене спнили: — — Отаке-то лихо! Помилували, та тільки до половини. Сівъ у цєму поганому Нижнёму, та

їй досі сижу. Приїздивъ до мене на святки колядувать старий Щепкинъ, — спасибі ёму. Думаю оце поїхать до ёго підъ Москву, въ село Никольське, та може тамъ п до літа останусь; а літомъ якъ-що не пустять у Питеръ, то чкурну въ Харьківъ, а зъ Харькова, якъ Богъ поможе, то и на Чорноморію. Я до неї коли-небудь а такп доберусь. до тієї Чорноморії.

Нема въ мене нічого такого доброго послать тобі прочитать съ товариствомъ. Хйба оцю *Долю*, *Музу* та *Славу* (¹). Я оце недавно скомпоновавъ їхъ. Не знаю, якъ вона тобі подобаютьця.

Скомпонувавъ ще я тутъ, зъ нудьги, одну штуку, поему — *Неофїти*, нібі-то пзъ Римської исторії. Але вона ще не вироблена — тпмъ и не послаю. Якъ вкоччу, то пришлю. А покпщо, оставайся здоровий, мій батьку-отамане, мій друже єдиний. Не покидай мене, сердешного спроту. Т. Шевченко.

Цілую твою стару пані п твоїхъ молодпхъ діточокъ. Якъ будешъ писать, то ппши на имя М. С. Щепкина. Я маю до ёго іхать.

2) ДО М. С. ЩЕПКИНА.

I.

Нижній Новгородъ. Нолбря 12, 1857 г.

Друже мій давній, друже мій єдиний! ізъ далекої Киргизької пустині, ізъ тяжкої неволі вітавъ я тебе, мій голубе сизий, щирими сердечними поклонами. Не знаю тільки, чи доходили вони до тебе, до твого щирого великого серця? Та що зъ того, хочъ и доходили? Якъби то намъ побачитьця, якъби то намъ хоть часничку подивитьця одинъ на одного, хоть годничку поговорить съ тобою, друже мій єдиний! Я оживъ би, я напоївъ би свое серце твоїми тихими речами, нпначе живущою водою!

Теперъ я въ Нижнімъ Новгороді, на волі, — на такій волі, якъ собака на прпвязі. — Такъ щобъ подивитьця мені на тебе, великий мій друже, я сидячи отутъ, отъ-що выдумавъ: чи не найдетця коло Москви якого-небудь села, дачи, або хutora зъ добримъ чоловікомъ? Якъ що есть у тебе такпй чоловігяга зъ теплою хатою, то напши мені, батьку, брате мій рідний! а я и приїду хочъ на одинъ день, хочъ на одну годничку. Зробімо такъ,

(¹) *Доля* и *Муза* напечатані въ *Хаті*, П. А. Кулішн, а *Слава* и *Неофїти* відб не були напечатані. *Ред.*

мій славний друже! а якого б'я и тобі гостинця привізъ пкъ празнику! уже такъ-що гостинець! Порад'ся съ своїмъ розумнимъ серцемъ, мій друже єдиний! Та якъ-що можна буде побачитьця намъ и поколядувать на сїхъ святкахъ укупі, то поколядуемъ. А до того року, Богъ знае — чи дождимос'я. Впбачъ мені, мос серце, за мою щирость, я якъ и щó придумаешъ, то напиши мені, а тимъ часомъ, оставайся здоровий и веселій, и не забувай пскрєннєго твого друга и поклонника *Т. Шевченка*.

Адресъ: Въ Нижвій Новгородъ. Его Вблагородію, Павлу Абрамовичу *Овсянникову*.

Чи ни писавъ тобі чого-небудь про мене старій Кошовій изъ Чорноморіі — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко? Я ёму ще зъ Новопетровського укрѣпленія пославъ де-що, и просивъ ёго, щобъ вївъ зъ тобою подїлвся, та й досі не маю одъ ёго ніякої чутки.

II.

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумилій мій друже, за твої сердечні ласкаві письма. Спасибі тобі за приглашеніє въ село *Никольское*, а тричі разомъ спасибі тобі за те, що ти хочешъ самъ приїхати въ Нижній. О, якъби ти добре зробивъ, якъби приїхавъ! тутъ би тебе, преславного, на рукахъ понесли твої безчисленні поклонники. Щасливий ти, дуже щасливий, мій славний, мій великий друже! Всі тебе бачили, всі до єдиного руського чоловіка, всі тебе знають и съ любовью повторяють твое обаятельное прославленное имя.»

Сєгодні бувъ у мене Вл. Ив. Даль; я показавъ ёму письмо твое. Зрадївъ старій, якъ прочпавъ, що ти хочешъ приїхати въ Нижній. Пузенко клаяетця тобі Вл. Ив. и сердечно просить не перемїнять доброго наміренія. На тїмъ тиїні почвутьця тутъ дворянскі вибори, уже почали збиратьця повітові пани, то може б'я ти здумавъ показати себе їмъ на тутешній сцені. Ото б'я порадувавъ ти їхъ хуторянські душі, а мою щпру, любящую тебе, душу перенїс'я би на саме небо. На сей конецъ я бачився съ директоромъ Нижегородського театра, съ г. Варенцовимъ, питавъ ёго нащогъ условій, и вївъ сказавъ мені, що «согласится на условіє, какое ты ему предложишь.» Чудний би бувъ, якби и не согласился.

Добрий мій друже! питаєш ти, чи багато у мене грошей? Дуже, дуже небагато, мій друже єдиний: нема де взяти. Заходився рисувати карандашом портрети, — так щож? нарисовав три портрети, та й сижу склавши руки. Безь столиці художникъ — риба безь води. Погано, дуже мені погано у цімъ Нижнімъ. Графъ Федоръ Петровичъ обіщає мені «вхлопотати позволеніє жити въ столпцѣ.» О, якъби то ёму Богъ помігъ! «ожилабъ тогда моя душа однокоя при видѣ великихъ произведеній божественныхъ искусствъ!» А тимъ часомъ, а тимъ часомъ... якъ ти прийдешъ сюди та я подивлюся на тебе, подивлюся ниначе на всесвітнюю галерею, ниначе на всесвітній театръ, и забуду хоть на годину свое невспуцє горе.

Грошей у мене бъ стало, щобъ доіхати до Никольского и назадъ вернутця, та не въ тімъ ричъ. Не я одиъ прошу тебе приіхати сюди, а всі добрі и розумні люди просять тебе, — а іхъ тутъ такі чп-мало. Старий Улыбышевъ, той самий, що написавъ *біографію Бетовена*, не пропускає ні одного спектакля: такъ щиро любять театръ; а якъ тебе побачить, — то вінъ, старий, якъ мала дитина заридас, — та чи вінъ одиъ?

Рішпся, друже мій великий, на мою просьбу, и рішившись, напиши мені гарпенько — коли бъ тебе ждати до себе. Я сєго дні жъ пишу и Кулішеві: може и вінъ заіде за тобою, та разомъ и приїдете, мої гості дорогі. А якъ побачишъ мого давнєго друга, В. П. Р—ну, то привітай її одъ мене, мій друже єдиний, та въ письмі своїмъ напиши її адресь. Прощай, мое серце! нехай тебе Богъ мплує и стереже на славу великого святого искусства. Не отрпнь же просьби любящого тебе друга

Т. Шевченка.

Куліша не треба ждати: може вінъ и не поїде, а мені бъ зъ нпмъ дуже-дуже треба було бъ побачитця. Напиши, будь ласкавъ, и ти ёму: може, вінъ тебе, батька нашого, лучче послухас. Посоромитця не послухать.

Ще, якъ прийдешъ, то заразъ пришли почталіона на квартиру Овсянникова, щобъ тобі не торбуватця на щотъ поміщенія.

Чп невзявъ би ти зъ собою рукопись *Москаля-Чарівника*? Тутъ єсть прехороша дівчина и талаплива артистка, Піунова. То може бъ ви чи не вшкварили бъ сєго Чарівника надивовпжу Нижегородськимъ людямъ?

Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому вінъ не шле мені своє слово о полку *Шоревъ*?

Ще одно PS. Понісь бувъ уже я оце письмо на пошту, та зострівся мені старий Улыбышевъ и просивъ написать одъ себе глубочайший поклонъ и просить тебе, щобъ ти приїхавъ просто до ёго на квартиру.

Москаль-Чарівникъ есть тутъ печатний. И П—ва сёгодні вчптьця по-нашому говорить заходплась. Зраділо дівча — ажъ заплакало.

III.

Феврала 3, 1858 г.

Спасибі тобі, мій друже єдиний за письмо твое и 200 р. гріш-ми. Все це добро получилъ я одъ нашего доброго друга Н. Бр—на, который тебе щиро цілуе и посилае тобі зъ Олейниковымъ кожушокъ. Зноси на добре здоровье.

Не знаю, коли ми съ тобою побачимось. Бо не знаю, чи швидко Овсянниковъ вернетця до дому: я теперъ у ёго хазяїную, то мені конечно треба ёго дожидатця. А якъ-що вінъ тамъ довго забаритця, то я не втерплю: передамъ ёго госпуду Бр—ну, а самъ чкурну въ Никольське, а за день передъ-твмъ гарненько напишу тобі.

Обнимае и цілуе тебе тричі твоя и моя любая Тетяся. Вопо, порадившись зъ своїмъ батькомъ, посилае тобі свій репертуаръ и условія такого содержания: 1500 р. въ годъ безъ бенефиса, а зъ бенефисомъ 1200 р. и на переїздъ до Харкова 200 р. А поїде воно въ Харьковъ зъ батькомъ, або зъ матірью. А тимъ часомъ — воно согласитця на твое условіе, яке ти скажешъ.

Во имя святого Бога и святого искусства, поможи їй, друже мій великій, вирватьця пзъ сёго гнилого Нижнёго. Мені тутъ ажъ жаль дивитця на пеї. По поводу її бенефиса, написавъ я невеличку статейку въ газету, которую послаю тобі: прочитай, та прикниь свое до неї яке мудре слово, та отдай перепечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Для нашої любви Тетясі се булюбъ незгірше.

27 генваря поховали славного старого Улыбышева, и не найдетця нікого въ Нижієму некрологъ ёму написать! Ще разъ гнилий Нижній Новгородъ.

Поцілуй за мене благородного Сергѣя Тимофеевича Аксакова,

и молодика Максимовича. Р—ну якъ побачишь, то й її привітай. А тебе цілує М. А. Д—ва зъ своєю *чужою* дитиною. Цілує Голыская, и тричі цілує Піунова, а я и лікъ теряю.

До свиданія, мое серце, мій друже єдиний.

Щирій твій *Т. Шевченко.*

Чи робить тамъ що Катковъ зъ моєю повістю? Я вже другу часть кінчаю.

Чи приславъ Кулішъ тобі мої *Неофити*?

Чомъ ти мені не написавъ адреса Сергѣя Тимофеевича?

IV.

Новбра 13 1858 г.

Друже мій єдиний!

Якъ той щирій вілъ запрягся я въ роботу, — сплю на етюдахъ: зъ натурального класса и не вихожу, — такъ ніколе! такъ ніколе! що якби не оце безгрішша прокляте, то ніколи бъ було написать и тобі, мій друже єдиний, оцісі невеличкої цидули. Будь ласкавъ, вирви ти у того К—ева якъ-небудь оті 100 карбованцівъ та пришли мені. Гугеноти ні-на-що послухать, — таке лпхо! Запродавъ я бувъ свои сочиненія книгопродавцу Кожанчикову за 2000 карбованцівъ, (та вже така моя вдача), що я замість грошей тільки облизався. Такий-то облизень и заставивъ мене поторбувать тебе оцією цидулою.

Посилаю тобі черезъ художника Расва одинъ екземпларъ моєі послідиці гравюри: не здивуй — яка вдалась. Чи не будешъ ти часомъ у графа Алексеѣя Сергѣевича Уварова, або умисне побувай у єго, та подякуй єму за мене: гравюра ся напечатана на єго гроші, спасибі єму! Поклонись В. Н. Р—ной, и привітай М. В. Максимовича. Сергѣя Тимофеевича тожъ. Стару свою, дітей и внучать тожъ. Бабста и Кетчера тожъ, и всіхъ кого побачишь мною знаємихъ, тожъ.

Оставайся здоровъ, мій друже єдиний! Згадуй ніколи тугого мовчана и искреннєго твого

Т. Шевченка.

Адресуї: Въ С-Петербурзь, въ Большой Морской, домъ графа Уварова. Его в — благородію Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому.

Кланяютця тебѣ и графиня Т — ыє.

Дневникъ Т. Гр. Шевченка дальшь печататиметця увъ XI-ій книжці.

Х П М Е Р Ц.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: ROMANTYCZNOŚĆ.

Присвячена Олександрі Михайлівні К.

Слўхай, дівчино! — Не слўха. —
Въ твой хатині ні дўха!
Що коло себе хватаешъ?
Кого цілуешъ, вітаешъ?^а
Ужé жъ світь білий... — Не слўха.

Тó, якъ укóпана, стáне,
Сўмно, понўро спогляне,
Тó зновъ слéзáми залетця,
То до когось засміетця, —
Личко весéле, румяне.

»Грицю! кохання еди́не!
Се жъ ти устáвъ зъ домовини?
Ничю!... Ступáй же тихенько...
Въ мене не-рідная ненька...
Бўде лихáя година...

»Хай собі чўе и зна́е!
Тебе́ на сві́ті нема́е!
Вчóра тебе́ поховáли...
Що́ жъ мені́ сўмно та́къ ста́ло?
Ні, я тебе́ не бо́юся...
Да́й обійму, пригорну́ся...

Се жъ твоє личко... п очі... п брові...
 Сёрденько, вимовъ хочъ слóво!
 Я — твоя вірна Катруся.

»Чомъ же ти до мене, Гріцю, не озвѣсся?
 Якій ти холодний!... Даї нагрію рўки...
 Отгўть їх нагрію коло мого сёрця...
 Вонó не простигло відъ тяжкої мўки.

»О, холодно жъ, мабуть, тамъ у тёмній ямі!
 Не влѣжавъ ти, Гріцю, въ німій домовині...
 Пійдў я съ тобою, — ляжемо у парі!
 Безъ тебе для мене увесь світъ — пустиня.

»Тяжко міні, Гріцю, въ світі
 Жити зъ ворогами:
 Вони міні дорекáють
 Моїми слѣзáми.

»Щó побáчу — не йнуть віри;
 Щó скажў — сміютьця.
 Заніміла бъ я на-віки, —
 Самі рѣчі ллютьця

»Сёрденько кохáne!
 Прийді въ день до мене:
 Мóже, перестáнуть
 Сміятися зъ мене.

»Мóже, міні снитця...
 Ні, до мого сёрця
 Тебѣ пригортаю...
 Бачъ, якъ вонó бѣтця!

Чогó жъ ти зникáешъ?
 Чогó ти боїсся?
 Ищѣ рáно, сёрце,
 Ищѣ рáно, Гріцю!

»Бóже! кúри вже співають
 И зоря вь вікóнци!...
 Де жь ти ділось-закотїлось,
 Ясне моє сóнце?

»Де ти зникнувъ? Покажїся,
 Вернїсь на филїну,
 И мене візьмї зь собóю
 Вь тёмну домовїну.»

Отáкъ бідолáшне дівчá побивáлось,
 Бігло за кохáнкомъ, слїзми обливáлось.
 Не плачь ії рéвний,
 На кригъ побідéнный,
 Багáто наро́ду вь хáту назбігáлось.

»Чита́йте моли́тву!« протóта гукáе:
 »Се жь душá Грицькóва міжъ нáми літае!
 Се жь ії вбивáють
 Катрúсини слéзп,
 Зь мїру не пускають
 Лінути вь рай Бóжий!«

Чúю я те слóво,
 И ніщечкомъ плачу:
 Я Гри́цеву дúшу
 Своїмъ сéрцемъ бáчу.

Ажь тутъ обізвѣтця
 Письмáкъ до грома́ди:
 »Незнáть щó горóдять,
 Незнáть щó провáдять!

»Де ти вь кáта дúші
 Літають по хáті?
 То вігáдки бáбські,
 Щобъ дїтéй лякáти.

»Дівчá божевільне
Химéри гавяе,
А тёмна темнóта
Роті роззявляє!«

—»Ні, пісьмаку!« обізвўся:

»Вона́ сёрцемъ чўе,
А темнóта чўдо бáчить,
Хочь не розумўе.

»Ти великі рéчі знáєшъ,
Незнáні для люду;
А, не мáвши ёго́ сёрця,
Не побáчишъ чўда.

»Ти у нéбо прозираешъ
И въ зéмлю глѣбóко;
А безъ сёрця въ чужé сёрце
Не заглянешъ óкомъ.«

Л ó м у с ь.

САМЪ СОБІ.

Заспівáю, спогадаю
Літá молодіі,
А въ тихъ літяхъ, Бóжимъ раю,
Надіі святіі.

Заспівáю, спогадаю
Вірную дружіну,
Обілю піміи слізи
Пімў домовіну.

Заспівáю — хай дрімáє
 Сёрце одипóке,
 А ти, дúмо, злинь-розлийся
 Висóко-ширóко.

Есть у світі прáвда чїста,
 И добрó, п вóля, —
 Иззивáй їхъ, мо́я дúмо,
 На ріднее пóле.

Степí моі шпрóкві,
 Цілно́ одвічнiя!
 Хто зьóре васъ та засіє —
 Сла́ва томú вічнiя!

Лані моі неóрані,
 Дáвні перелóги!
 Дóки по васъ блукáтимуть
 Браті моі вбóгі?

Воні óрють васъ очáми,
 Скорóдятъ бровáми,
 Сіють тúгу, поливáють
 Дрібними слéзáми.

Ой зроді жъ, вслі́ка тúго,
 Ярюю пшені́цю,
 Збагаті насúшнимъ хлїбомъ
 Убóгу Вдові́цю!

II. Кулішъ.

Седьмой куплетъ этого стихотворенія построень на слѣдующихъ стихахъ народнои пѣсни:

Онъ гóре гóре, нещаслива дóля!
 Вїорала Марúсенька мїслопъкамъ пóле,
 Чóриими очі́ма та й заволочїла,
 Дрібненькими слїзопъкамъ все пóле змочїла.

ЛЮЛІ-ЛЮЛІ.

Хожу-блужу по городу
Великому, великому.
Одкривъ би я своё сердце,
Та нікому, та нікому.

Цвіте вонó, якъ Бóжій рай,
Пóтай міру, пóтай міру;
Ні люблюцамъ, ні милоцамъ
Не име віри, не име віри.

Ой сёрденько закритее,
Тіхий ráю, тіхий ráю!
Ніхто тебе не нівечить,
Бо не знае, бо не знае.

Цвіті жъ собі, живі собі
Самотою, самотою;
Втішай себе солóдкою
Дрімóтою, дрімóтою.

А щобъ тебе лихі люде
Не вжахну́ли, не вжахну́ли,
Засні, сёрце, довічнимъ сномъ...
Люлі-люлі, люлі-люлі!

П. Кулішъ.

СТАРЕЦЬ.

ДУМА.

Присвячена Надéжді Олексáндровні Б.

Śpiewak, niestety! śpiewać nie mam komu.
Mickiewicz.

Бринь банду́ра, та й замóвкне...
Чомъ же не заіграе?

Стоїть старець підъ віконцемъ, —
Чомъ же не співає?

Ой ходівъ би я по сéлахъ
Одъ хати до хати,
Ой співавъ би на весь гóлосъ, —
Нікому співати!

Якъ промовлю *Христа-ради*
(Великеє слово!),—
Скїба хліба въ хліборóба
Стáрцеві готóва.

Якъ спогляне дóбре óко
На гóлову сїву,
Закликають люде старця
У хату щасливу.

»Сїдай, дїду, старче Бóжий!
Підкрїпїсь варєнимъ,
Вїпий чáрку, згадай нашихъ
Рóдичівъ помєрлихъ.«

Я сїдаю, підкрїпляюсь
На життїя злидєнне...
Ой я старець, — не старече
Въ грудяхъ сєрце въ мєне.

Помнїаю усіхъ мєртвихъ,
А по живїихъ плачу,
Що нікого я живóго
Середъ нихъ не бачу.

Нї сь кїмъ сїсти потужїти
Въ полі на могїлі;
Нї сь кїмъ піснею збудїти
Лїта молодїї.

Молодѣсте-одрадѣсте,
 Вѣленько безъ краю! (1)
 Кому про васъ на старѣчій
 Бандурі зайграю?

Чіє сѣрце стрепенѣтця
 Одъ слѣва живѣго,
 Що співавъ я, вищувавъ я
 Віку молодѣго?

Ой співавъ я, вищувавъ я:
 »За малу годіну
 Оживіть живѣе слѣво
 Рідну Україну,

»И праправнуки згадають
 Прапращурівъ діло,
 И промовить до нихъ въ полі
 Усяка могїла!»

Ой співавъ я: »Буде жити
 Наше слѣво, буде!
 Чи живѣ жъ вонѣ у тѣбе,
 Безталанний люде?

Не по сѣлахъ прохожаю,
 А по кладовищахъ:
 Спочиває наше слѣво
 Въ німіхъ гробовищахъ.

Поховали ми зъ дідами,
 Слово, нашу сілу;

(1) Пѣзъ народной пѣсни:

Та літає орѣль, та літає сизий
 По висѣкій висѣкѣсті:
 Охъ и плаче козакъ, та плаче старѣнький,
 А по своїй молодѣсті:
 »Охъ и молодѣсте-одрадѣсте,
 На сѣрденку свої вѣля!....«

Гүсто, гүсто засадили
Рүтою могилу.

Зеленіе, мовъ барвінокъ,
На могилі рүта:
Що були ми, якъ жили ми,
Якъ гибли — забүто!

Ой замóвкни, моя кóбзо:
Нікому співа́ти!
Промовляю *Христа-ради*
Одъ хати до хати.

Густий мóрокъ скрізь по хатахъ,
Густийший въ будівкахъ,
Що нема душі живої
Въ сестрахъ-Українкахъ;

Що повіклимъ, вялимъ сэрцемъ
Німóту кохають;
Покохавши, паненятокъ,
Німчиківъ рожають.

Ой німүють по Вкраїні
Висóкі палати;
Густий мóрокъ окриває
Пахарсььні хати.

Брянъ банду́ра, та й замóвкне...
Мовъ пекельна сила
На живіі мої струни
Рүку наложи́ла.

Наложі́ла вона рүку
На гарячу дүшу...
Ой співа́въ би, віщувавъ би,
Та мовча́ти мүшу.

П. Кулішъ.

ДУНАЙСЬКА ДУМА.

ПЕРВА ПОЛОВИНА.

(1648—1634.)

Тіхо Дунаї, тіхо
Несé чісту воду; ¹
Задивілися дуброви
На свою урду.

Тіхо Дунаї, тіхо
Жівті піски мие.
Погляну я по берегахъ —
Моé сэрце ние:

Де, Дунаю батьку,
Твої рідні діти,
Що розійшлись-ростеклися
По Божому світі.

Одні на Вкраїні,
Другі въ Московщині;
Споминають тебе, батьку,
При лихій годіні.

»Нехай споминають
И въ пісняхъ співають,
И до мене доріженьку
Въ знегідді верстають.»

Верну́лись до тебе
Зъ України діти:
»Всюди, батьку, однакова
Недоля на світі.

»Будемо, Дунáю,
Твою вóду пíti,
А по тóбі, Україно,
Сéрденькомъ тужíti.

»Будемо, Дунáю,
Твоé жíто жáти,
А про тебе, безталáнна,
У пiснiяхъ спiвáти.»

I.

Була колiсь, ка́жуть,
Щаслива годiна:
Якъ садъ рясний, процвiтала
Уся Україна.

Ой хто жъ тiї люде
Спасеннi бувáли,
Що въ красу яснó, веселу
Ii прибирáли?

Булi тó панóве
Великого рóду —
Каштелiяни та княжáта,
Дуки, воевóди.

Вонi узгрянiччя
Людомъ осадiли,
Одъ Татарви безбóжноi
Землю захистiли.

Порядокъ давáли
Городáмъ п сéламъ..
Процвiтала Україна,
Багáта, весела.

Поглянуть панове
 Одъ краю до краю —
 Золоті лані флюють
 Та дуброви мають.

Поглянуть панове
 Зъ ясно́го будінку —
 Слуги въ ба́рвахъ позлотістихъ
 Гуляють по ринку.

Не макі, не рожки
 Въ саду процвітають:
 Тó паніі та панянки
 Шовка́ми сияють.

Хвалятця панове
 Кіньми дорогіми,
 Исповняють срібні кубки
 Винами снтіми.

Гукують гармати
 Підъ панські вивати;
 Одъ гучніхъ мазурокъ ходять
 Ходоромъ пала́ти.

»Дивітєсь«, мовляють,
 »Молодіі люде:
 Ходіть нашимъ панськимъ робомъ,
 То все гараздъ буде.

»Дивітєсь«, мовляють,
 »Ш ви, малі діти:
 Оце добра вамъ наука,
 Якъ у світі жити:

»Въ полі серцемъ жва́впмъ
 До бою ставайте;

Дома меді, вина пійте,
Та й не пропивайте.

»Не жалуйте, діти,
Трунку дорогого,
Изъ двора не выпускайте
Тверезимъ нікого.

»Нехай браття шляхта
Вашу людськість знають, ²
Нехай вашу панську гойність ³
Всюди прославляють.

»Немає на світі
Кращого клейноду, ⁴
Якъ панськеє славне імя
Великого роду.

»Немає для серця
Більшої утіхи,
Якъ пишатись славнимъ родомъ
Во віки п віки!«

II.

Хто жъ то тії люде,
Що понурі ходять,
На високні будівки
И очей не зводять?

Хто жъ то тії люде,
Що зъ дому втікають,
Та кращої собі доли
По степахъ шукать?

Що жъ то за бурлаки
Зъ довгими чубами,

Що всю шляхту, усіхъ дуківъ
Зовуть ворогами? ⁵

»То голота п'яна,
Мужичві діти,
Що не хочуть у вельможнихъ
Ласки запобігти.

»То сірома темна,
Вінники, дейнеки; ⁶
Пропієтившись утікають
У степі далекі.

»То злодійство хіже
Криетця відъ кáри.
Зáвше повні того хлѣпства
Вінниці й бровáри.« ⁷

III.

Обізвѣтця хлѣпство
Поза городáми: ⁸
»Ой чи довго буде шляхта
Гордувати нами!«

Обізвѣтця хлѣпство
Дікими степáми:
»Ой чи довго владітиме
Нáшими лавáми!«

Обізвѣтця хлѣпство
Зъ Великого Лугу:
»Ой вернімось, козáченьки,
Шляхті на послугу!«

IV.

Верта́лось бурла́цтво
 Шля́хті догожа́ти,
 Пішнимъ за́мкамъ та буди́нкамъ
 Краси́ додава́ти:

»Блиску́чі буди́нки,
 Стіни малёва́ні!
 Якъ ви га́рно сия́ете,
 Окрі́вшивсь дві́мами!

»Ой ви́ходте въ по́ле,
 Вельмо́жне жо́лнірство!
 Бúде вамъ вели́ка дя́ка
 За все доброді́йство:

»Що ви Украї́ну
 Га́рно захисти́ли, ⁹
 И коза́цтва въ Чо́рне море
 Гуля́ть не пусти́ли; ¹⁰

Що ви Украї́ну
 Якъ садъ и́скраси́ли,
 И слёза́ми підда́нськимъ
 Всі тра́ви зроси́ли;

Що на́ша Вкраї́на
 Ста́ла шля́хті ра́емъ, ¹¹
 А ми, її́ рідні ді́ти,
 По степа́хъ блука́емъ.»

V.

Вибі́гала шля́хта
 Зъ блиску́чихъ буди́нківъ,

Мави́цями утікала
Въ Польщу безъ патінківъ.

Обли́валась шляхта
Дрібни́ми слеза́ми:
»Добра́ наші, села́ наші!
Що-то́ буде́ зъ ва́ми? ¹²

»Прэ́дки наші́ сла́вні
Короля́мъ служи́ли,
И пусти́ні Украі́нські
Людо́мъ осаді́ли. ¹³

»Прэ́дки наші́ сла́вні
Борони́ли волю́,
И при́дбали́ бра́тнямъ шля́хті
Щасли́вую до́лю.

»Прэ́дки наші́ сла́вні
Въ skleпáхъ спочивáли,
А тепе́рь їхъ гайдама́ки
Съ трунъ повиве́ртали!

П. Кулішъ.

Печатаніе другой половины откладывается на неопредѣленное время.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУНАЙСКОЙ ДУМѢ.

1.—Стр. 26, ст. 2.

*Тѣло Дунай, тѣло
Несе чѣсту вѣду;*

Вода въ Дунаѣ очень мутна и становится, говорятъ, чище только осенью. Авторъ, дѣлая невѣрность, былъ ободренъ народною музою, которая подсказала ему эти стихи. Она воспѣваетъ тихое теченіе Дуная, тогда какъ онъ отличается своею быстротою и мѣстами имѣетъ опасные водовороты. Народная пѣсня начинается такъ:

Тихо, тихо, Дунай воду несе.

Есть прекрасная по складу пѣсня, въ которой говорится о мутности Дуная, но эта мутность приписывается причинѣ случайной:

Не журь мене, старá вѣне,
Бо я журбу и самъ знаю:
До Дунаю привѣждаю,
Съ кониченька не вставію,
Въ піху щаблю не ховію,
Все зъ Дунаемъ розмовію:
Чомъ ти, Дунаї, ставъ такъ смутенъ,
Ставъ такъ смутенъ, каломутенъ?
Що, Дунаю, тебе збѣдо:
Чи галочки чорнокрилї,
Чи кѣники вороши,
Чи козакї молодїї?
Ой чомъ конї гетьманські
Не пьють водї Дунаїської?
Ой не пьють, не спочивають,
Все на той бїкъ поглядають,
Де козакї кїньми грають,
Шабельками повертають.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ мутенъ Дунай въ натурѣ и въ этихъ безцѣнныхъ стихахъ народной пѣсни, онъ представляется совершенно чистымъ въ тихую погоду, когда въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются его прекрасныя роши. Поэтому два слѣдующіе стиха:

*Задивилися дуброви
На свою урѣду —*

могутъ служить оправданіемъ стиху предъидущему.

2.—Стр. 29, ст. 7 п 8.

*Нехай брѣття шляхта
Нашу людскїсть знають,*

Людскость (ludzkość), т. е. обходительность съ людьми, радшіе въ гостепрїимствѣ, играла важную роль въ быту польско-украинскихъ пановъ, но любезность ихъ простиралась только на сословіе благородныхъ.

3.—Стр. 29, ст. 9.

Негай вашу панську гідність.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ авторъ считаетъ до-
стоиннымъ вводить слова польскія въ стихи, которые онъ вкладываетъ въ
уста шляхтъ. Хоть у него изображается собственно шляхта украинская, но
она, бесѣдуя даже на своемъ родномъ языкѣ (который вообще презирала,
яко языкъ хлѣбскій), употребляетъ слова своихъ руководителей въ аристокра-
тизмѣ—пановъ польскихъ. *Гойность* значитъ собственно — щедрость.

4.—Стр. 29, ст. 12.

Крайцюго клейноду,

Клейноды — драгоценность, знакъ фамильнаго отличія въ гербѣ, знакъ
власти, какъ-напримѣръ: булава, бунчукъ, печать.

5.—Стр. 30, ст. 2.

*Що всю шляхту, усіхъ дукіахъ
Зовуть ворадами?*

Сохранился съ наѣвомъ, въ видѣ стона, слѣдующій отрывочекъ какой-то
позабитой пѣсни, напечатанный въ *Южнорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ* Мет-
линскаго:

Та все пані, та все дѹки...
Позаїдали наші лані, лугі й лѹки.

6.—Стр. 30, ст. 8.

Війники, дейнеки;

Дейнеками назывались бездомные козаки, народъ бѣдовый, отчаянный. По
лѣтописи, всего больше они дѣйствовали, въ качествѣ партизановъ, во вре-
мена Выговщины. Слово *дейнека* ошибочно объясняютъ словомъ *денякі* (сло-
вомъ несуществующимъ въ устахъ народа: есть слово *дѣякі*). Одна пѣсня на-
чинается такъ:

Ти, козаче Запорозький, дейнеко,
Не заводь дівчини відь матусі далеко.
Дівчина въ матусі — якъ утѣ надъ водою,
А заведешъ її — вона буде сиротою.

Скитальческій бытъ дейнеки выражается и въ слѣдующей пѣснѣ:

Горе мені на чужині,
Що не вкупі браті мої:
Одинъ въ Січі отаманомъ,
Другий въ степу ватажкою,
Третій діино-дейнеченко.
Понадъ Дністріомъ діино ходить,
Десятеро копей водить,
На десятімъ поїзжає,
Дністра братомъ називає:
»Дністре брате, побратаймось,

Скажи річку Савранськую
 II прикмету козацькую.«
 — »Вгору, дішио-дейнеченько!
 Тамъ річенька Савранська
 II прикмета козацькая.«

7.—Стр. 30, ст. 14.

*Завше новні того хлѣпства
 Вішниці й бровари.*

Завше—всегда. Должно-быть, въ старину чернорабочіе наемники при винокурняхъ и пивоварняхъ, а также при зажиточныхъ домахъ состояли изъ бездомныхъ бурлакъ, которыхъ легко было склонить на всякое отчаянное предприятие. Въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковникъ Филоненко вызываетъ ихъ на военные подвиги такимъ образомъ:

Ви, грубники, ви, лазники,
 Ви, броварики, ви, вишники!
 Годі вамъ по вишницяхъ горілокъ куріти,
 По броварняхъ нивъ варіти,
 По лазняхъ лазень топіти,
 По грубахъ, по печачь спати,
 Товстимъ відомъ мухъ годувати,
 Спійною сажі витирати:

Ходіте зъ нами на долину Черкень погуляти!

Не надо забывать также, что, въ известные моменты Украинской исторіи, вишниками, броварниками, будниками, грубниками, лазниками бывали Украинцы и по-невожь. Это обстоятельство возбуждало въ нихъ особенную готовность искать счастья въ войнѣ, противъ кого бы ни была она. Въ *Литовиси Самовидца*, въ исчисленіи причинъ войны Хмельницкаго, говорится, между прочимъ, о козакахъ: «...тогда бо оныхъ, не хотячихъ, чего не зыкли были панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожація копей старостовъ держали, въ дворахъ грубу, т. е. печи, палити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли.»

8.—Стр. 30, ст. 16.

Попа городѣми:

Населенная часть Украины называлась *Городами*, или собственно *Украиной*. Открытыя степи, доступныя только людямъ кочующимъ и вооруженнымъ, назывались *Полями* или *Дикимъ Полемъ*, а не то—*Степами*. Последнее названіе сохранилось до конца украинскаго козачества, т. е. до Уманской трагедіи и раззоренія Запорожской Січи, въ слѣдующей козацкой импровизаціи:

Степѣ-полѣ,
 Степѣ-полѣ,
 Росквінь мой!
 Годі мені по васъ гуляти,
 Ляхівъ, Жидівъ розбивати!

9.—Стр. 31, ст. 14.

*Що ви Україну
Гарно захистіти,*

Какъ бы ни была велика оказанная намъ услуга, она можетъ быть уничтожена злоупотребленіями эгоизма. Притомъ же пань украинно-польскіе, приводя Украину въ возможно-цвѣтущее состояніе, заботились вовсе не о благоденствіи наибольшей массы ея обитателей. А старанія ихъ о ея безопасности были велики. Это, между прочимъ, видно изъ современныхъ брошюръ. Въ одной изъ нихъ (*Polska Nizna albo Osada Polska etc. przez X. Piotra Grabowskiego, 1596*) говорится, между прочимъ: Tatarowie ludzie Pogańscy, barbari niepotężni, do boiu goli, tak często a gęsto krajny nasze pustoszą—krajny nasze pograniczne, obfitością ziemie obiecanej podobne, w pustynią bydlęcą obracają—Robotnikow naszych, ktorzy na nasz chleb robią, tych ledwo nie każdy rok po kilkudziesiąt tysięcy wymuią. A co nazalotniejsza, często się trafia, iż nierówno mniejsza liczba Pohancow, więtszą liczbę dusz Chrzescianskich braciey naszej, smototnie w niewolą wieczną zabierają — — Moskwa, acz barbari, illiberi, bez animuszu, bez serca ślacheckiego, a ci jednak o Tatory swoje, co im szkodniejszy byli postarali się — — y teraz tuszą sobie, ze nic nie mieszkając y Perekopskich dziesięcinnikow naszych, co v nas dziesięcinę wybierają, opranią, y już kilka zamkow nad nimi posadowili — — Заботясь о заведеніи на Украинѣ вооруженныхъ шляхетскихъ поселеній, этотъ добродушный политикъ XVI вѣка говоритъ: Мым зданіем lepszy będzie brat moy Rycerz cwiczony, który mi w potrzebie na nieprzyaciela mego vprzeymie pomoze, na tym chlebie ktorymb ia miał cudzodziemcom dać, za dzieciune abo raczej niewiesciusze ich chwasty, aniż przednieysze Tureckie y Włoskie iedwabie, niż Wina Medyolańskie, niż sobole y marmurki Moskiewskie, niż aromata Indiyские, y inne takie chwasty rycerstwu nieprzystoynne a zgoła szkodliwe.

Сообщаю еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ, въ который начались польско-украинскія войны.

....Część ich (панскихъ доходовъ) Turczynowi na kobierce, safiаны, iedwabie, ec. Część Niemcom, Włochom też na iedwabie, sukna, płotna drogie, na wina y aromata rozmaite ec. Część Moskwie na futra, a ieszcze często tak niebacznie y szalenie, iż na wagę polożywszy futro z zlotem, które za nie dają, dziesięćkroć, a pod czas złoto więcey będzie ważyło, niż futro. — — v нас już to w obyczay weszło, że skoro kto majątnostki iakiey nabędzie, już musi rad nie rad kosztu wieść, a ieżeli cudzodziemcom pieniędzmi nie ściele, za grubiana, niepolita y nie dworzanina go mają, a nawet y wysміяją go.

Продавая пльвиниковъ, набранныхъ въ Украинѣ, Татары за pospolitego robotnika czterdzieści, pięćdziesiąt czerwonych złotych biorą, a за osobliwego iakiego vdatnego młodzienca y sto czerwonych złotych.

— — Tym się y Kozacka dzika družyna, do sprawy, porządku y posłuszenstwa przywiedzie; y zabieży się tym trwogam y niebezpiecznościami, które z kozackiego swowolenstwa на PP. przychodzą, y inszym ieszcze więtszym, które z tegoż swowolenstwa z czasem вроść mogą, abowiem wiele ich, co by się do kozakow vdać mieli, nawet y ci sami co w kozackiey družynie będą, do rycerstwa się tego vdadzą, gdzie sławą swą y dusznym zbawieniem swym y z pewnym opatrzeniem swym, z małżonkami y dziećkami swymi wcześwie przed Panem Bogiem y ludźmi żyć będą mogli, daleko przystoyniey niż v ko-

zakow, zaczym kozakom družyny y mocy nie będzie dostawało, ze się ni ocz kusić nie będą mogli, y owszem sami kozacy w to się Rycerstwo zasne, sprawna, y W. K. M. posłuszne przeformuią.

Это замѣчательная черта старопольской исторіи, что козаками дѣлались не мужики собственно и не Украинцы собственно. Аристократизмъ польскихъ пановъ, возвышенный почти до олигархическаго монархизма (если такъ можно выразиться) и освящаемый учениемъ тогдашней Церкви, породилъ въ самомъ вѣдрѣ польскаго государственнаго общества множество реакціонеровъ, которые, увлекаясь, какъ вообще бываетъ въ исторіи, собственными интересами, вмѣстѣ съ тѣмъ готовили неизбежное разрушеніе стараго порядка вещей. Приведу изъ рукописей С.-Петербургской публичной бібліотеки интересную выписку о томъ, что *козачество*, подъ инымъ названіемъ, являлось иногда, независимо отъ украинскихъ волненій, вовсе не въ украинской части Польскаго государства. Въ рукописи М. Ф. отд. IV, № 99-й, подъ заглавіемъ: Stanisława Lubinskiego Listy królewskie do roznych, 1600, на листкахъ 42—48, читаемъ слѣдующее: «...wiele a pewnie większa szęść ukrzywdzonych! odchodzi od nayprzednieyszego tego Seimowi powagi sprawiedliwosci thróna bez sprawiedliwosci. Trzeba na to nowego sposobu (это — Instructia na seim walny koronny) — aby domowy rząd y pokoy pospolity władza zwierzchnosci swej w iednakiei się trzymala klubie, ale przemaga prywatna swawola, bo się to iusz zagęscilo, ze prawo pospolite zniewazaiąc kazdy gwałtem swego dochodzi, prywatni osoby Woysko zebrać, ludzi cudzoziemskich nawiesć, chorągwie roścagnąć, bitwe ieden z drugim wstępnyм боіем zwiesć, Państwa postronne naiachac, pokoi zerwac, a mimo to wszystko, choc Pan napomina zakaznie, zwierzchnosc zniewazyc, nic to y nas. — V nas, zal się Boze, do teg przyszło, ze kto ieno tylko moze, do gwałtu się wcieka, gromada, zwody, Woyska sądy obsadzaią, naiacha ieden drugiego, iuz to rzecz zwyczajna, własnie iakoby zwierzchnosci, iakoby Pana, iakoby prawa w Polsce nie było. Zguba to kptej, iawnny wpadek wolności, którą takowa Anarchia wyniszczca. Nie dawnosc to w Polsce nastalo, ale прѣтко, strzez Boze, wzruszeniem wнѣтрznego pokoju, wciiskiem ludzi w bogich, contemptem prawa, zniewazaniem wządow wyrosć y zgubic moze, iesli się wczas temu nie zabiezy. Trzeba na to ostrzego prawa, bo dawne iuz tak stępiaily, ze się ich ten telko боі, kto nie ma mocy, a komuz trudno, gdy się odwazy, a zwłosca при так rospuszczony y smiaily swei wolei? Patrzalismy w tym roku na Woyska, od prywatnych zbrane, doznalo Xięstwo Mazowieckie y Prussy, a pewnie samo W. K. Litewskie niezmiernych od nich ciężarow, łupstwa, gwałtow y mordow. — Nowe czasy, nowe obyczaje praw nowych potrzebuia. — I tec są choroby nasze, to nas, z nas samych pochodząc, gubi. — Давѣ (на оборотѣ 58 листа, въ Unwersalie przeciw swowolnikom, 1615, kwietnia 28, изъ Варшавы) король пишегь: — w tych dniach kupa znaczna ludzi z przeszley Confederaciej mimo obowiazek (po wzięciu dostateczney zapłaty) na się dany swowolskie chorągwie roku przeszłego podniesli, szkody wielkie w Koronie y W. K. Lit. a mordy, pozogi, łupiestwa w Księstwie Pruskim poczynieli, znowu teraz w takoweyze na łupy y mordy odwazny gromadzie do Korony weszli, aby się na wszelaką potęgę, z miejsca do miejsca się pomykaiąc, sposobiwszy swemu złemu przedsięwzięciu, z którym na zgubę oyczyny odwazyli się, dosyc uczynili. Въ заключеніе, король просить воеводу кievскаго и гетмана короинскаго гасить этотъ огонь, въ такихъ же выраженіяхъ, какія потомъ употреблялись въ воззваніяхъ

противъ Хмельницкаго. Кто читалъ *Pamiętniki Paska*, достойные прилежнаго илчуженія, тотъ вспомнить выраженіе одного пана о безпорядкахъ, происходившихъ передъ глазами гетмана и подскарбія литовскаго, Гонсьвскаго, въ 1662 году: *tu u nas sprawa kozacka*. (*Pam. Paska*, изд. 1850, стр. 162). Поразительнъ отвѣтъ Крымскаго хана на просьбу пановъ принять участіе въ ихъ межлоубоубной войнѣ (1663): *...oznajmil (ханаъ), że tego nie uczyni, obiecując to nagrodzić na inną usługę, ale nie na tę wojnę, gdzie brat na brata szablę dobywa*. (Тамъ же, 173).

10.—Стр. 31, ст. 16.

*И козацтво въ Чорне морѣ
Гулять не пустити.*

Въ наше время почти всѣ соглашаются, что относительно козацкихъ набѣговъ на Татаръ и Турокъ Польское правительство поступало благородно. Событія, однакожь, противорѣчатъ этому мнѣнію, и въ XVII вѣкѣ были между Поляками люди, стоявшіе за козаковъ. Въ одной изъ рукописей С.-Петербургской публичной библиотеки (Л: F, отд. XVII, № 33, стр. 107—112) авторъ нашелъ слѣдующій интересный документъ.

Sententia o uspokoieniu Wojska Zaporoskiego jednego slachcica Polskiego.

Wiadoma jest rzecz kazdemu, że crescentibus w Ukrainie coloniis crescit Wojsko Zaporoskie, które przy Czerkasach tylko koczowało, a więcey nie bywalo go, tylko два тысяца; стąd у Москве, która po dzis dzien Kozakow Czyrkasami zowie, naiezdzali, y w polu chodząc z Tatarami wstawicznie vga-niali się, z Dniepru na Czarne Morze wodą wpadali, tandem longe... (*) zasiedli włości, z których coraz większe pomnozenie Kozacy wziali, jako tedy, nonnisi sublatā causa tollitur effectus, tak ktoby chciał extropare Kozakow, musiałby reuocare ad sua principia, to iest z włości tamecznych vezynic pustynią, dla kółstwa ac pszenice et propter spina scindere rosas, zniowszy ztamtąd swoje włości, musiała by Rzeczposp. cierpiec koczowiska Tatarskie na tych mieyscacli. Dla tego y dla wojny Tureckiey, na którą y wodą y ładem są potrzebne Kozacy, i nie resolwowała się Rzeczposp. y resolwować się nie moze na takowe extrema, srodkow zas y sposobow roznych kosztowała na zatrzymanie ich w lepszym porządku, ale im ostrzezy z nimi postępowano, tym fortius oni z tego wyłamywali się. Ztąd tak często ponosi niewczasy Rzeczposp. y częste a krwawe z nimi odprawować musi wojny. Jakoby tedy consulere temu y ieszcze skuteczniejszych poszukac sposobow w tak ciężkim terazniejszym Oyczyzny razie, co rozum y experientia optimi consiliary suadent nobis, tegobym ja ieszcze sprobować zczył. Nie vleczy nikt choroby, póko iey non penetrat causam et radicem, tot sentiendum. W tej sprawie, chcąc szkodliwe skutki zniesc rozruchow Kozackich, potrzeba indagare, cognoscere et tollere causas, które byto miały byc causae causantes paroxysmy na Rzeczposp. insolentną Kozacką. Ja czterzy bydz znajdnie: pierwsza—zabranie pola y morza; druga—urzędow Ukrainnych z nimi zwada; trzecia około podawania y starszizney confusio; czwarta—pura malitia. Quod primum, Ko-

(*) Списано мною съ весьма нечеткаго почерка, и нѣкоторыя слова остались непрочитанными, или подъ сомнѣніемъ.

zacy szablą zyc nauczyli się, pola y morza pilnując, iakoby tedy alienam kazano im imbucere naturam, gdy im kazano poniechac tego. Cierpieli poki mogli, ciagnela przecie zawsze natura iako wilka do lasa, y tak dlugo ten wrzod zbieral się, az się spukł. Quibus causis constituetur Civitas, iisdem retinetur. Aze nie ta byla Constitutio Woyska Zaporoskiego. (żeby) zyc bez pola y morza, dla tego tesz w tym porządku zatrzymac się nie mogli tak dlugo y nie mogą, przenieslismy niewczas Turkow y Tatarow na nas samych y oyczyznę naszą. Zabronilismy lasu, zdobyczy—szukają iey v nasz; do nasz tesz Orde na pomoc biorą sobie, z którą przedtym w polu o grunty Rzeczyposp. zawsze się vgniali. A do tego otia dant vitia: żołnierz patriae suae, gdy mu służby nie stanic, albo iey w cudzey ziemi szuka, albo seditiosus doma bywa, czego tot exempla mamy Czesarczykow, Lisowczykow et id. genus. Ta tedy iest prima causa et praesentis calamitatis Rzeczyposp. y zawsze tumultus kozackich dawnych zabaw y zdobyczy zabronienie cum otio vitioso złączona: sequitur conclusio: albo tollere causas, albo causas pati. Quod secundam causam, ita est demonstrativa et palpabilis, ze przedtym bywały z occasiey contentionis Vkrainnych Podstaroscich Woyny y terazniejsza, y zładze origo Kumeyskiey Woyny y potym na Starcu skonczoney. A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi od jednego Vkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwi slacheckiey wylewało się y magna pars Vkrainy znisziona, y inszey woyny taka przyczyna, me tacente liquet. Jakosz temu zabiezec probowala Rzeczyposp. roznych sposobow, dawala y Pulkownikow slachite, formowala skuteczne spawiedliwosci między Kozakami a Vrzędami Vkrainnymi, nic to nie pomogło; vis tollere effectum, extingue causam, iakosz to rozumiec tak: albo Kozakow przeniesc, albo z nich vrzędnikow wyniesc; i aze Kozakow przeniesc od Dniepru, szlakow y od Zaporozia—y niepodobna, y non expedit Rzeczyposp. to sequitur, ze owych od nich (seruatos seruam) potrzeba wyniesc y tak się sprawic, iako z powietrzem. Maią li po włosciach..... swoim zapowietrzac Kozacy totam plebem, maią li zwady czynic Podstarosciowe Rzeczyposp. wszystkiey z Kozakami, satis est odwazywszy particulam dobr Rzeczyposp. tanqm peste infectos, zawrzec w niey y z nimi wyprowadzic zwad wszystkich occasie y ich extropare radicem. Prohibunt... ex imaginatione et apprehensione futuri.... periculi contrarie omnes huic remedia. Lecz futuris periculis, iesliby iakie miały emanere, futurum tempus prouidet consilia; nos praesens curamus malum, ktorego zbyc nie możemy gruntownie, tylko sublata causa. Quod tertiam causam, ta zwykła bywac z zamieszania się między sobą Kozakow, gdy im kommissarze KJM. podawali Hetmanow, a im się nie podobal Hetman, a wnet albo zabiją, albo topią. O co się potym bierze Rzeczyposp. y zład woyny bywają, gdy tedy z podawania tego Starszego Hetmana korzysci niemasz Rzeczyposp. tylko zwada. Y tę causam ampulare: niech sobie y obierają, y zabijają; nie wdawac się w to, ktorego obiorą sobie..... tego im stwierdzac. Mogą się kiedy między sobą zamieszac około tego sami y dac occasiā, ad melius esse, ze lepiej ich rozwadzac o to będzie, nizeli się wadzic. Quod quartam causam, ze pod czas bez wszelkiey occasiey tumultują się ex pura malitia, iako był Nalewayko, a także Kosinski y Podkowa. Ta iuz excluditur bo taki to tu moze powstac, iako y powstali z iakiego kolwiek kraiu, a nie z woyska Zaporoskiego, ale tesz takiego, iako odkrytego rozboynika, iuris nullum praetextum habentem, y postzedz łatwiey y segregare et in herba reprimere, a do tego trzy occasie zniowszy tumultow y seditiey Kozackich, tak

wyprozniwszy ab omni infectione corpus na to iedno accedans łatwiey miec ono, iako te wszystkie occasie mają swoje praetexty, tak pura malitia y rzadko się przydac y sama siebie zawstydzyc y długo trwac nie moze y zgoła sama-by siebie arguere musiała. To tak deducowawszy, że gdy Kozacy nie będą otiosae, nie będą tesz vitiosae, y gxy będą zdobydz y pozywienie mieli wolne tam, gdzie mieswali, v nasz iey szukac nie będą y gdy będą, w polu zawsze wadzili się z Tatarami, straszna y szkodliwa liga mieysca nie będzie miała, y gdy będą sami in oc tesz tych, z którymi się wadzywali, mieszkali, okaziey do Rzeczyposp. miec nie będą, chyba się sami z sobą wadzic zechcą; a gdy będą sami sobie obierali Starszyzne, choc ich topic i zabiiac będą, my się z nimi o to wadzic nie będziemy. Przychodzi rzecz do takiej conclusii, że iesli non fallit ratio his sublatis, ktore widomie causant seditie y tumulty Kozackie, następnie reolutio spokojnego zatrzymania woyska Zaporoskiego y zawziętey iadowitey hostilitatis vsmierzenia y ligi szkodliwej z ordą restrictia. Ale zostaią esze obiectiones, ktore by mogły ccontra primum remedium formowac się et contra secundum, contra tertium, że wolność kozacza zachodzi z Turczynem pacta. Contra secundum, że zawsze Kozakow samych moze miec w sobie iakie potomne periculum, te to resoluere velim. Naprzod tedy, że pacta z Turczynem zachodzimy: nie pisalibysmy w Commissiey ani w ordynaciey pola y morza facultatem Kozakow, ale tak tylko, że przy dawnych wolnościach zachowuiemy. A skoro Kozakom ipso facto wolno morze z Turczynem zas rzecz taką sama sacra veritas firmat: trzymalismy kozakow w kawecanie cum tanta sanguinis profusione, a to morze twoie czarne wolno było od naiazdow. Zatrzymywalibysmy y do konca, lecz Tatarowie twoi, nie kontentowawszy się tym, że, na kazdy rok łamiąc pacta, Panstwa koronne naiezdzi, złączyszy się y spiknąwszy się zdradziecko z Kozakami, fortece, ktora bronila do morza, przeieli y Hetmanow z woyskiem znieśli y poszedzy in visceras regni, ferro et igne pustoszyli ją. Żądamy, vczyn nam y sobie spawiedliwosc z Tatarow a bydz ostrozny od Kozakow, bo my pacta z tobą trzymamy, ale za poznoszeniem fortet przez spolną rękę Tatarow y Kozakow, zatrzymac Kozakow nie mozemy; albo tedy pokaray orde y tak wez w klube Tatarow, iakoby y my do pierwszego porządku rzeczy przywiesc mogli, albo ci swawolne ac utrinque, byle woyska się nasze nie mieszały; naszych pact niech nie naruszaią, a zas Porta Otomanska niechay od Kozakow miast swoich na morzu broní, a my Tatarow broníc się będziemy. Albo to przyimie Cesarz, albo nie. Jesli przyimie, posadziwszy kwarciane woysko v Braclawia y przyczyniwszy go za to, cosmy Kodak opatrzycac y Tatarom vpominki dawac nieli, Czarny szlak tak potężnie, iak iuz nastąpiela potęga Kozacka, zawarszy, z Kozakami zostanie Rzeczyposp. bezpieczna. Jesli tesz nie przyimie Turecza Porta takiego pactu, przy niey, nie przy nas foedi fragium; a kiedy przydzie nacyęsza, ktokolwiek ma rozum, sentiet że lepiej wojną Turecką, nizeli bellum intestinum pati, z ktorego generatio Poganska nostra corruptio widoma pochodzi. Są tego nulla rationes. Ja tylko dam cztery: na woynę Turecką wszyscy Chrzeszczanie dopomodz mogą; na domową nikt nie pomoze, owszem niektorzy—strzez Boze—do ruiny naszej przyczynic by się chcieli. Wojną Turecką retunditur liga; z Ordą kozacką bello intestino firmatur et nostrum robur firmatur. Ratio woyny Tureckiey—sedes Woloskiey Ziemi, a Oyczyny calosc; intestino bello sama w sobie ruina widoma. Ratio, iesli woiowac lepiej coniuncta manu Christiana z nieprzyacielem Krzyza Świętego, nizeli z samym sobą lepiej cum ari Monar-

cha, nizeli z własnymi chłopi, lepiej in pari ale w Martis o państwa, anizeli z Kozakami o ich siermięgie, a o swoje Państwo; lepiej umrzec in sacro bello z Turkami, nizeli nikczemnie od chłopa. Albo niebo pokoy nam przywrocic chce y prymio Porta Turecka pactum, albo wojne gotuie, którą iesli ma dopuscic Pan Bog, o imie Jesusa Christusa Pana naszego vmierac y niebo sobie zasługowac, anizeli w krowawym domowym potopie nikczemnie ginąc volemy. Co iusz do drugiey obietciy, że to periculosum bydz może dac samym Kozakom particulum fundi, wspominało się wyżej, iz praesens malum gorsze iest nizeli futurum, bo de futuris contingentibus non datur scientia; moze tak bydz, iako sobie imaginuiemy, moze nie bydz; to zas malum, ktore iusz nas praemit de facto, curandum, a do tego cokolwiek rozumiemy bydz co in passo periculi obwarowac commissią y iuramentami ut fidei Reipub. niewchodzenie w conspiratio z postronnymi, nieprzechodzenie cyrkulu zamierzonego, nieprzyimowanie poddanych, niewychodzenie na włosc, stanowienie woyska liczby pewne na kazdą potrzebę Rptej et reliqua. Na ostatek rerum . . . albo iesli to pomiesza, albo w swey klubie zostanie. Jesli się pomiesza, redibit ad Rempublicam totam, awteraznieyszym czasie, ze się Rpte wydzwignąc moze vel hoc beneficio plautibili populi, dosyc z nas będzie iesli tesz ta constitutia będzie durabilis, a Oyczyzna w pokoju. To iest voti nostri caput y o to Pana Boga wszyscy prosimy. Accedant alius . . . ingeniae et propinent Oyczyznie qui salubris et conducibilis; mihi satis est. Ode mnie Oyczyznie . . . co ex magistra rerum widziec mogłem y tak concluduie: Niech Kozacy, iak byli, tak będą, gdzie chodzili, tam chodzą, co czynili, to czynią; niech in uno rotulo zawarci zostaną et ex ead. particula danych sobie włosci płacą sami sobie, a Rptej (sublata occasione wszelkiey zwady) służą; niech z Tatarami wadzą się, nie bratają, a Oyczyzna niech ma z nich y JKMPN Mciwy poddanych y slug, a nie nieprzyaciol.

Ян Рудавскій также полагаєть, что, еслибы не препятствовали козакам воевать съ невѣрными, то не было бы бунтовъ козацкихъ. Jedyna to tajemnica do zatrzymania w przyjazni i posluszenstwie lud ruski do buntu pochopny, a na wszelkie przedsięwzięcia zuchwały. Hist. Polska, I, 9.

11.—Стр. 31, ст. 21 и 22.

*Що наша Україна
Стала шляхти раемъ,*

Zamъчаніе нижепера XVII вѣка, Боплана, что папы въ Украинѣ блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ, повѣстно каждому. Оно подтверждается и другими печатными документами; а то вотъ выписка изъ рукописной записки о Польшѣ итальянца Петра Дуодо (1598 г.), добытой для автора, въ Венеціи, Н. Я. Макаровымъ: Quando alla trattatione dei popoli la nobiltà universalmente è in tanta licentia per la suprema autorità ch'ella ha nell' diete, che non ha ne legge ni ordini che la ritengono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizzati dai nobili che a pena possono dire haver libero l'habito che portano; et sopra gli altri quei della Littuania, i quali benchè raccolgono abundantamente, tuttavia non gliene resta per poter nudrirse et de lore familie, et questi ancora si possono dire ancora felici chi arrivano a poter vivere, in confronto di quelli

chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari. (Relazione di Polonia del clarissimo Pietro Duodo, nel 1598.) (*) Скарга, въ одной изъ сеймовыхъ рѣчей, упрекаетъ паповъ такъ: Dotkną́by i onego zlego prawa, którem kmiecie i wolne ludki Polaki i wierne Chrześciani poddane ubogie niewolnikami czynią, jakoby *mancipia* kupieni abo na wojnie sprawiedliwej poimani byli i czynią z niemi drudzy co chcą na majątności i na zdrowiu i gardle, żadnej im obrony i forum żadnego o krzywdy ich — drugdy nieznośne — nie dając i na nich *supremum Dominium* (na które się samy wzdrygamy) stawiając, etc. etc. (Kazania Sejmowe, str. 95—97).

12.—Стр. 32, ст. 3—6.

Обливалась панство

Дриблими слезами:

«Добра наші, села наші!

Що-то буде з вами?»

Этими стихами авторъ желалъ напомнить читателямъ слѣдующее просто-душно-вѣрное замѣчаніе лѣтописца Грабянки о папахъ украинскихъ, основанное, конечно, на той истинѣ, что, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше: »Въ тихъ часѣхъ Геремѣй Вишневецкій, послышавши зъ Лубень, зъ войскомъ своимъ и зъ всѣмъ дворомъ, заплакавши по маетностяхъ, до Польши рушиль.« (Стр. 31—32). Коронный хорунжій Александръ Конецпольскій писалъ въ своемъ универсалѣ 1648 года, 31 мая: »...когда всѣ мы проливаемъ слезы (*wszystkim nam lachrymis prosequentibus*), потерявъ всякую надежду, — эти вѣроломные... ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ объ убійствахъ, пожарахъ, опустошеніяхъ и истребленіяхъ.« (*Памяти. Кіевск. Колл.*) II, отд. 3-й, стр. 44. Тамъ же, на стр. 31, см. сѣтованія Адама Киселя о потерѣ ста тысячъ злотыхъ годового дохода на лѣвой сторонѣ Днѣпра. У него оставалось еще, по его словамъ, отъ десяти до двадцати тысячъ злотыхъ годового дохода, но онъ, какъ истинный папъ, восклицаетъ: »Мы будемъ нищими, подобно нашей лифляндской братин!«

13. — Стр. 32, ст. 7 и 10.

Прѣдки наші славіи

Королямъ служили,

И пустини Украинскіи

Людомъ осадили..

Честь и слава имъ за это, а всё-таки не слѣдуетъ ломать стульевъ, хоть Александръ Македонскій и великій человекъ. Но, оставляя Гоголя съ его бессмертными насмѣшками, примѣнимыми не къ однимъ Русскимъ, обратимся къ документамъ, которые для автора — а можетъ быть и для его читателей — интереснѣе его стиховъ. Украинскія пустыни отдавались королями во владѣніе панамъ съ условіемъ населить ихъ, жить въ нихъ лично и, въ военное время, защищать ихъ отъ неприятелей. Такъ Владиславъ Ягелло пожаловалъ на По-

(*) Эта выписка сообщена авторомъ Н. И. Костомарову для пораженія когото изъ рыцарей Польской старшны и, вѣроятно, употреблена имъ въ дѣло; но — *repetitio est mater studiorum*.

долги (Украина у насъ вездѣ гдѣ аборигены говорятъ по-украински) Томку изъ Коморникъ село Соколъ. Fia tamen, сказано въ жалованной грамотѣ 1406 года) quod in terra Podoliae, propter defectum hominum, residentiam faciat personalem, et ad singulas expeditiones nobis cum una lancea et duobus sagittariis idem Thomco et ejus successores obsequi tenebuntur et servire, sic etiam cum expeditiones domesticas, utpote circa defentiones terrae cum omnibus hominibus nobis et nostris successoribus venire sint astricti, et dationes, contributiones, laboresque, quibus cunque nominibus vocitentur, quae antecessoribus nostris ducibus, et principibus Podoliae, et possessoribus ipsius solvi solitae fuerant Nobis per kmethones et incolas praedictae villae efficaciter persolvantur. (*Zrządla do Dz. Polsk. wyd. prz. Mich. Grabowskiego i Al. Przędzieckiego*, I, 154.) Что папы обращали въ населенныя мѣста именно *пустыни*, это видно, между прочимъ, изъ грамоты Витольда, жалованный въ 1383 году. Тамъ сказано: . . . ведомо чинимъ — — аже есмо допустили садити село Княжую Лукку на сырому кореню у Подольской земли, у Каменецкомъ повѣтъ, межи реками Морашками, до берега Морашки Сенковской, зъ лѣсомъ, што зовуть Стрыіовъ Рогъ и Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаеть Морашка Сенковская у Мурахву Великую, Василеву Корачевскому, слузѣ нашому. . . (Тамъ же, стр. 144).

В У С И.

Пантелеймону Александровичу Кулішу.

Літь со́рокъ наза́дъ, а мо́же й більшъ, ви́брали мене́ въ за-
сідателі. Замолоду служивъ я въ военній, въ кавалеріі ще, такъ
знаєте, не хотілось міні зробітьця тимъ крюкомъ. Ну, дворянство
стало прохатъ, «послужи,» ка́жуть, «громаді, годі тобі сливи сушіть,
та солить, та наливатъ.» Сміютьця, ба́чите, бо я зъ Опóшні; а
тутъ ще жінка присікалась: «лүчче,» ка́же, «служить, чымъ ба́й-
дики битъ, та зъ Ма́рью Уласовною въ марііша гратъ!» (Була́ у
насъ сусідка така, знаєте, якъ співають: *иду́ собі, підска́кую...*)
Нічого бу́ло робить, — отъ я й згодивсь.

Черезъ неділю дві, прислали міні повістку, що губернаторъ
утвердивъ ви́бори, и щобъ я *неукоснительно, зъ полученія*
сею, прибувъ въ г. Полтаву, для принесенія досто­до­л­ж­но­й
присли. «Віиняла жінка зъ скріпні мій милиціонній козакїнь; щó
порвало́сь — позашивала, та швиденько й вїпроводила, и зъ Ма́р-
єю Уласовною не дала попрощатця; и въ го́лову вона́ собі не
кзала, якé ліхо мене́ тамъ стерегло...

Въ неділю, після служби, присягали, и зъ собору прамісенько
поїхали до на́шого предсідателя *учинить явку.* А предсідателемъ
тоді бувъ той... що прозвали: «велике діло—опеньки:» нехóчу єго́
й згадувать, бо вмеръ,—цуръ єму, щобъ ще й не вилаявъ! При-
їздимó, ввійшли въ передню, на двєряхъ стоїть лакєй въ каптані,
въ німецькихъ гала́нцяхъ, не зъ на́шихъ, — зъ предсідателемъ зъ
Москві приїхавъ.

»А щó,» питаємъ: «чи прийма?»

»Нікаксь нїтьсь,» ка́же: «єго́ превосходїтельство не изво-

ляться приймати, неугодно ли вамъ росписатъся.« И показує палець на книгу, що лежить на столі въ зеленихъ палатуркахъ.

Глянули ми одинъ на другою, здвигнули плечами, та й стоимо якъ вкопані: не знаємо, що и робить. Тоді не було ще у насъ тогб звичаю, що якъ розвозять ту *визіту*, та приде менший до старшого, то не дає билетика, а тільки розписуетця.

»Что жъ, господя,« каже лакей, »роті пороззявляли, извольте записиватъся.«

»На-биса жъ?« питаємъ.

»Такъ угодно,« каже, »его превосходительству.«

Стали совітоватця, що вонб за нечиста мати ся книга; одинъ каже: »се, може, той альбомъ, що на памъять вірші пишуть, та пробіті стрілами серця малюють;« другий каже: »може схотілось председателю побачить, який у когб почеркъ.« А лакей такъ надъ душею й стоить: »пишіть та й пишіть!« Отъ Кирило Онуфріевичъ Пищій-Муха, якъ грамотніший міжъ нами, й каже: »може вінъ дума, що ми й писатъ не вміємо?« — взявъ перб, трбшки подумавъ, та й начеркавъ:

»При сей вѣрной оказіи, спѣшу выразить душевное мое при- скорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишонъ щастя, лично засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и преданность, съ которыми почтеннѣйше честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій...« та й закрутивъ... (Дѣ бъ—то ёму не написатъ: самъ терся по тихъ Петенбурггахъ!).

Дає пірб,—такъ всі одъ нѣго, якъ одъ чорта, жахаютьця. Одинъ другою штовха: »бері ти!« »ні, ти бері!« Далі до мене: »починай,« кажуть: »якъ тобі не вигадать? ти жъ на всю Опбшню брехунъ!« Взявъ я те прокляте пірб, думаю: що бъ мнн написатъ ёму на памъять? Встромлю въ чорнилицю, налагожусь писатъ, п знай стромляю: нічого въ голову не лізе! А тутъ ще кругомъ обступили, дивлятьця, а лакей трбхи въ потилицю не штовха. Примірявсь, примірявсь, а далі й думаю: вінъ дуже ласий до дівчатъ, нехай же посміетця,»—взявъ та й надрочивъ:

»И вѣбра галушкі и сѣгодня галушкі:

»Прийді, прийді, сѣрденько, на біліи подушкі;

»И учбра кулішъ и сѣгодні кулішъ:

»Прийді, прийді, сѣрденько, мою душу потішъ.

Підписався, та ще й закарлюгу загнувъ, якъ хвість у хорті.
Тутъ вже за мною и другі почали, хто написавъ:

»Спробовать пера й чернила,
»Що въ ёму за сила:
»Такъ перо пише,
»Якъ муха дише.«

Хто розмазався тимъ »глубочайшимъ,« а покійникъ Назаръ Семеновичъ Тупу—Тупу—Табунецъ Буланенький, *при сей впрной okazji*, ще й жалобу на свого сусіда написавъ, що ззивъ у ёго »многоплодного« пидіка. Оттакъ записуемось, а диявольский лакей ажъ морду на бікъ гне та регочетця.

»Не скажетеъ вамъ,« каже, »его превосходительство за это писанье спасба!«

»А щожь?« кажу: »якъ вміли, такъ и написали; ёму жъ схотілось нашого писання, — нехай и чтае по суботахъ.«

Післи сёго, роззіхались гарненько по кватірахъ и ні гадки собі. Ажъ у вечері, принієсь до мене палатский сторожь бумагу. »Прочитайте,« каже »и роспишітця.« »Що за вража мати,« думаю, яку моду вігадали! такъ бачите воно й легенько росписуватьця! Прочитавъ, — тільки й написано:

»Его превосходительство, господинъ статский совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, предлагаетъ Г.г. членамъ всенепременно явиться къ нему завтрашняго числа въ десять часовъ пополудни.«

»Се, думаю собі, на закуску пригласа,« — та взявъ и росписався: »буду; хліба й соли не цураюсь.« Хто ёго въ—біса й сподівавсь, яка тамъ хлібь-сіль буде!

На другий день, якъ разъ въ десять часівъ, зібрались ми до председателя. Ходимо по залі; вже й одинадцять прокукало, — ні самъ не виходить, ні закуски неприготовляють, а вже поря бъ и червяка заморить. Оттакъ додержавъ насъ до дванадцятого часу; дааі лізе зъ кабицета, въ мундірі, въ білихъ штапяхъ, щось на шії теліпаєтця, ще й перетинъ на палець настромивъ. Тільки віткнувшись зъ дверей, такъ зіразъ на мене й вітрішивсь, посатанивъ, ажъ зъ віду зблідъ. Тутъ ёму каляняютця; хто бубочить: »честь имью явиться,« а вінъ, ні на кого не глянувши, прамісінько до мене, — якъ крикне:

— »Къ кому вы явились?«

Дивлюсь на ёго, чи не здурівъ, думаю: чого се вінъ такъ гріма? а вінъ въ—друге ще дужче:

— »Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?«

— »Къ вамъ,« кажу.

— »А я кто такой?« пита и самъ чортюмъ на мене дивитця.

— »Хведоръ Івановичъ,« кажу.

— »Не Ѳедоръ Івановичъ, а ваше превосходительство,« зновъ затріщавъ:—господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!« ажъ запінивсь зъ сѣрця.

Тю на твого бѣтка! думаю собі: чи ти сказівся, чи натріскався кукульбану?... а вінъ скільки глѣтки своѣ співа: »къ кому вы явились?«

— »Къ вашему превосходительству,« кажу: нехай, думаю, по твоѣму буде.

— »А какъ вы явились?« зновъ репетуе:—отвѣчайте, милостивый государь мой! Какъ вы явились?«

Що за напастъ така? незнаю, що ёму й казати.

— »Съ достодолжнымъ уваженіемъ,« кажу.

— »Развѣ въ такомъ видѣ, кричѣть,—являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ? Посмотрите вы на себя!«

Оглянувсь я на себе, *все обстоит благополучно*: медалі вѣсятъ, червоний поясъ и шабляка біля бѣку. Далі обернувся до товаришівъ та й питаю:

— Чи не знаєте хочъ ви, чого одъ мене треба ёго превосходительству, господину предсѣдателю, нашему начальнику?«

Якъ розсѣрдитця жъ, такъ Бѣже мій милостивий! підскакуе, якъ зінське щені, и пріска — непаче сукно мѣчить!

— »Вы милостивый государь мой, репетуе,—не имѣете должной атенции къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія, я васъ въ двадцать четыре часа предамъ суду!«

— »Якъ буде за що,« кажу, »то можна й заразъ предати суду... Позвольте, кажу, крутнувши вуса,—и миіи васъ спросить: чого вамъ одъ мене треба? хибѣ, кажу, дворянство на те менѣ вѣбрало, щобъ на мене кричѣли, якъ на лакѣя?!« Та се кажучи, ще й шабелькою ступувъ. Досѣдно жъ, ій—Бѣгу, стало! що за

чортова мати, думаю: приліпъ до мене, якъ шевська смола до чобота. Такъ куді! *нінъ своє, а чортъ своє!*

— Молчать! кричіть: — вы еще осмѣливаетесь разсуждать! Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику!

Підвівъ мене до дѣркала; дивлюсь: козакинъ мій заціпнутий на всі гаплички, медалі висять, и прочее дѣ розірвалося — цозащівано; *все обстроїть благополучно...*

— Что, питя, видите?

«Ничогісінько, — кажу, — не бачу, чого вамъ одъ мене скотілось!

— Какъ — чего! зновъ закричавъ: — на какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ усахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется.

— Зъ сѣго бъ и почали, кажу: — якъ не распространяетця, то й виголюсь. Ничого будѣ й кричять, якъ на живіть: се бъ, кажу, — и губернаторъ и самъ министръ такъ глотки на дравъ!»

— Прошу не разсуждать, — вѣже, — а исполнять, что вамъ приказываютъ; чтобы сего же дня выбрали усы, а це то — я васъ подъ арештъ посажу!

Далі визвіривсь на прѣчихъ и каже: »Я васъ призывалъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вчерашняго числа вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ!»

— Позвольте узнать, ваше превосходительство, — почавъ Пищій-Муха, — въ чемъ заключается неумѣстный нашъ поступокъ, учиненный вчерашняго числа, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

— Какъ — изъ котораго? крѣбнувъ: — а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь: и галушки и куліші, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи, — когда вамъ слѣдовало только записать ваши фамиліи... Это просто бунтъ противъ правительства!.....

— Наши именныя списки, — зновъ почавъ Пищій-Муха (а вінъ вже такий бувъ, що хочъ кому носа втре), доставлены уже вашему превосходительству; слѣдовательно мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ,

а полагали, что ваше превосходительство заинтересовались болѣе на щотъ нашихъ очерковъ и словосочиненія, а потому каждый изъ-среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщился выразить свои чувства и мысли, никакъ не предполагая, чтобы ваше превосходительство...

— Ну, довольно довольно! « (допикъ—такой ёго Пищій—Муха!)—ви, каже,—якъ маятникъ въ часахъ: торкий васъ разъ, то ви дѣсять разъ завиляете. Теперь, господа, « каже, повертаючися на всі стѣ-рони,—извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой—будьте осторожны: я не люблю шутить! А вы, милостивый государь, « каже, глянувши на мене,—чтобы сію минуту обрились! понимаете?

— Якъ не понять, кажу:—у мене е дурень, що сливи стере-же, — такъ и той васъ пойме. «

На се хотівъ бувъ вінъ обізватья, та попирхнувъ, скорішъ въ кабинетъ и зачинивъ: обридло вже й ёму гримать, прискаты и підскакувать. Стали й ми виходити, похваляемъ ту гаспедьску закуску, а секретарь нашъ, Тома Петровичъ, дѣ не взявся, до мене й собі:

— Якъ можна, каже, — въ граждáнській — вуси носити! «

— Та хочъ ви мовчить, кажу: — чортъ батька зна зъ чого та-къ кѹру підняли! Не то вуси, — и борода ділу не поміха! «

— А въ виізтній книжці и на объявительному листу, « каже: — що ви написали? «

— Поцілуйте мене сѣгодні, кажу, — а я васъ завтра! «

Не ставъ зъ нимъ и розговорювать и безъ ёго гірко на душі, такъ досада и розбіра, такъ и поверта назадь, щобъ хочъ виляять іродового сина. Скільки на світі живу, а ніхто на мене не кри-чавъ, ні съ кимъ не лаявся,—тільки де-коли зъ жінкою;—а тутъ и не встерігсь, відкля та й свάρка вірвалась, бодай ёму до смѣр-ти такъ підскакувать та прискаты! Прийшовъ на квартиру, зразу доставъ зъ шкатулки бритву, наміливсь, черкъ, въ друге... такъ мої вуси, не наче скошена трава, и впали на рушникъ. Якъ глянувъ же я на себе въ дѣркало, такъ батечки!... ажъ злякавъсь, самъ себе не пізнавъ, чортъ-батька-зна на кого й похожий, и ротъ кривий, и щѣки позападали, и нісъ похнюпивсь: зовсімъ не я, а німець Адамъ Ивановичъ Фрикъ, що въ Кременчуку шленку роз-бірае!... щобъ мині до завтраго не дожыть, коли брешу! Въ пер-ший разъ, якъ живу на світі, довелось мині зголять вуси; лѹчебъ

було и не дожить до сього ліха! Якъ би знавъ, що зроблюсь такимъ паскуднимъ, то Богъ мене побий, колибъ збривъ, хочби не то що підъ судъ, — хочби жили зъ мене тяглі! И кому зъ того прибуло, що я безъ вусівъ?... кому вони мішали: чи їсти, чи пити, чи, якъ кажуть, вірою и правдою служити?... Якъ я теперички до жінки вериуса? Якъ я гляну въ вічі Мары Уласовні?... Згадавъ я й літа мої молодії: не одна, було, глянувши на мої вуси, збирала губки на оброчку, не одна и цілувала и милувала їх!.... Отакъ журюся, а слези капъ-капъ!.... Здається, и за старшимъ синомъ такъ не вбивавсь, якъ померъ!... Мій Боже милий! подумавъ, ударивши себе въ груди: за що ти мені такъ люто покаравъ?..

Ничого було робить більшъ въ Полтаві, бо въ должность велено вступать тільки черезъ тиждень, отъ я й поїхавъ до-дому. То було якъ ідешъ, то знай гукнешъ на кучера: »торкай, хлопче, торкай,« а теперички снжу собі, схиливши голову, неначе мені на шибеницю везуть: пари зъ рота не пушчу, хіба якъ швидко побіжить, то озвеса: »не жени коней,—потомишъ!«—Такъ вже наровлю, щобъ мнї у ночі прихати, бо жінка тоді була не порожня, то, думаю собі, якъ гліне разомъ на мене, та злякається, то ще (нехай віць сказитця) приведе Адама Івановича Фрика. Підїзжаю до свого двору, ужé зовсімъ смерклося, и въ будинку не світитця, вилажу зъ брічки, а тутъ якъ загавкають на мене собаки! »тю, дурні,« кажу, »хазяїна не пізнали!« Хотівъ бувъ поглядити, такъ бісові собаки глінули на мене, та въ-ростичь. Війшовъ тихенько въ сїни... такъ якось чудно, матері єго бісь, будьто й не я,—здається й хата не моя, ійже Бóгу правда!... Отбжъ, кажу, якъ загавкали собаки, жінка й провинулась; чує—хтось війшовъ.

— Хто тамъ?« пита.

— Се я,« кажу.

— На когочъ тамъ собаки гавкали?«

— Не знаю.«

— Та йди жъ, — крадесся!«

А въ мене такій звичай бувъ, що, було, якъ приїду до дому, то заразъ, хочъ и вночі, всіхъ розбуркаю: зъ дїтьми граюся, зъ жінкою цілуюся, бабусю Оришку, що за дїтьми приглядає, зачіпаю; а теперички якъ тать, мовъ той злодій, крадусь,—не знаю, на яку й ступитъ. Підїшовъ до кроваті, а жінка протїгує до мене руми цілуватьця. Поцілувались, а вона:

— Хто се?« та менé рукою по губáхъ... Якъ паробить рéпету:
»Ой лищечко! Злóдiй!... Орішко, вогню, вогню!«

Я її уговорюю,—такъ куди! не слуха: и руками й ногами відъ мене.

— Не підступай!« кричить,—не підступай!«

Всіхъ дітей переполбила, та вже Орішка прибiгла зъ свiчкою. Вiтріщились на мене, дивлятця... здаётця й я, такъ не я жъ: нема вусiвъ!

— Що се зъ тобою сталося?« пита жiнка:—чи ти живий, чи мёртвий?!» а самá ажъ пополотни́ла,—труситця, ненáче трисця її трясé.

— Тимъ то й моé ли́хо,« кажу, — що живий!«

— Що зъ собою зробивъ?« пита, — оглашённий!«

— Се жъ, кажу,—дiка тобі: тепериньки вже не буду бiйдикв битъ, та зъ Мiрьею Уласовною въ марьяна гратъ!

— На що жъ ти вуси збривъ?« пита.

— Теперъ состою въ граждáнськiй,» кажу,—якъ и мнi казали:— а потому прáво ношénня усовъ на мене не роспрострайетця.»

— Чи винъ пiйний, чи здурiвъ?« каже жiнка, глiгнувши на Орішку; та якъ заголосить, якъ вдáрить себé въ груди, а за нею дiтвори й Орішка; а бiсови собáки почули,—ну й собі: и виють и скiгдять, такъ—що Бiже мiй милостiвий, такiй гвалтъ пiдняли, хочъ зъ хáти,—та що зъ хати!—зъ селá тiкáй... прбсто кiнeць свiта наступiе.

Оттáкъ цiлiсеньку пiчку рiомали, и я зъ ними: сижу та плачу. До кровi губи собі подрiнавъ: хочу, знáете, вусъ крутнiть, ханъ за губу,—нема нiчого, и вдришiу...

На другiй день, такá напáла на мене нудьгá, хочъ крiзь зéмлю провалiтьця. Що кому не скажешъ, нiхтó менé не слуха: дiти одъ мене одвертаютця, жiнка хлипа, нi óдна дворóва собáка, мáтерi ихъ бiсь, до рукъ не йде. Думаю собі—щó мнi на свiтi робить?... А тутъ стáли сусiди навидуватьця и Мiрья Уласовна прийшла, а я одъ нихъ ховáюсь, та лицé закривáю, ненáче, — кáзна—щó такé... Йй же Бóгу прáвда! На третiй дeнь зо всiмъ такiй ослабъ, óле дiшу: груди мнi заложiло, живiть пiдвелó, (за три днi шматкá хлiба въ рóтi не булó), не знáю вже, чи голова въ мене на плéчахъ, чи мóже каву́нъ. Жiнка вбивáетця,

діти нищять! Зовсімъ такі налагодився вмирати, хочъ за попомъ посилать!...

Коли, на моє щастя,—такъ вже Богъ милосердний не схотівъ поспротитъ моїхъ діточокъ,—приїздить Григорій Григоровичъ Захърченко, оттой, може чули, що й въ чорта вигравъ би тяжбу,—такъ, кажú, приїздить; якъ глипнувъ на мене—и назадь одступивъ.

— Що се зъ тобою, братіву?« пита.

— Пропадаю, « кажú:—се мой за мною прийшла!«

— Та не бреши, « каже,—тебе ще й поліномъ не добьешъ.

Тільки,—каже пригладуючись,—дуже зпаскуднівъ: чого се?»

— Хибá вамъ повилáзило?« кажú.

— Вуси збривъ?

— Эгé!

— На-бiса?« пита.

— Нечiста мáти въ граждáньску понесла, — такъ теперички право ношенiя усовъ на мене не розпространiетця.«

— Хто се тобі вигдававъ?

— Егó пре....тее, кажú,—щобъ ёму добра не було!«

— Брехали ёгó бáтька спни, та й винъ зъ ними, « каже:—тижъ зъ мундiромъ въ оставцi?«

— Такъ щó?

— Такъ коли мундiръ на тобі, каже, спасибi ёму,—такъ и вуси при тобі!...

— Ий Богу?

— Побáчишь, « каже:—я тобі й указъ дамъ.«

— Бáтьку мiй рiдинй, « кажú:—на свiтъ ти менé пародивъ!« Якъ скóчу зъ кровáти,—ну ёгó обiмáть та цiлувать, а винъ менé пихáе.

— Ну тебе къ бiсу, « каже:—якъ шнилькамп шпигаешъ!« Бáчите, одросли трóшки вуси, такъ щiтина й кóлетця.

Теперички, спасибi имъ, понаспiяли тихъ *то́михъ*: щó треба, хочъ не скóро, а налапаешъ, а тодi—скорiшъ скарбъ знайдешъ, якъ чогó тобі треба. Не у всiмiмъ повiтi були такі й люде, якъ сей—щó розказую—Захърченко: шукають, було, шукають, та й плáнуть... Такé лихо було, не повiрпте: коли свáжуть, щó право ношенiя—не то вусiвъ—головi на твоiхъ плечахъ—не розпространiяетьця, то не турбуйсь шукáть,—чи воно правда, чи брехнiя, стiнай голову, та такъ и ходi... Щобъ я пропáвъ, коли не правда!

Ну, якъ почувъ я одъ Захърченка про той указъ, то дé въ мé-

не й сила та взялась! повеселівъ, якъ на світъ народівся. Заразъ жінка поставила намъ закуску, випили по чарці, по другій, старої, бутілки зо дві, слив'янки, а тимъ часомъ запрягли мнї брїчку, та скілько видно—й заторохтівъ зъ Захарченкомъ. Дорогою, щобъ мене не побачили, обв'язався платкомъ, тільки бчї й блищать. Хто не стринетця, пізна мене по кбняхъ, и пита: »чого се ти обв'язався?« — Бишїха,« кажу, »народїлась.« Приїхавъ до Захарченка. Якъ давъ вінъ мнї той указъ, то неначе рідного батька побачивъ!.. Ну, теперячки, думую, ваше пре... тее... чий чортъ бїде старший!

Вернўвся до-дому и два місяці висидївъ въ карантинї, поки вуси не повідростали такъ, що вже й жінка зо мнїю цїлується, и людє слухають, и собани на мене не гавкають. Уже й зъ Марїєю Уласовною въ марїяша граємось, а тутъ така піднялась перепїска! зъ Полтави повіства за повісткою: »неукоснительно, съ полученїя сего, имѣете явїться.« А я імъ въ одвїтъ: »по случаю приключившейся внезапно болѣзни!« Ще зъ місяць подождївъ, такъ якъ вже стали закручуватци, и поїхавъ въ Полтаву.

Тільки прїїхавъ, заразъ патїгъ на себе козакїпъ, причепївъ шаблюку и пішовъ въ палату, се бъ то *випитъ яву*. Вхожу въ присуствїе... якъ гліне на мене г. предсїдатель, такъ єго й зжолбїло, ажъ носомъ закрутивъ.

— Чтo это, милостивнїй государь мой,« крикнувъ, — вы уклоняетесь одъ служби, и вторично осмѣльиваетесь явиться ко мнѣ въ усахъ!«

— »Се,« кажу, —ще не вуси, а усїшки, а отъ якъ віростуть, то бїдутъ усїща!« А самъ держусь за той указъ, якъ слїпїй за поводачї.

И!.. якъ закричїть, та підскбче, та прїсене: »я васъ, милостивнїй государь мой, въ двадцать четыре часа...«

— Не горячїтця,« кажу:—кровь спбртите, а ось подивїтця!« Та тиць єму въ рўки указъ. Дивїсь, думую, хочъ повилїзятъ.

Прочитавъ, — якось чудно лїпа очїма, губи дрижать...

— Өо... Өома Пе... Петровичъ!—каже, запинаючись:—чтo это такое?

Хомї настївнивъ бко:

— Высочайшнїй,« каже.

— Безъ васъ знїю, каже предсїдатель,—а распространяется ли право ношенїя усовъ?«

Хомі круть-верть, сюди-туди, нічого робить.

— Росиротраплетця, « каже.

Товарищі дивляття на мене, перелякались, думають собі: буде мині халепа! А я дивлюсь на супротивниківъ, такъ їхъ очіма й імъ, та вуси кручу. Предсідатель глянувъ на секретаря, повертілись вдвохъ сюди-туди, та й посідали тихенько; ні одинъ и пари зъ рота не пустивъ. Що, думаю собі, піймали облизня?...

Такъ оттані-то чудасія була зъ моїми вусами! Якби не той указъ, то може бь довелось и дутеля звісти! Згадуючи прошле, не разъ думавъ: правду люди кажуть, що за Богомъ молитва, а за царемъ служба ніколи не пропадає. За пятнадцятилітню безпоброчну віслуживъ-такі собі те, що теперички ніяке превосходительство на світі не обрїе мині вусівъ,—отъ що!...

Олекса Стороженко.

1861 г.

С. Жемчужное.

ВЕСНЯНКИ.

I.

Сіло сонце за горою,
 Місяченько сходить,
 А мій милий на вулицю
 Співать не виходить.

Вийди, вийди, мій голубе,
 Вкупі заспіваємъ
 Надъ річкою — Коломакомъ
 Въ зеленому гаю.

Вийди, вийди, мое серце.
 На тиху розмову,
 Коли хочешъ мене бачить
 Веселу й здорову.

Вийди, вийди, козаченьку,
 У вечеръ пізеньку,
 Пригорну тебе до серця
 Щиро и близеньку.

Вийди, вийди, лебедюку,
 Поки світить зоря,
 Не завдавай молодому
 Ти серденьку горя.

II.

Пішовъ козакъ у лісочокъ
 Калини ламати,
 Зустрівъ дівку — чорнобривку —
 И ставъ переймати.

» Дівчинонько, моя люба;
 » Стривай.... поговоримъ;
 » Нехай же я придивлюся
 » Та на твої брови.

» Дівчинонько, мое серце,
 » Постій — пожартую;
 » Даї-подивлюсь тобі въ очі,
 » Стиха поцілую.

» Дівчинонько, моя пташко,
 « Ходімъ въ мою хату;
 » Я посіявъ грядки — квіткі...
 » Будемъ вкупі рвати.

— » Ой не гараздъ, козаченьку,
 » Ой не гараздъ робишъ,
 » Що ти мене молоденьку
 » Та пзъ ума зводишъ.

» Ой не гараздъ дівчиноньку
 » Въ лісу переймати:
 » Треба перше до матінки
 » Сватівъ засилати.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини, коло Полтави.
 Веспою, року 1861.

ВЕСЕЛА УДОВА.

Сватавъ мене двічі панъ
 Воєнний-вельможний;
 Сватавъ мене й хліборобъ —
 Чоловікъ заможний;
 А я собі удова
 Та й тимъ не журюся,

Поки лічко червоніє
Зо всего сміюся.
Якъ схочу я пегуляти —
Знялась, одяглась,
Коло мене — и музика
Де не узляся;
И підківки відсажують
Зъ чебітокъ відъ танцівъ...
Вийшла зъ хати у-вечірі,
Вернула ся вранці;
Козаченьки чорноусі
Зо мною жартують,
А дівчата завидливі
Мині ворогують;
Козаченьки коло мене
Округі заходять, —
У госпѣду, на розмову
До мене приходять;
Чи заболить голівонька,
Запудить серденько —
Розважають — заглядають
Въ очіці пильненько.
Одинъ ліки мині радить,
Другий відмовляє,
Третій сяде коло мене
Рученьки згортає;
Подивитця, придивитця —
Таку річъ заводить,
Що щастливий — якъ зо мною
Слово проговорить.
Пожалкуєшь, пожартуєшь
Та просто імъ въ вічі:
»Не годітця, козаченьки,
»Кохатися двічі!
»На що мині вінчатися,
»Та губіти долю?
»Буду собі удовою
»Пильнувати волю...

- »Після шлюбу—не до танців!
- »Якъ дітки малєньки —
- »Той істоньки, той питоньки
- »Попросять у нєньки.

В. Куликъ.

С. Нижні Млици.
10 квітня 1861 р.

ХАТНЄ ЛИХО.

I.

На все село була въ насъ колись Параска Духанівна: весела, моторна; брові сѣрпикомъ, повновіда, краска зъ лица якъ не прісне. А жартовлива жъ! Оце було сидімо... въ одну хату насъ, дівчачь натіритця, було, якъ раківъ у ятірѣ, на попридци,—отъ и Духанівна міжъ нами пряде; и не згледімось, коли вона й внірипула: вскочила въ сѣни, сорочку відсикала изза запаціни, щобъ слободнійше було, вскочить у хату, візьметця въ боки—гонь—гонь! и пішла гуцотіть и всякі каверзи вироблювать. Що було сміху! А то ще було до її ввѣжетця нашъ Андрій, старий мірошникъ, тріхи вкинувши. »Йй Бѣгу«, каже, »Параско, ти пійдешъ за мого Петруся: въ мене млини, въ мене камені... Хочъ що-дня їжъ паляниці й книші. Гаї кругомъ великий. А поля—скільки очима закїнешъ: усє вамъ покїну«. А въ єго нічого не було,—тїльки вітрякъ, да й то панський, а вінъ мірошникомъ. Отъ, Параска постерігши єго й почне передъ дівчатами похвалятися: »Що въ мого Петруся добра! млини, камені; житя які, гречки! и обомъ не згледішъ; зєлено, да красно; живї собі да мякі паляниці їжъ. А одєжи, одєжи въ мого Петруся! жупанівъ, кужухівъ,—ажъ міль ість! Пїйду за єго. Сєгодні сїву шапку на бакрїнь звєрне, помолодикує; на завтра чорну смушєву; а ще жъ то якъ друкъ квітку нашє! А чоботи юхтові, нові, жупанъ сїній, поясъ каламаїковий, стєнжку зъ сорочки червону випустить,—усє село залобить. Пїйду, пїйду за Петруся!»

Оттакє було коверзує Духанка, похожаючи по хатї, да ще й руюко підопрєтця да й вигутурює; да ще ніби й загадєтця. Сміху

було! І старі на печі, вбвну скубучі, кіхкають; а вони й не всміх-летця, мовь самá собі въ хаті. Да й зновъ почне: «Заски повні гречки, овсі! а свиней, а корівъ!»

А въ ёго такé убожество! тільки одна свитіна на плéчахъ. Да почне було прибіратись, мовь до вінця, уквітчатця; якъ щичимъ, то хочъ гильчка наламле зъ сухіхъ гвоздиківъ, або калиною вберётця да тоді й гукáе на насъ, щобъ ми весільнихъ пісень співали. Ми було часто й одгуляемъ песілле, и хлібъ баби замість короваю поділять: сі когó було не підведе! Що то булі за дівчина! зійде въ хату, то мовь зоря зоріе. Переступить черезъ порігъ—ужé й сміхъ. Та скоро жъ, та хистка якъ та ластівка. Куді вбійить на годину—хвѣть-хвѣть, — ужé боржій и съ хати. »Да гуляй«, кажутъ: »чогó поспішаєся?« — »Гуляла бъ, да хліба не брала, а ви не дасте.« Да вже тільки запашини кінецъ побачишь,—ужé й знігла. А хто нагодитця въ хату на полудень, чи щó:» хлібъ да сіль!» — вона вже й одрізала: «Імó, та свій, а ти въ порóга постій».

А то разъ вона спорядилась йти храмовати до тітки, въ друге село. Пóви дійшла вона до того села, то трѣхъ собі женихівъ здохула. Оце зійде въ яку хату по дорозі одпочити, (люде все знакоми),—отъ, привітаютця; хазайський парубогъ, тé, да сé, по слову перемóвились; а послі й каже:—Чи пійдешъ?«—»Пійду, сватай.« Абó подруга, що вкупі зъ нею зашла: »Отъ якъ би мій братъ тебе взявъ за себе: якъ би ми гáрно пожили!«—»Цуръ ёму, некъ ёму! геть ёго сюди! Нехай сватівъ шлé—пійду«. Така мордована! Пóви дійшла до тітки, такъ и трéтю собі пару споружила. Одній ще въ неі й питае: «Що жъ тобі, Парасочко, подарувати? «—«Коркові черевіки!» каже.

II.

На другий день вернула́сь на́ша Парася съ храмовання до господи. Рада ма́ти що дочка вернула́сь; і́й той день за два дні здався. Ажъ щось дзелень-дзелень, да підъ двіръ. «Що се таке? чи не пріставъ іде?» каже ма́ти. «Ворота одчиняютця у нашъ двіръ; тройка кóпей и іхъ чéтверо сидіть на вóзі, мовь щось не прóсте... Ой ограді́ жъ насъ брѣстная сила! Чогó ёгó до насъ несе?»

Параска віглянула да ажъ зблідла:

— Матінко! се жъ Ларієненко зъ старостами. Я за ёго не пійдү, не пійдү.

— Ти жъ по чому се знаєшъ, мой донечко? Дай, Бóже, часъ добрий! Благослові Господь: се хочъ кому пара.

— Не пійдү, не люблю! хочъ живу въ зéмлю положить!

А тутъ старості съ хлѣбомъ, зъ сіллю на порігъ и Ларієненко зъ корковими черевіками підъ плечемъ. Самъ такий одягний; сінній жупанъ на ёму ажъ виляскуеця, на всіхъ смушеві шапки,—багатири! Два длькї старіи старостами. Привітали, якъ вѣзодитця, матіръ.

— Сідайте, люде добрі.

— Нехай же зъ сѣго часу все добре у васъ садовітця.

И питають: — Чи оддастѣ, чи нехай ще підростѣ?

А мати каже:

— Випийте по чарці... Сватъ не сватъ, а добрі люде.

До Параски, а вона давай одкидатись, да й заховалась у запічокъ. А Ларієненко її за рукавъ: «Ти жъ казала, щобъ приїздили, ти мені сорому наробила! Я зъ гóрода старостівъ напросивъ, и копя трѣтёго підпругти випросивъ. Теперъ менѣ парубѣцтво очіма буде визать и вдовшъ и вѣперекъ; просвітку мені не буде. За мене ні одна дівка теперъ не піде!

А длькї нічого не сказали; не випили могоричу; — за небожа, за свій хлѣбъ—да й пішли съ хати не попрощавшись.

Де-які ще збірались їхати до її съ хлѣбомъ зъ сіллю, да прочли одъ людѣй, якъ вертались зъ гарбузомъ, да й остереглись: покляли шапки.

III.

Пóслі сѣго вона довго подівожала. Довго обіходила и парубки. Ажъ ужѣ на двадцятому гóду дождалась пари,—дожартувалась до свого лиха. Пригáщицький синъ за себе її взявъ; и хороший и заможний, и вони давненько накидали ёгомъ одио на дно́го; вінъ замовлявъ іноді й словомъ, да тілько Параска про себе сѣ держала, бо й не сподівалась: багатирь, да й на волю ёго за батькову працю випустили пані. Ще жъ и те її трѣхи зупинило, що вінъ сердїтого батька синъ, та й самъ мусить бути сердїтий. «Не йди, Парасю,» радять було її

дівчата: недогодишъ багатиріві». А вінъ до неї вже й при людяхъ, якъ голубъ коло голубки буркоче. Вона й байдуже на людські речі, відкрила ёму душу: казала, що инегді було насилу зупиниє своє серце, якъ ёго де забачить, щобъ не кіннутись до ёго. Люблячись вони собі й побрались, на диво людямъ и, здавалось, на вічну утіху матері.

Гарно ззіла, гарно й сходила Параска. Було піде до церкви, да вберётця у ёго матері кунтушъ зъ срібними усами, въ старосвітський очіпокъ парчевий, — намітка ажъ за коліна, — увійде въ церкву, почне свічку ставить, поклони покладати, — люде очей не зводять. Прехороша була! По церкві тільки цокъ-цокъ підківками: мовъ гетьманського роду; а у її тільки дідъ бувъ духовного звання, — тогѠ й вона прозивалась Духанкою, або Духанівною.

IV.

Не довго жъ вона попишалася! такъ, годочокъ або зо два. За гарного, кажуть, пойдій, гарне й лихо буде. Правду люде казали, що сердитий буде Петро, якъ и ёго батько-пригачикъ. Разъ вінъ прихавъ зъ лугу; вона ёго й не сподівалася. Увійшовъ у сини, а вона зо мнѠю да зъ сусідою стоить, балакає. Такі щось здаётця провадила своє, якъ и дівкою була. А вінъ не сказавъ їй ні здорова була, нічого, да зъ серцемъ до неї: »А дитину покінула!» (уже въ їхъ и дитинка найшлася). Знаєте, при людяхъ, не поздоровкався, да бѠцимъ то вже їй дитина не така мила якъ и ёму: уразивъ її заразѠмъ двічі въ серце. Вона такъ и згоріла, да каже: «Вона гуляє; я ёго на полу полсомъ припьяла».

И пішла слідѠмъ за Петромъ, ніче не своїми.

Хату непричинену покінули. Я й ўхо приложила; серце въ мене тільки тѠхъ-тѠхъ!

Постановила вона обідать на стілъ, да вже якось безъ привіту, їй и въ душу не йде: слово не такъ-то мовитця. А чувать було по людяхъ, що вони живуть собі мовъ риба зъ водою; тільки я щось помічала, та мовчала. Се впѠрше чула такі незважені речі.

Вона вже до ёго и тѠ и сѠ, да ба! сама себе не розважить.

Вішъ, трѠхи одійшовши, примітивъ великий смѠтокъ на видѠ въ Параски, да й спитавъ—такъ щиренько:

— Чомъ се ти не ісі, Парасочко? хіба пообідала?

— Ні.

Сказати би пообідала: лишенько жъ, якъ же ёго обманіти?

— Чомъ же се?

— Такъ.

— Чого жъ се? чи не зобідивъ тебе хто, Парасочко?

— Ні.... такъ.

Жаль їй зробилось ёго; жаль сказа́ти, що ти мене, Миколочку, улучивъ якъ стрілюю зъ лука,—бо вінъ на неї ясненько такъ зглянувъ: а все такі въ серці щемить. У насъ не такъ и бійкою, якъ словомъ діймешъ. Іногді траплялось, що вінъ її дуже наляе, хочъ и безъ людей; дакъ послі якъ одійде, пестить бу́ло її всякъ: и голубка моя вірна и ожінко півная и перепілко моя утішная: па́че сму́ рідна́ ма́ти на́ ухо шепче. А якъ коли загорітця, то й хата малá. Було виплачетця Параска у коморі, виплачетця добре, а одъ людей въ тайні хороніла, що щимить сёрденько: пощимить, да й забула Параска. Любо зновъ у їхъ и хороше у оседі, мовъ соловейки щибечуть! Параска зновъ весела и гомонлива и привітна: й радіє дитині и чоловікові. Тільки вже шо дальшъ, то вінъ її то тимъ, то сімъ та й шнигне, а якъ коли, то й при людахъ. Послі вже не скоро, не скоро, списала вона мені якъ на долоні своє житте, а то все було одмовляетця. Чи за дитину, чи за страву, чи за хлібъ, що здаётця сму́ не вдався, да й заходитця; такъ шо вже у Параски й ноги трусятця. И вже нема́ въ ёго ніжного слова до неї: стараетця вона якъ мога; думає: «Що́ це я така плѣха зробілась! не тільки чоловікъ було похваляетця людямъ мною, а й сусіде, спасібі імъ, мене не обходили добримъ словомъ... Якихъ буханцівъ, книшівъ було удамъ! поздоровъ Богъ мо́ю матісю, шо всєго навчила на про слўчай сварливої свєгрўхи; а вінъ такі усє сїпъ да сїпъ!»

V.

— Охъ, мені лішечко, ка́же, убігши разъ до мене въ хату Параска. Рука́ въ мене болить чо́гось. Учині, сестріце, будь ласко, паляниці на завтра.

А вона вже собі й віри не доймає: їй здаётця, шо вони вже їхъ не такъ постановляе. Щожъ? и мої не вподобавъ.

Журитця Параска по-трощку: приміла бь душу туді вдихнула, щобь тільки єму понорову було: ні!... Терпїть вона. Защимить трощки, да й забуде. Тільки оце було думає: «Сєгодні мій Миколкь такі сердитишенький, піжь учора. Що тамь єму є? хто єго такь дратує? Я, здаєтця, нічого єму не заподїла и милїйший вінь мені, піжь світь Божий.» Да погляне на свою дитїну да ще й поцїлує: вона на єго, бачте, скїнулось.

А вінь не знає її думокь такихь щїрихь про єго, да й гримне (було, все те мені пороскїзує): «У хатї вь тебе, Параско, якь у сажу; кóмінь завуривь, якь у випницї.» — Да сєгодні жь субóта, а я позавчора їхь змивала... Пійдешь пообїдавши наглядати, якь єно спїдатимуть, и й помїю и кóмінь помажу разомь.» А вінь за шанку да й злєсь дверима.

И й стала постерегати: якь вінь изь хатї, то и й до неї. Бóже мій! стоить Параска середь хатї, ні жива ні мєртва: »Господи! чи любить мене Микóла?« каже: »чи такь же годїтця грїматї! Я жь єго не зобїдила ні чимь, а коли хотїлось єму, щобь я заразь помїла, дакь хибá жь и коли єго не послухала? Чого єму бажалось? Я бь усю ніченьку спати не лягла, да все бь єму вробїла, чого єму схотїлось. Коли жь єго хто дрўгий зобїдивь,—чимь же и винна? Що жь вінь на мене пеню зливáе?« Да вже й старе на душу сплїло: «А чи можна жь такі при людяхь не поздорóвкатыцї? Чогожь се такь вінь до мене? хибá єму вдивовїжу, що кóмінь чóрний, якь єго трўсять? Хибá жь вінь не бачивь, що лавку позавчора змивала и теперь хочь би такь и кь Великодню зосталась, то.. ніхтó бь и не примїтивь, що й не мїті. Чого жь єму? А вінь же мені такїй любий, якь и підь вінцємь бувь, абó ще й кращий. Дитїно мой, чого жь твій тáто мене нївечить? хибá жь и не твой мáти? гóренько жь мое, лїшенько жь мені!»

Да такь почала нїбї трощи й марїти. Почала я до неї приглядатїсь. Говорить, було, говорить, да й загадєтця. А дівкою сїму томў, я думаю, не шлá й вїри, що й є. Було її якь ворóжку підсїзали до людєй, щобь одводила тўгу одь сєрця. Такь и зніме ясними очїма, щїрими речáми.

VI.

И її разь спспитала на самотї: «У тебе есть щось важкє на сєрці? Скажи мені.» — »Теперь,« каже, »лїсть, дакь чого жь

хвороди гнати!« А бувало и въ мясніці поспитаю: »Нічъ,« каже, »не доспала: хтось на дитїну наглянувъ«, да ще й спляне. Така була!

И за нимъ тоді стали ми примічати, що сміхъ зъ ёго усть испавъ. А тутъ ще підскочила пригода. Ходивъ по болоту та, втопившись, на купахъ у очереті й заснувъ, дакъ ёму щось и стало; почавъ кволитись, що въ боку болить. Съ тогò часу ставъ ще сердитїйший. Уже було хочъ и зъ людьми, то не здержитця. Щò ні зробить було Параска—усе не гараздъ у ёго. Съ чужими ще постережетьця, бо ті ёму не спустять, а їй доганяе такъ-що!..

Разъ було якесь велике свято. Такий соляшний день! Парубки, дівчата й молодїці и старі де-які зїшлись за ворота коло панського двора; посїли на колодкахъ; и я сидїла. Біжить Параска изъ коромисломъ широкимъ дворомъ підъ ворота до колодязя, така що кудї вамъ! Свято, бачте: парчевий очіпокъ, якъ квітка на голові манячить; плахта на їй—павлінове пірò; вишивані рукавчята мають; намітку вже зняла прийшовши зъ церкви. Вітягла води,—ми съ колодокъ гукáемъ на ёї, щобъ насъ напоїла: вона передала намъ відро черезъ перелазъ, щобъ не виходить у очіпку міжъ люде. Ми її кличемо, щобъ виходила до насъ гуляти.

— Дóбре, каже: — якъ дитїна прокїпетця, то прїйду, а то самого—якъ ёго вїдати? Млябли нема́ дома.

А тутъ и Микóла, легкий на вспóминъ, идé, за поводъ кони ведучї зъ гущі, напротї насъ, узенькою дорїжкою зъ гаю: чогось їздивъ на місто. Поздороввався и съ празникомъ, а тоді до Параски: «Чогò розбалакалась... тамъ мóже дитїна зайшлась?»

Ще жъ вона не вспїла зїйти зъ перелазу, захлиїтись одъ людéй; а вінъ лаясь п҃гою ззаду по дорóзі якъ на отáру; а вона ажъ спїткнулась, мої голубка, да, забувши відро й коромисло, зъ однимъ відромъ до дому побїгла.

И не виходила на колодкї. Людé почали бубонїти: »Такъ-то!« кажутъ: »увірв́алась нїтка Парасці! Отъ тобі й кохана пара!« Старі хитали головами, молоді стїхли, дівчата позажуревались; тїлько гай шуміє, пташки щебетали.

VII.

Прибігла Параска зь однимъ відромъ до дому, — тільки на дні зосталось: всю віхлюпала. Поставила середь хати, кинулась не до дитини, а въ комору, излила всю зємлю гіркими; билась, якъ объ дорбгу горлиця. »Хай би хто другий, да не ти, Микблочку, наглумився надо мною! да ще й передъ людми! И тебе и мене осудять, моє серце. Чи я жь сподівалась, що хочь одна рісочка, одна слезіночка винетитця черезъ тебе? Я думала, що й одъ людей за тебе захлюся, мій сізний орде!«

Я побачила, що вона ажь спотикнулася, — посідила ще крішечку, а далі й пішла собі стіха мовъ у гаі, а тамъ по-за дворомъ, да й до її въ комору. Вінъ тимъ-часомъ коня припинавъ у стійла да сіно закладавъ. Дитина кричить у колісці, а вона собі по коморі убиваєтця да прикладає. И мене не бачить, и дитини не чує. »До когъ жь мені прихилітись?« каже. »Кому жь мси теперъ всю правду одкрити? Серце жь моє не пригорнетця до тебе, Микблочку, бчі не зглянутця.« Да такъ зблідла бідолашня, подалась! а побачивши мене, уже й не ховалась. »Лучче бь вінъ мені«, каже, »голову одтявъ, абь утопівъ, піжъ на мене руку знявъ...« У насъ, бачте, дома безъ людей хочь визи зверні. Жінка—якъ та голубка: хочь и тяжко наругу терпіти, а на самоті все знесє одъ любого чоловіка, покїрна буде; а при людяхъ—и не посварісь!...

Три дні очей не показувала людямъ Параска. Вістереже мене коло дверей, махне мені ведромъ, я й догадаюсь: побіжу, воді йй унесу. Параска рідше до цєркви стала ходити и гэрно убіраться: що въ свято, ту и въ буддень одєжину носить, абь що въ буддень, то й въ свято. А вінъ її докоряє: «Коміръ до сорбчки не доладу пришила...» Ну, чи єму жь те знати? и те не такъ, и се не такъ; те не присолене, те пересолене — Господи! Да недбго думавши, и за юпчину пасміче и межі плечи стусонє. »И не такъ повинаєшъ дитину, и високо въ голови, и вервєчками дуже розмахуєшъ.« Одштовхне одъ колісци. да самъ и коліше: »Не вмєшь! не хочєшь!«

VIII.

Що вона поплакала, що попорвалась такъ годівъ зо трій або й съ чотїри! Краску зь лиця зовсімъ звєла. Було ще на зорб

не здійметця, вони съ коромисломъ біжѣть за водою, щобъ людей мѣньше зустрінути, а послѣ цілий день не віліає. Отъ же, будь й плаче и тужить, и нарегає на долю, а матері ні въ свѣті не пожалетця. Оце було коли й мати нагодитця въ такє время, — що жъ? дѣ ті й слѣзи подінутця! такъ и проглинє,—а ні рісочки, и така собі веселєнька, мовъ и нічого. Звісно, жалєє матірѣ. А иногді вінъ їй и бѣки набѣє такъ, що вона біжѣть одъ ёго ослѣпъ, и не постерегаючись уже, чи зостріне когѣ, чи ні. Більшъ було на те плачетця, що въ дому горе й радїсть трѣба винѣситъ, въ людяхъ вилівати. Веселєє дївованнє зникло якъ сонъ: не пізнати було тієї Параски, що було своїмъ Петрусємъ хвалитця. Було прийде міжъ люде на одну годїну, сумна, наче зъ могилокъ, або що. Очіпокъ на їй підсунутий угѣру; волбѣсе по шії видѣть; сподниця така якъ гацїрка, а корсѣтъ новий гадажѣвий... Зовсімъ її знівечивъ. Хто її не знавъ, що-то була спершу за молодїца, той величавъ її придѣрковатою. «Нечумазна», кажуть—було про неї, «це хазяїка и зовсімъ не призна. Чи таку бѣ жінку трѣба було братъ прикащєцькому синові?» Такє то слїпі люде провадили, а її горе ззіло... свѣтъ їй не змілився. Спала зъ лиця дївоцька краса, якъ изъ травї роса. Більшъ тогѣ було що мовчїть; и дитїна уже її не втїшала.

Терпіла, терпіла Параска, плакала, плакала, а вписля — наче щось собі надумала: слїзъ не стало, сама зробилась ні весела, ни скушна, да мовъ їй трѣхи съ сѣрця спало; говорливїша стала и очі якїмсь огнємъ чуднимъ загорїлись. А Микѣла квѣлитця да її квѣлитця, а сердїтий, — то ще більшъ упадає на силі; насїлу було говорить, а далі крикне на жінку, да її застѣгне. Такє лихо! Проїшло ще роківъ зѣ два,—поховала Параска и чоловіка й дитїну мала не заразѣмъ. И такъ здаєтця спокїйненька собі стала: дві чи три недїлі и слѣзи на їй не бачили; а послѣ все було тихенько плаче, все плаче. Станешъ було її разважати,—вона й нічого,—слухає, наче й не журитця,—тїльки було й скаже тобі: «Э, сѣстро! за гѣрпого пїйди, гѣрне й лихо буде», да такъ же то промовить тєє гїркє слово, мовъ усі бѣлі її разомъ у сѣрці обїзвѣтця. Оттакъ-то Парасчина краса й здоровьєчко сплило и нікому на сїмъ свѣті не знадобїлось. Иноді сама було до мене обїзветця: «Боже мій, Боже!» скаже було: «якъ мій вїкъ молодїй спайвъ! Ні слави, ні вжитку. Якъ би лишенько скїлось одъ людєй, а въ

господі любо й тихо, то й жалю бь не було. А то—хатне лихо—гірше ліхо». Да й замовкне.

Лихо було їй, да й ёму жь не було добра, дівлячись на її смутокъ. Вінъ и самъ нудівъ світомъ; танувъ, танувъ, — мовчки и вмеръ.

IX.

Плаче було мовчки Параска по ёму, по дитині и по своїхъ молодихъ літахъ, по своїй красі дівочій, по своєму сёрденьку весёлому, щасливому; все плаче! Де въ її слёзи брались! Ажъ страшна стала съ плачу. Отъ ма́ти її перебралась до неї. Бо зъ її добра уже не було: корову подібіть—ми́мо, хлібъ росчя́ннить,—стілки наведе, що черезъ верхъ діжі́ иде; вона не ба́чить, їй байдуже! Пічъ топіти—вона́ й віникъ и дніще и кача́лку замість полі́на въ пічъ. Ли́шенько жь на́ше несподіване й негаданне! Уже́ й ма́ти, глі́дючи на неї, крива́вими слі́зьми сходіла. Постарі́ла, зогну́лась, голово́ю хитати почала́. Ино́гді було́ й не пла́че, а тільки на Параску вка́же мовчки, да за своє сёрдце об́ома рука́ми вхо́питця.

Съ то́го жалю старá незаба́ромъ и ви́простала місце на сі́мь сві́ті. Нехáй ца́рствуе! А я́ вже до Параски перебралась въ сво́єю се́мьёю, ми́ жь изъ ёю́ й дівова́ли. Параска жу́рилась тимъ же хо́домъ, якъ и спёршу: зда́єтця мовъ и жа́лю їй б́ільше не прибу́ло, а тільки робі́лась зо́ дні́ на де́нь якбо́сь чу́днёнькою, — хай Богъ ми́лосёрдний ні́кого не до́водить! Не ста́ла зовсі́мь ні́чого т́ямити. Ще на сі́мь сві́ті вона одді́лилась одъ живихъ. Сві́тъ для неї́ затми́вся. Сиді́ть собі похню́пнешись, го́лову внизъ,—на по́лу, аб́о на до́лівці, но́ги й ру́ки простя́гши вподо́вшъ,—и не поворухне́тця. Ві́нхудала, якъ мо́щі. Ча́сто було́ лю́де дівля́тця на неї́, хита́ють голово́ю й ка́жуть: »До порі́ сёрденько, зли́няли — опа́ли тво́ї кві́тці! при́било тебе́ морозомъ!« Да о́це їй и бухáнчикъ унесу́ть. а хто по́лотёнка на ста́нокъ, а хто на рука́ва. Хто якъ спо́мігся (все передъ ё́го ду́шею бу́де): да́ють, да все зъ тако́ю ува́гою, чи ќлишикъ, чи па́ляничку: піді́йде якъ до свято́ї, по́ложить передъ не́ю, якъ передъ сво́єю ду́шею, уклóнитця т́ихо й н́изько зъ по́чотомъ и п́йде собі ні́чого не мовивши, на́че при́ложилось. Бу́ло по субо́тамъ дівча́та молоді́ черго́ю хóдять, нава́рять м́ітля, голо́ву їй зми́ють, сорб́о́чку ч́ясту на́дінуть, приберу́ть її. Ді́ти бу́ло.

йй квітоткъ, ягідъ понаносѣть. Бѣже, якъ коло неї! А якъ хто, то й сплавнѣ глядячи на неї. Усѣ Бѣжа воля! Що бъ то, якъ би от-такѣго да не було на свѣті! а все гѣрно да тѣхо, да щобъ убѣ-гихъ не було, а все багатї! то й Бога бъ забули!... А другї стѣ-нуть, перехрѣстятця, молитву сотворять и подумаютъ, щобъ їх такъ Господъ не наказавъ, згадае де про що, посумѣе да й одпустить, коли на к-го сварився.

А вона собі була тѣха, тѣха якъ веснїй вѣтерецъ. Оцѣ якъ нїкого нема въ хатї, то вона й голоснїше розмовляє. Отъ разъ було люде порѣсходились, (се було такъ у жинвѣ, здаеця, чи въ косовїцю); я дома була, треба було дѣ-що пошїти.

Я собі шїю мѣвчки, а вона сидїть, простягши рѣки й ноги. Очїпокъ зовсїмъ звїсъ на очї: волѣссе посїялось по шїї. У хатї тѣхо; йї п здалось, що вона въ хатї сама одна, да й почала бу-бонїти, не пїдїймаючи голови; а я й духъ притаїла.

«Щѣ се я?» каже: «сїжѣ якъ вѣяле зїллѣ понїкла! душа мой мовъ одлетїла, сѣрце мое вщѣхло... Ох!» да й здїхнѣла, мой голубка. Да й изновъ почала: «Голова мой важка,—тѣмно; нїяка дѣмка не засїе! я мовъ во снї сїжѣ.» Росцїпила рѣки, и трѣхи пѣль-цями повелѣла себе по видѣ. «Чи довго менї ще вїкъ свїй коротѣ-ти?» да зновъ и вмѣкла. А я, мѣтїнно, и не дїшу: тїльки слѣзи свої зупнїю. Бѣже! якъ то вошѣ своѣ гѣренько чѣе. А передъ людьми тїлько чуднѣнькою деревїною здаеця. Прислухѣюсь,—вона зновъ: «Чѣго менї свѣтомъ нудїти? харчѣють, зодягѣють, незобїж-дѣють. Чи я сїжѣ на лѣвї, чи середъ хатї, — всїке менѣ обїїде, тихѣнько перестѣпїть». Да й головою скївнѣла, — спасїбї бъ то, чи щѣ? Да й здрїгнѣла: (щѣсь наче зашелестїло). «Чѣго менї ще?» каже помѣвчавши. «Уже жъ не болїтиме! усѣ поховѣла, усѣ пере-була. О-о-о-о! якъ же запекло коло сѣрця!». Ухопїлась обѣма ру-кама, голову одїгнула, очї заплѣщила: «Згадала, згадала», каже, «усїхъ васъ рѣзомъ згадала! О-о-о!» застѣгнѣла наче крїзь сонъ. А голова нїкне на бїкъ, нїкне, а я нї зъ мїсця, не зорвѣсь, наче прикипїла. «Щѣсь менї свѣтъ мїнїтця!» каже, да рѣки впередъ прѣтяге и наче когѣ гѣрне до себе. А послї—бебѣхъ! До її... не жїва. Я до сусїди. Саме кѣпи привезлї въ двїр: поклїкала чоло-вїкївъ, пїднялиї, положили йї на пїль: дїти збїглись, полягѣлись; приложила я рѣку до йї сѣрця, ще трѣшечки мѣетця; до рѣта дзѣр-

кало приложила—запотіло. Свічку воскову засвітили, запричастили її. Тагъ вона ще три дні пролежала мовчки, тільки — водичці мой Явдошка ложечкою у ротъ впускала. А послі, якъ буйніи градини, три слези викотилось, и не стало дѣху. Поховали її гарино — не тагъ якъ сироту. Всімъ вона була наче родичка. Зібралось людѣй, якъ на весілле, — приглядувались до її старѣ й малѣ...

А. Нечуй-вітеръ..

ЖУРБА.

Ой саду мій, саду,
Зелений та пишний,
Хто твої кохає
Черешні та вішні?
Рóси тебе миють,
Дощі поливають,
Пташки твої біти,
Піснями кохають;
А миші, садочку,
Ні дощі, ні рóси,
Ні люде, ні пташки
Щастя не приносять.
Погляну на тебе,
На твій рястъ пахучий,
Та скорій до хати
Да й плачу идучи...
Ти знаєшъ, садочку,
Ти знаєшъ, мій брате,
Була доля-щасте,
Вмівъ и я співати...
Зійде місяченько,
Було, середъ неба,
Козакъ та дівчина
Приходять до тебе;
Підъ вишнею сядуть—
Вона їхъ прикриє —
Сядять та воркують—
Ажъ серденько мліє.
А въ тебе, зза рясту,
Місяць поглядає,

Та любо да гарно
Соловей співає...
Минулось, садочку,
Друже мій єдиний!
Козакъ нудить світомъ,
Дівчина — въ могилі...

1880 року.

П. Кузьменко.

ПОЛТАВЩИНА.

(Из записной книжки 1856 года).

I.

ЗЕЛЕНАЯ БАЛКА.

....Далеко въ небѣ кричали журавли, летали и жужжали басомъ жуки; на селѣ слышались пѣсни, свистъ, ауканье и гуканье; не было шагу безъ звука.

Насталъ второй день Свѣтлаго праздника. Я уже нѣсколько дней въ селѣ Кублѣвкѣ, и все время гуляю, вдыхая въ себя весенній воздухъ.... У пруда, я сѣлъ на изогнутомъ деревѣ. Прудъ былъ покрытъ сильною зыбью и всплескивали небольшія волны. Подъ солнцемъ блескъ воды — невыносимый; двѣ-три пары дикихъ утокъ плавали по пруду; вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Вдали кричали удои, начинали свистать соловьи. Дѣвчата, убранныя длинными лентами, которыми игралъ вѣтеръ, — въ шитыхъ рубахахъ, въ яркихъ *запасахъ*, — плавно шли и пѣли *веснянки*, оглашая село отъ конца до конца. У шинка были устроены качели; оттуда доносились вскрикиванья подгулявшихъ и звуки скрипки...

Изо дня въ день жара томила всѣхъ; зелень распускала въ тугу, хлѣба пропадали; все жаждало дождя, — и вотъ, къ общей радости, нашла туча. Двери и окна въ помещицьемъ домѣ затворились; блеснула молнія, загрѣмѣлъ громъ, и дождь ливнемъ облилъ землю. Туча пронеслась; проглянуло солнце, но скоро опять набѣгала туча за тучей, и дождь лилъ какъ изъ ведра...

Вечернее солнце освѣтило разорванные облака; въ одномъ мѣстѣ проглянуло небо своей покойной голубизной и въ немъ блеснула звѣз-

дочка. Воздухъ былъ тихъ и влаженъ, чистъ и утонченъ. Соловьи свистали; зацвѣла черемуха; вода на прудѣ стояла зеркаломъ; два нырка, плавая, вели за собой струю; лягушки пѣли въ два нагѣва; съ молодой зелени падали и хлопали о листья капли дождя; вдали загоралась молнія....

Стемпло.... Кой-когда прожужжитъ ночной жукъ, неловко сталкиваясь съ чѣмъ поцало; вскрикнетъ въ берегахъ проснувшаяся утка; а пѣсни селянъ разливаются въ воздухъ. Дѣвчата протягивали концы, паробки имъ подтягивали. Когда накрапывалъ дождь, прерывались пѣсни селянъ; только возлѣ господской кухни слышался звонъ балалайки, вскрикиванье и хохотъ дворовыхъ. Едва переставалъ дождь—и снова на селѣ затыгивались пѣсни.

Блаженное время! Все, что было тогда кругомъ меня,—жло во мнѣ полною жизнью. Доставало созвучья на все; все восторгало душу; пѣснями я заслушивался, упивался ими. Утро, вечеръ, дождь, мятель,—все наполняло грудь волненіемъ, которое вырывалось пѣсней, и я пѣлъ. пѣлъ громко и цѣлый день... Въ ту пору, войска тянулись съ одного конца Россіи на другой. На утренней зарѣ, меня разбудила непривычная селу военная тревога. Я отворилъ окно; пахнуло свѣжестью, востокъ загоралъ; сѣрая нижегородская дружина шла садомъ; близь дома она свернула всторону и пошла большою дорогой, затянувъ: *»Ахъ! да не одна то во поля дороженька пролегла!»* Долго я слушалъ эту пѣсню, ловя ея уносящіяся, замирающіе вдали звуки.

Мы сидѣли съ дѣвчатами вокругъ умиравшей ихъ подруги и сегодня простились съ нею. Она жила съ управляющимъ—нѣмцемъ; родила; дитя умерло, она грустила, сохла, и вотъ мы ее схоронили.... Бѣдная Марьяна! Еще такъ недавно я съ тебя рисовалъ, еще такъ недавно и такъ твердо ты, слушааясь своего сердца, полная рѣшимости, шла навстрѣчу незаслуженному позору. — Это была уже вторая жертва нѣмца. Годъ тому назадъ такъ же умерла Маринка (*).

Жизнь ваша, бѣдныя созданья, самая грустная повѣсть. Отправляетесь вы со свѣту одна за другой съ тѣми дѣтьми, которыя были

(*) Разсказъ о смерти Маринки помѣщенъ мною во II томѣ «Записокъ о Южной Руси», П. А. Кулиша.

плодомъ вашей довѣрчивой души и—забывается ваше имя... а управляющій—нѣмецъ ищетъ уже новую любовницю, спокойный и беззаказанный...

Я отправился въ село; зашелъ въ *клубу* и встрѣтилъ тамъ одну глубокую старуху; дѣтки играли подлѣ. Миѣ послали *рядно*—и вотъ бесѣда:

— Скільки тобі годъ, бабуся?

— А Бо (Богъ) ёго зна.

— Бабуся, а бабуся! (*) що, дідъ той, що живе недалёко одъ Явдошки коло проулка, Арапъ той,—старійший відъ тебе?

Старуха оставила пряжу и смотрѣла на меня.

— Арапъ!?. вінъ бувъ ще мальчишкой, хлопцемъ, якъ я була жінкою.

— Скільки жъ тобі годъ?

— А отъ що... я вамъ скажѣ приказкою... Я пішла заміжъ двадцяті-двохъ годъ... Чоловікъ старій якъ умеръ, то піпъ казавъ, що ёму було дев'яносто годъ безъ трѣхъ; а женівсь вінъ двадцяті семи годъ... а живу я безъ чоловіка, бачте, якъ вінъ умеръ,—пройшло вже дѣсять годъ безъ одного.

Она продолжала пряхть; дочь ея, уже не молодая, сидѣла подлѣ и тоже пряха; ребенокъ возился около меня, другія дѣтки играли у входа, на солнцѣ. Звали бабуся Тетяною; она еще была въ разсудкѣ и даже охотно пѣла пѣсни, старческимъ дрожащимъ голосомъ....

Ой идуть дівочки.

Да якъ паняночки,

Ой усі въ віночкахъ —

А на молодій да на Марусеньці

И віночка нема.

— Ой молодая да Марусенько!

Де віночокъ діла?

— Ой я вчора та й звѣчора

Пьяненька була,

(*) Старуха была глуха.

И склоніла та головошку, —
 Да її загубіла... —
 Ой узяні да її молоду Марусю
 За—під білі бѣки:
 Да її укїнули да молоду Марусю
 У Дунай глѣбкій....
 — Оце тобі, да Марусенько,
 За хорошу вроду —
 Плавай же ти по тихімъ Дунаю
 Да пий холодну воду.

(Вона струїла байстрія, що привелі; а її вївели дівки та її вкїнули въ Дунай глѣбкій... обьяснила миѣ старуха).

Какая сила и сжатость языка въ этой драмѣ! Сколько достоинства въ народной поэзіи!—нѣтъ лишняго слова, какъ и въ пѣснѣи нѣтъ лишней ноты. Старинной вѣсть отъ этой пѣснѣ.—Дунай,—чрезвычайное уваженіе къ дѣвственности,—немиосердная строгость. Теперь, правда, не кидаютъ такой дѣвчины ни въ Сузу, ни въ Дніпрѣ, но во многихъ мѣстахъ, если дѣвчина окажется, во время свадьбы, нецѣломудренной, надѣвають отцу и матери хомуть (и жлѣкто) на шею, водятъ ихъ по деревнѣ, припѣвая срамныя пѣсни, и вымазываютъ ихъ хату грязью. Въ Черниговской губерніи, *платцоватые* цыганы (т. е. носящіе родъ плащей, и перекочевывающіе съ шатрами, а не тѣ, что носятъ сельскую одежду и живутъ въ хатахъ) рассказывали миѣ, что у нихъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ нечестно, то жгутъ колеса у воза ея родителей и, тоже съ хомутомъ на шеѣ, водятъ по шатрамъ, бранясь и насмѣхаясь. У Мордвы и Чувашей сохранилась подобная же строгость. Этотъ обычай сдерживаетъ отъ соблазна, но его гнѣтъ часто бываетъ причиной убїенія незаконнорожденныхъ.

Дочь старухи Тетяны спѣла пѣсню очень—хорошую и по словамъ и по грустному напѣву. Въ ней обозначились характеры мужской и женскій, каждый сохраняя свойственный ему оттѣнокъ. Наущаемый напѣтами матери, мужъ убилъ жену свою; онъ не боится суда и расправы, не бѣжитъ скрыться по совѣту матери, а вполне раскаивается передъ своею совѣстью и громадою, хочетъ похоронить жену съ честью, совершить надъ душой ея помпикі, готовъ дать и коня, и сѣдло, шпое золотомъ, тому, кто разбудитъ убитую.

Мати сина да при людяхъ била;
 На самоті сина научила: (*)
 Да поїдь, спну, у Прилўку до торгу,
 Да купи, сїну, дротяній віжки —
 Да звязї сўці ще й рўчки п віжки;
 Купи, сїну, дротяну нагайку
 Да бий мїлу зь вїчора до ранку.
 У півночі кобра звєїла,
 А п кь свїту вже мїла не жїва...
 Лежить мїла якъ ожїна сїня,
 Стоїть мїлий да якъ папірь білий...
 — А що бўдемъ, матїнко, робїти, —
 Убївъ жїнку,—ні сь кимъ менї жїти!..
 — Запрягай, сїночку, білу ю кобілу,
 Да їдь, сїну, вь чужю країну.
 — Треба, матї, попамъ сказаїти,
 Треба її тїло й поховати,
 Треба, матї, громаду збїрати,
 Треба її дўшу помнїати.
 Колибъ я знавъ, хто мїлу розбўдїть,
 Давъ би їмў коня воронїго
 П сїдельце пзъ злїта самїго,
 П нагайку, якъ чорну ю галку,
 П попрўгу зь великого тўгу...
 Колибъ бувъ матерї не слўхавъ...

Пївиць помнїлось, что пїснї не копецъ, да она его не знала.
 Пришла другая жєнщина п прїсїла возлї насъ; одно дїтя сосало
 ея грудь, другое она обїяла, п вь такомъ положєнї спїза слїду-
 ющу ю пїсню:

Приївъ чорнїць Кузємочку за рїдну дїтїну,
 Да п ожєнївъ на чужїї сторонї.
 Поїхавъ Кузємка у мїшїї молїти,
 Да п заїхавъ до тєстї у гїстї.

(*) По другому варїанту:

Мати сина насїльню жєнїла;
 На пїдпїтку невістку судїла. *Ред.*

Якъ сівъ Кузёмка мовеньку мовити,
 А Милішка изъ Одаркою сокіри гострити.
 Ой сівъ Кузёмочка вечерю уживати,
 А Милішка изъ Одаркою въ вікно виглядати.
 Да поїдьмо, Кузёмочку, съ хати,
 Да поїдьмо въ чисте поле гуляти;
 Ой сядь же ти, Кузёмочко, — отгуть підъ ворбою,
 А ми поїдемо далі на розмову.
 Сіла Милішца Кузёмочці ськати,
 А Одарка изъ сокірою шню рубати...
 У нашої у Милішечки въ підількахъ мерёжка:
 Куді везлі та Кузёмочку — кривавая стёжка.
 У нашої у Одарки на застібці стрічка,
 Куді везлі та Кузёмочку — да кривавая річка.
 — Продавай, мій татусенько, волі та корови,
 Визволий насъ изъ неволі!
 Ой продавай, мій татусенько, волі та телічки,
 Визволий насъ изъ темнічки. —
 »Продавъ я, мої донечки, волі та корови,
 Та не визволю изъ неволі...
 Оце тобі, да Одарочко, за твою розмову
 Сиди въ піскі, да їжъ тузку, да пий холодную воду.

— Вони ёго убили за теє, що вінъ обохъ разомъ любивъ (объяснила пѣвицы).

Я отправился на край села, гдѣ стояла одинокая хатка; плетни
 вокругъ нея были ветхи; на дворѣ пусто; мужское хозяйство было
 запущено. Близъ хаты былъ яръ: — здѣсь я любилъ сидѣть неза-
 мѣченный никѣмъ и вслушиваться въ беконечно-грустное задушевное
 пѣнье молодой женщины. Почти всегда она была одна дома, и рабо-
 тала. Теперь она укачивала ребенка, прядла и пѣла. Веретено гудѣло
 и наводило невыразимую тоску. Несчастная женщина поетъ, а вере-
 тено однообразно стонетъ; прервется стоишь на мигъ, и снова вто-
 рить грустной пѣснѣ. Пѣлась знакомая мнѣ пѣсня:

Да зачѣла старá мати,
 Да по тймъ бѣці стоá...
 »Ой не плачь, доню, не журися,
 Бо така твоя дѣля;

Ой полюбила пройди-світа,
 Да при місяцю стоїа.
 — Не д ёго полюбила,
 Полюбила моя мати:
 Ой повеліла мені мати
 Білі рушнички дагага...
 Чц я въ тебе, мой мати,
 Да хлїбъ-сізь персіла,
 Що ти менє, мой мати,
 За бурлаку затошила?
 Затошила головоньку
 У чужю стороношкю.
 У чужю стороношкю
 Въ безоднєє морє!..
 Ой звязи мені, мати,
 Да китайкою оці:
 Ой веди — тошї до річеньки
 У темнєнкій нєчи;
 Да пристрої менє, мати,
 Щобъ я не зринїла,
 Ой щобъ я сєго гора
 До-віку не знїла.

Я оставлялъ занятя и слушалъ пѣсни своихъ подругъ-дівчатъ, которыя въ сосѣдней комнатѣ сидѣли за работою въ пальцахъ, вышивая панскія юбки, воротнички, платки и прочія тряпки. *Петрівки* смѣнялись другими, и часто пѣли мои, въ то время, любимыя пѣсни. Я никогда не пѣлъ исключительно избранныхъ, любимыхъ пѣсенъ; нравилась болѣе та или другая пѣсня смотря по расположенію духа. Хоръ дівчатъ былъ прелестенъ; мотивъ несся и въ него вливались всѣ маленькія отступленія каждой изъ пѣвицъ. Каждая пѣла по-своему, по собственному вкусу, по сердечному влеченію. На время смолкала одна, прерванная работою, но скоро снова подхватывала пѣсню или на той нотѣ, гдѣ пришлось, или догоняла подругъ, выпѣвая всѣ пропущенныя ею стихи. Хоръ былъ неподражаемый. Однѣ и тѣ же дівчата не всегда одинаково пѣли одну и ту же пѣсню. Какая разница съ хорами ученыхъ пѣвицъ, которыя поютъ стройно, ровно—словно маршируютъ! Дівчата поютъ потому-что поется. Пѣсня выбирается общимъ располо-

жеиёмъ духа; тогда—какъ въ ученомъ хорѣ поютъ съ мыслью, что ихъ слушаютъ и чтобъ ихъ слушали. Тутъ хоръ случайный; одни голоса схожіе, другихъ не достааетъ; но отъ этого именно пѣсня получаетъ характеръ правды, жизнь, свѣжесть и прелесть, тогда—какъ тамъ всё подобрано, выравнено, выправлено. Въ этихъ непріятныхъ хорахъ проявился противохудожественный духъ формалистики и солдатчины. Дівоцькій наивный хоръ поетъ и вѣритъ въ пѣсню, въ ней живетъ всѣмъ существомъ; а ученые хоры поются, чтобъ щегольнуть, и рѣдко проникнуты содержаніемъ. Моя нелюбовь къ хорамъ подобного рода относится не только къ тѣмъ пѣсельникамъ, которые потѣшаютъ публику на островахъ, минеральныхъ водахъ и театральныхъ подмосткахъ; но и къ наслѣственно—составленнымъ пѣвчимъ при панскихъ дворахъ, къ цыганамъ, которымъ такъ рукоплещетъ Москва и Петербургъ, и которые такъ блѣдны и непріятны, когда вспомнишь разгульные вольныя пѣсни кочевыхъ цыганскихъ таборовъ. Подобные хоры лишены сердечнаго увлеченія и представляютъ собою жалкое перерожденіе народной музыки. Восхищаться можетъ этими хорами только наше общество, оторванное отъ народа и представляющее собою такую же жалкую его пародію, какъ и пѣсни, которыми потѣшается. Глядя на наше общество, узнаешь иногда стихи того народа, изъ котораго оно вышло, — но переродившіяся, изуродованныя, часто смѣшныя, часто отвратительныя и лицемерныя. Члены его стоятъ особнякомъ равно чуждые народу и цивилизаціи, потому что образованіе понито ими ложно; правильное развитіе уяснило бы явѣ, что стремленіе, цѣль цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы слить въ одно всю разнородную массу элементовъ, изъ которыхъ сложился весь народъ, и продолжать общее движеніе впередъ цѣльной, мощной массой.

То же бездущіе въ пѣніи парадныхъ пѣвчихъ и на клиросахъ модныхъ монастырей: — отъ ихъ аккордовъ, ихъ выученныхъ соло и въ концѣ пѣнья густо—пущенной октавы — такъ и пахнетъ духами. Не такъ пѣли первобытные монастыри, когда соединила братію искрення вѣра. Тогда не свѣвались передъ службой, чтобъ хвастнуть стройно—пошлымъ пѣньемъ à l'italien, а пѣли свободно душевныя молитвы; хоръ прерывался хоромъ; пока одинъ клалъ земные поклоны, другіе пѣли. Улары въ доску, или звопъ колокола, свѣвались въ общую гармонію, и имѣли свое осмысленное значеніе. Хоры первобытныхъ христіанъ не пѣли подъ камертонъ; разладъ въ ихъ пѣніи вдулъ свою гар-

монію; хоръ селянъ не поеть подъ взмахъ капельмейстера; пѣсня его раздается сама-собою, и въ его вольныхъ перелцвахъ, въ его нестройности именно та вѣрная себѣ, упоительная гармонія, которую я слушаю и не наслушаюсь. Такихъ наивныхъ вольныхъ хоровъ положить на ноты нельзя; ноты передаютъ мертво; онѣ не въ состояніи передать физиономію и игру пѣсни. У меня записана звукъ въ звукъ игра бандуриста, но когда мнѣ разыгрывали эти ноты, то рѣдко кто мнѣ могъ напомнить его игру, и я съ досадой слушалъ, какъ игра была точна, вѣрна, безъ фальши, — но въ то же время — мертва, лишена смысла и духовности. У бандуриста жилъ каждый звукъ; онъ собирался съ пѣньемъ, отыскивалъ мотивъ и настраивалъ самого-себя, тогда-какъ по нотамъ мнѣ брнчали отрывисто и бессмысленно. Я уже и не вспоминаю о тѣхъ аккомпаниментахъ, которые придѣланы въ изданіяхъ народныхъ пѣсней: они рѣшительно оскорбляютъ и вкусъ и ухо.

II.

Левединець. — Кобзарь Остаць.

Я вѣхалъ къ Гр. П. Галагану на освященіе *Будинка*. Сельская дорога вела по житамъ и гречкамъ; пестрѣли васильки и макъ; на толкѣхъ паслись мериньсы; изъ *будяка*, который лѣсомъ укрывалъ стень, вылетали голуби; наконецъ—черезъ массивные ворота, я вѣхалъ въ чистый и обширный дворъ. Съ-боку стояла бѣленькая хатина, смѣясь на солнцѣ, а прямо передъ глазами былъ домъ съ навѣсами, крылечками, подпорами и присѣбой кругомъ всего дома; высокая соломенная крыша укрывала его, а за нимъ возносились пирамидальныя тополи и рисовались густыя кучы деревь. Вербы свѣсили свои нѣжныя вѣтви къ крышѣ и окнамъ. Съ другой стороны дома садъ съ темными аллеями подходилъ къ самому *поддашью* (комната безъ наружной стѣны, которая (стѣна) вставляется только зимою) и аллеи его на полверсты тянулись и пересѣкались одна другой; то липовая вся въ цвѣту, то изъ орѣшника, то кленовая, то черемховая, то березовая, то вся изъ акацій. Плодовыя деревья, кусты ягодъ, гряды земляники раскинулись по всему саду, окаймленному колючимъ терномъ. Послѣ молебна, обѣдни и освященія этого дома (*будинка*), мы обѣдали на старый ладъ, запивали паливками и вен-

герскимъ изъ дѣдовскаго запаса. Всѣ радостно привѣтствовали это старосвѣтское, вновь рожденное дитя. Будничокъ смотрѣлъ такъ уютно, такъ привѣтливо; свою физиономію онъ переносилъ насъ въ жизнь давно прошедшую, и невольно порождая во многихъ присутствовавшихъ желаніе сдѣлать и у себя такой же. Зачѣмъ *такой* же? Гр. П. Галаганъ попытался, и очень удачно, воскресить прошлое; всякою мелочью въ домѣ онъ хотѣлъ напомнить намъ жизнь дѣдовъ и прадѣдовъ; это очень похвально,—шагъ все-таки сдѣланъ, но подражаніе, всегда насъ преслѣдующее, явилось и тутъ. Почему бы не сдѣлать шагъ впередъ и не идти далѣе, чѣмъ могли наши предки?

Когда я заговорилъ о томъ, что слѣдуетъ строиться по остаткамъ старины, по вкусу и потребностямъ народа; то немногіе меня понимали, не многіе мнѣ сочувствовали, всѣ почти считали эту мысль за увлеченіе, за дѣло невозможное; но вскорѣ, подѣ моимъ надзоромъ и съ моею помощію, соображаясь съ народнымъ вкусомъ и остатками старины, начерченъ былъ планъ каменнаго малороссійскаго дома архитекторомъ И. В. Штромомъ. Я подарилъ планъ графу А. П. де-Б-ну. Мнѣ хотѣлось, посредствомъ этой попытки, устранить тотъ англійскій коттеджъ, который онъ думалъ строить. Удалось ли мнѣ — не знаю.

Мы всѣ ясно видимъ безтолковость нынѣшнихъ домовъ и ихъ разладицу съ жизнью; никто однакожъ не хочетъ изучать настоящихъ требованій, и, основываясь на этомъ изученіи, сдѣлать попытку собственной народной архитектуры. Напрасно думаютъ, что это такъ трудно, что это доступно только гению:—тутъ создавать нечего, все уже давно существуетъ;—нужно только внимательное розысканіе и любовь къ дѣлу. Стилъ—не прихоть онъ рожденъ климатомъ, мѣстными потребностями, вкусомъ, который, въ свою очередь, образовался подѣ вліяніемъ исторіи. Сообразивъ требованія и условія страны, и обобщивъ ихъ, мы получимъ стилъ. Все, что происходитъ не отъ этихъ требованій, —противъ мѣстныхъ условій — непростительная ошибка,—и въ архитектурѣ влечетъ за собой лишнія хлопоты и лишнія траты. Каждый народъ имѣетъ свой вкусъ, свои потребности,—дайте только имъ возможность проявляться, а не подавляйте ихъ.

Чтобы понять народный вкусъ и изучать его, надо обратиться не къ тѣмъ храмамъ и зданіямъ, которые строились иноземными выходцами (они непременно внесли туда свой элементъ,) а къ тѣмъ, которые строились самимъ народомъ. Источникъ народнаго вкуса—его

быть: его-то и должно изучать, вмѣстѣ съ обычаями, обрядами, пѣснями и даже складомъ народной рѣчи. Тогда бездѣлницы, мимо которыхъ проходили прежде, не замѣчая, теперь привлекутъ вниманіе и получать для насъ цѣну. Тогда мы увидимъ народную своеобразность, которая откроетъ намъ глаза на новое дѣло народной архитектуры. Пора, наконецъ, выступить впередъ и предъявить свои права въ этомъ искусствѣ. Пора кончить съ чужеземщиной, почти не имѣющей для насъ смысла. Это не бредъ,—это твердая вѣра въ благое начинаніе и уваженіе къ личности народа. Глядя на *хату*, ясно видишь вездѣ мысль и удовлетвореніе извѣстной потребности. Всѣ въ хатѣ утверждено здравымъ разсудкомъ; а мы пренебрегаемъ и не замѣчаемъ этихъ проявленій народнаго разума—по той причинѣ, по которой донинѣ не обращали вниманія на самый народъ. Могутъ возразить, что, съ развитіемъ народа явятся въ немъ и другія потребности. Да, правда: цивилизація мѣняетъ все,—частью измѣнитъ и климатъ, проведетъ сообщенія и уничтожитъ разстоянія,—степи засѣетъ лѣсомъ, доставитъ камень въ черноземную полосу, деревянные подпоры и балки можетъ замѣнить желѣзными и т. д. Но цивилизація не можетъ уничтожить климатическихъ и мѣстныхъ условій вполне; а они—то и составляютъ законъ народной архитектуры; правда также и то, что истинная образованность дорожитъ личнымъ развитіемъ народа, уважаетъ его особенности и берегаетъ ихъ. Поэтому нечего опасаться, что наши труды бесполезны; обратимъ все вниманіе на разработку своей народности, и этимъ послужимъ человечеству, въ его общемъ развитіи. Другая жизнь и другіе народы намъ менѣе знакомы, и дѣятельность ихъ намъ менѣе свойственна. Кто, не укрѣпленный этимъ взглядомъ, начнетъ строить, то сейчасъ же воспитаніе его,—его иностранныя, стѣснительныя для него же привычки,—проглянуть изъ каждаго окна, изъ каждой части его зданія; это зданіе будетъ жалкимъ трудомъ и непростительною потерей денегъ безъ мысли. Такъ чужеземщина вездѣ втирается къ намъ и насилуетъ насъ; а мы не имѣемъ ни сознанія, ни твердости освободиться изъ—подъ уродующаго насъ гнета.

Для уясненія народнаго вкуса въ постройкѣ, слѣдуетъ собирать и приводить къ одному знаменателю все, что только можно захватить изъ народной жизни. Образцомъ для общихъ формъ дома должна служить хата, въ ней есть всѣ данныя, во всей ихъ чистотѣ, старосвѣтскіе же *будинки* и *каменщи* должны разсматриваться съ ог-

лядкой, потому что и туда внесена порча. Для архитектурных украшений слѣдуетъ изучать рѣзбу: на карнизахъ, окнахъ, дверяхъ, *сволокахъ, млинахъ и вѣтрякахъ, воротахъ, коморахъ, подпорахъ, ярилахъ и чумацкихъ мажахъ, корѣмслахъ, прачахъ, скамьяхъ, столахъ, солонкахъ, божницяхъ, полицяхъ, рѣчныхъ дубахъ (судахъ); шитье рубахъ, рушниковъ, хустокъ; рисунки: плахтъ, крашанокъ, писанокъ... и этихъ матеріаловъ безъ конца. Обо всемъ этомъ стѣитъ подумать, этимъ стѣитъ заняться... Но вернемся къ празднику.*

Съ *рундука* (крыльца) бросали пряники, дарили шапки, платки; народъ только-что пообѣдалъ, — начались пляски, танцы; пьяные упали гдѣ кто былъ, ловко раскинувшись. Я сидѣлъ на *присѣбѣ*, съ своимъ старымъ другомъ *Остапомъ* (*); надъ нами было рѣзное дубовое окно.

— Подивись, Остапе, — рукою облапай, — якъ гърно рѣзано вікно.. Я взялъ его руку и приложилъ къ рѣзбѣ.

— Такъ щожъ! на що мені дивитьця? ще пані будуть лаятьця. Що мені дивитьця?.. Та воно гърно!.. Коли бъ було гърно й на тѣмъ свѣті...

Мнѣ была отведена чистая хата. Утромъ, меня разбудилъ шорохъ у дверей: Остапъ ощупывалъ входъ. Онъ вошелъ съ бандурою подъ полой и сѣлъ возлѣ моей постели; женщина, которая его привела и съ которой живетъ онъ, стала у дверей и, подперши щеку рукой, слушала умильно нашу бесѣду.

Бесѣда была коротка; она скоро перешла на думы и пѣсни. Очень жалѣю, что не могу привести тутъ голосъ думы, которую, въ этотъ разъ, пропѣлъ мнѣ Остапъ; но сохраняю ее со всеми остановками (которыя я обозначаю посредствомъ точекъ), такъ ясно передающимъ состояніе духа пѣвца и глубоко-трогательный смыслъ думы (**).

Ой у неділю та бързо рѣпо—поранѣнько,

Ой то не въ усі дзвони дзвоніли,

(*) Портретъ бандуриста *Остана Версала* находится въ числѣ рисунковъ (именно XIII-й) *Живописной Украины*. Біографическія свѣдѣнія объ немъ помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

(**) Я записывалъ обыкновенно слово-въ-слово, буква въ букву, не позволяя себѣ никакихъ поправокъ, и потому читатель не рѣдко встрѣтитъ въ пѣсняхъ ошибки противъ выговора и языка; но самыя ошибки весьма важны въ этнографическомъ отношеніи. *А. Ж.*

Якъ у крайнѣму домі отѣць и мати гомоніли,
У чужу сторону сїна випровожали:

« Ой иди жъ ти, сїну, между люде,
Бо тамъ тобі лүчче буде!»

— Якъ то мені, мати, не хотїлося
У чужїї сторонї пробувати;
Будуть менѣ *прошеницель* называти.

До то сестра старша коня веде;
Сестра середульша збрюю несе;
Найменша сестра брата випровожает,
Словами промовляє,
Гірко слезами ридает...

« Братіку мій милий,
Якъ голубонько сивий!

Відкиля тебе, братіку, въ гості виглядати?

Чи зъ буйного вою,

Чи зъ чистого поля,

Чи зъ славного люду Запорожжя?»

— Ой не виглядай мене, сестро,

Пі зъ буйного вою,

А ні зъ чистого поля,

Ні зъ славного люду Запорожжя..

Возьми, сестро, жовтого піску,

Посій на білому каменю,

Уставай раненько,

Да поливай пісокъ частенько

Ранніми, вечірніми зорями —

Усе своїми дрібними слезами..

То якъ будуть, сестро, о Пётру ріки замерзати,

А объ Роздві калина у лузі білими цвітомъ процвітати,

Объ Василю ягоди зрожати,

Жовтий пісокъ на камені схожати,

Сивимъ цвітомъ процвітати,

Хрещатимъ барвінкомъ камень устілати:

Дакъ тоді я буду, сестро, до васъ у гості прибувати.

Остапъ остановилея и сказаль:

(*Се, бачте, вінъ гарну казку казавъ; а вона ему й о двіча:*

«Якова: я, братіку, у світі стала,
 Що я сёго одь старіхъ людей не чувала,
 Щобъ о Пётру,— ріки замерзали,
 А обь Різді — калина у лүзі процвітала,
 А обь Василю — ягоди зростали,
 И щобъ жівтий пісокъ
 На камені схожавъ,
 Сінимъ цвітомъ процвітавъ,
 Хрещатимъ барвінкомъ камень устїлавъ
 Щобъ—то тоді братъ до сестри у гості прибувавъ».

.

(Остапъ прервавъ пѣнье и игралъ въ раздумьи на бандурѣ).

— А ищѣ жь бо ти, сестро, бо сёго й не догадаєся?
 Ужѣ о Пётру, сестро, рікамъ не замерзати,
 Калині у лүзі обь Різді — не процвітати,
 А обь Василю — ягодъ не зростати,
 И жівтому піску на камені не схожати
 Хрещатимъ барвінкомъ камень не устїлати...
 До такъ—то мені, сестро, у вашему домі гостемъ не бувати...

Онъ снова игралъ безъ пѣнья довольно продолжительно. Въ думѣ ясно выражались суровость и гнѣтъ отца, покорность жены его, которая не отвѣчаетъ сыну изъ боязни, и грусть сестеръ, безмолвно снаряжающихъ брата въ путь. Только юность, забывъ все, даетъ волю своему чувству... Еслибы не было тутъ повтореній, еслибы разсказъ развивался далѣе, я былъ бы не удовлетворенъ. Мнѣ не хотѣлось еще перейти къ другимъ чувствамъ, къ другимъ впечатлѣніямъ. Эти повторенія удерживали вниманіе на главномъ предметѣ и давали время вполнѣ углубиться въ сцену разставанья. Бандурнсть былъ переполненъ чувствомъ; онъ прервавъ пѣнье, продолжая играть въ тѣхъ же мотивахъ и подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Эти, то переливающиеся, то прерываемые звуки металлическихъ струнъ сильно дѣйствовали на сердце, мысль глубже вникала въ думу, и живая картина носилась передъ глазами.

Остапъ продолжалъ:

Ой то добре, братіку, знати (?) у себѣ мати,

И у чужій стороні, у дорогилъ кармазинахъ пождати.
 То бѣдуть тебе добрі люде знати,
 Бѣдуть у тебе куми й побратими...

А якъ пришибе, тебе, братіку, на чужій стороні
 Злая година,
 Лихая хуртовіна,
 Тоді одречетця одъ тебе усяка названа родина.

Тутъ Остапъ заигралъ проворно и чуть не рвалъ струны...

И кумі й побратими,
 И товаришъ вірненький...

Начавъ нѣсколько тихо, онъ игралъ уже громче и громче, — и запѣлъ:

Якъ то трудно рібі на суходолі,
 Звіру, птиці, безъ поля и безъ діброви,
 До такъ-то трудно на чужій стороні пробувати—
 Безъ роду и безъ сердешної родини.

Якъ-то трудно изъ спрої землі білий камінь извяти,
 То такъ-то тяжко-важко у чужій стороні
 Безъ роду, безъ сердешної родиноньки помірати...

Тутъ Остапъ забувся и игралъ долго, долго. Быть-можетъ, онъ вспомнилъ собственную жизнь, — вспомнилъ, какъ его выгнали зять, вмѣстѣ съ его же дочерью, изъ его же хаты, и какъ придется ему умирать на чужой землѣ, *безъ сердешної родиноньки*. Онъ игралъ грустно, разрывалъ душу на части. Наконецъ, запѣлъ припѣвъ, обыкновенно заканчивающій думу:

Усліши, Господи, у просьбахъ и у молитвахъ:
 Люду царьському (*)

(*) Въ старину нѣли:

Люду гетьманьському,
 Народу християнському.

Но съ переменою правленія, народъ замѣнилъ его, для него уже отжившее, выраженіе близкимъ и понятнымъ. *Л. Ж.*

II народу християнському.
 II усім головамъ слухающимъ —
 На многі літа,
 До конця віка,
 На многі літа
 До конця віка...

Женщина, которая все время стояла у окна, по окончаніи пѣнія отошла къ двери и плакала. На вѣскольکو минутъ наступило въ хатѣ молчаніе; только было слышно ея всхлипываніе. Поговоривъ со мною немного, Остапъ снова запѣлъ въ ладъ съ ощущеніями, вызванными прежней думой:

Ой горе, горе на сімъ світі жити!
 Боронь, Боже, смерти, бѣдетъ Богъ судити. 2.
 Якъ чоловікъ здоровъ, до усякъ ёго кохає,
 А при лихій годині, ёго й рідъ цурає. 2.
 Що при добрій годині — кумі й побратимъ,
 А при лихій годині — нема й родини. 2.
 А мати старая зъ жалю умирає...
 Діти жъ мої, діти, я васъ годувала! 2.
 А якъ то трудно а камень жувати,
 А ще гірше дітєй годувати. 2.
 А діти на тєє—ніть—ні мало не дбають,
 Да ще гірше отця й матку словами огорчають. 2.
 Колибъ то ми мали у небі пробувати,
 Було бъ же намъ отця й матки да й не огорчати. 2.
 Коли бъ же могли ми у небі проживати,
 Було бъ же намъ отця й матки да й не зневажати. 2.
 Кого жъ то Богъ любить, того й награждає,
 А за отця й матку Синъ Божий карає!.. 2.
 Ой Ісусе мій, 'Сусе крижоващій!
 Утішай и помилуй народъ православний!
 Ой Ісусе мій, Ісусе Назарейський!
 Утішай и помилуй увесь міръ християнський.

Поправъ еще немного, Остапъ остановился, оиѣстилъ руки, вздохнулъ и сказалъ: «Честь Богу и хвала!.. Ся пісенька до ліря слава. Боронь Боже, яка гарна!»

— Остане, давно вже, підь Погтавою, дідь співавъ мені на сей гласъ пісню про смерть. Вона починалась такъ:

Ой уже смерть до ворить приходить: —

Ой не хочетья умерать мені:

Діти мої, да просіте ви її,

Що бь мене молодого не взяла собі?

Чувъ ти сю пісню?

— Ні, не знаю... ні, не чувъ.

— Жаль, а гарна пісня. Дідь мені співавъ, співавъ та її заплакавъ.

Остапъ захохотавъ.

— Що жь, вінъ заплакавъ, а не заплакали *люде*?!.. ха, ха, ха!..

— Чи давно вже ти осліпъ, Остапе?

— Мені було годъ чотирі.—Колибъ я осліпъ більшимъ, тоді бь я знавъ, що такє сонце та огонь, та її якє воно — красне або жовте; ато я нічого не знаю. Се, бачте, мені розказують отецъ та мати, що такъ було: (літъ дєсять якъ умеръ отецъ, а мати пятнадцять — я їх її поховавъ у Калюжницяхъ)... Обучавъ я въ Лохвицькімъ уїзді, у старика, гратъ и співатъ, да її вінъ вже вмеръ. У мене є дочка, — тамъ же, у Калюжницяхъ. Я до єї зятя—приймака пршійвъ, та вінъ ставъ мене зневажать, худими словами називать; та, наослѣдокъ, и сказавъ дочці, щобъ вона мені не давала її їсти, и що коли вона буде йти до батька, то вінъ їй голову одрубає. Такъ я жалувавъ Дмитрію Ивановичу, да.. Богъ їмъ судий! покинувъ їхъ, да її пішовъ блудить, та сюді її зайшовъ жить. Дай, Господи, щастя наіамъ, що милують... Якби я бувъ роботящій, то зять би мене уважавъ...

— Що жь, ти ніколи не бачишь ні зятя, ні дочкі?

— Ні.

И онъ заигравъ:

Котилися вози зъ горі,

На долині стѣли,

Любилися, кохалися,

Да вже її перестѣли...

Потомъ переставъ игратъ и сидѣлъ, сложа руки.

— Остане, чи було бь лѣчче, колибъ ти бувъ видющій? Мені

здається, що такъ лучче. Теперъ ти вільний, а тоді зароблявъ би гроші панамъ, або ходивъ би що-дня на панщину.

— Вамъ здається, що наша жисть лучча?.. ні.. наша жисть, темнихъ людей, погана; дорожше очей нема въ світі нічого... Куди пройти треба, то найми,—проси, щобъ провези, куди треба. У хаті холодно: — другі що бачать, вони підуть въ лісь, нарубують та й топлять; а мені не можна такъ: тягайся по світу въ митіль, ить морозъ, зароби гроші, та найми наймита, щобъ дровъ нарубавъ да привізъ, та затонивъ пічъ,—якъ у пана; а тамъ знову роби, щобъ топить.—Хазіинъ, бачте, наймавъ гратъ на весілля, — я їмъ поставивъ на 20 копійекъ горілки, а вони пропили ще й мою гречку.

— А де твій поводирь, Остапе?

— Та вінъ теперъ ушився, та лежить якъ мертвий.

— Якъ!... вінъ же ще маленький?

— Воно не дуже мале; се не той вже поводирь, що ви знаєте: той утікъ; вінъ лінивий, нічого не хоче робить, ні гратъ, ні співають; звісне діло, — я его ударивъ, для его жъ цользи, а вінъ и втікъ до батька та до матері; вони его балують. *Гарна мазана паланиця, а не дитина.*

Остапъ, желая подтвердити свои слова и сильнее закритичить ихъ въ своей вѣрѣ, сказалъ:

— Усе такъ було, якъ кажѹ. Коли я брешѹ, то бачте — я не бачу, то колибъ ще я й онимивъ! Отъ що!...

— Треба тобі навчати другого хлопця...

— А якъ же! Треба їхъ навчати. Усе жъ вони кускомъ хліба розживутця. Я, слава Бѹгу, хочъ погано, та граю на бандурці, а якъ не вмивъ би, то пропавъ; хоть візьми та въ воду и лізь. Воно добре, що дають навчати съ молодства, отъ я—щѹ почѹю разивъ зѹ два, то вже й заспіваю. Пісня хороша, якъ гласъ хорошии; якъ-ноки я бувъ молодшимъ, то бувъ у мене гласъ—такъ—такъ! А теперъ не то,—літа проходять, не такъ співаю, зубивъ нема.

Его сожительница, стоя у дверей, разхваливала поведєніе своего Остапа; она между-прочимъ говорила: отъ у мене въ хаті двое синивъ сліпихъ, да якъ вінъ стане молитця у вечері за людей, що емѹ дають милостину, — то якъ почне молитця та поминати, такъ мої діти плачуть, и я плачу... А люди рѹмствують!

Остапъ сидѣлъ; сильно задумавшись, перебирая на бандурѣ пѣсню за пѣсней. Суровое его лицо выражало много мысли. И вотъ онъ

защіль стіха. Входя все болѣе и болѣе въ смыслъ пѣсни,—съ каж-
димъ стихомъ онъ воодушевлявся, и спѣвъ превосходно мою, всегда
любимую пѣсню, которую я только отъ него и слышавъ: «Нема въ
світі правди!» Тѣ стихи, которые Остапъ повторять, я отгѣчаю;
тамъ, гдѣ онъ прерывавъ пѣнье и только игралъ, я ставлю точки:

Нема въ світі правди! правди не зійськати!

Ужé теперъ правда стала въ неправді жити.

Ужé теперъ правда у панівъ въ темниці!

А щира неправда съ панами въ світлиці. 2.

Ужé теперъ правда у панівъ у порога!

А щира неправда—сидить конецъ стола.

Ужé теперъ правда у панівъ підъ ногами!

А щира неправда сидить изъ панами.

Ужé теперъ правду ногами топтають!

А щирю неправду медомъ—виномъ наповбають.

Уé теперъ правда у панівъ у долі!

А щира неправда въ добрій волі.

(У неї проші є, такъ її и воля, обьяснилъ Остапъ).

Ужé теперъ правда, правда умирає!...

А щира неправда—весь світъ пожирає!...

Ужé теперъ правда, правда вже помёрла!...

А щира неправда—увесь світъ пожерла!... 2

Нема въ світі правди! правди не зійськати!...

Тільки въ світі правди—якъ отець, рідная мати. 2.

Були колісь дітки,—стали сирітки,

Не мають вони помічі собі ні відки.

Плачуть вони, плачуть, не можуть пробути,

Своєї рідної мати не можуть забути.

Дежъ то її взяти? Її увидіти?!...

Її ні купити, а ні заслужити!

Весь світъ неходити—правди не зойщити!...

Ой брлице—мати!... Дежъ намъ тебѣ взяти?...

Тебѣ ні купити, а ні заслужити,

Весь світъ неходити—правди не зойщити!!

Хоті бь то ми мали а́нгельскіі крили,
 То ми бь полетіли, тебѣ увиділи!
 Бо вже конець віку ужѣ приближився...
 Хочь рідного брата тепѣрь стережися. 2.
 Изь нимъ въ суду стати, правди не зійськати!
 Тільки срібломъ, злѣтомъ панівъ наснищати.... 2.

Котóрий би могъ чоловікъ а ще правду сполияти,
 До дасть ёму Господь зъ небесовъ що день благодати.
 Бо самъ Господь святий—правда, соміря неправду,
 Сокрушить гордіню, вознесеть святиню,
 Отини до віку, отини до віку!

Остань и самъ любилъ эту нѣсню; пропѣвъ ее, онъ говорилъ:
 «якъ у ярмарку станешъ її співать, то пані й одойдуть... вони її
 не люблять!... теперъ більшъ брехнею живуть!... теперъ же воно и
 правда е!... Бачте, мене побили *титарь* (церковный староста) та
 кучеръ... да панамъ набрехали и мене жъ зробили виноватимъ... Бў-
 де Богъ судити... Обь сій правді, якъ хидишъ по селу та заспіваєшъ,
 то много людѣй плачуть. Теперъ такъ стало, що братъ брата неа-
 видить... Усе хоче, щобъ ему було, а потому не було... Ти, каже,
 молотишъ, — ти, каже, бачишъ (*)... Ахъ Бóже мій, Бóже мій!...

Тутъ Остань засмѣялся и заигралъ на бандурѣ... Кончилъ и
 громко вздохнулъ: ох!

Нѣсня о правдѣ и неправдѣ, была нѣкогда сообщена мною П.
 А. Кулишу, котóрымъ и помѣщена въ *Запискахъ о Южной Руси*;
 но миѣ кажется, что, передавая ее здѣсь съ остановками и повторе-
 ніями бандуриста, я передаю ее осязательнѣе.

Не много погодя, Остань снова взялъ въ руки бандуру и снова
 началъ:

Пресвятая Діво-мáти, помóшнице наша!
 Помагай намъ, нещасливимъ, когда милость твоѣя. 2.

(*) Остань, для молотбы, нанималъ наймита, *какъ пань*, по его выраже-
 нію: по дѣлу работника, кромѣ молотбы, состояло еще и въ томъ, чтобы
 подкладывать снопы подъ цѣпь Остана, котóрый тоже молотилъ. Вслѣдствіе
 этого и былъ на селѣ слухъ, будто бы Остань—зрячій. *Л. Ж.*

Ти бо еси первородна; бо Ти перва и зачатá;
 Передъ ангела ажъ до неба Ти одъ пола взята.
 И въ Бóга создана грíшнимъ помагати,
 Бо Ти можешъ Христá и Бóга за миръ ублагати
 Ублагати, Царице, у престóлахъ Его,
 Создатиля неба и зéмли у Сiна Твоего.
 Алилу́йя, алилу́йя, слава тоби, Бóже;
 Не забудь насъ, Владичице Марiя Госпóже!
 — Не забуду, всiгда бóду ще и до Сiна молити;
 А тiлько ви перестаньте Гóспода гнiвити.
 Не забуду, всiгда бóду ще и до Сiна благати,
 А тiлько жъ ви перестанте грiхiвъ доставати.
 Бóде имя Госпóднее вся преблагословенна
 И во вiки вiковъ, аминь, усá превозношенна.

Затiмъ, пiсню, уже не божественную, стройно, мягко лились у него съ бандуры, а голова его все еще была серьезна и задумчива; но вдругъ онъ дернулъ рукой струны и на секунду остановился. Снова машинально заигралъ, игралъ долго; лицо его стало проясняться; онъ улыбнулся, бросилъ игру и вздохнулъ.

И ему началъ читать *Украину*, П. А. Кулиша. Остапъ обрадовался, услышавъ, что основатель Запорожской Сiчи былъ тоже Остапъ. Очень ему нравились походы козацкiе, нравилось то, что шли на войну по своей волi. Когда я кончилъ чтение, Остапъ вздохнулъ и сказалъ: «Добре булó! чому теперъ нема?»

Далiе я ему прочелъ думу про смерть козака-бандуриста, гдi такъ картинно изображена смерть кобзаря въ степи, послi сраженiя, и прощанiе его съ своей бандурой. Остапъ заплакалъ, ошуналъ бандуру, и сказалъ: «Коли бъ не розбилась!... Кого инодi розвеселишъ, кого засмiтишъ... Хоть жiнка: пiшла, и нема ii! А бандуру вiзьмешъ пiдъ полу; куди ни пiдешъ,—такъ бандура дасть грóшi... Якъ же ii не жалко?... Кому ти достанесся?..»

И снова заигралъ мою, тогда любимую, пiсню:

Скажи, скажи, сiрце, правду —
 Нехай же я буду знати:
 Чи зъ великою мнi радiстю
 Та до тебе прибувати...

И продолжалъ играть далiе безъ пiснiя...

— «Можна ще жалібнійше заспівать»...

І чудесно спѣвъ эту жу пѣсеню, онъ вдругъ заигралъ веселаго козачка. Потомъ:

Добрі вечір, дівчино, чи ти спишъ, чи ти спишъ?

Ой дай мені паяніцію, або книшъ, або книшъ.

.

Ой дівчино, дівчино, відчині, відчині:

Самá собі кривдоньки не вчини, не вчини.

—Не б́ду я, казаченьку, одчинять, одчинять

Бо ти б́дешъ, с́рденько, ночувать, ночувать. 2.

Ой не б́ду, дівчино, не б́ду, не б́ду:

Заспіваяють півники,—я й піду, я й піду...

Ой изійшовъ місяць и зоря, и зоря:

«Бувай, бувай, дівчино, здорова, здорова!...

Далѣ Остапъ только игралъ.

Въ слѣдующей книжкѣ я сообщу ноты одной думы, которая находится между собранными мною пѣснями. Долго не могли попасть на фортепиано въ тонъ бандуры; Остапъ нѣсколько разъ повторялъ намъ мотивъ; наконецъ, видя, что я не довольствуюсь приблизительной съ него копией, остановился, и велѣлъ намъ взять нѣсколько отдѣльныхъ нотъ. Когда это было исполнено, онъ настроилъ свою бандуру въ одинъ съ нами тонъ, и до-тѣхъ-поръ не бралъ слѣдующей ноты, пока мы совершенно-вѣрно не передавали ее на фортепиано и не записали; тогда онъ заставлялъ насъ играть и самъ игралъ на бандурѣ. Провѣривъ подобнымъ образомъ и не найдя уже болѣе ошибки, Остапъ остался нами доволенъ.

Остапъ особенно хорошо пѣлъ эту думу, когда вспоминалъ свое семейство, и всегда прерывалъ эту думу плачемъ. Онъ, сколько я замѣтилъ, избѣгалъ случая пѣть ее при другихъ.

Кстати разскажу, какъ бандуристъ учитъ пѣть и играть *поводиря*. Я самъ узналъ на собственномъ опытѣ приема этого ученія, взявъ урока два у Остапа на *лирѣ* (бандура казалась мнѣ слишкомъ мудреною). Бандуристъ сажаетъ рядомъ съ собой ученика, даетъ ему въ руки лиру, кладетъ ее какъ удобно для игры и устанавливаетъ

руки ученика на мѣсто. Затѣмъ, бандуристъ своей лѣвой рукой беретъ его лѣвую же руку, и обнявъ ученика черезъ спину, накладываетъ свою правую на его правую руку, такъ, чтобы каждый изъ его пальцевъ приходился на соответствующемъ пальцѣ ученика. Установившись такимъ образомъ, начинаеть своей лѣвой рукой вѣр-тѣть лѣвую руку ученика, а правой перебираеть съ нимъ вмѣстѣ клавиши. Это продолжаетъ учитель до-тѣхъ-поръ, пока палочить и разомнетъ пальцы ученика; послѣ того, онъ заставляетъ его—самого играть ту же самую пѣсню, приказывая ему со вѣсѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ игрѣ учителя, (который въ то время беретъ такой же инструментъ и играетъ ту же дѣсню).

Я часто видѣлся съ Остапомъ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ полное удовольствіе...

Какъ часто, Остапъ, я тебя вспоминаю, — какъ часто душа моя щеть бесѣды съ тобой, и какая грусть овладѣваетъ мною при мысли, что я далекъ отъ тебя и не скоро уже услышу звуки твоей чудной бандуры!

Когда стемнѣло и началъ выплывать красноватый мѣсяцъ, я оставилъ будинокъ Гр. П. Галагана и всѣхъ добрыхъ знакомыхъ; народъ, еще хмѣльной послѣ праздника, бродилъ партіями и пѣлъ; я сѣлъ въ экипажъ и отправился обратно въ свое пріестанище.

Дороги, проторенныя селянами, насъ не сбивали съ пути и мы ѣхали по степи — какъ съ компасомъ. Вотъ и знакомая крутая гора, по которой я прошелся пѣшкомъ; потомъ брѣлъ въ вербовой аллеѣ по гати. Вѣяло свѣжестью утра; свѣтъ мѣсяца пришелъ въ уровень съ свѣтомъ начинающагося дня; настали утреннія сумерки. Я подѣзжалъ къ хутору. Крыши хатъ, верхушки садовъ и лѣсовъ окрасились восходящимъ солнцемъ; запѣли пѣтухи; зарумянилось небо. Люди еще спали. Я прошелъ подъ навѣсъ коморы, и на мѣшкахъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Л. Жемчужниковъ.

ПРАВДА ПОЛЯКАМЪ О РУСИ.

(По поводу новой статьи въ *Revue Contemporaine*).

Добре речешъ, та въ громаду не беруть.

Народная пословица.

Въ началѣ нынѣшняго года намъ пришлось опровергать недобро-совестныя выходки *Revue Contemporaine*, писанныя подѣ влияніемъ узкаго польскаго патриотизма, который имѣеть въ виду не современныя потребности и дѣйствительно—осуществимыя надежды своей націи, а утѣшается мечтами о возвращеніи блага, въ настоящее время невозвратимаго, потому что сдѣлалось анахронизмомъ, несообразнымъ съ современными понятіями о народныхъ правахъ. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала нынѣшняго года напечатана однимъ Полякомъ статья (*lettre d'un Polonais*) подѣ названіемъ: «*La vérité sur l'esprit russe*». Она направлена противъ всѣхъ Русскихъ, которые осмѣлились бы заявлять, что во всякое время, во всякомъ случаѣ, при всякомъ возможномъ измѣненіи обстоятельствъ, управляющихъ судьбами Русской Земли, притязанія Поляковъ на принадлежность имъ юго—западныхъ русскихъ областей, возбуждаютъ негодованіе и противодѣйствіе всего русскаго народа. То же, какъ и прежде, наглое извращеніе исторической истины, тѣ же іезуитскія увертки, умышленное невѣдѣніе общезвѣстныхъ событій, насильственныя сближенія и распространенія; тѣ же, однимъ словомъ, замашки безсильной злобы, пустаго хвастовства и суетнаго высокомерія. Мы никакъ не хотимъ считать такихъ произведеній голосомъ всей вообще польской націи, какъ нѣкоторые у насъ позволяютъ себѣ смотрѣть на нихъ; мы почитаемъ ихъ дѣломъ партіи, для которой истина не имѣеть святости, дѣломъ тѣхъ, которыхъ узкому разсудку кажется возможнымъ дать выигрышъ своимъ политическимъ видамъ,

посредствомъ напущенія тумана въ Европѣ, мало знакомой съ частностями исторіи славянскаго сѣвера. Ихъ надежды напрасны, потому что опираются на лжи, а *брежню*—говорить наша пословица—*свѣтъ прійдеши—та назадъ не вернесся.*»!

Мы не станемъ шагъ за шагомъ опровергать эту статью, ибо авторъ не знаетъ, или притворяется, что не знаетъ азбуки—русской и своей, польской—исторіи. Мы укажемъ только на особенно—разительныя выходы единственно для того, чтобы нашп земляки знали, какую паутину плетутъ для нихъ эти *паны-лжи*, которые либо насъ считаютъ невѣждами и простаками, способными попасть въ нее, либо сами такъ невѣжественны и простоваты, что эта искусственно—сплетенная паутина имъ кажется чѣмъ—то крѣпкимъ.

Ссылаюсь на какихъ—то премудрыхъ своихъ историковъ, доказавшихъ, между прочимъ, не-славянизмъ Москалей (ктожъ это? ужь не Мицкевичъ ли—такой же плохой историкъ, какъ великій поэтъ), авторъ *Письма* увѣряетъ, что между названіемъ Русскіе и Русины (*les Russes et les Ruthènes, en polonais Roussini*)—большая разница, и что имя Русиновъ издревле служило названіемъ народа, находившагося подъ властію Поляковъ, и всегда добровольно стремившагося къ слитію съ польскимъ; Москвитянъ онъ признаетъ народомъ другаго—отличнаго—племени, враждебнымъ Русинамъ; говоритъ, что отъ Московитянъ Пясты и Ягеллоны защищали Русиновъ оружіемъ, и что эти Московитяне, назвавшіеся русскими, навязали Русинамъ свою вѣру, языкъ и національность (*).

Авторъ съ умысломъ не обозначаетъ положительно, къ какому времени относится такое положеніе дѣла, но упомяновеніе о Пястахъ и Ягеллонахъ даетъ намъ право видѣть, что все это признается суще-

(*) Vous trouverez partout le mot *Ruthènes* (en polonais *Russini*), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la m'ême vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de *Russes* et de *Russie*. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien des *Moscovites*,—les chroniques en parlent souvent,—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque, où régnaient chez nous les Piasts et les Jagellons, à défendre les Ruthènes autrement, que par les armes contre les empiétements de leurs voisins les *Moscovites* et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes *Moscovites* s'appelleraient *Russes*, pour imposer à des *Ruthènes* leur foi, leur langue et leur nationalité.

ствующимъ съ древнихъ временъ до половины XVI в., когда прекратился домъ Ягеллоновъ. Здѣсь все ложно. Пясты не могли защищать Русинновъ отъ Московитянъ, потому что при Пястахъ имени Москвитянъ не было и быть не могло. Слово *Московія* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточныя и сѣверныя русскія земли и составило единоедержавное государство. Никакія хроникя того времени не упоминають о Москвитянахъ и не могли упомянуть о томъ, чего на свѣтѣ не было. Если что въ тѣ времена было *совершенно неизвѣстно* (complètement inconnu), такъ это имя Москвитянъ.

Но полюбujemy нашимъ *сочинителямъ*.

«Русь всегда была и теперь остается родовымъ именемъ для областей, которыя отъ Карпатскихъ горъ простираются на сѣверо-западъ до Днѣпра и Двины и даже за Двину. Была Русь Бѣлая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этихъ областей назывались *Русины*, по-латинѣ изъ этого слова сдѣлалось *Рутены*. Но это не имѣетъ ничего общаго со словомъ *Россія* новаго изобрѣтенія. Первый Петръ Великій окрестилъ Москвитянъ именемъ Русскихъ. Прежде того Москвитяне были Московитянами и не помышляли быть чѣмъ-нибудь другимъ. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь изъ этой подмѣны. Она схватила за эту идею; благодаря же друзьямъ ея энциклопедистамъ, стало возможно ввести слово *Россія* (Russie) во французскій языкъ и чрезъ то сдѣлать употребительнымъ. Они съ такимъ усердіемъ повели свое дѣло, что успѣхъ превзошелъ собственныя ихъ ожиданія. Слово пошло въ обращеніе съ вариантомъ—*всероссійскимъ*. Вотъ точная истиня. Слово это, какъ видите, родилось съ первыми притязаніями и съ намъ распространилось. Оно осталось въ дипломатическомъ словарѣ, какъ пропія надъ исторіей (*), какъ вызовъ на брань съ потомству.»

(*) *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'étendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (т. е., на сколько нужно автору, для своихъ видовъ, растянуть или укоротить эту границу). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appellent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Rutheni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (Russie), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les *Moscovites* du nom des *Russes*. Avant lui les *Moscovites* n'étaient que des *Moscovites* et ne songeaient

Авторъ знаетъ нѣсколько *Русей*, но очевидно игнорируетъ Великую Русь... не можетъ же быть, чтобы онъ ея не зналъ. Что не Петръ выдумалъ имя Россіи, пусть заглянетъ этотъ авторъ въ безчисленное множество предыдущихъ актовъ, гдѣ найдеть титулъ царей—при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ присоединенія Малороссіи: *всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*, а прежде: *всѣя Россіи*; въ болѣе древнія времена *всѣя Русіи*: такъ именно писалъ еще въ XIV в. князь Сямонъ Ивановичъ. Имя Руси еще въ XI и XII в. употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ тѣсномъ для кievской земли, въ обширномъ для всего материка, состоявшаго въ одной удѣльной федераціи, подъ управленіемъ князей Рюрикова дома. Въ этомъ смыслѣ нашъ первоначальный лѣтописецъ, перечисляя славянскіе народы, жившіе на этомъ материкѣ, говоритъ *се токмо словенскъ языкъ въ Руси*. Слова *Русь*, *Русскіе*, въ этомъ обширномъ значеніи для всѣхъ жителей славянской Россіи, употреблялись всегда и внутри Русской Земли, и внѣ ея иностранцами, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ. Такъ, нѣмецкіе лѣтописцы, говоря о войнахъ Ордена и Шведовъ съ Новгородцами и Псковитянами, называютъ ихъ Русскими. Говоря о томъ, что, въ исходѣ XIII столѣтія, ханъ Батый сдѣлалъ князя Ярослава старѣйшимъ между князьями, лѣтописецъ выражается такъ: И рекъ ему: *Ярославе, буди ты старѣй въсѣмъ княземъ въ русскомъ языкѣ* (Лавр. Лѣт., 201). Очевидно, здѣсь русскимъ языкомъ лѣтописецъ называетъ совокупность племенъ, составлявшихъ нѣчто цѣлое, подъ общимъ именемъ Руси, Русскихъ, и въ этомъ числѣ восточную, т. е. великую Русь, гдѣ княжилъ Ярославъ. Въ XIV вѣкѣ, когда начала Москва брать первенство надъ удѣлами, восточная Русь, по отношенію къ шоплеменникамъ, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Дмитрія, онъ, по извѣстію лѣтописца, говорилъ: *пойдемъ на русскаго князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на *московскаго* князя и

pas à être autre chose. L'impératrice Catherine eût le mérite de voir tout le parti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies*. Voilà l'exacte vérité. Le mot, comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

не на *московскую* землю. Точно также, при описаніи нашествія Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествіе на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую*. Не станемъ нагромождать другихъ подобныхъ указаній: и этого довольно, чтобы видѣть, какъ живо мнѣніе, будто Петръ (а иные говорятъ даже—Екатерина) навязали Москвитянамъ имя *Русскихъ*. Имя—*московская земля* имѣло значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ, такъ же Русскимъ, какъ и въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдующее время, означало русское государство, имѣвшее столицу въ Москвѣ, въ отличіе отъ другаго русскаго государства — литовскаго великаго княжества. Слово *Москвитяне* было совершенно неизвѣстно у насъ; нѣсколько сходное съ нимъ было названіе *Москвичи*, но оно означало жителей города Москвы—и въ самомъ обширномъ смыслѣ—ея земли, ея пригороды, но никогда не имя великорусскаго народа. Никто бы не назвалъ Суздальцевъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ—Москвичами, но всё равно звались Русскими. Очень характерно высказалось значеніе русскаго и московскаго государства въ смутную эпоху: тогда московское государство отличалось отъ великороссійской державы. Первое было видъ, часть послѣдняго, что, напримѣръ, видно изъ такихъ выраженій: *Великія Россійскія державы Московскаго государства*. (Акт. Арх. Э. N 256, 262). Тогда существовало понятіе о новгородскомъ государствѣ (Акт. Арх. Э. N 268 318), о казанскомъ государствѣ (328); съ московскимъ вмѣстѣ они составляли одно Россійское государство (269) или Россійскую державу. Царь потому и назывался царемъ всея Руси, а не московскимъ, что дѣйствительно управлялъ не одною московскою землею, но и другими. Уже владѣя, напримѣръ, Владиміромъ или Бѣжецкомъ или Бѣлозерскомъ, онъ не былъ московскимъ государемъ, а русскимъ.

Обращаясь къ церковной сторонѣ прошедшей русской жизни, авторъ говоритъ:

« Вы знаете, что съ XVI вѣка русская или, скорѣе, московская церковь возымѣла поползновеніе къ независимости. Это поползновеніе возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались отъ восточной церкви... Если для насъ, католиковъ, греческій обрядъ не болѣе какъ расколъ, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый расколъ въ большомъ. Что же значить это имя православія, которымъ вы ринуетесь, при всякомъ случаѣ, и въ чемъ его значеніе? Западныя протестанты (надобно отдать имъ справедливость) некогда не

претендовали на званіе православныхъ: откуда же такія притязанія у восточныхъ протестантовъ (*)?»

Этотъ странный для насъ, русскихъ взглядъ, пояснится нѣсколько, если примемъ во вниманіе, что авторъ—католикъ и смотритъ на нашу церковь подъ угломъ римско—католическаго воззрѣнія. Для паписта все, что вышло изъ подъ власти папы есть не только расколъ, секта, но даже какъ—бы недостойно называться истиннымъ христіанствомъ. Единство іерархіи считается на равной степени съ единствомъ догматики. Авторъ воображаетъ, что тотъ же духъ, тѣ же основанія и въ восточной церкви, — что не желая подчиниться папѣ, она имѣетъ своего папу и этого папу авторъ видитъ, кажется, въ константинопольскомъ патріархѣ. Зная, что великорусская церковь находилась отъ него въ зависимости, а въ концѣ XVI вѣка вышла изъ подъ этой зависимости и получила своего патріарха, но не зная и, можетъ быть (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшія это событіе, авторъ представляетъ его въ такомъ видѣ, будто бы великорусская церковь, по неудовольствію, оторвалась отъ патріаршей зависимости и поставила себя въ положеніе, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимаго главы, или единаго начальника, какого признаетъ у себя западная. Патріархи: Константинопольскій, Антиохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій считались равными между собой, каждый въ своей части, а отношенія и предѣлы ихъ управленія устанавливались соборами; іерархическія положенія не имѣли абсолютной важности догмата и, смотря по потребностямъ, границы ихъ могли измѣняться съ общаго согласія. Единство церкви этимъ не нарушалось. Такимъ—образомъ, въ концѣ XVI вѣка, по общему согласію всѣхъ патріарховъ, великорусская церковь, влившая прежде въ константинопольскую діецезію, получила самостоятельное управленіе; въ Москвѣ

(*) Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des vellétés d'indépendance. Ces vellétés grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complètement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

учреждено патриаршество и патриархъ признанъ равнымъ прочимъ четыремъ вселенскимъ патриархамъ. Съ тѣхъ поръ, имѣя свое управленіе, независимое отъ вселенскихъ патриарховъ, великорусская церковь сохранила строгое и полное единство съ восточною: важныя дѣла рѣшались по совѣту съ восточными патриархами, самая тѣсная нравственная связь неослабно поддерживалась съ христіанскимъ востокомъ. Замѣна званія патриарха, коллективнымъ учрежденіемъ Синода, совершилась при Петрѣ Великомъ, съ согласія восточной церкви. Синодъ признанъ восточными патриархами какъ бы однимъ лицомъ братомъ патриарховъ. До сихъ поръ, не только въ догматахъ и въ законоположеніи, но и въ церковномъ чинѣ богослуженія, церковь русская не допускала существенныхъ переменъ, которыя бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни противъ чего, что принимала восточная, какъ равно и восточная не выражала неодобренія чего—нибудь такого, что вводила русская церковь. Полнѣйшее согласіе и единство съ христіанскимъ востокомъ ненарушимо существуетъ у насъ до—сихъ—поръ; Русскій на востокѣ молится въ церкви точно такъ же, какъ и въ своей на Руси; пріѣзжающіе къ намъ съ востока вступаютъ въ наши храмы съ одинакимъ благоговѣніемъ и ничѣмъ не соблазняются. То, что говоритъ польскій авторъ—есть совершенная ложь—и если это не слѣдствіе умышленной злонамѣренности, если въ самомъ дѣлѣ авторъ думаетъ такъ, какъ говоритъ, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, съ какою онъ, круглый невѣжда въ общенѣстныхъ данныхъ исторіи, (каковы сущность восточной церкви и отлічіе ея отъ западной), рѣшился выступить въ печать и взять на себя роль объяснителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ великое современное значеніе.

До—сихъ—поръ мы приводили мѣста, касающіеся богѣ Великой Руси; теперь взглянемъ, что говоритъ авторъ, собственно о Южнорусской народности.

«Национальность Русиновъ, также какъ и ихъ языкъ, и теперь тѣ же, чѣмъ были прежде: безъ особенности, безъ опредѣлительнаго характера въ исторіи. Она никогда не будетъ ничѣмъ другимъ, какъ только чертою (примѣтою) соединенія: это поле битвы между двумя соперничающими національностями, для которыхъ она служитъ, такъ—сказать, переходною ступеню. Ея прошедшее, ея стремленія и преданія—

все склоняеть ее къ Польшѣ и отлучаетъ отъ московскаго элемента, который она всегда отъ себя отбывала и отвергала (*).»

Далѣе, авторъ говоритъ о нашемъ языкѣ:

«*Русинскій* языкъ отличается отъ русскаго, также какъ и национальность. Этотъ языкъ скорѣе нарѣчiе и почти непонятенъ для Русскихъ; по своему славянскому происхожденiю, онъ имѣетъ всѣ особенности нарѣчiя польскаго. Греческая азбука, введенная вначалѣ, скоро была замѣнена Кирилловскими буквами, которыя окончательно и усвоились. Письменный языкъ, такимъ-образомъ составленный, оставался въ употребленiи въ официальныхъ актахъ до конца XVI вѣка и служилъ даже для дипломовъ нашихъ королей, когда они назначались для русскихъ провинцiй. Признаки его встрѣчаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ библiяхъ и лѣтописяхъ этой эпохи. Въ началѣ XVII вѣка, латынь замѣнила почти повсюду, въ публичныхъ актахъ, русинскiй языкъ и, такимъ-образомъ, онъ потерялъ ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Онъ еще болѣе сдѣлся съ польскимъ и сдѣлался, такъ-сказать, *перевертью*, различною, смотря по провинцiямъ. Этотъ характеръ его сохранился до нашихъ дней, не смотря на вторженiе московскаго элемента» (**).

Билберда о языкѣ показываетъ въ авторѣ такого же круглаго

(*) La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivales, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions, tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

(**) La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialecte, est à peu près inintelligible à des Russes et par son origine slave elle a tous les caractères d'un idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrilliques, qui furent adoptées définitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fût même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVII siècle, le latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'à nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

невѣжду въ азбукѣ славянскаго языкознанія, какимъ онъ оказался въ вопросахъ церковной исторіи. Толкуи о языкѣ, онъ смѣшиваетъ три нарѣчія въ одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое произвольное смѣшеніе повело къ представленіямъ, которыя, по ихъ крайней нелѣпости, опровергать нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя и понять, къ которому изъ нарѣчій можно отнести то, что говоритъ авторъ, признавая существованіе только одного. Языкъ славяно-церковный былъ книжнымъ и письменнымъ языкомъ со времени введенія христіанства, но съ XV вѣка началъ брать верхъ въ письменности языкъ западно-русскій; въ него вошли формы и славяно-церковнаго, и польскаго, и народнаго. Славяно-церковный языкъ не исчезалъ и послѣ; оставаясь неизмѣнно языкомъ богослуженія, онъ иногда имѣлъ по разнымъ предметамъ и сочинителей, предпочитавшихъ его западно-русскому, который вообще былъ въ ходу. Западно-русскій языкъ исчезъ, мало-по-малу замѣняясь польскимъ и образовавшимся уже книжнымъ великорусскимъ; народное нарѣчіе долго оставалось за предѣлами письменности и только, такъ сказать, ненарокомъ, вторгалось въ письменный языкъ, а между тѣмъ подвергалось, незамѣтно для письма и, слѣдовательно, неуловимо для исторіи, вѣковымъ измѣненіямъ, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовавшими на судьбу народа. Не прежде, какъ наступила всеобщая потребность въ образованномъ мірѣ приблизиться къ живому народному образу выраженія, и оно вступило въ область письменности. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, исторія языка нашей Южной Руси. О греческой азбукѣ, замѣненной кирилловскими буквами, мы знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ. Что касается до относительной близости къ польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому. Сходство народнаго языка нашего съ польскимъ выражается нѣкоторыми словами и оборотами: изъ нихъ, одни, быть-можетъ, дѣйствительно заимствованы изъ польскаго, по взаимодѣйствію народовъ, соединенныхъ нѣкогда одной политической связью; другіе же, хотя сходные съ польскими, въ то же время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли, неподвергавшихся польскому вліянію и особенно въ сѣверной Руси, древней Новгородской землѣ, гдѣ, вмѣстѣ со сходствомъ выговора, служатъ съ одной стороны свидѣтельствомъ о древнемъ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ между собою южной Руси и славянскихъ поселенцевъ на сѣверѣ, образовавшихъ республику Великаго Новгорода, а съ другой

доказываютъ, что въ южно-русскомъ языкѣ многое, что съ перваго взгляда можно почесть слѣдствіемъ вліянія польскаго, въ самомъ дѣлѣ есть собственное древнее достояніе. Итътъ ни малѣйшаго основанія считать южно-русскій языкъ нарѣчіемъ польскаго уже и потому, что первый не терпитъ признаковъ, составляющихъ наглядное отличіе польскаго говора отъ русскихъ нарѣчій вообще, какъ напр. носовыхъ звуковъ, степенія согласныхъ, смягченія шипящими и свистящими и т. п.

Имѣеть-ли южно-русская національность *особность и опредѣлительный характеръ въ исторіи*, мы предоставляемъ судить каждому, кто сколько-нибудь знаетъ нашу исторію. Положеніе автора, будто прошедшее южно-русскаго народа, его стремленія и преданія склоняютъ его на сторону Польши и отвращаютъ отъ элемента великорусскаго, иначе называемаго московскимъ, не выдерживаетъ критики, и противорѣчитъ всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русскаго народа въ концѣ XIV ст. была покорена оружіемъ Польшы, а не добровольно съ нею соединилась. Другая, въ соединеніи съ в. кн. литовскимъ составляла государство русское, какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выбирался великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство. Уже въ XV в., князья литовскіе, будучи королями польскими, расположили высшій классъ дружелюбно къ польскому порядку, раздавая ему выгодныя привилегіи, которыми прежде пользовался высшій классъ въ Польшѣ. Когда наконецъ дошло дѣло до рѣшительнаго акта, по которому западно-русскій край долженъ былъ составить навсегда съ Польшою одно политическое тѣло, въ дворянствѣ пробудились національныя опасенія. Онѣ были заглушены не иначе какъ съ увѣренностію Русскихъ въ продолженіи своего особнаго политическаго существованія. Но въ то же время, когда вел. княжество литовское соединялось съ Польшою на федеративныхъ началахъ связи двухъ самобытныхъ государствъ, Южная Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ этомъ дѣлѣ со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то не все: и въ дворянскомъ сословіи отзывались противудѣйствіе и ропотъ. Народъ осужденъ былъ на совершенное безмолвіе. Его участь рѣшали на вѣчныя

времена, не сиротившись у него, потому—что государственныя понятія не признавали за нимъ права сказать свое мнѣніе. Скоро, однако, народъ заявилъ свой голосъ и протестъ: безграмотный, неученый, онъ заявилъ его не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Около двадцати лѣтъ предъ началомъ XVII в., уже встрѣчаются въ польскихъ конституціяхъ извѣстія о замѣчательномъ появленіи вооруженныхъ шаекъ изъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Вражда народа къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разрослась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее Южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религій. Корпорация козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи. Эта корпорация стремилась расширяться и захватить въ себя народныя силы. Польское правительство старалось удержать ее въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной пограничной стражи. Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остриинъ — оказывали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежемъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы,—и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о Люблинской Уніи, когда народа не спрашивали, и гдѣ не думали не гадали, что онъ на нее отвѣтитъ черезъ 80 лѣтъ. Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великобританіею. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы; Хмельницкій угадалъ ея побужденія. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ Хмельницкаго, когда передовые люди, путаясь въ политическихъ комбинаціяхъ надъ целымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ своего отечества, задумали—было соединиться съ Польшею, на федеративныхъ [началахъ] особенности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала ихъ и заявила себя въ пользу московскаго государя. Неумѣнѣе московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось въ руки: западная часть Южной Руси по Днѣпру была уступлена Польшѣ. Народъ энергически противодѣйство-

валъ насильственному андрусовскому договору и, послѣ тяжелой, но безуспѣшной борьбы, Южная Русь досталась снова Польшѣ, но не иначе какъ почти безлюдно. Остатки прежняго населенія современемъ разрослись, страна облюдовѣла, дѣдовскія воспоминанія передавались отъ родителей къ дѣтямъ, тлѣли какъ искры подъ пепломъ въ сердцахъ народа, всегда готовые вспыхнуть прежнимъ пожаромъ, когда случай представится. И этотъ случай пришелъ: *Колывщина* напомнила Полякамъ, что въ южно-русскомъ народѣ, повидимому поработенномъ, забитомъ, безропотно покорномъ своей участи—еще можетъ проявиться прежняя саможизненность. По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древнерусскими землями и поработенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе колывщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣкового дѣла о заявленіи народнои воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія Поляковъ будетъ зависть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность.

По нашему общему убѣжденію, международные споры съ Поляками, въ настоящее время, должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетаніе Ягейла, ни Городлянской сеймъ, ни Люблинскій съ его политической уніей, ни Брестская церковная унія, ни дзулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служація польскимъ патриотамъ доводами правъ Польши на Югозападную Русь, въ настоящей вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученые диссертации, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для пракческаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе также точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современныя понятія о народныхъ пра-

вахъ не допускать называть Люблинскую унию добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ—сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впоследствии свое несогласіе рядомъ отзывовъ, которые ревнитель послѣдняго соединенія постарался пройти *скромнымъ моментомъ*, по ясной причинѣ: эти отзывы не слишкомъ пріятны его патріотическому сердцу и вовсе не говорятъ въ пользу его патріотическихъ цѣлей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старыя погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствіе въ настоящее время всякихъ правъ польской народности на нашъ южно-русскій край; пора обращаться съ нами, какъ съ народомъ равнымъ себѣ, уважать наше стремленіе къ самостоятельному и независимому развитію нашихъ народныхъ силъ, а не считать насъ массою, которая не имѣетъ, по выраженію автора *Истины о русскомъ духѣ*, ни личности, ни опредѣлительнаго характера, только для того и годною, чтобъ служить сырымъ матеріаломъ для польской національности;—пора искать съ нами не прежней — истлѣвшей отъ древности, вѣвшей — но той внутренней, духовной, нравственной — на справедливости основанной — связи, которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всемъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственного и вещественнаго благосостоянія.

Если, вмѣсто обманчивыхъ и извилистыхъ тропинокъ, Поляки изберутъ этотъ прямой путь отношеній къ нашему народу, то изъ того возникнутъ благіе плоды какъ для насъ, такъ и для нихъ. А тотъ путь, по которому хотятъ вести свой народъ гг. сочинители, строящіе картонные домики въ *Revue Contemporaine*, — это путь погубительный. Мы многиѣ сознаемъ это. Дай Богъ, чтобъ и Поляки сознали тоже.

Н. Костомаровъ.

ПРАВДА МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

—Вознесся оумомъ высоты ради сана своего,
яко отъ Москвы приде, величался гражданиномъ,
яко и племенемъ ихъ укори...

(Изъ житія Моисея, архієпископа Новгородскаго: »Чудо о Сергіѣ архієпископѣ«. Рукоп. XVII вѣка).

Въ 6 № *Дня* появился критическій разборъ моей статьи «Двѣ Русскія народности», помѣщенной въ одномъ изъ номеровъ журнала *Основы*. Какъ видно, это только начало цѣлаго ряда статей. Мы рѣшились возражать автору послѣдовательно, не ради пустого словопренія, часто скрываемаго авторскимъ самолюбіемъ, а изъ видовъ отстоять тѣ убѣжденія, которыя мы считаемъ истинными, либо согласиться съ противникомъ нашимъ, если онъ представитъ убѣдительныя противъ насъ доказательства.

Критикъ, полагая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность добросовѣстно изучать коренныя стили его народности, говорить: «Но именно исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторіи, а вѣрнѣе то неразуміе народовъ, о которомъ мы говорили выше, ставятъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ, — образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ.»

Далѣе онъ говоритъ:

«Тѣмъ не менѣе исцѣленіе возможно. *Изученіе исторіи* дѣлаетъ его возможнымъ. Подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій, исторія указываетъ внутреннія качества, которыми опредѣляется сущ-

ность (субстанціа) народнаго духа до такой степени, что народъ никогда успокоится не можетъ, пока не найдетъ себѣ быта и обстановки (формъ и ассоціацій), соответствующихъ его духовной сущности. Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ въ немъ личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятся и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастью, самая ложь и противорѣчія, неизбежныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу саморазрушеніемъ приготавливаютъ торжество истинѣ.»

Дѣйствительно, національныя привычки вносятся въ науку самолюбивый *партикуляризмъ*, и нагляднымъ доказательствомъ этой правды служить статья нашего критика, который, подъ вліяніемъ самолюбиваго національнаго партикуляризма, дѣлаетъ погрѣшности противъ историческихъ свидѣтельствъ и очевидной истины.

Придярясь къ моимъ словамъ «о силѣ неизвѣстныхъ обстоятельствъ», критикъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ-будто бы я, на основаніи этихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ выводъ о колонизаціи Новгородскаго края съ Юга. Итъ, я говорю только о существованіи какихъ-то неизвѣстныхъ обстоятельствъ, давшихъ, въ свое время, поводъ къ факту, который мнѣ извѣстенъ вовсе не на основаніи неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ нашей лѣтописи (которую авторъ называетъ Несторовою и которая не какъ сочиненіе, а какъ составъ, должна скорѣе называться Сильвестровскою) видно, что Новгородскіе Славяне вмѣстѣ съ другими пришли съ Дуная, слѣдовательно—съ Юга. Подвигаясь на сѣверъ, они естественно расселялись такъ, какъ указывало положеніе страны, а не такъ, какъ нужно московскому критику для своихъ славянофильскихъ тенденцій,—именно, помѣстившіеся далѣе къ сѣверу пришли на свое мѣсто позже, чѣмъ тѣ, которые заняли свои новыя жилища южнѣе. Еслибы лѣтописецъ этого не сказалъ, то это необходимо было бы принять само собою, въ особенности потому, что земли болѣе южныя гораздо плодороднѣе и привольнѣе, а потому не могли же переселенцы только пройти черезъ нихъ, а для жилищъ искать холодныхъ дебрей и топей. Въ нашей лѣтописи такъ перечисляются народы въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потомъ уже Славяне Ильменскіе. Зайти на берега Ильменя колонія Славянъ переселенцевъ могла только вслѣдствіе какихъ-нибудь побудительныхъ обстоятельствъ, которыя бы по-

мѣшали имъ жить на югѣ. Эти обстоятельства намъ неизвѣстны. Объ этомъ я и сдѣлалъ намекъ. Впрочемъ въ одной сказкѣ, вошедшей въ разныхъ вариантахъ въ списки нашихъ хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, разсказывается, что именно эти Ильменскіе Славяне пришли съ юга Россіи, вслѣдствіе разрушительныхъ потрясеній, заставившихъ ихъ искать убѣжища; что на берегахъ Ильмена и въ окрестностяхъ его они нашли уже Славянской народъ, говорившій бѣлорусскою рѣчью (Кривичей), и что рѣка, близъ которой пришельцы основали поселеніе, называлась Мутная и переименована новыми колонистами въ Волховъ, а озеро, изъ котораго истекала рѣка, прежде называлось Мойско, и переименовано въ Ильмеръ. Сказаніе это сильно обезображено мудростию книжниковъ, но что оно не выдуманно и что кое-что въ немъ взято изъ народныхъ преданій, доказываетъ то, что до сихъ поръ осталось въ народѣ мѣстное преданіе о томъ, что прежними жителями Волховъ назывался Мутною, а Ильмень — Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими изъ далека. Вѣроятность, что страна, гдѣ поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила съ обитаемою Кривичами (Бѣлоруссами), подтверждается тѣмъ, что бѣлорусское нарѣчіе дѣйствительно вторгается въ глубину Новгородской земли. Говоръ бѣлорусскій, по увѣренію мѣстныхъ наблюдателей, слышенъ уже на Шелони и попадаетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Великаго Новгорода, въ Архангельской губерніи. Съ перваго взгляда видно достаточно, что въ Новгородской землѣ Бѣлорусское нарѣчіе столкнулось съ другимъ нарѣчіемъ, Новгородскимъ. Особенности этого послѣдняго (новгородскаго) нарѣчія даже и до сихъ поръ сохранили довольно яркіе оттѣнки, не смотря на много-вѣковое смѣшеніе съ восточно-русскимъ. Они-то показываютъ, что пришедшая колонія принадлежала къ той группѣ Славянъ Русскаго населенія, отъ которой произошла нынѣшняя народность Малорусская. Я уже говорилъ, и теперь повторяю, что нашего мнѣнія не слѣдуетъ понимать такъ, что Новгородцы — чистые Малоруссы въ томъ видѣ, какъ послѣднихъ мы себѣ воображаемъ по настоящему типу. Тогда, въ отдаленную эпоху, разумѣется, не было такихъ Малоруссовъ, какъ теперь: ихъ нынѣшній типъ выработался подъ послѣдующими историческими условіями. Но мы утверждаемъ, и увѣрены въ томъ твердо, что Славяне Ильменскіе принадлежали первоначально къ такой народности, которая была родоначальною для Малоруссовъ и Новгородцевъ одинаково и ближе къ нимъ относительно, чѣмъ обще-Славянская, а потому древніе Новгородцы и Малоруссы состоятъ

между собою въ ближайшемъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ Бѣлорусскою и Великорусскою вѣтвями. До сихъ поръ по берегамъ Волхова, въ Новоладожскомъ уѣздѣ и вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли Великаго Новгорода, слышится это сродство въ языкѣ, до-того поразительное для Южнорусса, что съ перваго раза онъ можетъ счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящаго по-великорусски, или уже нѣсколько обмускавшаго (1). Вотъ на какихъ основаніяхъ, а не по силѣ неиз-

(1) Вотъ на выдержку свадебная пѣсня, записанная въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мы соблюдаемъ для нея правописаніе малорусское: о за о, м и е — твердо, ъ за і, во : за г, а не за ѣ.

Хто у насъ хорошей?

Хто у насъ пригожей?

Ой люшеньки люлі!

Омельянъ світъ хорошей,

Світъ-Федотовичъ пригожей.

Іонъ по горниці ходи.

Сапогъ не ломае,

Сапогъ не ломае,

Чулокъ не марае;

Сапожи козлови,

Чулочки коврови.

Іонъ коня сідлае,

Конь подъ імъ играе.

На коня садиться,

Конь подъ імъ бодриться.

Іонъ плёточкой маше,

Подъ імъ коникъ плаше.

Къ лужечкамъ подъїзжае,

На їхъ травка зеленіе;

Къ річки подъїзжае —

Вода розливае;

Къ терѣму подъїзжае,

Его дівнца стрічае,

Его Оленушка стрічае,

Світъ-Івановна стрічае.

»Поди, мой хорошей,

Поди, мой пригожей!

Долго тебя ждала,

Долго дождалась:

Со білого лица спаза,

А румянець потеряла,

Теперь увидала —

Серцемъ свеселилась.»

вѣстныхъ обстоятельствъ, какъ говоритъ критикъ, я признаю Новгородцевъ вѣствію Южнорусскаго племени.

Авторъ замѣчаетъ, что Ильменскіе колонисты не приняли никакого вѣстнаго видоваго названія, какъ произошло съ другими, а назывались просто: Славяне. Это онъ приписываетъ тому, что славянство сохранилось въ своей чистотѣ на самомъ сѣверѣ.

Еслибъ такъ было, то надобно предположить, что Ильменскіе Славяне, прежде чѣмъ постановили и рѣшились навсегда называться Славянами, принимали мѣры для сравненія себя съ другими одноплеменными народами. Но такъ не бываетъ у народовъ, стоящихъ на слишкомъ малой степени развитія, на какой, безсочнѣвнѣ, стояли древніе Славяне. Не думаемъ же мы, чтобы Ильменскіе поселенцы отправляли этнографическія экспедиціи съ цѣлію сравнить себя съ другими и упрочить за собою почетное наименованіе. А иначе какъ могли они удостовѣриться въ своей относительной чистотѣ? И гдѣ же доказательства, что они назывались такъ именно по той причинѣ, по какой хочется автору? Развѣ онъ думаетъ, что, коль скоро представится приѣздь, что гдѣ-нибудь горсть народа называется общимъ племеннымъ названіемъ, то это свидѣтельствуетъ о его особенной чистотѣ? Но вотъ я представлю ему протѣвное. Есть въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ, нѣмецкая колонія Рибенсдорфъ. Названіе ея рѣдкій знаетъ, а зоветъ обыкновенно *колонокъ*, а жителей ея просто—Нѣмцы; да и сами себя передъ Русскими они иначе не зовутъ, какъ такъ же. Но у нихъ вовсе не самая чистая нѣмецкая народность. Случаи, когда народныя группы удерживаютъ, вмѣсто видоваго, родовое названіе, обыкновенно означаютъ то, что эти группы были отброшены среди иноплеменнаго поселенія,—что, вѣроятно, было поводомъ и къ тому, что Ильменскіе поселенцы назывались Славянами: кромѣ Кривичей, они видѣли вокругъ себя Финскіе народы, съ которыми приходили въ столкновеніе и надъ которыми шагъ за шагомъ брали господство. Впрочемъ, могли быть и другія причины, намъ теперь неизвѣстныя, но никакъ не сознаніе своей особой племенной чистоты.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Радмичей и Вятичей не слѣдуетъ причислять къ группѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная. Но къ такимъ же, по моему мнѣнію, Славянамъ-аборигенамъ въ Россіи слѣдуетъ причислить и Кривичей, ибо ихъ, точно также, какъ Радмичей и Вятичей, гѣтописецъ отдѣляетъ ясно: онъ наравнѣ, съ Радмичами и Вятичами, умалчиваетъ о нихъ, когда перечисляетъ народы собственно

Славянскіе, то есть пришлые съ Дуная. Напримѣръ: »Се бо токмо Словенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане«. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, описывая разселеніе Славянъ, лѣтописецъ не поминаетъ Кривичей наравнѣ съ Радимичами и Вятчанинъ: »Словяно, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двицѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣнскій языкъ...« (П. С. Лѣт. т. 1. стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колонія пришлыхъ, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Лѣтописецъ не указалъ его точныхъ границъ: мы видимъ ихъ у него только на верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, но извѣстно, что они простирались далеко и сохраняли свое мѣстное названіе долѣе, чѣмъ другіе русско-славянскіе народы. Оно заходило и въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую, какъ это видѣть можно изъ бѣлорускаго говора, очевидно, составляющаго оттѣнокъ этого племени. Оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи Великорусской-Московской народности, ибо измѣненіе *o* на *a* есть принадлежность его говора, какъ и Велико-русскаго-московскаго; *дзлканье*, другая своеобразная черта нарѣчія Кривичей, пощадается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Москали въ историческую эпоху не находились въ возможности усвоить себѣ его отъ Бѣлоруссовъ. Это тоже можно принять, какъ одинъ изъ слѣдовъ распространенности Кривичей по Русскому матеріку. И потому очень вѣроятно извѣстіе въ сказаніи объ основаніи Новгорода, о переименованіи пришельцами въ Волховъ названія рѣки Мутой, и озера Мойско въ Ильмень: старыя, замѣненныя названія—бѣлорусскія. Пришельцы Славяне очевидно вѣдрились въ племя Кривичей; на дальнемъ сѣверѣ, на окраинѣ ихъ земли, сѣли Славяне Ильменскіе, по рѣкѣ Полотѣ среди Кривичей усѣлись Полочане, а между Припетью и Двиною — Дреговичи. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ Бѣлорусское нарѣчіе; но по близости къ Припети до сихъ поръ видны слѣды Южнорусскаго языка въ поднарѣчіи, имѣющемъ нѣкоторыя свои мѣстныя особенности и которое можно назвать переход-

нымъ. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что лѣтописецъ подъ Ляхами, отъ которыхъ ихъ производить, разумѣть не Поляковъ-Ляховъ, а другихъ Ляховъ, которыхъ онъ отдѣлялъ отъ Поляковъ словомъ *друзіи* и которыхъ, должно думать, онъ также не причисляетъ къ пришедшимъ съ Дуная: въ Польскомъ мѣстѣ также точно, какъ и въ Русскомъ, пришедшіе съ Дуная встрѣтили Славянъ аборигеновъ. Поселенцы подъ именемъ Полянъ были родственны Южнорусской вѣтви, и теперь это сродство сильно видно; но лѣтописецъ, говоря, что есть «Ляхова друзіи: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне», отдѣляетъ послѣднихъ рѣзкою чертою отъ Полянъ, и когда, въ другомъ мѣстѣ, онъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, въ противоположность пришедшимъ съ Дуная Славянамъ, то этимъ даетъ знать, что считаетъ ихъ происходящими не отъ Поляковъ, также прибылыхъ съ Дуная, а отъ такихъ Ляховъ, которые съ Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцевъ, то мы соглашаемся съ критикомъ, что изъ слѣдуетъ причислять къ группѣ Дунайскихъ Славянъ, хотя они и не были въ числѣ пришедшихъ съ Дуная въ страны Русскаго материка отъ наслія Волоховъ. Древнія жилища Улучей и Тиверцевъ, прилегая къ Дунаю, ставили ихъ въ ближайшее сродство съ Дунайскими переселенцами, но и послѣдніе, еще прежде своего переселенія на русскій материкъ, жили по сосѣдству съ первыми, по теченію Дуная, и бѣжали отъ Волоховъ (Италианцевъ) вѣроятно тогда, когда Римская имперія покорила эти страны (при Траянѣ).

Авторъ забавно не расположенъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, и называетъ ихъ искаженнымъ уже Ляшскимъ элементомъ. Это всё отъ нерасположенія къ современнымъ Полякамъ. Критикъ не даромъ же печатаетъ въ такой газетѣ, которая вскорѣ послѣ своего появленія обратилась къ Полякамъ съ высокоумною рѣчью. Конечно, для людей этой партіи, которой органомъ служитъ *День*, все, что Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! Но дѣломъ и Радимичамъ и Вятичамъ! Вольно было ихъ праотцамъ; Радиму и Вятку, заходить изъ Ляшской земли въ нашу Русскую!...

Критикъ приписываетъ при-Ильменскимъ Славянамъ колонизацію восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи, береговъ Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днѣпра. Вотъ что говорить онъ: «При-Ильменскіе поселенцы съ Дуная прямо назывались Дунайскимъ своимъ именемъ: «Словѣне». Они раскидывали свои колоніи по всей центральной области нынѣшней Россіи, т. е. по верховьямъ

Двины, Волги и Днѣпра, владѣя узломъ главныхъ жилъ нашей территоріи; далѣе они своими колоніями спускались по лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ, что вся область Десны до Трубежа была занята ими къ Югу, а на Востокъ ими колонизовано было по-Воляжь до устьевъ Оки. Хотя такая обширная колонизація не могла не разбиться на новыя, меньшія округа, которые приняли свои мѣстныя названія, но члены ея даже на Югѣ помнили о своемъ корнѣ, о своей старшей, коренной метрополіи, и выразили связь съ нею въ самомъ названіи своего округа: »Сѣверъ« или »Сѣверяне«. Вотъ какъ очерчиваетъ эту сѣверную колониальную систему лѣтописецъ: »Словяни (держати почаша княженье) свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдѣть на верхѣ Двины и на верхѣ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо (т. е. въ ту сторону отъ Новгорода) сѣдѣть Кривичи, таже сѣверъ отъ нихъ«, говоритъ лѣтописецъ.

Критикъ умышленно поставилъ Славянъ Новгородскихъ сначала и не сказалъ, что въ лѣтописи передъ ними говорится: *И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревьехъ свое, а Дреговичи свое; вслѣдъ за тѣмъ у лѣтописца слѣдуютъ слова: а Словени свое въ Новѣгородѣ, а друзіи на Полотѣ, иже Полочане.* Такииъ образомъ очевидно, что лѣтописецъ даетъ извѣстіе о томъ, что каждый Славянскій народецъ имѣлъ свою автономію, а между ними, наравнѣ съ прочими, и Славяне Новгородскіе. Но вѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ эти Словени были какими-то колонизаторами. Выраженіе *отъ нихъ*, здѣсь употребленное, двусмысленно; можно разумѣть, что лѣтописецъ думалъ указать на происхожденіе Кривичей и Сѣверянъ, но можно думать, что онъ употребилъ слово *отъ нихъ* только въ географическомъ смыслѣ. Наиъ кажется вѣроятнѣе послѣднее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмысліе. Можно сказанныя слова разумѣть: или 1) въ смыслѣ одноплеменности Кривичей и Сѣверянъ съ другими, то есть, что Кривичи и Сѣверяне одного Славянскаго корня съ Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) въ смыслѣ происхожденія отъ одного изъ Славянскихъ народцевъ, именно такъ, какъ критикъ хочетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ выйдетъ, что Кривичи и Сѣверяне происходятъ отъ Полочанъ, а не отъ Ильменскихъ Славянъ. Но принять послѣднее, то есть происхожденіе отъ Полочанъ, невозможно, потому что: 1) лѣтописецъ, исчисляя два раза Славянскихъ переселенцевъ съ Дуная, о Кривичахъ не упоминаетъ;

2) что онъ, причисляя Сѣверянъ къ переселенцамъ, говоритъ о поселеніи ихъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, наравнѣ съ другими народами, и въ числѣ ихъ съ Полочанами, а не производитъ ихъ отъ этихъ Полочанъ, да и ни отъ какого-нибудь другого изъ Русско-Славянскихъ народцевъ.

Критикъ справедливо думаетъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ указываютъ своими именами на Славянское заселеніе Веси и Меря издревле, и полагаетъ, что призывавшіе, вѣстѣ съ Новгородцами, Варяговъ Веси и Меря были Славянскіе поселенцы этихъ Финскихъ краевъ. Подробное мнѣніе объ этомъ вопросѣ я изложилъ уже въ статьѣ «Начало Руси», въ 1 книжкѣ *Современника* на 1860 годъ.

Авторъ противопоставилъ строй жизни и политическую организацию сѣверныхъ Славянъ южнымъ и ссылается на мѣсто изъ лѣтописи XII вѣка: «Новгородци бо изначала и Смоленцие и Кыяне и Полочане и вси власти, якоже на думу, на вѣче сходятся; на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть». Авторъ неправильно переводитъ слово *власти* словомъ *метрополіи*: *власти* значитъ—*волости*, земли; односторонне слово *пригородъ* переводитъ онъ словомъ *колоніи*. Дѣйствительно, колоніи дѣлались пригородами, но не всѣ пригороды были колоніи главнаго града. На это нигдѣ указанія нѣтъ, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы въ древности Славяне, разсеяясь по Русскому матерку, непремѣнно сбивались въ кучки и изъ этихъ кучекъ расходились въ страны, сознавая зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ первой разъ собрались въ кучку. Не только односторонне, но противно исторіи и смыслу лѣтописи, критикъ говоритъ, будто изъ этого мѣста лѣтописи видно, что иной былъ строй жизни у южныхъ Русскихъ Славянъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Какъ же это, когда въ этомъ мѣстѣ лѣтописи помѣщаются Кыяне за-урядъ съ сѣверными народами? Между тѣмъ вотъ какъ критикъ импровизируетъ о судьбѣ южныхъ Славянъ: «Южныя племена не стояли между собою въ такой генетической связи, какъ Сѣверная группа. Это были спорадически, отдѣльными группами, расположившіеся выходцы. Это было, если угодно, нѣсколько метрополій, раскинувшихъ около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этихъ первыхъ актахъ колонизаціи и остановившихся. Каждая метрополія произошла сама по себѣ. Это отсутствіе связи и энергіи выразилось на Югѣ въ слабомъ развитіи городской жизни. Въ то время, какъ Сѣверные Славяне при Ильменѣ прямо садятся городомъ Новгородомъ и отту-

да городамъ выдвигаются въ другія мѣста (Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ и др.), на Югѣ, въ самое представительное племя, у Полянъ, еще нѣтъ города и, долго уже спустя, три брата — Кій, Щекъ и Хоривъ — «сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ». Такой спорадическій характеръ поселенія не много общалъ для политической и соціальной жизни Южныхъ племенъ.

Откуда извѣстно, что у южныхъ Русскихъ Славянъ былъ такой строй?

«На югѣ, говоритъ авторъ, было слабое развитіе городской жизни». А между тѣмъ въ глубокой древности у Удучей и Тиверцовъ были города на Днѣпрѣ и по Черноморскому поморью: *сидяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне*. Да въ XII вѣкѣ на югѣ городовъ было болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и о многихъ извѣстно, что они были значительны по своему времени, на примѣръ Кіевъ, Владиміръ, Галичь, Перемышль. Критикъ увѣряетъ, будто въ тѣ времена, когда уже существовали, кромѣ Новгорода, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ (въ фантазіи славянофила—населенные изъ Новгорода!), еще не было Кіева. Откуда это ему извѣстно? Развѣ годъ или даже вѣкъ основанія Кіева извѣстенъ кому-нибудь точно также, какъ и другихъ упомянутыхъ городовъ? Желательно знать, какихъ читателей авторъ воображалъ передъ собою, когда писалъ подобное. Не ужели ему неизвѣстно, что теперь прошли добрыя времена *Маяка* и Савельева-Ростиславича? Вѣдь теперь эти вещи достаточно извѣстны и гимназистамъ высшихъ классовъ; и тѣ засмѣются, услышавъ, что кто-то пытается доказать, какой городъ построенъ прежде другого изъ числа тѣхъ, о которыхъ имъ уже самымъ по источнику извѣстно, что нѣтъ возможности этого сдѣлать.

Питая постоянную злобу къ бѣднымъ Радимичамъ и Вятичамъ, критикъ приписываетъ грубость нравовъ у Сѣверянъ вліянію Ляхскихъ колонистовъ — Радимичей и Вятичей. «Это огрубляющее вліяніе отдаленности отъ единокровныхъ братьевъ оказалось и на Сѣверянахъ, какъ скоро Ляхскіе колонисты Радимичи и Вятичи поселились возлѣ нихъ.» Все эти Ляхи! эти несносные Ляхи! Одно прикосновеніе ихъ вредно Русскому человѣку! Что я говорю — прикосновеніе? — Сидѣть близко насъ имъ не слѣдуетъ! Это язва здѣшнихъ мѣстъ! За тысячу слишкомъ лѣтъ Русскіе Славяне жили въ любви и согласіи между со-

бою, имѣли кроткіе обычаи, цивилизацію, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцаемъ своего племеннаго единства и чистоты Ильменскихъ Славянъ... Какъ хорошо тогда было! И почему бы такъ не оставаться! Такъ нѣтъ же!—принесъ бѣсъ этихъ Радимичей и Вятичей, этихъ досадныхъ Лиховъ! Какъ устылись они подлѣ Сѣверянъ, такъ сейчасъ Сѣверяне и испортились и огрубѣли: завелось у нихъ «игрища межю селы, бѣсовское плясанье, завелось сожиганіе мертвыхъ, срамное слово предъ отцами и снохами (на последнее Лахъ замѣтитъ могутъ буквально тоже, что въ баснѣ замѣтилъ бѣсъ отшельнику о яйцѣ, испеченномъ на свѣчкѣ). А какъ Сѣверяне испортились, — все блаженство Русскихъ Славянъ пропало!

Было-бы очень кстати, еслибы какой-нибудь наставникъ юности, читающій своимъ питомцамъ басни Крылова и Хемницера, прочиталъ имъ тираду славянофила о Радимичахъ и Вятичахъ и въ заключеніе сдѣлалъ бы такое объясненіе: Сія басня, любезныя дѣти, поучаетъ насъ, что въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуются славянолюбцами; но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ, они хотять воспитывать въ своемъ народѣ неприязнь противъ другаго славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этой цѣлю они, сіи такъ-называемые Славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданья старины глубокой, прибавляютъ къ рассказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и тѣмъ показываютъ, что не уважаютъ истины. И такъ, любезныя дѣти, когда возмужаете и будете встрѣчаться съ писаніями выше-означенныхъ Славянолюбцевъ, то не довѣряйте ихъ историческимъ теоріямъ: знайте, что они создаютъ ихъ не по любви къ истинѣ, а изъ желанія удовлетворить національному тщеславію, отъ котораго, любезныя дѣти, старайтесь сохранить себя, какъ отъ злыя заразы: она тѣмъ опаснѣе, что очень прилипчива. Вотъ, эти Славянофилы—добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ нея не могутъ избавиться.—О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Коныскаго, который, описывая солдатъ великорусскихъ, «бывшихъ еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычаныхъ лаптяхъ, не бритыми и въ бородахъ, то-есть во всей мужичей образинѣ», замѣчаетъ, какъ «они имѣли однако о себѣ непонятное высокомеріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя на-

званія, наприкладъ: Полячички, Пѣмчурки, Татарички и такъ далѣе. (Кописк. 145). Много нагаль Конисскій въ своей исторіи, но въ этомъ мѣстѣ сказалъ сущую правду, да и сказалъ иѣтко.

Заданъ себѣ фальшивое, ни на чемъ не основанное, положеніе — наваливать на Ляшское поселеніе все, что можно выдумать худое и зло- вредное для древней Руси, именно потому, что они — *Ляхи*, критикъ, ни съ сего, ни съ того, въ покореніи Сѣверянъ Козарамъ обвиняетъ Вятичей!

Взявшись, такимъ образомъ, за перо съ цѣлю — доказать невѣрность моего взгляда на двойственность Русской народности, критикъ создаетъ прежде всего цѣлыхъ три теоріи совершенно мечтательнаго и произвольнаго свойства, и на своихъ положеніяхъ зиждетъ свою систему, которая имѣетъ претензію уничтожить мой взглядъ на древнюю нашу исторію и вообще на сущность Русской народности; онъ, произвольно, безъ всякихъ основаній: 1) признаетъ чуть не всю Русь колонизаціею Новгорода; 2) произвольно находитъ особія свойства строя у сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и приписываетъ сѣвернымъ Русскимъ Славянамъ исключительно, еще въ древнѣйшую эпоху, мысли политическаго единства, отрицающія у южныхъ, — въ глубокой древности видитъ у сѣверныхъ какой-то особенный городской строй и цивилизацію, чего не было у южныхъ; 3) произвольно приписываетъ Радимичамъ и Вятичамъ какое-то враждебное и вредное вліаніе на другихъ Славянъ, на томъ основаніи, что они Ляхи. Первое и второе выводится съ цѣлю проповѣдывать превосходство сѣвера надъ югомъ, изъ мѣстнаго высокомерія передъ юноруссами и притязанія на право власти первыхъ надъ послѣдними, — третье — съ цѣлю унижать Поляковъ, къ которымъ не благоволитъ вообще газета *День*.

Не ясно ли, что критикъ хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этотъ критикъ хочетъ обвинить меня въ тѣхъ качествахъ, которыя имѣетъ самъ и заявляетъ самымъ рѣзкимъ и ребяческимъ образомъ. Употреблять науку для постороннихъ цѣлей! это недостойно честнаго ученаго. Было бы извинительно, еслибы авторъ только заблуждался неволью; иѣтъ, онъ *не заблуждается* неволью: онъ сочиняетъ, онъ напускаетъ туманъ.

Далѣе у автора произвольныя фантазіи слѣдуютъ одна за другою. Что, наприкладъ, скажетъ всякій, занимающійся русскою исторіею, о та-

кой фразѣ: «во время варяжскаго владѣнія и подъ его вліяніемъ нарушена была та *правда*, та честность отношеній, какая значала была между *властями*, или метрополіями, и *пригородами*, или колоніями»? Откуда автору известно это, и гдѣ есть современныя свидѣтельства или свѣдѣніе о такой правдѣ и честности передъ нападеніемъ Варяговъ? Далѣе авторъ говоритъ: «Въ призваніи князей Новгородцы увидѣли средство умирить колоніи съ старшею метрополіею». Въ лѣтописи говорится объ усобицахъ между родами, а не между колоніями и метрополіею; можетъ быть, и такъ было; можетъ быть, колоніи (исключая самобытныхъ Кривичей) дѣйствительно входили въ раздоръ съ Новгородомъ; но все это можетъ быть, а можетъ быть, этого и не было. Авторъ же свои выдумки выдаетъ за несомнѣнную историческую истину.

О походѣ Олега въ Кіевъ авторъ рассказываетъ такія небывлицы: «Олегу идетъ искать себѣ дѣла на югѣ. Его движеніе изъ Новгорода привлекаетъ множество охотниковъ изъ сѣвернаго населенія, и вотъ сѣверная цивилизація движется съ нимъ на югъ. Юговосточная отрасль Кривичей, послѣ занятія Смоленска и Любеча, присоединяется опять къ Новгородской системѣ — и населеніе ея, увеличивъ новыми сѣверными повольниками массу идущихъ съ Олегомъ, увеличиваетъ только имѣющее начаться вліяніе сѣвера на югъ. Теперь должна установиться прочная связь юга съ сѣверомъ, и самый югъ, при помощи сѣвернаго колоніальнаго начала, сплотится своими доселѣ разрозненными членами въ одно цѣлое. Сѣверное начало встрѣчается съ югомъ (уже не впервые) на землѣ Полянъ. Освобожденные-было вольными дружинниками, Аскольдъ и Диръ, отъ власти Козарь, Поляне устрояются теперь по сѣвернымъ началамъ. Аскольдъ и Диръ, образчики тѣхъ Варяговъ, благодаря которымъ между едиными во всемъ сѣверными Славянами «не бѣ правды», умерщвлены. Слабые Поляне принимаютъ Олега и пришедшую съ нимъ сѣверную систему безъ сопротивленія. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизаціи, приводимая въ исполненіе массою сѣверныхъ повольниковъ, двинувшихся изъ всѣхъ сѣверныхъ центровъ при движеніи отсюда Олега и тѣсно къ нему прикнущившихъ: это та Русь-Новгородцы, о которыхъ слишкомъ прямо говорить лѣтопись, чтобы не знать этого кому-нибудь, а тѣмъ болѣе г. Костомарову».

Что охотники сѣверные были у Олега — это такъ: это видно въ лѣтописи; но тамъ нѣтъ и слѣда какой-то сѣверной цивилизаціи. И откуда

взялась эта сѣверная цивилизація, и въ чемъ она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацію, то скорѣе на югѣ, но близости къ Греціи, съ которою Южноруссы были въ сношеніяхъ. Правда, что съ покоренія Кіева Олегомъ, Кіевъ и за нимъ южная Русь вошли, такъ-сказать, въ ту систему связи, которая возникла на сѣверѣ, вслѣдствіе однако не какихъ - нибудь прежнихъ началъ, а чужеземныхъ покореній; но гдѣ доказательства, что Олегъ приходилъ туда съ заранѣе-сознанною системою колонизаціи? Мы видѣли прежде, что самая система эта на сѣверѣ, по отношенію сѣвера къ другимъ Русскимъ Славянамъ, есть мыльный пузырь, исчезающій отъ малѣйшаго дуновенія критики. Если историкъ-ислѣдователь по слѣдствіямъ историческихъ явленій будетъ искать сознанія такихъ слѣдствій въ головахъ тѣхъ, которые были виновниками этихъ явленій, то его исслѣдованіе будетъ въ большей части случаевъ ошибочно. О Руси-Новгородцахъ я положительно не знаю и не вѣдаю, хотя критикъ и думаетъ меня пристыдить такимъ незнаніемъ; а я знаю только то, что имя Руси въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка (когда складывалась лѣтопись) принималось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ Кіевской Земли и въ смыслѣ вообще федераціи земель, состоявшихъ съ Кіевомъ подъ управленіемъ одного рода. Новгородъ, въ послѣднемъ смыслѣ, былъ Русь, но въ первомъ никогда; напротивъ, и послѣ того нерѣдко противопоставался Русь, когда говорилось объ отношеніяхъ его къ Кіеву. Извѣстіе, что отъ Варягъ прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказываетъ, чтобы Кіевъ отъ Новгорода назвался Русью, когда самъ Новгородъ сдѣлался Русскимъ отъ призванія Русскихъ князей, а эти пришельцы не Новгородцевъ послали, а сами перешли въ Кіевъ; слѣдовательно, если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно отъ тѣхъ пришельцевъ, которые пришли къ нимъ, а не отъ Новгородцевъ, которые, какъ и Поляне, заимствовали это имя такъ недавно въ сравненіи съ послѣдними. Притомъ, мы видимъ, что Новгородцы его мѣстно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы Новгородъ назывался Русью въ мѣстномъ значеніи! Самъ Новгородъ почти исчезаетъ изъ лѣтописей до самого избранія Владиміра.

На первый разъ довольно. Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая

ихъ отъ истинныхъ *элементовъ народности*. Такимъ-образомъ все, что ему не нравится, онъ относить къ *привычкамъ*, а чего хочетъ — къ истиннымъ *элементамъ* народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнести и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ на прииѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныхъ и незапамятныхъ времена. Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ* — это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши *пестинные* элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это *привычки*, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши *элементы*, — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ думовой и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ *привычекъ*.

Н. Костомаровъ.

25 ноября, 1861.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книжкѣ *Основы* будетъ помѣщено продолженіе общедоступной исторіи Украины, на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша, подъ заглавіемъ *Вибовицна*. Начало ея вышло особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Хмельничина*.

СВІЙ ШЛЯХЪ.

Ой волі мої круторогі,
Та звертайте пзъ дорогн.
Гей, волі, собъ-собъ!

Ой собъ, волі половні,
Да не старі — молодні!
Гей, волі, собъ-собъ!

Нўте рáзомъ, мої дўжі,
Вилізайте пзъ калюжи!
Гей, волі, собъ-собъ!

Кінець шляху вамъ чужому,
Станемъ заразъ на своѣму.
Гей, волі, собъ-собъ!

На нашому шляху сўхо,
Не істнуть тамъ васъ мўхн.
Гей, волі, собъ-собъ!

Шопасу васъ на роздóлі,
На козáцькїмъ ріднїмъ пóлі.
Гей, волі, собъ-собъ!

Ще й напїтись дамъ водїнци —
Не зъ болóта, а зъ кривнїци.
Гей, волі, собъ-собъ!

Нўте жъ рáзомъ, мої дўжі,
Вилізайте пзъ калюжи!
Собъ, волі, собъ-собъ!

Ө. Бойчукъ.

25 мая, 1861 р.
Ахметь-горское ущелье.

НАСТУСЯ.

ПОЕМА.

(1648).

Ивану Плиповичу Хильчевському.

*Як съ тобою ми зустрілись
На шляху широкімъ,
Ти заглянувъ міні въ дѣшу
Своїмъ добримъ окомъ*

*И порадивъ мене щіро,
Куди прямувати...
Довго йшовъ я, та й прибівся
До рідної хати.*

*Не пійдю я дальше хати,
Мій коханий брате;
Буду въ хаті я співати,
На бандурі йграти.*

Ой чи вь насъ же вь рідній хаті
 Нічого загадати,
 Нічимъ тугу розігнати,
 Вгору духъ підняти?

Наша хата була здавна
 На всімъ світі славна, —
 Съ тогò давна, якъ вітала
 Короля Степана.

Убіралась наша хата
 Пішними квітками;
 Обливалась наша хата
 Кривью и слезами.

Вилітали зь неї вь поле
 Орли за орлами;
 Обгортали нашу хату
 Литвини зь Ляхами.

Обгортали, та втікали
 Усіма шляхами
 Передъ нашими шаблями,
 Довгими списами.

Нашу хату Турки и Німці
 За морями знали;
 Вь нашу хату зь усіхъ земель
 Подарунки слали. -

Було іучно, було бучно,
Та вставъ братъ на брата, —
Ой замóвкла, похилилась
Нáша рідна хáта.

Ой німје, ой сумје
Нáша вбога хáта,
Що багáтий одцурáвся
Убóгого брата.

Задзвонить же въ німій хáті,
Банду́рніи стру́ни!
Роскривáйтеся святійі,
Прéдківськіи трю́ни!

Оживі, красó дівóча,
Въ кобза́рському се́рці!
Нехáй се́рце усміхне́ця —
И слізми заллє́ця.

Оживі, коза́цька сла́во,
У банду́рнихъ стру́нахъ, —
Нехáй прéдки звеселѣ́ця
У забу́тихъ трю́нахъ;

Нехáй мовлять живе́ слово
На всю Україну —
И ззову́ть усю́ роді́ну
У се́мью еді́ну.

*Ати, друзе мій Іване,
Прийми мою дяку,
Що колись порадивъ щіро
Менé середъ шляху.*

*За порáдою твоєю,
Я прибівсь до хати, —
Гóди по сеіту блукáти,
Дорóги питáти!*

ЗАСПІВЪ ДО ПОЭМИ.

Нехай місяць пзъ зор'ями
Дивитця у вóду,
А я гляну — задивлюся
На дівóчу врóду.

Любо місяцю зъ зор'ями
Въ вóду виглядátись:
Мині любо дівóчою
Красóю вппвátись.

Любо місяцю зъ зор'ями
Въ вóду поринátи:
Мині любо въ дівóчєє
Сérце прозирátи.

Нема́ лiпшого на небi
Надъ зóрю въ погóду:
Нема́ крáщого на свiтi
Надъ дівóчу врóду.

Нема́ вiду нищiйшого
Надъ зóри въ пiвнóчi:
Нема́ дiва дивнiйшого
Надъ сérце дiвóче.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Уродилася Настуся —
 Любо подивитись,
 Изъ личенька рум'яного
 Хочь воді нап'ятись.

Уродилася Настуся —
 Серце голубине...
 Хто жь то ёї кохатише,
 Якъ мати дитину?

Роспущу крилаті думки
 По всій Україні —
 Нема пари статечної
 Коханій дівчині!

Нема серця ласкавого,
 Ні тихої мови
 До любого залицяння,
 Дружної розмови!

Шкода, шкода чернобрівца
 По степахъ шукати,
 Щобъ зъ рожою садовою
 Докупи звязати!

По Вкраїні огні горять,
 Підъ небо сягають:
 Потягнуло степи димомъ,
 Кривдї въ диму грають.

Немѣзь Сіверь Жоггі Воїн¹
 Крозьъ червоп'ють:

По городяхъ обгорілі
Дворища чорніють.

Повкладалась середъ поля
Шляхта спочивати;
Похожають въ пшенихъ шатахъ
Козакі чубаті. ²

II.

Процвітає въ садѣ квітка...
О траво висіка!
Закрий її, сховай її
Відъ людського ока.

Нехай ёї сонце стіха
Світомъ обливає;
Нехай бжівка, Божя втіха,
Надъ нею літає.

Нехай ёї зорі крöpfлять
Чістою росію...
Не довго їй пшатися
Своєю красію.

Не сховає филистая
Пшени квітіння:
Не заступить старá мати
Любої дитини.

III.

Ой у вдові Обушійки
Сини на помості.
Наїхали до вдівоньки
Козаченьки въ гості.

Молоді до присінокъ
 Кониченьківъ вѣжуть,
 А старіі господіні
 Добрій-вечіръ кажуть. 3

»Добрій-вечіръ, панімátkо,
 У твою світлицю!
 Нехай Богъ святій изъ нѣба
 Назпрá вдоаіцію.

»Пізнавай гостей незваныхъ,
 Чесна господіне,
 Що здалека завітали
 До тебе въ гостіну.

»Чи забúла, панімátkо,
 Той веселій вечіръ,
 Якъ ми съ твоімъ Опанáсомъ
 Вели дру́жні рѣчі, —

»Дру́жні рѣчі таемнічі
 Про козацьку зраду,
 Що хотіли відомстити
 Шляхті за неправду?

»Чи забúла, панімátkо,
 Той равокъ повúрий,
 Якъ ти въ вѣйсько виражала
 Волóвні хúри?

»Обушихо панімátkо,
 Сізаю орлице!
 Не дúрно ти злила слізки
 Нóвую світлицю.

»Тобі сѣрце говорило
 Про козацьку дóлю:

Віросли нові могили
По чистому полю!

»Що в Кумейкахъ, в Боровиці
Задержалось сімк,
Те в Сулі зеленолугій
Ляхи потопили.

»Потопили полохливихъ,
Завязтихъ нацали,
Постріляли, порубали,
Кіньми потоптали.

»Пішла туга по Україні
Одъ хати до хати,
Та не вмрла съ того жалю
Козацькая мати.

»Вона сірить на отецькі
Могили водила,
Якъ вставати, воювати —
Піснею учила.

»И кривавимъ слідомъ діти
Въ степі простували,
Безъ гарматъ на Жовтихъ Водахъ
Ворогівъ стрічали.

»Добували козачата
У шляхти гармати...
Помолодшала старенька
Козацькая мати.

»Зазивала пішну шляхту
Підъ Кірсупъ в гостину...⁵
Про ту учту слава трубить
На всю Україну.

»Панімáтко Обуші́хо,
Сизая орли́це!
Знай же й ти про сла́вну ў́чту
У своїй світли́ці.

»Ой тво́го ми Опана́са
Добре помпна́ли:
Пи́шну шля́хту, якъ тихъ ра́ківъ,
Рука́ми побра́ли.

»Привіта́й же насъ, якъ ма́ти,
Че́сна госпо́дине:
Ми съ Ко́рсуня простува́ли
До те́бе въ гості́ну.»

IV.

Гу́чно, гу́чно у світли́ці
Батькі́ розмовля́ють.
Лю́бо їхъ синні Насту́сю
Въ підда́шші віта́ють:

»Ой дівчи́но, дай намъ, се́рце,
Води́ці напі́тись.
Го́ді зга́гою у по́лі
Козака́мъ томі́тись!

»Неха́й шля́хту добива́ють
Яструби́ дзюба́ті;
На́ша вті́ха — ка́рі о́чі,
Чо́рні брове́нята.»

Хи́лть віте́рь, хи́лть бу́йний
Въ дубро́ві квіти́ну:
Ва́блять ре́чі молоді́і
Вродли́ву дівчи́ну.

Исхляютьця въ дуброві
Верхі изъ верхами:
Изираютьця въ розмові
Очі изъ очамп.

То заграє, то заніе
Сэрце голубіне...
Стережіся, Настусенько,
Лпхóі годінп!

Схаменіся, не-дівіся
На козацьку врóду;
Иді лóчче зъ мóсту кинься
У холóдну вóду.

Тамъ до сýду плавать бóдешъ
Тіхпмп ночамп,
И козацтво необáчне
Вáбити речамп.

Тамъ, русáлкою, сміятись
Бóдешъ изъ кохáння,
А тутъ, щіро покохáвшп,
Звянешъ въ безталáнні.

Шкодá квітку одъ лпхóі
Бурі закрпвáти:
Мусить буря зъ неі пійшне
Лістя обірвáти.

Процвітайте жъ и зпнкайте
Квіткамп, дівчáта:
На те рóдитъ васъ, сердешнихъ,
У облістьяхъ мáти.

Процвітайте, не впиняйте
Сэрденько кохáти.

На те вáмп, що зорáмп,
Любу́етця ма́тп.

Процвіта́йте и намъ да́йте
Ва́шихъ чаръ напíтпсь:
Ті́льки й щáстя на сі́мъ світі,
Що на васъ дивíтпсь.

ПІСНЯ ДРУГА.

I. •

Ой давнó бу́ла —
Въ непáмять пішла —
Нещасліва годíна,
Що коза́цькою
Крóв'ю свято́ю
Червоніла Вкраїна.

Ой б́или Ляхі
Нáшихъ козаківъ
Одъ Дністрá до Старі́ці,
По всі́хъ городáхъ,
Сéлахъ, хуторáхъ
Голосі́ли вдові́ці.

Ой бу́ла, бу́ла
Глибóка Су́ла
Нáшимъ трúпомъ загáчена.
Пóльщі служі́ли —
Шля́хті годі́ли,
Тамъ за все намъ заплáчено.

II.

Покидали наші
Волівні хури,
Мавівцям та тернами
По домахъ спинули.

Покидали въ лозахъ
Спіжові гармати,
У безлюдній степъ Москівський
Мусили втікати.

Покидали въ багнахъ
Вороні коні;
Слали світи черезъ багна,
Втікали 'дъ погоні.

III.

Тільки Дмитро Гуня ⁷
На Сулі зостався
Міжъ Сулою и Славутомъ
Валомъ обкопався.

Бився Дмитро Гуня
Пять неділь зъ Ляхами.
Не загине ёго слава
Поміжъ козаками! ⁸

Бився Гуня, бився,
На сілі знемігся;
Похвливши корогівки,
Съ Поточькимъ мирівся.

Сумно наші, сумно
По домахъ верталпсь,
Що браті їхъ надъ Сулою
Спати повкладалпсь.

IV.

И ти, Опанáсе,
Хорóбрый Обúше,
Середь бою кривáвого
Оддавъ Бóгу дúшу.

»Поміраю, брáття,
За рідну Україну, —
Ой пригледьте вдову мою
И малу дитину.

»Ой Морóзе друже,
Мій назвáний брáте!
Назирáй орлинимъ окомъ
Спрітськую хáту.

»Не попусти шлáхті
Надъ нею глумитсь,
А я бúду на тймъ світі
Бóгові молитсь,

»Щобъ взновъ воскресла
Козáцькая сіла
И шляхецькимъ клятвимъ трупомъ
Дніпрó загатіла.

»Мáешъ сина, брáте,
Я — дочку єдину;
Якъ дійдуть лить, неспá руй їхъ,
У дóбру годину.

»Нехай кровъ Морóзівъ
Зъ моєю зілетця;
Звеселитця на тймъ світі
Гірké моє серце.»

V.

Десять рікъ минуло
Після того бою,
Якъ Опанасъ надъ Сулою
Полигъ головою.

Щіро на тімъ світі
Богу вінъ молився,
А старій Морозъ изъ сіномъ
По комшахъ жрився.

Неволею нашімъ
Лихі мпръ давалъ;
Роспустивши по домівкахъ,
По одінцю брали.

Брали, закладли
У замкові глібки;
Не ставало въ нихъ кайданівъ,
Забивали въ дібки.

Ой дубові дібки,
Залізні кайдани!
По степахъ ви, по комшахъ
Нашихъ розганяли.

Розлітались різно
Орлі сизокрілі,
Молодіхъ орлятъ на здобичъ
Налітати вчили.

Добре жъ вони, добре
Вимахали крила,
Піки знову Україна
Бунтомъ закрила.

Добре жь вопі, добре
 По степáхъ шугáли, —
 Роспорóшне козацтво
 Докúпи скликáли.

Триста кóней зь дóму
 Зь Гúпею втікáло; ⁹
 Три тiсячi до Богдána
 У Сiчъ прибувáло.

Двi сотнi зь Морóзомъ
 По Днiпрú спускалось:
 Двi тiсячi съ Турéщини
 До Сiчи вертáлось.

Вернúсь Гúня съ поля,
 А Морóзь изъ мóри, —
 Розплáся по Вкраїні
 Козáцькая воля.

VI.

»Ой ти, славий Гúне,
 Дрúже мiй единый!
 Давь намъ Господь обнятися
 На вóльній Вкраїні.

»Добре послужила
 Намъ старáя сила:
 Утікáла відъ насъ шляхта
 Штанi погубила. ¹⁰

»А теперъ, мiй дрúже,
 Прoшú тебе дúже:
 Iдьмо — синовi моёму
 Знайдемо подрúжже.

»Кажуть, въ Обушіхн
Дочка — якъ калина.
Ой то жъ сїновї моєму
Названа дружина.

»Попаруємъ дітокъ,
Молодїхъ орлятокъ,
Та й засїдемо по пасїкахъ
На весь лїтъ остáтокъ.

»Нехай свїжпмъ цвітомъ
Земля процвітає,
А ми будемо молитвами
Добувати раю.

»Нехай рїдъ нашъ родить,
Ворогамъ на лихо,
А ми собі, дїдуючи,
Повміраємъ тихо,

»И будемо дивїтись
Изъ Божого раю,
Якъ нашъ рїдъ лукаву шляхту
Підъ корїнь рубає.»

VII.

Добре діди сїві
Мїжъ себе рядїли,
Щасну долю молодїмъ судїли;
У святї недїлю,
Въ обїдню годїну,
Въ Обушіхн за столómъ сидїли.

За столómъ сидїли,
Покрїпляли сїли
Изъ снãми, гостьми молодїми.

Сиві мовчязливі,
Батькі говірливі,
Мовь голубі сиві-буркотливі.

»Обушіхо нене!
Сідай біля мѣнес,
Обізвѣтця Гўня довгоўсий.
»Якъ ти горювала,
Дочкѹ згодувала,—
Про все ти намъ розказати мўспшъ.

»Одъ твоєї хати
Неситої шляхти
Не змогли ми, нене, одганяти:
Зъ малими снами
Лугами, тернами
Одъ напасти мўсили втікати.

»Дїво, дївне ста́ло —
Недѣбитки встали,
Та й задалі Ляхамъ прочухана;
А ще намъ дивнїйше,
Що вдовина крїша
Десять рїкь напасти не дознала.

»Ой хочь одъ напасти,
Кажуть, не пропасти,
Та не дай нікому знати її, Бѣже!
Атѣ жь то вдовиці,
Мавши у свїтлиці
Любу доню, що въ горѣді рѣжу!»

VIII.

— Козачевьки, батькі мої,
 Крилаті орлі мої!
 Козаченьки-небожата,
 Молоді мої орлята!
 Такъ судила Бóжа воля,
 Щобъ давила насъ недóля,
 Щобъ шляхецька своя-воля
 Гна́ла насъ пзъ хати, съ поля,
 Нашъ достáтокъ забіра́ла,
 Нашъ насúшний заіда́ла,
 Нашихъ дітокъ-малолітокъ
 Зъ дóброго путя збива́ла.
 Та не всіхъ же хіжа сіла
 Людоідствомъ застраш́ла,
 Не всімъ о́чі засліни́ла,
 Не всімъ сёрце задави́ла.
 Не задавить томú сёрця,
 Чий рідъ зъ давности ведётця,
 Хто, якъ пташка, съ клітки рвётця,
 Чий кровъ лила́сь п ллетця
 За Українське щáстя-дóлю,
 За святú народню волю...»

Пильно слухавъ сивий Гўня
 Зъ Морóзомъ зирáвся:
 Дóбримъ словомъ більшъ, ніжъ мéдомъ
 Солóдкимъ випва́вся.
 А моторна господіня
 Кўхлівъ долива́е,
 Медовú кипучу сілу
 Словомъ заправля́е:

IX.

»Одъ Припети до Спнїохи
 Вслáвлял себе Обўхи, ¹¹
 Та й не злото́мъ рабóваннѣмъ,
 Не гонóромъ купóваннѣмъ,
 Не герба́ми-клепнóдами,
 А сво́имъ пригóдами.
 Вони́ въ по́лі воюва́ли
 И въ нево́лі б́дува́ли;
 Вони́ въ му́кахъ жартува́ли,
 Ж́ртомъ, се́рце гартува́ли.
 Щó ми чу́ли, не забу́ли, —
 Тимъ же сл́домъ прямува́ли.
 Бу́ла бу́ря — хили́лися,
 Бу́ло ли́хо — моли́лися,
 Бу́ло го́ре — горюва́ли,
 Та правдо́ньку шанува́ли.
 Въ ко́го сри́бло, въ ко́го злото́
 Та шляхóцькнн кле́пнóди,
 А въ насъ прав́да, пра́ва во́ля —
 Найлю́бїйша въ сві́ті до́ля.
 Згїне сри́бло, згїне злото́,
 Занедба́ютьця кле́пнóди,
 Ті́льки прав́да на Украї́ні
 По ві́къ ві́чний не загїне,
 Ті́льки прав́да, пра́ва во́ля
 Б́де всі́мъ жада́на до́ля...«

Похита́ли голова́ми
 Сі́внимъ старї́и:
 »Ой сл́ухайте та навча́йтесь,
 Діти мо́лоді́и!

Такъ намъ прадіди мовляли,
 Одъ пращурівъ чўвши, —
 Не глухє въ насъ було сєрце,
 Не глухий ўші.»

X.

—Що змогли, Ляхи зъ насъ драли,
 Худібоньку забірали,
 Наші бжóли піддирали, ¹²
 Наші нивп продавáli,
 Відийли насъ постóями,
 Харчуваннямъ, напоямп. ¹³
 Де насъ люде шанувáli,
 Тамъ вони зъ насъ глузувáli,
 По-шляхєцькій гордувáli,
 По-збоєцькій жартувáli.
 Якъ ви въ полі стáli лўка,
 Стála дома жінкамъ мўка.
 Якъ ви въ полі стáli óрця, ¹⁴
 Не бачили жінки сóнца.
 Ой не знали жъ ми одради,
 Опрічъ прєдківської правди.
 Ой не мали жъ ми порáди,
 Ні науки, опрічъ правди.
 Мовъ святá небєсна сїла,
 Воná сєрце намъ живїла,
 Якъ на світі жити — вчїла,
 Одъ напáсти боронїла.
 Була бўря — хпїлился,
 Було лихо — молился.
 Хпїлился, та й не виáli;
 Молился — воли ждали.
 Ой дождались — изорнули
 Съ того пєкла, де тонўли.
 Ой що насъ по-во́вчий рвали, —

Вовчимъ слідомъ повтікали.
 Ой що кровъ живію ссали, —
 Власнихъ скарбівъ одбігали.
 Що надъ нами насміхались, —
 Самі слізки обливались. ¹⁵
 Все жъ то правда поробіла,
 Наша прѣдківська сила,
 Зъ давнихъ давенъ завіщана,
 Награда намъ обіщана
 Замість срібла, замість злота,
 Замість гонору-клепнодівъ...»

Стрепенулись діди сиві
 Одъ живого слова:
 Розогріла старе серце
 Гарячая мова:
 »Такъ, паньматко рідна сестро!
 Дякуемъ за мову!
 Віпьемъ жъ за нашу правду,
 Народню основу!
 Наливай намъ кухлі повні
 Мѣдомъ, п'яннимъ-чоломъ; ¹⁶
 Нехай въ серце радість летця
 Съ твоімъ любимъ словомъ!«

XI.

— »Козаченьки, батьки мої,
 Крилаті орли мої!
 У васъ очі прозірливі,
 А въ насъ дүші покірливі.
 У васъ рада середъ поля,
 А въ насъ дома — ваша воля.
 Ви б'єтеся, — ми чүємо,
 По домівкахъ бідүємо,
 Бідүємо, працюємо,
 Маліхъ дітокъ доглядäемъ, —

Доглядаємъ, въ чисте серце
 Правду, воленьку вливаємъ, —
 Доглядаємъ, годуюмо,
 Підмогу вамъ готуюмо.»

—»Золоті у тебе уста!
 Ще Гуня озвався.
 »Знавъ Обухъ, де въ світі щастя,
 Якъ съ тобою брався.
 И щаслива, певне, буде
 По-вікъ того доля,
 Кому судитця подружжямъ
 Люба твої доня.»

А у дові горить лічко,
 Що въ лузі каліна:
 Передъ нею — Морозенко,
 Гарний, якъ картина.
 »Ой закриї же мене, нече,
 Пехай вінъ не знає,
 Якъ серденько трепічетця,
 Миле-омилівас!»

XII.

—»Козаченьки-небожата,
 Молоді мої орлята!
 Пічки віросли въ васъ крила,
 Рідна мати васъ учила, —
 Ой учила, наставляла,
 Правихъ предківъ споминала.
 Що ви чули, не забули, —
 Тимъ же слідомъ полинули.
 Козакуйте жъ, процвітайте,
 Та й намъ слави уділяйте.
 Козакуйте жъ, прославляйтесь,
 На насъ любо оглядайтесь.
 Якъ до насъ ви завітали, —

Мовъ зъ могїли ми устали.
 Якъ до насъ ви налетїли, —
 Нече свїть намъ освїтили.
 Ой свїтїть же по свїтлиці
 Бїдолашній удовиці;
 Мѣдомъ кўхлі псповняйте,
 Ії мўжа спомпнайте.
 Пїйте пїво, їжте страву,
 Спомпнайте ѓго славу.
 Ой нашъ рїдъ ведѣтця здавна;
 Наша слава здавна славна;
 Наша правда здавна права, —
 Чїста, славна наша слава!«

П. Кулїшъ.

Трѣтю пісню поѣми надрукѣмо въ *Оснѣві* за мїсяць Ноябрь.

Ред.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ »НАСТУСЯ«.

1. — Стр. 5, ст. 25.

Поміжъ балокъ Жовтї Води

На рѣчкѣ Жовтїхъ Водахъ козаки впервые разбили коронное шляхетское войско. Рѣчка эта дѣйствительно протекала по степнымъ долинамъ, балкамъ. Теперь она, говорятъ, засхла.

2. — Стр. 6, ст. 6.

Похваляють ек пішкихъ шатахъ Козакї чубатї.

Одѣться въ платье побѣжденнаго врага считалось у козаковъ рыцарскою честью. Это видно и изъ думъ народныхъ, какъ напримѣръ:

Чоботи Татарські истагавъ,
На свої козацькі ноги обувавъ;
Одежу истагавъ,
На свої козацькі плечї надївавъ;
Бархатний шлыкъ надїймає,
На свою козацьку голову надїває.

Современный лѣтописецъ говоритъ, что когда козаки-сермяжники возвращались съ походу на Поляковъ, то, одѣтые въ добычныя одежды, съ высоты казались массами движущихся цвѣтовъ.

Эпитетъ *чубатї* взятъ изъ народной думы:

Що не видно чубатихъ
Не то по степахъ,
Не то й по лугахъ...

3. — Стр. 7.

Форма этого куплета взята изъ народной пѣсни:

Пришло до дівчини
Два козакї вгостї.
Одинъ стоить коло сїней,
Кониченька вїже;
Другий стоить підъ вікномцемъ,
Добрий-вечір̄ь кїжо.

4. — Стр. 8, ст. 3.

Що въ Кумейкахъ, въ Боровиці

Подъ Кумейками и подъ Боровицею, ниже Канева, близъ Мошенъ, казаки были разбиты Потоцкимъ въ 1637 году. Въ слѣдующемъ году было новое возстаніе и новыя пораженія козаковъ надъ Сулою.

5. — Стр. 8, ст. 28.

Підъ Кѳрсунь въ юстїну...

Утошеніе состояло въ кровопролитной битвѣ, которая была напередъ хорошо соображена, обезпечена засадами и потому окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ шляхты.

6. — Стр. 6.

Въ I-й и II-й строкахъ дѣло идетъ о первыхъ козацкихъ войнахъ и потомъ о пораженіи козаковъ въ 1638 году, когда гегманъ Остриянивъ бѣжалъ съ колонникомъ въ Московскія степи.

7. — Стр. 12, ст. 13.

Тільки Дмитро Гуня

Слѣдовало бы напечатать Дмитрѣ; но народъ говоритъ и Дмитро. На примѣръ, въ пословицѣ: *До Дмитра дѣвка хїтра, а після Дмитра, якъ стрїне собѣку, то ѣ нїтїе*: »Чи не въ старостї ѡи, дѣдюшка, идете?» Т. е. невѣста переборчива до тѣхъ поръ, пока минуеть время сватовства, определяемое осеннимъ праздникомъ св. Дмитрія.

8. — Стр. 12, ст. 19, 20.

*Не заїне ёго слава**Поміжъ козаками!*

Неудачная война Остриянива была искуплена Гунею, который, оставшись только съ вѣхотою, выдержалъ продолжительную осаду соединенныхъ силъ Потоцкаго и князя Іеремїи Вишневецкаго. Онъ доказалъ, что доведенные до отчаянїя казаки страшнѣе для короноваго войска, нежели во время великихъ нападѣхъ своихъ. Войны Остриянива и Гуни, равно какъ и Павлюка, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ окончанїя новаго труда Н. Ш. Костомарова — подробнаго изображенїя времени, предшествовавшаго Хмельницкимъ, которымъ трудомъ нашъ несравненный историкъ запяты въ настоящее время. Чтобы дать читателямъ понятїе, до какой степени можетъ быть интересна художественно обработанная повѣсть объ этомъ періодѣ, приведу небольшой эпизодъ изъ неизвѣстной еще лѣтописи Лукомскаго, писанной въ 1770 году и сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ. Немногіе читали *Diariusz Okolskiego*, откуда заимствованъ лѣтописцемъ этотъ эпизодъ, потому что эта драгоценная книга составляла большую библиографическую рѣдкость и появилась только недавно въ обширномъ собранїи историческихъ матеріаловъ: *Biblioteka Polska*.

«Гетманъ Потоцкій (говорить Лукомскій со словъ Окольскаго, очевидца войны) крайне на томъ постановилъ, чтобы козаковъ — — перемишными хоругвами безпрерывно доставать, на нихъ наступать и вылазки дѣлать до десяти дней, и притомъ близъ шанца нѣмецкаго сдѣлать батарею изъ дубовъ, а на верху оной изъ земли блокгаузъ, съ котораго съ пушекъ въ окопъ козацкій ночью бь было стрѣлять цѣлво, повелѣлъ. — — Козаки, усмотря, что реченая батарея и блокгаузъ поляками совсѣмъ сдѣланы и что изъ оного блокгауза всѣ мѣста и лица ихъ въ окопѣ выдѣтъ не трудно, одиѣ утѣкають, другіе сквозь польское войско пробываться хотѣли, а червь къ гетману объявление послали, что оны поддаться ему готовы; старшини жъ такой хитросты употребили. Юля 11 числа почтою отправили они нѣсколько козаковъ къ шанцу, состоящему близъ оной батареи, съ наставленіемъ, дабы они противъ нихъ льстивымъ такою рѣчью, будто они для словенія языка идутъ до окопу, и подъ тѣмъ прикрытіемъ дабы провѣдали, какой у поляковъ лозунгъ. Тѣ козаки, подъ выдомъ реестровыхъ (т. е. преданныхъ Потоцкому), въ обозъ къ нимъ же, реестровымъ, прышли, соглашались съ оными, какимъ образомъ языка достать въ окопѣ (Гуни), а между тѣмъ соглашеніемъ и о лозунгѣ провѣдали и оный къ своимъ принесли. Потомъ, съпусти полчаса, нѣсколкома десятками козаковъ засаду учинили и оный къ шанцамъ возвратились. Какъ же ихъ спрошено: кой лозунгъ? они сѣказали; а одинъ изъ козаковъ реестровыхъ спросилъ: достали ль языка? Они отвѣтствовали: и не одного достали. Между тѣми самими разговорами засадные козаки на разговаривавшихъ неосторожныхъ реестровыхъ нападши, нѣсколько десятковъ, тутъ же пры нихъ нѣкоторую частью нѣхоты нѣмецкой высѣкли и выкололи. Къ тому жъ, нацѣрвая еще и оной батарее истребить, блокгаузъ разрушить и пушки изъ оного искатить, и уже были на оной възлѣзли; но, какъ во всемъ обозѣ полскомъ окрикъ учинился, а поляки къ оному батарее сближаться начали, то оне козаки, чтобъ поляки ихъ не захватили, съ того батарея сскакивая, спасенія своего шастыемъ искали. Въ тую жъ ночь учинилось въ полскомъ обозѣ великое замѣшагельство, такое, что все войско чрезъ всю ночь пры ружжу стояло. Въ тое жъ ночное время козаковъ изъ окопу нѣсколко тысячъ въ обозъ полскій вѣскоинивъ, многихъ поляковъ въ ономъ помертвили и въ окопѣ съ побѣдою возвратились.»

9. — Стр. 18, ст. 5, 6.

Извѣстіе о бѣгствѣ Гуни съ тремя-стами козаковъ въ степи къ Острианину сохранилось въ рукописяхъ С. Петербургской публичной библіотеки. Николай Потоцкій, огь 19 сентября 1639 года, съ официальной извѣстію, увѣдомляетъ короля, что Гуни ушелъ *безъ всякой причины* (Hunia, który hetmanіł swawolstwemъ przeciwko woysku WKM, y z. kilka innychъ Principałowъ we trzechъ setъ koni do Ostranina do Moskwy, przezъ wszelky przyczynny, ucieklъ.) Поэма объясняетъ эти причины, на основаніи извѣстныхъ улровокъ магнатскаго полноправства въ Украинѣ.

10. — Стр. 15 ст. 23, 24.

*Утїкдла відъ насъ шлїхта,
Штанї погубїла.*

Изъ народной пѣсни объ Уманской рѣвѣ:
 Утїкали Уманччки,
 Штанї погубїли.

11. — Стр. 19, ст. 1, 2.

Одъ Принети до Сикї хи
Всїдїли себѣ Обўхи,

Украинскій народъ не чуждъ понятій объ аристократизмѣ, но онъ до сихъ поръ держится кореннаго значенія слова *ἄριστος* (лучшій), не прибѣгая къ вѣшнимъ, искусственнымъ, механическимъ пособіямъ превосходства одного человека передъ другими. Самая слава имени соединялась въ его понятіяхъ не съ успѣхомъ, а съ значеніемъ дѣяній общественныхъ. Это всего ближе мы можемъ видѣть на Гонтѣ, Котовичѣ и другихъ участникахъ, Колівцннхъ, заклеивенныхъ и до сихъ поръ клеймимыхъ даже со стороны людей Русскихъ названіемъ *разбойника*. Какъ поступаетъ у Квитки любящая дѣвушка, цѣлуя руки у грязнаго, опозореннаго колодника, такъ поступаетъ Украинскій народъ, въ своихъ пѣсняхъ и воспоминавіяхъ, съ тѣми, на кого онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ народной правды. Вотъ почему авторъ вкладываетъ въ уста Обушки горькое воспоминаніе о предкахъ, которые прославились бѣдствіями и несчастіями. Упрекъ Пушкина: «Друзья минутнаго, поклонники успѣха», къ нашему народу не относится. Были случаи, когда онъ въ пѣсняхъ своихъ проклиналъ торжествовавшего Богдана Хмельницкаго и называлъ *коздычками батькми* такихъ людей, какъ Зализнякъ и Гонта, которыми печатная исторія (съ немногими исключеніями) отводила до сихъ поръ самое позорное мѣсто. Тотъ же самый народъ не отозвался ни единымъ словомъ сочувствія къ Мазепѣ, падшему якобы за Украину. Вообще его сердечная логика достойна изученія. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателей на тотъ аристократизмъ нашего неграмотнаго (и слѣдовательно чуждаго грамотныхъ заблужденій) простолюдина, который выражается въ его бесѣдахъ и семейныхъ сдѣлкахъ словами: *чѣсный рїдъ*, *дитїна чѣсного рїду*, и пр. Уваженіе къ богатству у насъ есть, но богатство вообще такъ заподозрѣно, что даже молодая чета, получивъ въ приданое рогатый скотъ, лошадей, овецъ, часто обращаетъ все это въ деньги, суевѣрно утверждая, что не пойдетъ въ прокъ добытое чужимъ трудомъ, а впоследствии покупаетъ на трудовые деньги другой домашній скотъ, и уже вѣруетъ, что можно съ него разжиться. Этимъ объясняется отчасти и убожество нашего народа, и та странная для иностранца гордость въ убожествѣ, уваженіе къ самому себѣ въ крайней нищетѣ и равнодушіе къ обогащенію, которыя такъ часто можно еще и въ наше политикоэкономическое время встрѣтить въ Украинѣ. Что касается до понятія о честномъ родѣ, то своеобразный аристократизмъ этого понятія такъ силенъ въ нашемъ простонародьи, что простые козаки и вообще поселянки-невѣсты доступны у насъ только для немногихъ образованныхъ и богатыхъ паничей, которые бы вздумали на нихъ жениться. Тутъ останавливаетъ родителей и самихъ невѣстъ въ ихъ выборѣ не страхъ новаго положенія въ свѣтѣ, не стыдъ своего мужицтва, т. е. необразованности между дворянами, — вовсе нѣтъ. Народу нашему вѣчно чудится несчастье, неизбѣжно соединяющееся съ богатствомъ, прибрѣтеннымъ, какъ онъ выражается, *Боги тїо зиде, якъ*. Смыслъ этого страха тотъ, что, по его нелегко объяснимой логикѣ, человекъ — самъ

самъ по себѣ, а богатство — само по себѣ, и что снѣшивать эти понятія до неравнѣнности для него такъ же дико, какъ снѣшивать вѣчное съ временнымъ, живое съ мертвымъ, несомнѣнное съ призракнымъ. Такимъ образомъ и при своемъ аристократизмѣ, любящемъ углубляться въ область преданій, народъ нашъ остается глубоко демократическимъ: остается всегда и во всемъ народомъ, а не классомъ, выдѣляющимся изъ народа. Зналъ это по живымъ представителямъ простонароднаго Украинизма, мы легко можемъ понять, какъ это былъ владѣтельный князь, какимъ *de facto* былъ Богданъ Хмельницкій, *de jure* былъ только реестровой козакъ, т. е. рядовой воинъ; какъ вонны, подобные кошевому Ивану Сірку, по сложениіи съ себя войскового званія, были въ глазахъ народа только простыми пасичниками, хотя ихъ знакомствомъ и дружбою каждый гордился; какъ въ уголовныя обвиненія противъ гетмана Самойловича (намысленныя канцелярскимъ умомъ Мазепы) внесены простолюдины жалобы козаковъ на то, что, прійдя къ нему, надобно было стоять у порога, и пр. и пр. На основаніи всего этого, я вставляю счастливаго и конечно обогатившагося побѣдителя Поляковъ, Мороза, вмѣстѣ съ прославленнымъ Гунею, относиться къ женѣ Обуха такъ, какъ будто она вовсе не обдѣйла и не унижена шляхтою до уровня служенія шумнымъ постолькамъ-жолнерамъ, а ее самое — говоритъ съ гостями тѣмъ же языкомъ, какимъ говорила бы и жена гетмана Хмельницкаго. Мнѣ случилось входить въ короткія отношенія съ бродячими бѣдняками, лириками, кобзарями или просто нищими. Никогда я не замѣтилъ, чтобы они, во время предлагаемаго имъ гостепрѣимства, стѣснялись своею нищетою и низовостью своего положенія, или выражали лакейское уваженіе къ моимъ житейскимъ преимуществамъ. Гомеровскій Пріамъ въ шатрѣ Ахиллеса никакъ не былъ проще, естественнѣе и благороднѣе ихъ въ обращеніи. Благодарность свою они выражали даже съ какииъ-то милымъ для меня упрекомъ: *Тільки се й твоє, що ти своєю рукою подаєш, а то все не твоє*. Видите, какъ у нашего народа актъ душевной дѣятельности отдѣляется отъ матеріала, который употребленъ для этого акта! Невольно приходитъ на мысль, во что оцѣнилъ Христосъ чашу воды холодною. Не смотря на то, что въ житейскихъ счетахъ за вещи она не стоить и самой дробной единицы матеріи, — въ области духа она дѣлаетъ незабвеннымъ дѣломъ актъ употребленія этой матеріи. Украинской народъ, относясь къ міру вещей и явленій жизни непосредственно, безъ той искусственности, которая у насъ часто выдается за усовершенствованіе жизни, — сохранилъ простой, здоровый взглядъ на исторію, на народное право, на достоинство личности человѣческой и на многое, о чемъ приходится намъ спорить съ учеными и неучеными кабинетными людьми. Само собою разумѣется, что не всѣ простолюдины и даже не очень многіе простолюдины могутъ служить намъ предстателями того, что мы называемъ истинною украинскою народностію. Но въ томъ-то и подвигъ народоученія, чтобы отличать главное отъ второстепеннаго, общее отъ частнаго, постоянное отъ случайнаго, внутреннее, самородное отъ вишняго, пришлое, самобытное, первоначальное отъ выброшеннаго извнѣ, подражательнаго, искаженнаго.

12. — Стр. 20, ст. 7.

Наші бжолы піддирали,

Въ печатающихся нынѣ Археографическою Коммиссією Актахъ *Западної и Южної Россіи* часто идетъ дѣло о заграбленныхъ или опустошен-

ныхъ пасіахъ. Это показываетъ, что въ XVII столѣтіи пасіаки составляли еще одну изъ главнѣйшихъ статей сельскаго хозяйства и промышленности. А *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7) иронически выводитъ изъ подобныхъ грабежей даже причину войны Богдана Хмельницкаго: »...натрапили (сказано въ шеѣ) на человека на одного, у котораго одняли пасіаку, которая всѣй землѣ Польской начинила бѣди, а тмъ способомъ....« (и начинается повѣсть о самихъ войнахъ). Кстати обращаю вниманіе читателей-специалистовъ на темное мѣсто въ современной рукописи одного шляхтича (приведенной мною въ примѣчаніяхъ къ *Дунайской Думѣ*), указывающее на какой-то неизвѣстный намъ грабежъ подстаростія Чанлинскаго: A со Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi (очевидно, этотъ козакъ — Хмельницкій) od jednego Ukraińskiego Podstarostiego, dla ktorey sto beczek krowie slaccheckiej wylewalo sie...

13. — Стр. 20, ст. 9, 10.

*Бідніли насъ постѣями,
Харчуваннлямъ, напоєми.*

Въ универсалѣ своемъ гегманъ Остриинъ (*Записки о Южной Руси*, II, 297) жалуется всему народу, что начальникъ квартировавшихъ въ Острѣ жолюеровъ, Геродовскій, требовалъ отъ его отца доставлять для его, Геродовскаго, собакъ ежемѣсячно по три ведра творогу и по ведру масла, не говоря ужъ о томъ, что остерскіе козаки и мѣщане поставляли для корму самимъ постояльцамъ. Изъ этого можно заключить, съ какимъ горькимъ чувствомъ должна была вдова Обуха вспоминать о своей беззащитности послѣ неудачной войны гетмана Остриина. Самый стихъ: *Харчуваннлямъ, напоєми* взятъ изъ *Лѣтописи Самовидца* (стр. 11), гдѣ говорится, что въ началѣ войны Хмельницкаго мѣщане должны были вступать въ козаки, чтобы освободиться отъ побоевъ, напоєвъ и кормовъ необычайныхъ.

14. — Стр. 20, ст. 17.

Якъ ви стѣли въ полі брця,

Выраженіе *стѣти брця* употребительно у черноморскихъ байдачниковъ. Это значитъ — повернуть байдакъ противъ вѣтру. *Постѣвъ брця!* говорятъ оимъ другъ другу въ извѣстномъ случаѣ. *Стѣти лѹка* — почти то же, что и *стѣти цѣпа*, т. е. воспротивиться какой-нибудь силѣ.

15. — Стр. 12, ст. 8.

Самі слізи обливдлись.

См. 12-е прим. къ *Дунайской Думѣ*.

16. — Стр. 21, ст. 21.

Мѣдомъ, пѣянимъ-чѣломъ.

Мѣдъ подъ названіемъ *пѣяне-чѣло* упоминается въ извѣстной думѣ о Ганжѣ Аудыберѣ.

ГОГОЛЬ И ВОРОНА.

Пливé Гóголь по Славúту,
Въ вóду поринаé.
На гíлі сидíть Ворóна,
Вáженько здíхаé:

»Ой мій дрúже білокрýлий!
Гóренько съ тобóю!
Поринаéшь, — не дай, Бóже,
Заллeся водóю!«

Пливé Гóголь по Славúту,
Съ хмáри дóщикъ лeтця.
У Ворóни-жалібнiці
Зъ жáлю сéрце рвéтця:

»Ой з'явiся, ясвé сóнце,
Вiсуши намъ крýла,
Що обóмъ намъ зъ мóкримъ пiр'ямъ
Лiтати не сiла!«

—»Ой Ворóно-жалібнiце!
Чогó мáрне крýчeшь?
Я купáюсь-очищáюсь,
А ти зъ дýру плáчeшь.

»Нá що мiнi на Славúтi
Твоя осторóга?
Сушiлась би собі мóвчки,
Ротáта небóго!

»На що міні одъ дóщичку
Твої оборóна?
Сиділа бь ти собі мóвчки,
Химёрна Ворóно!«

П. Кулішъ.

Прошу редакцію приложити къ Основъ басню: *Гоголь и Ворона*, въ видѣ извѣщенія о пригтовляемомъ къ изданію сборникѣ моихъ стихотвореній. Украинское слово, по моему глубокому убѣжденію, способно проявить себя со временемъ во всѣхъ родахъ и видахъ стиховъ и прозы. Надѣюсь, что читатели увидятъ это отчасти и въ моемъ сборникѣ, изъ котораго заимствована предлагаемая басня. Само дѣло убѣдить въ этомъ, — и, можетъ быть, скоро — вашихъ антиподовъ, которыхъ *День* для насъ *Ночь*, которые пророчески рѣшаютъ вопросы жизни и смѣло утверждаютъ, что наше слово способно къ тому-то, и не способно къ тому-то. Надѣюсь также, что другіе писатели украинскіе поддержатъ мою мысль новыми произведеніями; что явятся новые поэты съ новыми силами и новыми, еще несуществующими для насъ средствами языка, такъ мало показаны разработанаго.

П. К.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

III.

Вчи лїнивого не молотомъ, а голодомъ.

Багатоу хазяїну пославъ Богъ чи-мало дїточокъ. Всї жъ по-їрни, трудящі, помагають батькові й матері у всякій роботі; одна тільки дочка (Палажкою звали) удалась така лїнива! тільки й робіти їй, що сидить згорнувши ручки. Ні на сорочку собі не напряде, ні воді не принесе, ні корови не відоїть. А дівка жъ така — глянуть на неї, здаєця за двохъ зробіть — висюба, гладка, и зъ виду — не взявъ її врагъ — чорнявенька, хороша—прехороша!

Може бъ вона и не була така лїнива, колибъ батько й мати, на лихо їй, такъ въ неї не кохались. Ніколи було не наляють — не то щобъ вдарить — лїпїву дитїну.

— Донечко моя! — було почне батько: — чомъ ти нічого не робишь?.. Яка жъ зъ тебе хазяїнка буде?... Та тебе жъ ніхто не візьме за себе. Кому треба такъ паньску пиху, якъ ти? Чи не соромъ тобі дармо хлїбъ їсти?

То мати заразъ и заступаєтця.

— Годі тобі, скаже, — грїмать на дитїну! Якъ до чого прийдеця, то буде зъ неї и хазяїнка... Аджежъ не чужий хлїбъ їсть, а нашъ.

Вже й подруженьки Палажчини повиходили замїжъ, а до неї и старостїв не засилають, хочъ така дівчи́на, кажу, що кращої въ селі нема: біла, повна, тіло ніжне, — якъ панночка! бо нічого не робить: не печетця на сонці, не мєрзне й на морозі.

Ду́мавъ, старій, ду́мавъ, що́ ёму́ на світі робіть зъ лінійвою дочкою, та й ка́же:

— Якъ бй знайшовся такий чоловікъ, щобъ не біттемъ, а поважнимъ словомъ, зробивъ зъ неі роботящу молодіццю, то я-бъ зъ нею віддавъ би ёму третіну всіі худоби, що маю.

Знайшовся такий чоловікъ зъ дрúтого села; прийшовъ до Палажкного батька, и сина зъ собою привізъ. Знатний паренъ, дівчяні підъ пару.

— Віддай, ка́же, — твою дочку за мого сина, то побачимъ, якъ зъ неі буде невсипуща хазійка.

— Добре, ка́же батько, — віддамъ; и зъ нею, якъ сказавъ, третіну худоби; тільки гляди, щобъ не біли моєі дитяни...

— И пальцемъ, ка́же чоловікъ, — до неі не доторкнётся!

Одружили Палажку зъ парубкомъ, и, добре погулявши на весіллі, свёкоръ забравъ молодіхъ и повізъ до себе. На другій день вся семья прокинулась раненько и кожний принявся за роботу, а Палажка довго ще ворочалась зъ боку на бік, поки не обридло лежати, а далі встала, сіла собі біля віконця та й поглядає на вулицю, и радабы то, раденька, що іі ніхто не сілає до роботи. Къ обіду зібралась вся сімья; поставили на столь борщъ; отъ, свёкоръ и пита:

— А хто що́ робивъ?

Всякій, хто що́ робивъ, розказує, а Палажка мовчить.

— А ти, невістка, що́ робила? пита свёкоръ.

— Нічого не робила, одвітила Палажка, — и звичаю тогб не маю, щобъ робить.

— Якъ нічого не робила, то нічого и не істимешъ: и у насъ нема звичаю дармо годовати лёжнівъ!

Такъ сердешна цілесенький день не івши и сиділа: нема, бачите, рідної неньки; нікому було и шматочокъ хлібця дати неббі.

На другій день, сиділа, сиділа, а далі згадала, що тутечка, якъ не поробившъ, то й істи не дадуть, — вхопіла відра и принесла воді. Якъ посідали обідати, зновъ свёкоръ пита:

— А хто що́ робивъ?

— Всі робили, одвітує свекруха.

— А невістка?

— Вона воді принесла.

— Дайте жъ ій кўхликъ воді.

Вийшла той кўхликъ небѣга, поплакала, пожурилась и зновъ голодує.

На третій день Палáжка принесла водї, и якъ свекрўха побралась бяля пѣчи; то вона помогла їй вимшати кашу.

— А хто щб робивъ? пита свекоръ сїдаючи обїдати.

— Всї робїли, одвїтує свекрўха;—а невістка и водї принесла, и кашу вимшувала.

— Дáйте жъ їй грўдочку каши.

Не наїлась Палáжка тїєю грўдочкою. Нїчого робїть; якъ кажутъ: голодъ — не тїтка, не нагодує. Отъ вона годї вже сидїть, згорнўвши рўчки; потрбшку, потрбшку, та й стáла така жъ роботяща, якъ и всї. Минувъ тїждень и дрўгий; отъ Палáжчина мáти и каже своєму чоловікові:

— Щб-то дїетця зъ нашою дитїною? Мбже, вона кулаками слїзи втирає; мбже, їй товчуть и бьють пещасливу?... Запротбрили ажъ у дрўге село, та й досї вїсточигъ объ неї не маємо. Хочъ би ти, чоловіче, навідавсь до неї.

У недїлю пішовъ старїй до своєї дочкї. Прихбдить — нема нїкого: вся семья пішла до цїркви, тїльки одна Палáжка остáлась и лбраетця біля пѣчи.

— А щб, донечко, пита старїй, — якъ тобі живѣтця?

— Дббре, тáту, одвїтує Палáжка, — спасїбі Ббгу й лўдямъ.

— Не бьють тебе?

— Нї, не бьють.

— Спасїбі їмъ! каже старїй, перехрестївшись.

Сївъ бáтько на лáву, та й дївїтця на свою дочку, а вона такъ тїмъ рогачемъ орудує! то горшкї переставля, то жару підгребє, то вїбїжить зъ хáти, дровецъ врубáть, то вхбпить вїдра и збїгає за водбю. Щб се зъ нею стáлось? дўмає старїй: очáмъ своїмъ вїри не йме. Тб було и до пѣчи блїзько не підїйде, а те-перечки — глянь, якá роботяща стáла!

Ажъ ось повертáютця зъ цїркви свекоръ зъ жїнкою, зъ дїтьми, а Палáжка якъ ухбпить шкуратбкъ та бáтькові въ рўки:

— Мпїть, тáту, каже, — атб тўтечки такї гáспедьскї лўде, що якъ хто пїчбго не робить, то вони їмў и шматкá хлїба не дадўть!

Бáтько узáвъ той шкуратбкъ та й мпе, а тўть вїйшовъ у хáту свекоръ зъ жїнкою и зъ дїтьми.

— Здрбвъ бувъ, свáте! каже свекоръ, — а щб се ти рббїшь?

— Шкуратокъ мну, каже старий, усміхаючись, — щобъ не гулять, бо дочка мнѣ сказала, що тутъ такі люди чудні, що якъ хто нічого не робить, то їмъ й шматочка хліба не дадуть.

— Э, въ насъ такъ, свѣте! каже свѣгоръ, глянувши на невістку. — Не збрехала твоя дочка. Бачъ, якá стала роботяца! Теперечки давай, якъ обіщавъ, трѣтину, бо й пальцемъ я до неї не доторкнўся.

— Якъ же ви її навчили? пита батько.

— А такъ: *вчи лимбового не молотомъ, а вчи іолодомъ.*

IV.

Не впусти рака зъ рота.

Летіла ворона по-надъ моремъ; дивитця—лізе ракъ. Вона хапъ єго, та й понесла черезъ лиманъ у лїсь, щобъ, сївши де-небудь на гілці, гарненько поспідать. Бачить ракъ, що приходитця пропасти, и каже вороні:

— Эй, ворбно, ворбно! знавъ я твого батька и твою матір: славні люди були!

— Угү, одвітїе ворона, не розвляючи рота.

— И братівъ и сестеръ твоїхъ знавъ, каже ракъ:—щó за добрі люди!

— Угү, гугнить ворона, а рака кріпенько держить.

— Та вже хочъ вони и гарні люди, каже ракъ, — а тобі не рівня. Мнѣ здаєтця, що й на світі нема розумнїйшого надъ тебе.

— Эгє! крікнула ворона, на весь рїть, та й упустила рака въ море.

Отъ тимъ-то, якъ кого одурять похвальбою, абб лестивою рїчю, то люди й кажутъ: *Упустивъ рака зъ рота.* А якъ кого остерегають, то кажутъ: *Гледї! не впусти рака зъ рота.*

Олекса Стороженко.

Вороний кінь.

Бувъ у насъ на Чорноморіі козакъ старій, на прізвисьце Кульбашний; живъ свій вікъ сиротію; сидівъ Зімівникіомъ на річці Сасиці Ейської-Паланки, мавъ дуже багато худоби всякої и бувъ грошовитий дуже. Вінъ, умераючи, всі гроші одказавъ на Божі церкві.

Разъ, у Ростовському ярмарку, де Чорноморці становлятця особне таборомъ, вінъ продававъ лошаківъ, неуківъ, а мошенники (якъ ярмаркі безъ їхъ не бувають) давно вештаютця міжъ возами та й підгляділи, що старій Кульбашний, продавши своїхъ лошаківъ, біднаетця дѣбъ єму купити, на старість, іздялого, смірного коня підъ верхъ? Одинъ чумакъ, почувши сее — «я тобі, батьку, каже, найшовъ би коня доброго, такъ далєко треба йти.

— А дє? спитавъ Кульбашний.

— Ажъ тамъ, де колєса продають; та такий, каже, батьку, кінь, що й малє дитина поїде. Якъ би я, каже, не чумакувавъ, то сучий сїнь, колибъ некупівъ для сєбе! тамъ скотїна надїво вдалась!...

— А який на масть?—перебївъ єго Кульбашний.

— Вороній, батьку: тамъ, щѣ за кінь! сказано—запорозький.

— А, запорозький! каже Кульбашний:—ходїмо заразъ.

Пїшли.

— Тамъ живъ, неподалєці Савуръ-могили, въ байраці, Запоріжєць, розказує йдучи чумакъ, та недявно вмєръ. Чумаки, на той часъ трапилося, поховали старѣго козарлюгу, а коня взяли, щѣбъ продать та віддять гроші на церкві Божї, за дїшу покійного.

— Э! сє благє дїло; и мїні вже часъ умїрати, Кульбашний каже.

Та, знай, дорѣгою обїдва идучи, теревєні правлять. А того старій Кульбашний и не вїзьме собї въ товєкъ, що се вїшъ зъ мошенникомъ сченївся. Вікъ привїкъ берегтїся москалівъ (та правда, хто їхъ и не бережєтця), а щѣбъ зъ чумаківъ та були мошенники, Кульбашному и не спїлось. Ужє оцї наші ходаки давнѣ вїйшли зъ Чорноморського табору, перейшли Бахмѣтський поштѣвий шляхъ; перей-

шли вози зь колéсами, аж ось недалéко й Темерникъ. Тутъ, на сій балці, стоить особне вози чумацькi съ запряженими волами. Чумаки мотляютьця помiжъ возами, и якъ уздрiли свого товариша, що йде зь Кульбашнимъ, заразъ вiступили на зустрiчъ.

А що, Трохиме! чи росплатився? спитавъ одинъ приходжого зь Кульбашнимъ чумака.

— Нi, каже, нема коло вóза.. пiшовъ десь до крамарiвъ... Що це ви здумали? переiздiти чi-що? Ось старий батюко коня купуе.

— Не купить, сказало разомъ чоловікъ съ п'ять. Сi Чорнобрiцi народъ скупий з-бiса; та й iздять усé на злихъ коняхъ.

Ся бъ то остання мóва й поноровилась Кульбашному; такъ ота, що сказали—*не купить*, спротивилась ёму: мовъ би въ ёго чортъ-мá грóшей.

— Чомъ не куплю? каже Кульбашний? Я й вози вáшi зь волами мóжу купити.

— Кихъ-кихъ-кихъ! засмiялись чумаки.

Кульбашного взяла бзiсть: що щé не ймуть ёму й вiри.

— Дé той кiнь? — питае.

— Ось де! обiзвáвся якийсь чумакъ за возами, одв'язуючи того коня одъ полудрабка.

Зглянувъ на ёго Кульбашний, и жiжка въ старóго затрусилась. Обiйшовъ ёго.

— Кiнь въ лiтáхъ, каже Кульбашний, — та й я немолодий, — подумавъ... А що за ёго?

— Двi сотнi съ половиною.

— Дóрого, подумавъ старий, та й каже: — щобъ не хлопотáтьця, пiвторi сотнi.

Та вступáйте, бра́ця! примóвивъ приходжий чумакъ.

— Хiба для тебе!.. двi сотнi та й гóди, одвiтивъ одинъ старий чумакъ.

— Давáй, батюку, грóшi, каже приходжий зведiнникъ: упустимо сeгó коня, другóго не знайдешъ тако́го, бо вже таншъ не буде.

Пiдступивъ старий, озираючи коня. Взiвъ за пóвидъ коло мóрди; поглядпвъ по голови, повiвъ рúку по шиi, полипавъ долóною по спiни, отступивсь, зайшовъ ззаду, глянувъ вздовшъ спiни.

— Хорóша скотiна... Нехáй же я, каже Кульбашний, на старiсть поiзджу такiмъ конeмъ, якъ змóлоду въ мене бувъ: берiть грóшi.

Пiдiйшовъ до тóго, що торговáвся, знявъ шапку, перexрестився,

вдарили по рукахъ. Винявъ Кульбашний зъ кешені хустку, знайшовъ грѣші, одлічивъ дві сотні й оддавъ продавцеві, взявши коня за повідъ полюю.

— Тобі, батьку, судився сей кінь, поживай па здоровья! віддаючи коня, продавецъ спазавъ.

Закіпувъ Кульбашний поводи коневі на шпю, взявся за гриву, послігувавшись підскочивъ—ужє й на коневі. Проіхавсь геть відъ возівъ шлѣптю, зкрутивъ поводами коня, кінь, якъ у казані, окрутивъ назадъ. Попустивъ поводи—пішовъ вороній рїстю;—добігъ до возівъ, спинивъ коня, зхопився зъ єго—не надякуєтця продавцеві за доброго коня, подовбавсь ще разъ у кешеню, тягне карбванця: отъ вамъ, панове чумаство, на могорїчъ.

— Спасїбі! не будешъ батьку, лаяти за сєго коня; згадуватимешъ поки живъ на світі... А подайте, хлопці, бѣлагъ,—загули чумаки:—поки батькова буде, то ми своєю почастуємо.

Достали бѣлагъ, знайшли рогову чарку—пішло частовання!—Тутъ, звичайно, було пїто й балакано про всячину, а білшъ—про Запорѣзця, що викохавъ такого коня, и дє-що прѣче. Почувшись старій Кульбашний, що вже зкрутила чумацька горлака въ єго лобі:

— Не хочу,—каже,—сїдати на коня охляпъ, бо тѣ козакѣві сѣромъ безъ кульбаки їхати по ярмарку на коневі, мовъ на краденому.

— Э! э! — загулі чумаки:—правда!

— Ходїмо, каже прихѣжий зведенникъ, разомъ, батьку: бо мїні по шляху треба буде зайти за своїмъ дїломъ.

Пішли, понесли гїлі, дорогою йдучи. Старій Кульбашний и не тѣткни, що ззаду робитця!.. Осъ и шлїхъ Бахмѣцький, ужє й вийшли на єго. Зведенникъ якъ збїдкаєтця:—щѣ се и, дурний, наробивъ? мїні треба бъ швидче людямъ грѣші нести, щѣбъ не назвали мошенникомъ... а я зъ вами, батьку, заговорївся та й байдуже! побїжу лишъ чапкєнько попереду.

Та й потїпавъ попередъ єго. Необачний Кульбашний ще вслїдъ єму гукавъ разівъ скїлько: »заходъ же, справившись, до нашихъ возівъ на могорїчъ!«—поки єго зѣвсїмъ не вїдко стало.

Прїйшовши ще трѣхи, здумавъ Кульбашний на коня подивїтця. Гувлькъ назадъ: святъ єсї, Господи!.. замїсць коня—чєрпєць зануданий, стоявъ у підкапку, обшарпаний, труситця мовъ несамовїтний.

— Духъ святий знами! проговоривъ Кульбашний, перехрестившись. Поглянувъ кругомъ—нікого не видно: самъ зъ ченцемъ середъ поля, коня немає, мовъ и не було.

— Эй батьку й брате! якъ маю тебе звати? заговоривъ чернець:—спасябі тобі на сімъ світі, а на тімъ світі царство!

Та буць Кульбашному въ ноги: реве, лежачи, мовъ зарізаний, и відъ плачу слова не промовить. Кульбашний, схопивши зъ ченця узду, кинувъ до долу, знявъ шапку, та взявши ченця п'дъ руки, піднімає, плаче й просить: устань, чоловіче добрий, устань, панноче, будь ласавъ, та розкажи міні, що ти є такеє.

— Я бувъ ченцемъ годъ двадцятьокъ, и зробився грішникомъ великимъ, — ззнався съ клятими жидами; за те й мене проклято на сімъ годъ и зроблено конемъ, щобъ спокутавъ гріхи свої. Я й чувъ усє: якъ ти балакавъ съ чумаками, — та не мігъ нічого сказати, бо бувъ конемъ. У сю саме пору кінєць клятби прийшовъ, и я зновъ ставъ чоловікомъ, — проговоривъ чернець, та зновъ Кульбашному въ ноги. — Теперъ я тобі достався, помози міні, батьку, грішми: я й за себе и за тебе буду Бога благати!

— Ну, вже коли тебе прощено, то годі плагатись;—вставай, панноче! Отъ тобі на обіхідку.

Давши ему карбованцівъ зъ пару, взявъ узду въ руки й пішовъ до свого вѡза, въ Чорноморський табурь..

А що? не обробили Кульбашного гаспидські мошєнники? Чи не можнажъ було догадаться, що то бувъ не чернець, а клятий мошєнникъ? такъ тутъ дві причини мали сялу на Кульбашного. Перша: що чумаки мошєнники, а не москалі, бо сихъ увесь рідъ український стережєтця, а того въ тямку й не візьме, що якъ українець навчїтця мошєнства, то трєхъ москалівъ перєйде; якъ та відьма вчена буває завждє зліша одъ родїмої. Друга: якъ бї не ченцемъ підмінео коня, то вкруть Кульбашний кинувсябъ назадъ до чумацького табору. А все такї хотъ нешвидко, треба бъ Кульбашному за розумъ взїтця, такъ ніжъ бо: крипка віра велику силу має!..

Прийшовъ Кульбашний въ Чорноморський табурь, сївъ на вії свого вѡза. Зїйшлобъ до єго товариство: дїво розсказує їмъ Кульбашний! Всі объ поли вдарились руками, дивуютця, ажъ не тямлятця одъ Кульбашного пришти. Пішли другїхъ розкази: якє велике дїло влятба. То й каже, що якъ прогляли Мазєпу, и якъ єго застигла та клятба въ Бендерахъ, то вінъ такъ и луснувъ. Другий

каже: було колись, якъ прокляла мати сїна, то вінъ одъ неї такъ и побігъ вовкулакою. Пішли всякі теревені. Повалило козацтво зъ усєго табору роспїтувать про дїво несказанне.

Прійшло днівъ зó два; ужé изъ ярмарку порá рушати; пішовъ Кульбáшний на ростóржа купити дїгтю на доро́гу. Справившись якъ слідъ, іде старій зъ мазніцею наза́дъ; гулькъ — продаеця той сáмий кінъ, що вь ёго вінъ ченце́мъ зроби́вся. Щóжъ видумаєте, панóве?.. адже́жъ тогó продавця съ коне́мъ за шти́мъ, та й до обáх-ти? Такъ ни́жъ бо! не такъ Кульбáшний віривъ, щобъ усумни́тьця! Поста́вивши мазніцю на зе́млю, підійшовъ до коня́, нахили́вся єму до уха, та й ка́же ни́шкомъ: *а щó, паноче! чи вня́ть оце́ ти со́рши́вв?* *Кайсь, небоже!*

Да вхо́пивши мазніцю вь ру́ки, мї́ттю вь та́біръ и, за́прїгши во́лики у візъ, та гей швидче до́дому.

Я. Кухаренко.

ЛЮДСЬКА ПАМ'ЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ. (1)

I.

ШВОРИНЬ РІДЪ.

Не теперішніх людей бувъ Швора, Іосипъ,—царство Бóже, вічний покій. Теперъ чоловікові сяка-така пригода лучитця,—ужé вінъ и нісь похнѣпивъ, а на ёго напавъ Крижанъ,—не абп-який, бачъ, и чоловікъ. Крижанъ бувъ такий, що вся околія его жахалась. Давня річъ сѣмý, якъ воно діялось! Швора Іосипъ,—царство Бóже—та бувъ за управителя у того Крижана. Се мій батько покійний було розка́зує, що той Крижанъ (его звáли и Крижановськимъ) (2) живъ, худобою, у Красному Колидніи; а Швора Іосипъ бувъ Красноколидниський козакъ; такъ-отó, бачъ, и договоривъ его Крижанъ за управителя, отъ, вінъ и правивъ худобою; а самъ Крижановський, чи на сій худобі живъ, чи, може, и на другій,—сѣго тобі не докажý. Правивъ вінъ тою худобою щось довго... Крижановського худоба перейшла багато рýкъ. Була, ка́жуть, після Крижановського, у якогось генерала Потáпова, а потімъ досталась Демчінськимъ. Ка́жуть бито, Крижанъ

(1) Дóбре той робить, хто зъ старосвігськими людьми розмовляє та все стародавнє списує: се вінъ готує на дáльші часи скарбъ такий, що дається не всякому. Багато де-чого и не до-ладý старі люде плещуть, та все те трéба вислуховати, поки дорогé якé зѣрято тобі зъ їх оповідання випаде. Такихъ зѣрятьсть есть доволі у писáннї цана Носа, которе подаемо до уваги людя́м, до старовини охóчнїмъ. Може и инші письмѣнні люде, вслѣдъ за Носомъ, що такъ гарно вміє старого чоловіка роспитати, те жъ саме чинитимуть, и ви-хоплять, мовлявъ нзъ .Лѣти, що досі ще не потовуло. *Ред.*

(2) Се чи не той перѣхристь, що въ Коніського, въ *Исторіи Руссовъ?*
Ред.

да хотів Іосипа закріпостити, дакъ не абі-який бувъ той и Швора,—легко ёму лежать,—випручавсь одъ ёго, покинувъ управительство, та й живъ хуторомъ підъ Понорами. Его й осеза стобала у тій леваді, де панова пасіка стоить. Живе собі Швора, не думає, не гадає, а Крижанá скребє за серце, якъ би убратъ Швору въ шорн. У ранці, не-вспіло сонце підомтьця, такъ тобі и вродивсь, якъ изъ землі вирисъ. Самъ на виноході, и пятьдесятъ підвідъ изъ собою веде!

— «Здоровъ бувъ, сякий-такій, сину! Й прихавъ розквітатъця зъ тобою!

А вінъ, бачъ, та прихавъ, щобъ ограбуватъ ёго, забратъ усю худобу. Поки судъ да діло, поки вони складали худобу на вози, ажъ тутъ такъ ціле село и вродилось. Такий-то бувъ чоловікъ Швора! якъ огласивъ, такъ цілий кутіокъ и піднявсь. И люди жъ були не теперішніхъ людей: Кгнипи, Головки, Хорошки,—все народъ здоровий. (Ище, кажуть, Михайлівъ батько, Кгнипъ, живий бувъ, чоловікъ невисокій, завзятий, та сміливий.) Тільки вспівъ Крижанъ изъ Мищенкового ярка вибратъця, тутъ їхъ и нагнали, одбили усю худобу, а съпідъ самого Крижана коня-винохода, та ще, въ придачу, и самому ребра добре перелічили. Отакі-то були колісь у Пнорахъ люди!

Ну, вже, нехай не вертаєця та пора: теперъ, слава Богу, хочъ не граблять! А про-тє, якъ почне збюрюватъ обнижокъ, та зъ обнижка гляді—и всю шіву зборє, а піди ти зъ нимъ позиватьця: *судъ, кажуть, не заклика, да й не випуска...* Станє шкурка за віччинку... *Сильною руку Богъ одінь судить:* и земля твоя пропаде, и коли въ кешені яка копійка мўлить, то й тоєй не стане!...

Та й живъ же, кажуть, Швора славно! сказать що славно! Тамъ, де теперъ, у пана, вишнікъ у леваді, та грушї, тамъ бувъ добрий садъ, и гливи, и дўлі, и підгливки; и вже такий бувъ чоловікъ, що ціле село его слўхало... сказатъ, що голова всёму: що скаже Іосипъ, такъ томў й бути. Хочъ який блазень и цвирінькне проти ёго, дакъ и ротъ загородять. Тільки гóлосъ піднявъ Швора,—такъ цілий кутіокъ и вставъ, якъ одінь чоловікъ.—Було въ ёго два сиши, а дочокъ небуло. Андрій бувъ старший, а Фєдоръ—мєнший. Андрія, кажуть, но злюбивъ за щось: відно-то не вмівъ шановатъця, дакъ вінъ ёго й висиновивъ—прогнавъ зъ двору: «Иди, сякий-такій сину, съ-передъ моїхъ очей, щобъ твоя й нога небула у дворі, щобъ твій и духъ не пахъ!» Дакъ вінъ и пішовъ по-мпру; хóдпть, було, ходить, а далі думає: чи не оглянеця батько? прийде у двіръ, підійде підъ вікно, да й ста-

не молитву чтять: «Молїтвами святихъ отецъ нашихъ, Господи, Исусе Христе, помїлуй насъ!» То, отсе, було старий якъ заче глосъ, якъ кинетця, мовъ на ёго хто жаромъ сєппле: »Се вінъ, сякий-такїй снпъ, ось я ёму дамъ! Жєпїть ёго зъ двору собачого сїна!» Було, якъ закричить, то ажъ сүмно стәне у хатї,—такъ усі й помертвїють...

Снпъ тоді зъ двору скорїй, та по-миру й ходить. Такъ, кажуть, й померъ, и до смєрти не прїнявъ. Ну, да й запєклий же бувъ! и не оглїнувся.

Такї були старїннї люде. И въ мене покойнїй бувъ сердїтїй. Якъ посїдаємъ, було, за стпль—нехай-же тїлько засмїєтця хто, такъ по лобу лѣжкою й лусне. Сердїтїй бувъ, сказать що сердїтїй, та вже й правдївпїй! нї-въ-свїтї нїкого було не обїдїть; чужого було, нї въ свїтї незайме, вщє, було, и заступїтьця за правого.

Такї-то були старї люде! А тепєрь, дожились, що вже синкї и за груди батькївъ держать: «вїнъ, каже, старїй, дурпїй.» Тепєрь люди розумнїшї стали, тепєрь и малā дїтїна старого одурить! Правда, що одурить, а на добре не пятаї! Усє тепєрь пїшло шиворотъ-навїворотъ.

Дакъ, ото, Андрїй, кажу, такъ собі печезъ, а Оёдора злюбївъ старїй, и всю свою худобу, змїраючи, ёму приручївъ: вїдно-то вїнъ умївъ шановатїця и батька чтить. Оёдора старїй вїучпв и грамотї. За-молоду, Оёдоръ служївъ у полковїй Прилуцкїй канцїлярїї, за писаря правївъ. —Кажуть, Оёдоръ на рїєтъ и на облїччя удався у батька, да тїлько не такїй бувъ сердїтїй,—чоловїкъ бувъ сердобольнпй. Нї-кѣли ти ёго не побачпшь, щобъ вїнъ на кого роскричався, абѣ-що,—нї въ вїкъ-зїчнїй. Якъ було росєрдїтєся, насуне бризъ на лобъ, такъ собї й посуне сь хатп. Оёдоръ бувъ старшїй за мене. Було хлїбъ и сїль їмо вкүпї. Славнїй бувъ чоловїкъ,—лєгко ёму лежать, перѣмъ землю держать! Росказує, було, якъ вїнъ служївъ, якї оказїї ёму лүчальсь на слүжбї. Усє було роскаже, мовъ изъ книжки бере. Чоловїкъ бувъ сожєпного рѣсту. Семї конївъ зїздпвъ, за слүжбу. Пїсля полкової канцїлярїї, служївъ вїнъ значковїмъ товараємъ. Якъ бувъ значковїмъ, дакъ за батька, що старїй такъ одбоирпвъ Крижанā, хтось, изъ рѣдпчївъ Крижанѣвпхъ вимещавъ на ёму. Терпївъ дүже покойнїй; ѣтже и вїтерпївъ: дослужївсь свого, пще й дома поживъ чпмалу частїну. Росказує, було, що вїнъ служївъ при Румянцову, якъ Румянцовъ правївъ нашою стороною. Кажуть бп-то, вїнъ живъ у Впшенъ-кѣхъ, дакъ и Оёдоръ служївъ при ему; бувъ часто у посплкахъ, по дїламъ.—Бувъ справнїй чоловїкъ, настоящїй козакъ; за се Румянцовъ

я любивъ его. Розказує було покійний, якъ зберутья усякі старшинні козаці у Вишеньки, до Руминцова, звісно по службі,—то отсе побідають за однимъ столómъ, и Фѣдоръ, було, тутъ обідає; дакъ отсе Руминцовъ, у-шуті, сміючись, до Фѣдора: «Іжъ свинє м'ясо!» (чи лаєтця, чи просить їсти,—якъ хочь, такъ и розбірай). То всі такъ й зарегочуть... Дакъ отодіжъ-то Фѣдоръ и семі копивъ з'їздивъ...

Та й було жъ кому: махінний бувъ чоловікъ, та видно-то и служба не легка. Далі їмұ чинъ войскового товариша, дакъ вінъ, після того, не довго й служивъ,—пришовъ на життє додому, оженивъ на дочці діюкона Андрієвського. И діюконъ бувъ не поганій: живъ у Талалаєвці, душъ 40 люд'и було, посплавъ паръ дванадцять у дорогу, за сіллю, та за рибою; зъ Мазурякою—на що який бувъ панъ—ведє було дружбу. Мазуряка бувъ хрєснимъ батькомъ жінці Фѣдоровій, Гіпці.

Якъ ставъ Фѣдоръ дома жить, та який же вишовъ зъ єго хазяїнъ! и вінъ и вона такі незспуці, що й сказати не можна. Якъ стали хазяїнувати, такъ де та й копійка набралася! заразъ и почавъ скупувати зємлю. Не вподобалось єму жать у хуторі, дакъ вінъ, накупивши ґрунтівъ у Попорахъ, перейшовъ на життє у село. Якъ пришовъ, изъ служби, додому, бувъ смотрителемъ на тихъ мастиностяхъ, котрі були підъ монастирями,—тоді вже якъ поодбїрали їхъ одъ ченцівъ. Отє, що тепєръ казєнні крєстїанє у Попорахъ та въ Коронєпкїї, то все були чернєчі, Крўпницького монастиря. Була и чернєча грєбля черезъ Ромєнъ, ятъ їхать зъ Романівки. Ищє недавно були ті віконницї, що вінъ попровозивъ одъ ченцівъ. На нихъ були намалєвані архангєли. А шафа и досї єсть та, що була у ченцівъ. Було липівокъ понавєзити, а у ченцівъ були лїса липові; були такі лїси, що въ три обіймвша на—сїлу обхватишъ. Де тепєръ и подївалоь те! мовъ у снї снілось!

Ищє за моєї пам'ятї були такі лїса, що тїлько шумїть, дубїи такє, що трєба паръ дванадцять волівъ, щобъ повезти; и ґринджолъ бұлє не прибежєшь. Що скотять, то вони тїлько—хропъ! И тепєръ ще викопують валєжникъ. Недавно у лїсі, на бєрезї, викопали дуба; у зємлю врієь зовсімъ, ажъ почорнівъ, та крїпкий такий, що й сокира не берє. *Минїлись ті роки, що роспїрали бєки.* Прєже и землі була ні почімъ: у Шворї єсть нїва, зовєтєся Индїчкою. Кажуть, чоловікъ убивъ индїчку, та за индїчку оддавъ нїву, чотїрі упрґги; тоді ще индїки були за рїдкость (¹). И землі такі була дешєва тоді. Звїс-

(¹) Наврїядъ, чи такъ! Ми знаємо, що оддавали нїзи за одного кавунї зъ баштану. Не рїдкость робила се диво, а дўжа воля и безсильне право. Ред.

но, меншъ було народу, а теперъ людѣй намножилося, — а земля-то не росте вшпрѣ.

Простий бувъ чоловікъ Швѳра, — хай царствує, — дарма, що войсковий товаришъ. Лѳде було кажутъ: «Ужѳ якъ у насъ панъ — поздоровъ ѳго Бѳже!» Зпмѳю ходивъ у нагѳльному тулѳбі. Тулѳбѳвъ було три, своѳхъ овѳць. Шапка зъ сѳвою окѳляпцею, пзъ пъятакѳмъ у денці, чѳботи було Микѳта пошѳе; такъ, було, и вѳ цѳрковъ идѳ; лѳтомъ у чимерці синѳго сукна, абѳ чѳрної бѳйки, абѳ у карсѳтці, поясомъ синѳмъ пѳдперѳзаний; штани пайстрѳві, у брилѳ пояркѳвому, лѳлька здоровѳнна, така, якъ горщя, — Левкѳ, було, затѳше. Лѳтомъ, якъ у цѳрковъ идѳ, — надѳваѳе каштанъ. А Швѳриха, лѳтомъ, у спѳдницѳ, у юпці баевѳй, зъ мѳшками, платкѳмъ завъязана, лѳтомъ бѳса; а чѳбѳгъ паръ три стоѳтъ, и святнѳ и будѳннѳ. Якъ у цѳрковъ идѳ, дакъ и чѳботи надѳваѳе, и халѳтъ. А черевнѳкѳвъ не було й звѳнѳя. Прѳже Швѳриха ходѳла у запаскахъ, и вѳ серпанку: запаска перѳднѳя — синя, а заднѳя — чѳрна; зѳмѳю у нагѳльнѳмъ кожѳсі, пѳдъ лѳстки. Такѳ-то були панѳ! Колибѳ сказѳтъ нѳ-сѳ-чѳго, атѳ добра — ажъ комѳрнѳ трещѳтъ. Не такъ, якъ тепѳръ, повѳлося, що послѳдня копѳйка, да й та стоѳтъ рѳбѳжъ; намотѳється такъ довгѳвъ, що й самѳ не стоѳтъ; усѳ у крампѳному, — у бѳлій юпці и не хѳче ходѳтъ; одно передъ ѳднимъ дѳмѳця, якъ лѳпухъ на онѳ, якъ камутъ; зѳврѳху блищѳтъ, а вѳ серѳдинѳ свѳстѳтъ.

Отъ, якъ уже одѳтавъ Швѳра одъ тихъ маѳтнѳстей, що були пѳдъ монастирями, то все дѳма живъ; бувъ тѳтаромъ при Пѳнѳрѳскѳй цѳркѳвѳ щѳсь дѳвго и дяковѳвъ, до ѳго и панахѳдѳя було приносятъ. Тѳдѳ пѳпъ да папъ — тѳлько й грѳмотнихъ було на все сѳло. Спѳвавъ слѳвно на криласѳ, увѳсь порѳдокъ було знѳе цѳркѳвнѳй. Вѳнъ и попѳ було ѳчитъ: у цѳркѳвѳ, було, якъ тѳлько помѳантѳця пѳпъ, вѳнъ такъ, у гѳлѳсъ: «брѳшѳшь!» А пѳпъ, отѳць Юсѳпъ, бувъ братъ рѳднѳй ѳго жѳнці, Гапці, вѳнъ же ѳго и попѳмъ пристрѳивъ, ищѳ хотѳвъ и худѳбу ѳму приручѳтъ, бо у ѳѳѳдора цѳкѳйного не було дѳтѳй; вѳнъ и посѳливъ ѳго на висѳокому горѳдѳ, щѳбъ вѳнъ и живъ при ѳму. Дѳмка така: «Пѳбѳчу якъ буде шанѳватѳця!» [А далѳ, побѳчпвъ, що не тимъ дѳше, бѳчптъ що лукавѳтъ: у вѳчѳ такѳй, якъ лѳсѳчка, а за ѳчѳ, то, було, й осужда, — дакъ вѳпъ узѳявъ, да й прогнавъ ѳго: вѳпросѳвъ у-вѳ ѳбѳчѳствѳ ѳму мѳсто, вѳнъ и посѳливъ тамъ, де тепѳръ живѳ дякъ, Мусѳй Юсѳповичъ.

Балакѳливѳй бувъ, покѳйнѳй ѳѳѳдоръ! отсѳ, чи додѳму, було, прѳй-

дешь, то вже и поведé рiчть; чи на дорóзi зустрiнeся, абó; взявши пáлицю, пiде у полe, нiкого не менé. Разь вiнъ Бабичéвого Улáса видержавъ щось сь пiвдня. Той ора́въ нá полi; вiнъ пiдiйшовъ:—Здо́ровъ Улáсе!

— «Здорови, пáне!»

— «Боже поможи!»

— «Спасибi, пáне!» тпру! (на волiвъ).

Воли й стáли; ставъ бiля плуга, и цiпкомъ оперся на плугъ, та й почáвъ балака́ть. Балакае та й балакае:

— А що, Улáсе, чимъ лúчче ора́ть: чи вола́ми, чи коро́вами? Ма́буть, коро́вами лúчче. Якъ коро́вами, оре́шь, дакъ нá ни́чь и до́ому прийдешъ до жи́лки: корiвъ до телíть треба. А якъ вола́ми, дакъ и нá полi: треба ночувáть! А щó? пpáвда, Улáсе?

— «Пpáвда, пáне!»

Якъ сiвъ на градiль, якъ почáвъ гúторить, дакъ ужé Улáсь слýхавъ, ажъ но́ги заболiли,—ужé й на со́нце ставъ поглядáть. Люде вже й на полудень повшприя́гли. То бу́ло со́нце надъ голово́ю, а то ста́ло на вечiрнiмъ упру́зи, а вiнъ все балакае.

— Ну, да й розбала́кався жъ я сь тобо́ю, Улáсе! порá йти. Про́щай Улáсе!

— »Щасли́во, пáне, (а де́нь—на́че вiнъ и не ви́здiвъ на пиву.)

Прóстий бувъ папъ,—лéгко ёму лежа́ть. Тепе́рь таки́хъ и нема́! Живъ со́би хозяiномъ таки́мъ, що и близько не бу́ло; добра́ всiякого: и поля, и лiсiвъ, и скоти́ни, и овечíть. И чоло́вiкъ бувъ у почóтнi: усе се́ло слýхало Шво́ру. Усе вь ёго при́дба́не пpáвдою, трудо́ми; и вiнъ на люде́й свiтлимъ о́комъ дивiвся, и люде на ёго та́къ. Якъ би не по пpáвдi ва́жiте, то бь ёго худо́ба ростекла́сь, а то, бачъ, и до́си стоiть. Не такъ, якъ дpýгий: нага́рбае худо́би всiкими непра́вдами; не веспе очéй заплóщить, ужé и почну́ть ша́рпать, та шматува́ть, абó синки, або чужi люде. Звiсно, не да́ромъ, воно́ гово́ритця: *по пpáвдi роби, добро́ю й кiнця сподiва́ишь.*

Усiмъ бувъ Фе́доръ до́воленъ; одно́ ёго вiнiва́ло, що не давъ ёму Богъ дiто́къ. Думка така: »тре́ба-жъ ко́мусь приручи́ть свою́ худо́бу, щобъ на ста́рости ли́тъ бу́ло ко́му води пода́ть.« Ото́, якъ прогна́въ отця́ Ю́сипа одъ се́бе, дакъ щось не до́вго прожи́ли старi удво́хъ; дава́й ра́дятьця изъ старо́ю: «а що, Га́пляче, (такъ, и́подi, Фе́доръ зва́въ свою́ жiнку Га́пку): якъ повре́мо, нiкому́ бу́де и рукъ зложíть, нiкому́ бу́де при ста́рости ли́тъ и худо́бою верну́ть. До́бре, ще тепе́рь

при силі, а тамъ заглине и старость у вічі, або и боліть спостигне,— нікому буде и води подать. Порадились, да й прийняли за дитину Домасю, Гапчину небогу, сестриню дочку.

Гапчина сестра, Варка, та була заміжжю, у Свиридовці, Лохвицького повіту, за Челюкомъ Михайломъ. Челюки, кажуть, були пані, а отсей Челюкъ, що Гапчина сестра була за нимъ, любивъ, кажуть, укладатьця у горілку,—гуляка бувъ покійний. А ще колись—то, давнó.. звісно, не теперъ діялось, давня річъ сѣмю... ще, кажуть, якъ перша ревизія писалась... отъ, и записують людей; а люди тоді боялись записуватьця у ревизію... вінъ и прибегає туди, де записували: «Чого ви дурні боїтесь записуватьця? якого біса? пишіть мене, я не боюсь!» Узяли и ёго записали у ревизію, — дакъ вінъ и подушне ставъ платити.

Мучилась, кажуть, Гапчина сестра за Челюкомъ: пивъ горілку не наживо, а на смерть. Вінъ, кажуть, прѣже и не пивъ, да ёму поробила Литовка. Десь бувъ у дорозі,—отъ, у шинку и зѣхались,—звісно, съ холоду; може, бувъ и шідъ чаркою. Якъ присікавсь до Литовки, ухопивъ її за намисто, та все шморга коло шиї: «Дакъ ти примічаєшь, дакъ ти примічаєшь!» та все її шморга за намисто. А вона тоді: «Постой же, згадаєшь мене!» Дакъ після того, якъ почавъ пити, якъ почавъ пити, дакъ пивъ не наживо, а на смерть. Бідна Гапчина сестра, не жила, а змучилась!

Дакъ, ото, старійі Оѣдоръ, порадившись изъ старою, узяли за дитину небогу, Варчину дочку, дівчинкою невеличкою, лезли її, пестили, такъ якъ своё рідне дитя. Думка така: якъ виросте, отдать за мѣжъ за путішого чоловіка. Виростає Домася, а старі приучають її до хозяйства. Та хіба ні біля чо́го, Боже мій, світе мій! Треба-жъ и овечятъ подоїть, и корівокъ. А якъ у літку, було, то й косарямъ и гребцямъ треба їсти наварити. Хоть у Оѣдора и людей було душъ 20, було кому и попоратьця, було когó и пристаповити до пѣчи, та, бачъ, стара любила такъ, щобъ усюди було її око,—такъ и молоду Домасю приучала.

Людей було, кажу, у Оѣдора душъ двадцять, все зъ підсусідківъ. Було, розкаже мій покійний батько: «Прѣже, ще давнó, може літъ сѣмю сто, або її більше, вольнимъ людямъ, гірше було жити, ніжъ такимъ; вольнихъ людей було гірше обіждають ніжъ такихъ; дакъ стали самі приписуватьця до панівъ, бо підъ панями було лучче жити. Колись—то було лучче, за старихъ панівъ; думали, що и за молодихъ такъ буде, а молоді, якъ стали наживлювать, дакъ тоді объ и назадь,—

та ба, й не можна. И Гатьмана старого трóхи не вписали, дакъ вінъ несхотівъ. Кажуть, неділь дві ховався по болотамъ, поки мнѹла запись.

Ужé хто знае косовицю у покійного Оѳѳора, той нѳколи не забуде. Нехай тѳлько одѳнъ косарь блисне косою, та лопаткою шаркне, такъ цѳле село и пѳдниметця до Швóри, на косовицю, и нѳколи плати не берѹть. Ужé було їсти й пѳть—хоть очкѹръ розв'язи: всѳхъ, було; вдоволнить, всякъ, було, пѳде, дякуючи, одъ его. Вінъ и слóво приберé до чоловіка, и шутку. А якъ идѹть у вѳчерѳ, додóму, сѳ поля; спѳви такѳ—ажъ село розлягаѳтця. Кóси, ажъ хóдоромъ хóдять. Тѳ спѳвають, а тѳ на кóсахъ виграваѹть, а тѳ по дóрозѳ отдивраѹть трóняннѳ, та навпрѳсѳдки, мовъ цѳле село на весѳлѳ гуляѳ. Прийдуть у двѳрь, а вѳ дворѳ дóшки полóженѳ, а на дóшкахъ страва поставлена, сама хазѳйникѳ частѹе. Повечѳравши, опѳять спѳви да тѳнцѳ, ажъ до свѳта. На дрѹгий день, урѳнци, приходять: »Поправляй, панѳ!« Трѳба и врѳнци дати по чарцѳ.

Дакъ у такому хазѳйствѳ не лѳгко було й Домасѳ. Сказати би: немѳ дѳтей, и чоґо бѳ такъ побиватьця, да трудѳтьця? а вѳ нихъ не така була дѹмка: трудѳлись покійни крѳпко, цѳлу нѳчъ на ногахъ, було, вѳтопцюѳ покійна коло людѳ; отъ же и трудѳ марно не пропали, и худоба стоїть нерушимѳ, бо вона праведно досталасѳ.

А Домасѳ пѳдростала. Ужé й людѳ знаходились, дакъ старѳ прикро подѹмвали; инодѳ зѳ старою, у ночѳ, и давали рѳдятьця: »Якъ ти дѹмаєшь, старѳ, чи воно до-ладу бѹде?« Посѹдять собѳ, порѳдятьця, а далѳ й порѳшать: »Нехай ищѳ пѳдождѳ: иї не втекло.« Дѹмка така, щобъ не впустиť лѳдѳчого чоловіка у хѳту. Трóхи зґодомъ, ставъ присвѳтуватьця Булѳженко. Старѳ подѹмали, погадали: воно бѳ и до-ладу було: *Одчиний, кѳже, двѳрѳ якъ одчиняютця, бо якъ и зачинаютьця—нескоро одчинить.* Не дóки й держѳть. Взяли да и порѳшили.

А бѳтько сѳґо Булѳженка та захожий бувъ. Кажуть, вінъ Сѳчовий якийсь бувъ, и менѳ довелось ѳґо разѳв двѳчѳ бачить. Вінъ и чпнп мавъ полкового хорѹнґого, та по-сѳчовому и одяґався: ходѳвъ у сѳпѳнянцѳхъ чрвóнихъ, у плѳсовихъ чорнихъ штѳняхъ, и вѳ голубѳй бекѳшѳ; да тамъ и сукно було на бекѳшѳ! зѳ одного боку голубѳ, а зѳ дрѹого чрвоне, такѳ що и вода не прѳйде: якѳмъ бокомъ хочъ, такѳмъ и надѳвай, чп зѳ голубого поля, чи зѳ червоного; а голова була гблена, тѳлько оселѳдець спѳреду, (ѳґо черезъ те и прозвали Булѳґою, що вѳ:

ёго голова була, такъ якъ бѣлка, обголена); при пістоляхъ, и шабля у бока. Було якъ иде по Красному, дѣтвора такъ юрмою за нимъ и біжить, а вінъ, було, роскидає имъ оріхи та фиги. Здоровий бувъ чоловікъ. Да въ Запорозцівъ и не було поганянь. Запорозці були люде одлічніі: у нихъ и собáки безъ пастухá самі овецъ пасли. Вінъ би сюді и не зайшовъ, дакъ приставъ у прийми до полкового писаря, Михайла Карповського. Кажуть, синъ Михайлівъ, Клима, да лікарувавъ у Хоролі, а той Запорожець, (ёго звали Грицькомъ), якъ неблагополучно стало у Січі, прийшовъ на отцевщину, у хорольський повітъ, дакъ ото и зазнавъ изъ Климомъ, а Клима та й висватавъ за ёго свою сестру; отъ вінъ и перейшовъ жити на жінчину худобу, у Красний Колідянь; а писарь Михайло чоловікъ бувъ багатий, на все Красне, за абі-якого чоловіка и не оддавъ би дочкі; дакъ видно—то Булега прийшовъсь по ёму. Чоловікъ такий бувъ що кулакомъ вовка вбивъ, — сучий синъ, коли брешу. Іхавъ вінъ, не знаю вже вітки, — чи зъ Хорола, чи може коло блязю де бувъ, у гостяхъ, черезъ Грицьку, у ночі, — зімою діялось; дивлятця, коли вовкъ за сáнками біжить: вінъ іхавъ пзъ своимъ джурою січовимъ Буйваломъ, — вовкъ и увязавъся до нихъ. Отсе вони зостановлятця, дакъ и вовкъ стане да й клаца зубáми; стануть іхать — и вовкъ біжить за ними. » Чи вінъ віголодавъсь, чи може здуривъ? отсе пресучого сина, зла личина! де вона и взялась? Стій, хлопче, ось я ёму дамъ! більше не буде бігать за саньмі!» А самъ бувъ у нагольному кожусі. Вставъ изъ саней, рѣку ліву пеунувъ у рукавъ, та до вовка. Вовкъ стоить. Вінъ до ёго, а вовкъ ні зъ місця. Вінъ тоді рукавомъ до ёго, а вовкъ за рукавъ, да й ухопивъ. Вінъ, тоді, віпручавъ рѣку, та за язикъ, а тамъ правою рукою якъ учесавъ, дакъ вовкъ тільки гешъ на землю! небагато и вдаривъ, тільки двічі, та й рѣбра поламавъ. «А привяжі ёго, хлопче, до саней!» Джура привязавъ до саней. Узялі да й поіхали. Приіхали додому, ухóдять у хату поздоровкавъсь. » А хлопці дома? » — «Дома.» — «А підіть, лишъ, унесіть зайця у хату. Тамъ на сáняхъ лежить.»

Ті думали справді заецъ, — вибігли; прибігають до саней, — ажъ вовкъ привязаний біля саней. Хлопець злякався такъ, що трóхи на-взнакъ не впавъ: »Отсе пресучого сина який здоровий, дивись, яка ломáка! а голова? ну, се такъ!» Сміху було такóго, що ліхо. Дакъ отакій—то бувъ Запорожець, Булега. Недармо кажуть: Запорóзці були люде одлічніі. Вінъ не щó й старимъ чоловікомъ умеръ. Брови́ха покійна роска́зувала, що въ ёго кровъ хлянула рóтомъ, а ми,

каже, саме макъ різали на Маковія. Сюди—туди забігались: чого не робили, — нічого не помогло; дакъ вінъ и другого дня не доживъ, и дуба давъ. Звісно, не лѣгко ёму приходилось у Запорозцяхъ, тільки те й робивъ що воювавъ. Бувъ, кажутъ, и підъ Очаковимъ и підъ Хаджібеемъ, — де ёго не було?

Дакъ отцѣго—то Булеги старий Оѣдоръ уподобавъ сїна. У Булеги старого було два сини, та й обидва Іванї. Учились зъ—малу у Черніговський бурсї. Старший бувъ середнѣго рѣсту чоловічокъ, служивъ десь у Калужї, а жонатъ бувъ у Васківцяхъ, Прилуцького повіту, а мѣнший, що посвѣтавъ Домасю, бувъ чоловікъ махипний: було, говорить такъ товсто, якъ у бѣчку, гортанъ була товста, а сила така, що однїєю рукою було зводить сорокову бѣчку, повпу, на—сторчъ; любивъ таки Іванъ похвастатъ сїною — черезъ те и віку не доживъ.

Отъ, якъ видали за ёго Домасю, старий Оѣдоръ поселивъ свого приймака на Низькому Горѣді, приучавъ ёго до хазїйства: думавъ—то старий зробити ёго хазїномъ. Іванъ и слухавъ старого зъ годъ. Було кудї пошлѣ, то вінъ и справитця гараздъ; а послї якъ опустивсь, якъ укинувсь у горїлку, — набралась бідна Домася зъ нимъ горенька и старихъ сїльно запечаливъ, та нічого було робитъ, терпіли старї. Звісно, природа не оковзнѣтця: матї ёго, кажутъ, любила випитъ. Набравсь изъ нею покїйний Запорожець чикавиці. Старий Оѣдоръ думавъ, чи не покаѣтця таки, — може таки одумаѣтця. Пошлѣ зъ косарїмп, щобъ добре косили, да погривинъ не пускали, то вінъ було напѣтця, да тамъ и звѣлїтця. Такий—то бувъ приймакъ Шворнї! *Якъ би знавъ чоловікъ де впасти, то бъ и солїмки підмостивъ.* Не думавъ старий Оѣдоръ нажитъ такого зїтя та доживатъ такого клопоту, та вїйшло не по ёго! А Домася красу свою утопила у безѣдне море; завязала, сердѣшная, головоньку на віка. Була покїйна хороша, якъ на картинї намалѣвана: якъ уберѣтця, було, — якъ сонечко сїє. Лічко біле—якъ шапїрь, брови—якъ шнурѣчокъ; коса руса—ажъ до пояса; рбетомъ—якъ тополя, — такъ и вигинаѣтця. Дала, каже, красу, та не дала долї.

Терпіла горенько бідная Домася; рано й вѣчїрь було умивѣтця дрібними слѣзамп. То Швориха було: «Чого ти, Домасю?» А вона гляне на матїрь, та ще й гїрше заплаче. Вїплачѣтця було такъ, якъ тїнь, — такъ одъ вітру и валяѣтця! А гѣлосъ прїятний да тонкий, такъ мовъ нїточкою поведѣ, якъ заспїває, такъ волосъ и вяне, хочъ ве-

сєлий будешъ, а то зразу такъ и похолоне у душї... Отака—то нещаслива уродилась Домася. Недаромъ кажуть: *Не вродїсь хорбиша, а вродїсь щаслива*. Вона и косї не росплїтала, такъ и ходїла, якъ дївка. Мучилась бїдна, а старї, дївлячись на неї, собї зажурились: не знають що робїть, що й почать; а далї положили прогнать сь-передъ очей Ивана. Мůže, поспитавши гора, чи не пошанїетця.

Перейшли вони жить у Красне, на батьківщину,—стали жить самї. Не помогло и се Ивану; не покинувъ и тутъ своєї вдачи. А бїдна Домася горювала, та страждала, поки зъ журбї и лишенько їй не приключилось. Заболїла тяжко, такъ счорнїла, мовъ земля, уже й повернутьця нездужа; а якъ погляне на Ивана, та на дїтокъ, то такъ и обомле, и очї підъ либъ попуститъ, такъ и нежива стане;—такá то була душá чїста, та праведна! Бачить, що уже їй недóвго мучитьця, недóвго животїть, —насилу вона зобрала духъ вїмовить: »Поїдте, да попросїть татуся, да матусю, нехай вони на мене оглянутця, да приїдуть, бо я вже уміраю!» Якъ почули старї, такъ и обимли; увїшли у хату, вона якъ смерть лежить. Старá не вїдержала, такъ и залилась; а Домася, побáчивши, давай махать руками, та повертáтьця: хотїла устáть, дакъ не здужає, —сунетця, сунетця сь полу, та бухъ до долу, та вь нóги, и почала лáзить у ногáхъ, у старїхъ, та цїлує вь нóги, щось хóче говорїть, дакъ гóлосу не протягне, тїлько шепче губáми, насїлу мóжно розїбрáть: «Татусю, не покиньте моїхъ дїточокъ, оглянтесь на нихъ! Вамъ Гóспїдъ на тїмъ свїтї заплáтить; я за васъ на тїмъ свїтї буду Бóга молїть!» Узяли її, звели на пїль; старї пообїщали забрáть дїточокъ, а вона на другий день и Бóгу дүшу оддалá. Захарїй бувъ тоді у грудей.

Старї поховáли її, якъ довгъ христїянський велить, а дїточокъ забрáли до сєбе у Понóри; їхъ було тройкó, якъ трое зєрняткó. Мєншому Швóриха мáмку договорїла зъ пáнськихъ людєй, у Красному; дакъ вона все на пáнщинї, нїколи було годувать; отъ Швóриха узяла и мєншого до сєбе, та самá кўклоу и вїгодовала.

Ужє якъ и Домася вмєрла,—цáрство Боже! —то було старїй Челюкъ, бáтько покїйної Домасї, їздить до Оєдора вь гóстї. Що за невгомбнний бувъ покїйний! Отсє було у Грицивци колєса погубить; дивїсь,—на двохъ колєсахъ и катáє до Швóри. Якъ тїлько убїгъ у двїрь: «Здоровъ, Оєдоръ Юснповичъ! А я у проклятїй Грицивци и колєса погубївъ!» Инодї було погубить и драбїни, та безъ драбїнь и їде. Ужє вь єго цємá сєгó, щобъ прихавъ у гóстї да тихєнько,

по-ладу, а він підіме гвалть такий, мовъ несчастья якé лучилось,—повенъ двіръ нашумить, та накричить! Такий—то бувъ горловий, покійний Челюкъ. Погостює собі, та й поїде.

Ото, якъ прийнявъ Швѳра трѳе дѳтѳкъ покійної Домасі: були три синки, мовъ три качанчики, такі,—одно—'дного мѳньше. Вони їх жаліли, пестили такъ, якъ своїхъ дѳтѳкъ; такі—то добродушні були люде. Виростали вони, а старі здѳржували худѳбу, та ще къ томѳу й прикупали,—дѳбали на сирѳть; дѳмали: якъ повиростаѳуть, приручѳть імъ усѳ своє добро. Приймали старі багато труда. Вони й шинкували самі; у-ночі було прийде чѳдядь за горілкою, то покійна й не лінуѳтця: устане, да й усипле. Горілки було навезѳть съ Коропа бѳчокъ скілко, да й шинкуѳть. У Коропі горілка була дешѳва и гѳрна; а въ Новихъ Маннахъ була погѳна,—туди старій не посилѳвъ; було каже: «Новомлінка—води половінка, а Короньскѳ—сѳща.» Стоїть було бѳчокъ скілко горілки; шинкуѳть, пѳки нової не підвезѳть. Зберѳтця було народу съ цілого села, у прѳзникъ абѳ въ неділю; посідаѳють було кѳпками, у дворі, та й пьѳть горілку, и старій ѳѳдѳръ насѳне бриль на лѳбъ, та й прийде до нихъ,—любѳвъ покійний пошутковѳть. Ужѳ вінъ було знаѳ задіракуватихъ, такъ и зведе бѳтця: » Дивѳсь, Іване, онъ Василь на тебе моргѳе. » — »Хто? Василь?.. отѳ сліна собѳка?!« Такъ и схѳпитця, и почали за чубѳ водѳтця. То було старій и розборѳняѳ. Білані, Драчі, Василь Жѳвтѳнъ—се все такі, що було чѳсто бѳютця. Було чѳсто звѳдѳть їх покійний; кѳжному покійний подѳе призвіцѳ: Мирѳненка Івана прозвавъ Ойкаломъ. Було той каже: »Ой кѳмочку, ой кѳмочку!« дакъ вінъ ѳго и прозвавъ Ойкаломъ. А Корня, малимъ хлѳпцемъ, прозвавъ прѳтопѳпомъ. Той малимъ хлѳпцемъ надѳвъ свѳту дѳвгу, порвану; дакъ вінъ якъ сказавъ: «Де се взявся прѳтопѳнъ?» такъ и стали звать прѳтопѳпомъ.

И Гирманъ було приходѳть до старѳго. Той и самъ було шинкуѳ. Якъ прийде и сѳде у кумпѳніі,—отѳе й підѳпѳ; да такий бувъ: чимъ бѳльше випѳе, тимъ хитрѳший, и почне зѳразъ присѳдѳть до кого-небудь, підъ пьяну ручъ: «Ти бѳ мѳні земѳльки надѳзѳвъ, Іване.» — «Такъ щѳжъ? и купи!» Було вимагѳть за-нізащо, одѳрѳть було цѳйного чоловѳка, такъ якъ самъ знаѳ; а самъ чимъ бѳльше пѳе, тимъ хитрѳший рѳбитця. Тѳпѳнько було говорѳть; *генъ-тѳе*—ѳго прѳмовка: «Генъ-тѳе, кѳмочку, дѳрого такъ, генъ-тѳе, пѳхай бѳде такъ, генъ-тѳе.» — «Та чи такъ, той такъ!» Такъ и одѳрѳть. А лѳку ху-

дббу зб'явъ велику покійний! Отъ же якъ вобѣ цѣсто дойшлось, цѣсто и пішло, такъ марно и пропало: теперъ ажъ сумно, якъ ідешь біля ёго дворища. Въ однімъ місті було комірѣ три, підъ однією кривлею, та на—різно дві; а теперъ усе опустіло. *жудоба*, кажутъ, *переходя живе!*

Швориха покійна любила балувати: назбирається изъ села жінокъ тры, або чотіри, почотнихъ; (вона любила, Оверчѣчку, Миронѣнчиху, Голубиху); балѣють, балѣють у Шворихи, а тоді клічуть и до себе.

Зъ Комляками було знаютьця. Вони жъ такі були мосціви, що любіли до панівъ рівнятьця. Поти топтали, поки втоптали свою Варку за отця Іосипового сина, Мусія. Старий їхъ не любивъ. Було каже: «Се вишоватці, сякі-такі сини!» А вони, бачъ, любіли въ довгі влізати! Комляки ходили на Дінь; понавозять було риб'ячого жиру, кав'яру, осятрини, сомиши,—вимочують було у Ромні; кав'яръ було ніколи й невибува у Шворихи, цовепъ ящикъ стоить. Бувало у середу, або въ пятницю не знають своєї олі; кашу мастять жиромъ. Чи знають юшку, то такъ жиръ и плава. Любила покійна зъ людьми поділитця: и до людей було іде и сама пришанує. Покійна, було, и не сяде: такъ и топчетця біля стѣлу: усе подає, да припрошує! А, було, на храмъ якъ зберѣтця до нихъ,—Бѣже, світе! Храмъ бувъ на Вшестья, такъ якъ и теперъ,—и почиуть балувати: отсе, сѣгодня буде храмъ, завтра храмивъ батько, а після завтраго храмова мати; такъ и почиуть водитьця цілий тиждень; такъ-то въ старину баловали.

Була покійна и сердита, любила щобъ по її робилось. А Оѣдора трудно було розсѣрдити, треба було дуже розсѣрдити; то вінъ тоді: «Ось я тебе палицею!» А разъ ёго люди нанились, да й давай битця, дакъ старий своєю люлькою якъ зацідивъ Василя, дакъ люлька такъ у шматочки й розлетілась, а зъ Василя кровъ такъ и хлінула. Здоровий бувъ старий, вінъ тимъ и бойвся бити. Здорові люде завжди смірні,—тимъ що боитьця бити!

Оѣдоръ підъ старістю учивъ дітѣй грамоті. Звісно, ходить, було, гараздъ нездѣжає; дакъ вінъ, сідя дома, щобъ не скучать, та й учить дітѣй. Комлякъ Степанъ, Іванъ Пісаръ, се ёго були ученики. Вінъ, у хребті, покійний и нічого бувъ, та на ноги слабъ: у Гудсвіщини рубали дубину, дакъ дубъ и накотівся ёму на ногу и потрощивъ у прахъ; дакъ ёго довго лічили, старі пятаки терли, да ёго наповали,—

нога и зрослась; отъ, вінъ и поправивсь; а після того, опьять, літь черезъ скілько, підновило: наvertsавъ чинь покійний, дакъ ёго пильга опьять по носі ударила; тимъ вінъ и слабій бувъ на ноги, а все такі на девяностому годі умеръ.

Старинні люде були кріпкі. Теперъ не вспе на ноги зопьятись, а поспитай ёго,—чогó воно не знае! Прёже люде лучче шановались, тимъ и здоровье лучче держалося. Багато було такихъ у селі, котрі цілу зиму проходять обосоніжъ, и онучокъ незнають; та и морози жъ були не теперішніх!

Покійний Фёдоръ, кажú, на ноги бувъ слабій, тільки и роботи ёго було, що у баштані сидить, та любивъ пасіку. У ёго пасіка велась, була добра пасіка,—бóчокъ дві, було, набивае меду.

Старі дожили старости, а затимъ и онуки підростали. Старшого Петруся одружили, та не радовавъ вінъ старихъ ні самъ собою, ні жінкою своєю. Покійний Петрусъ недóвго и поживъ,—у молодихъ літахъ такъ и помёръ бездтний. Малімъ хлопчикомъ такé було пещене, да шалене. Покійна Домася прихала до старої у гóсті и ёго узала; щось розкажуе и плаче, а Петрусъ усé скáче; вона на ёго:

»Сядь!« та и згризнуласть; а вінъ усе скáче. »Сядь, сатано, щобъ ти проклятий бувъ!« Дакъ вінъ и недоживъ віку, такъ и счезъ. Материнське серце звісно якé: тамъ налае, а тамъ у слідъ и подума: »Господи, прости мене, що я такъ налаяла!« Отже, проклинъ матері даромъ ніколи не минаетця. Такъ Петрусъ недóвго и поживъ, молодимъ исчезъ.

Середульший онукъ, Данилко, оженився на Мовчанівні. Зъ Мовчаномъ покійний зазнався, ще якъ ходили разомъ підъ сарану, да и угодобали одинъ óдного. Прочувъ покійний, що у Мовчанá старóго есть дочка,—вінъ и написавъ письмо: »У тебе, каже, есть дочка, а у мене онукъ, чи не будемо сватами?« А Мовчанъ, тожъ, бувъ старинний чоловікъ, по тодішньому, заможний,—войсковий товаришъ. А воно и доладу. Старі порадилися, да такъ и положили. Щó тамъ було за весілле, Бóже, світе! народу, скáзано, нігде и пучкою ткнуть: такъ и гоготить, такъ мовъ філя колишетця. Швору и Швориху взяли на гринджолaxъ по селу, и тиква вареної зъ ними.

Тоді ще приданого и не чувать було. Бувало якъ жéнитця, заразь пита: якого батька, да якої матері? чи хазійка? а теперъ, *жотъ и*

въ голові нүсто, аби було гробшею нүсто. А було, нехай ситае про придане, то не потрапшть, кудá й тикáть. Було скаже: »Отó Богъ, а то двѣри, идй не оглядаючись. У мене дочкá не корóва, а ти прийшовъ торговáтьця, такъ якъ за корóву; ти хочешъ братъ не мою дочкú, а придане. У мене всi дiти рiвнi!«

При старости лiть, покiйний О́едоръ радувався зъ своєю старою, дивлячись на своїхъ онукiвъ; ёго сёрце молодiло одъ радости, побáчивши, що Данилко б́уде хази́номъ. Жáлувавъ Гáлю, такъ якъ рiдну дитiну, а Гáля угожда́ла старiмъ яко—мо́га. Инодi старá хотъ и розсёрдитця, и попрекнe чимъ, то вона собi нишкомъ зашлáче та й заб́уде. То було Швóриха, на стóронi и кáже: »Мовчанiвна б́уде хази́йка; вона здёржить худббу!« А старий Швóра нiколи було и кóсо не поглáне. Радъ бувъ такий, що по ёго натурi прийшлись онуки. Старiхъ вони звáли бáтюшкой и мáтушкою.

Була у старóго одна хáта прóста, и свiтляци, на—отшибi, (свiтляця и черезъ сiни пекарни), дакъ вони у свiтляци и не жили, а жили усi вмiстi, у в́ь однiй хáтi. Гáля носить, було, у пасiку старóму обiдать, то винъ ii поса́дить, и почне розкáзувать: якъ колись діялось, якi прeже були лю́де, якъ трéба жить на свiтi, все навёртуе покiйний на те, що Гáля молодá лю́дина, щóбъ слýхала, бо ii трéба жить на свiтi. Зорвeтця було ити, то винъ: »Посiдь ищe, Гáлю, ось я тобi стiльничá пiдрiжу!« Вiзьме да й стiльничá ii пiдрiже, то вона тодi и пiде.

Гáля, звiсно, по тодiшнeму, и грамоти не умiла. Старий Мовчанъ, було, кáже: »На́ що ii грамотi учiть? щóбъ до панчiвъ писáла письма? аби умiла Бо́гу помолитця, та хази́йство знáла!« А ii мáти, кáжуть, зъ—мáлку учiлась у пани́нському (*) манасти́рi гаптува́ть, и Бо́гу зъ книжки умiла помолитця, да тiльки писáть не умiла.

Насту́пить вeчiрь, старий О́едоръ прийде зъ баштану, абó зъ пасiки, Данилко съ поля; старá зъ Гáлею порáютця бiля пeчи: вeчeрю варять; стане смеркáть на двóри; збiраютця у хáту; О́едоръ тiлько увiйде в́ь хáту, заразъ и рiчть нáйде: и почне балáкать то просе, то про те. Любiвъ покiйний до всeго доглядáтьця: чи всi овeчки

(*) Пани́нський манасти́ръ, значить, жо́почий.

сь поля прийшли, чи полічена скотина, а зимою якъ стануть котитьця овечки, щобъ ягнятка були полічені:

»А скільки дочко ягнятъ?« — »Не знаю, батюшка!« — »Э, поганожъ, дочко, що не лічишъ. Трудись, дочко, то не будешъ ліками кожуха шить!« Тільки ёго й слова; а щобъ розсердивсь — сохрани Господи! ні до віку! Зімою, підъ довгі вечори, налігачку силетє, або оброть. У ёго житіє, було на цілий годъ; було цюмісяшно житіє читає.

Якъ пославъ Господь синка Данилку та Галі, то було старий, бо-зна якъ утішаєтця; якъ стало підростать дитинця, візьме було ёго старий, та й посадить у шапці. Звісно, шапка старого велика, а воно мале; посадить ёго, та й стане забавлять, то воно що небудь ёму и давай вимовлять або сміятыця. —

Такъ-то старий Фёдоръ доживавъ віку свого, а вже старий бувъ: голова якъ молоко біла, и на ноги дуже кволівся. Поки дійде було зъ бантану додому, — одихає на дорозі разівъ скільки. У хуторі було нарочито колодочка положена, то вінъ, идучи, якъ утомитця, и сідает на тій колодочці; пасбираютця, було, до ёго діти християнські, вінъ ихъ жалує, и роздає їмъ по огірочку. Такъ, було, и біжять слідомъ, то вінъ и давай жалувать: »Ти жъ мій баранчикокъ, ти жъ моє ягняточко!« А вони все біжять слідомъ за нимъ.

Передъ смертю покійного Фёдора найшли пацюкі на ёго двірлице, да такого, що такъ и бігають ватагами — а здорові — такъ якъ кітъ добрий; люди такъ и крикнули: »Се жъ не передъ добромъ!« — Того жъ году и вмеръ Швора. Слабівъ покійний зо дня на день. Вінъ и не болівъ, щобъ такъ сказать, обложною болістю, а такъ, одъ старости літь, та одъ великихъ трудівъ: звісно, прийшла поря. Згасавъ покійний, якъ свічка. *Одъ смерти*, кажутъ, *и въ печі не замѣжесся*. У двадцять-сёмому годі переставився покійний, якъ полонья догоріло: горіло-горіло, а посли, блись, та й затухло. Такъ прехороше уміравъ, що Бже! При пам'яті, при чутвію, поирощався зъ усіма, поблагословивъ усіхъ, та й Богу дүшу оддавъ.

Прихавъ и другий онучокъ Захарочко, сь Конотопу, усі були передъ смертю; усіхъ вінъ благословивъ, зъ усіма вінъ прощався, усякому вінъ напүтствие прочитавъ. Старя, онуки и люде заливались слезами, не бачили и не вірили самі собі, що зъ шими дітця! Упо-

кѡй, Господи, душу старѡго Оѡдора со святими! Щобъ ѡго дїлї передъ Господомъ стояли, яко свїчи сїяли!

Ще, після старѡго Оѡдора, старї пожилї щось годкївъ съ чотїрї; прийшла пора и їй виступїть у дорѡгу, и її здолїла старїсть: покинула старї на хазїйствї Даниїлка, та Гїлю, а самї пішла до старѡго.

Степанъ Нїсъ.

Сїчень, 1860 року.

Швѡрнїъ хўторь.

НАДЪ МОГИЛАМИ.

Не скинути окомъ тї степї ширѡвї,
Що Днїпръ облягають їзъ обохъ бокївъ;
По степїхъ усюди могїли високї
Надъ бїлою кїстю козацькихъ дїдївъ.

Траву вїтеръ хилить, хмара хмїру гонить;
Нїначе могїла зъ другою гомонить...
Нї, тѡ не могила,—то будякъ надъ нею
Съ перекотїполемъ сўмно розмовля:

«Лягли тутъ навїки дружнїєю семьею
«За ту славу люде... а слави нема!
«Нїхто не згадає, нїхто не поплаче...»
—Перикотїполе: «Чудний ти, козаче!..
«Нехай спочивають! на щѡ їмъ та слава
«И нї що їмъ слїзи, гїркї та крївавї?..
«Щобъ марно котились?.. Свое добули —
«И долю и волю вь могилахъ знайшли...»

Будякъ похилився, и самъ себе коле;
У степъ покотїлось перекотїполе...

Л. Яценко.

11 августа
1861.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЬ.

(По поводу Быта Подолянъ, —Шейковскаго. Выпускъ 1-й 1860 г. Кіевъ.)

Загадка: Сімь миль мѣсту, а на кінці мѣ-
сту квіточка зацвіла. — Сімь миль мѣсту, а на кін-
ці — квітъ наввесь світъ.

Отгадка: Великдень.

Въ стародавнее время, въ предѣлахъ Украины, жили, какъ извѣстно, разные народцы, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои обычаи и законъ свой. Разность народовъ, отъ которыхъ произошло нынѣшнее население Украины, чувствуется еще и въ наше время. Сопоставивъ Подолянъ, напримѣръ, съ Полтавцами, съ перваго взгляда узнаемъ, что они принадлежатъ не къ одной мѣстности. Кромѣ случайнаго отличія—одежды, ихъ отличаетъ другъ отъ друга и самое *обличча*: между Подолянами очень и очень мало *кирпятихъ*, тогда—какъ преобладающій типъ Полтавца—*кірна*; Подоляне преимущественно *довгобрази*, между Полтавцами рѣдко встрѣчается *довгобрамій*, а все *круловиді*. Самые обычаи народныя, повѣрья, предразсудки, празднованія, будучи разсматриваемы въ подробностяхъ, обнаруживаютъ, хотя и не все, своеобразные оттѣнки, а нѣкоторыхъ подолянскихъ обычаевъ вовсе нѣтъ нигдѣ въ другихъ частяхъ Украины. Все это, очевидно, въ давнее время было рѣзче и нагляднѣе, но больше или меньше сгладилось; объединилось же только подъ вліяніемъ позднѣйшаго хода исторіи, — того, подъ которымъ сложилась и окрѣпла наша украинская народность.

Такія и подобныя отличія существуютъ не только между Подолянами и Полтавцами, правою и лѣвою стороною Днѣпра, но и въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Напримѣръ, на Подолі въ теперешнихъ ея границахъ, кромѣ многаго другого, замѣчаемъ ту особенность, что въ Балтскомъ уѣздѣ,

между Бугомъ и Днѣстромъ, Кодымою и Днѣстромъ, существуетъ праздникъ *русали*, который совпадаетъ съ первымъ днемъ Петрова поста, совершается *молодйцами*, безъ участія мужчинъ и *дѣвчатъ*, подъ открытымъ небомъ (*на стенку*) и, если можно, близь воды. Въ Ольгопольскомъ, въ Гайсинскомъ, Брацлавскомъ и другихъ уѣздахъ, къ Вольни, даже нѣтъ слова русалка (*). Въ Гетманщинѣ, вмѣсто русалъ, существуетъ другой праздникъ — *рѣзники* (Полт. Губ. Вѣд. № 25 1861 г.), который отбывается одиѣми *жінками* и въ тотъ же самый день. Если бы было возможно опредѣлить границы, за которыя не выходитъ извѣстное празднованіе, обычай и т. п., то можно было бы узнать и границы, въ которыхъ жилъ тотъ или другой народецъ.

Раздробленіе этихъ народцевъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, наложило особенную печать на разныя мѣстности и способствовало къ образованію новыхъ различій въ нашей народности, изгладивъ нѣкоторые признаки единства и создавъ новые, несуществовавшіе прежде, оттѣнки. Отсюда произошли тѣ именно особенности, по которымъ мы одни другихъ (справедливо или несправедливо) дразнимъ разными именами. Такъ Гетьманцы дразнятъ Подольнѣ *недѣлками*, а Подольяне Гетьманцевъ — *москѡвскими недѣлками* и т. п. Даже жители маленькаго пространства, иногда и одного города, имѣютъ свои прозвища, и не всегда по особенно-важнымъ признакамъ, тѣмъ не менѣе по признакамъ, бросающимся въ глаза. На Подоли, напр., Бужане дразнятъ *мадзурми* (*мадзурь-мадзури*, а *мадзурі* по тамошнему тоже, что въ Гетьманщинѣ *шурі*) тѣхъ крестьянъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. И тамъ же дразнятъ *вѣштниками* тѣхъ, кто живетъ ближе къ Каменцу, по ихъ обычаю кричать *вѣштл*, погоняя лошадей. Любчанѣ (г. Любечъ) ихъ сосѣди и Кіеве передразниваютъ замѣшаванной отъ ихъ же фразою: «мы люди торговые, народъ промышленный.» Въ этомъ прозвищѣ не маловажную роль играетъ мѣстное нарѣчіе, на которомъ говорятъ Любчане. Для Любчанѣ нѣтъ большей обиды, какъ вопросы: *Щобѡму кізка? Якъ пізнати, чи жїрна коза?* и т. п. Вообще при Любчанщинѣ заговорить о торговлѣ козани—значитъ обижать его (**).

(*) Русалокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, называютъ *росалками*. Это названіе, судя по повѣрью, вѣрише перваго.

Украинскіе слова и цѣлыя рассказы относятся къ нарѣчію Подольнѣ бывшаго Уманскаго и отчасти Ладыйинскаго полковъ.

(**) Стоитъ упомянуть и о томъ, что Бѣлоруссовъ, называя Литвинами, драз-

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ необходимыми частныя описанія разныхъ мѣстностей нашего края. Безъ такихъ специальныхъ трудовъ, мы никогда не будемъ обладать знаніемъ его и его особенностей. Полнота, очевидно, должна быть непремѣннымъ условіемъ этихъ работъ, потому что они должны служить матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій и замѣнять личное наблюденіе читателя. Но и не совѣтъ полныя работы не могутъ быть признаны совершенно бесполезными по той причинѣ, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, лишь бы это *что-нибудь* въ самомъ дѣлѣ проливало свѣтъ на избранный уголокъ. Но въ этомъ случаѣ должны быть описываемы если не всё, то за-то главныя особенности.

Специальнымъ этнографическимъ трудомъ въ глазахъ нашихъ и самого издателя является *Бытъ Подолянъ*. Г. Шейковскій намѣренъ ознакомить съ бытомъ Подолянъ особенными статьями, дополняя ихъ матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь, говоритъ онъ, найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи (т. е. нисенітниці) и т. п. Такъ-какъ эти «матеріалы» будутъ обнародованы на томъ языкѣ, которымъ говорятъ Подоляне, то *Бытъ Подолянъ* будетъ имѣть важность «и для разрабатывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи.»

Какъ видимъ, цѣль изданія *Быта Подолянъ* обширна; но одной задачи недостаточно для того, чтобы трудъ вышелъ полезнымъ; (нерѣдко на самомъ дѣлѣ все оканчивается однимъ намѣреніемъ). Къ—сожалѣнію, *Бытъ Подолянъ* — то же, что *трайморє вѣ мѣщани*. Пржеде всего бросается въ глаза чрезвычайная неполнота фактовъ и какая-то странная увѣренность автора въ непреложность своего взгляда. Кажется, будто г. Шейковскій имѣлъ въ виду только обнародовать свои личныя выводы, а не изобразить, какъ говорить, картину быта Подолянъ. Очень можетъ быть, что я имѣлъ бы другое мнѣніе объ изданіи г. Шейковского, если бы познакомился съ Подолянами только по этому изданію, а не лицомъ къ лицу, будучи самъ Подолянцемъ. Теперь же, при знакомствѣ съ Подолянами не по книгамъ, а не могу быть имъ доволенъ, и долгомъ для себя считаю пополнить трудъ г. Шейковского и кое-что въ немъ поисправить.

нать бацькунами—отъ ихъ слова бацька—отець, батька. До сихъ поръ считается какимъ-то удалствомъ побить бацькуна—остатокъ древней племенной вражды къ Литвѣ. Случается, что байдаки причаливаютъ къ берегу для этой цѣли

Г. Шейковскій началъ свое изданіе съ *гаівокъ* по той только причинѣ, какъ говоритъ самъ, что у нашихъ нслѣдователей народнаго быта гаівки не описаны. Но развѣ одиѣ гаівки не описаны? Гдѣ у насъ хоть что-нибудь о народныхъ *парубочихъ* играхъ на Великдень? Гдѣ у насъ хоть слово про *колодѣи*? Да мало ли чего не описано! Что касается Великоднѣ, то гаівкамъ предшествуетъ обычай *віддавати колодкі*, вмѣстѣ съ гаівками идутъ *парубочі* игры; надо было поэтому начинать не съ середины, а съ начала— съ того самого начала, гдѣ замѣчается уже Великдень. Такъ слѣдовало бы поступить тогда, если бы Великдень былъ началомъ и концемъ задуманнаго изданія. Но предпринявшись описать бытъ вообще—полный бытъ, слѣдовало бы доискаться того общаго пункта, откуда, какъ изъ клубка, развиваются всѣ празднованія. Такой начальный пунктъ непременно *долженъ быть и есть* на самомъ дѣлѣ; потому-что народныя празднества—остатокъ религіи нашихъ предковъ, и не могли быть натыканы въ году, какъ тычки на огородѣ, безъ всякой связи между собою. Въ противномъ случаѣ, религія нашихъ предковъ была бы непослѣдовательна. Такого недостатка не можетъ быть въ религіяхъ, какъ твореніи цѣлаго народа, а не одной личности. И въ самомъ дѣлѣ, народныя празднованія такъ тѣсно вьжуются одно съ другимъ, идутъ цѣлый годъ въ такой строгой послѣдовательности. Стоитъ только посмотреть на нихъ не по-одиночкѣ, а обнять взглядомъ весь ихъ годовой кругъ. Не обративъ на это вниманія, г. Шейковскій пашелся вынужденнымъ предпослать всему общія мѣста и, подъ влияніемъ университетскихъ лекцій археологін профессора П.—, толкуетъ о разныхъ культахъ. Все это такъ; все это правда: но въ *Быть Подольнѣ* всему этому не стоило бы давать мѣста: это археологія, а не бытъ. Оттого г. Шейковскій и перескочилъ отъ гаівокъ на похороны...

Но принимаясь дополнять изданіе г. Шейковского, безъ всякихъ заднихъ мыслей, я долженъ предупредить читателей, что не имѣю никакихъ источниковъ, и буду писать по памяти— что видѣлъ и знаю. Степень моего знанія увидитъ каждый, кому угодно будетъ прочесть мои вехитрыя строки. Что же касается до меня, то я и не притязую на полноту, но не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сказаній моихъ о народѣ. Все мы покончимъ на Великоднѣ и достигнемъ своей цѣли, если укажемъ ему мѣсто въ годовомъ циклѣ народныхъ празднованій.

Великдень, какъ и должно быть, для Подолянъ самый радостный праздникъ въ году: Его, какъ и всѣ праздники, бывающіе разъ въ годъ, называютъ *врочістимъ* (въ рікъ) *Святомъ*.—*Миколаі* также врочісте свято, хотя празднуется и два раза. Слово *врочістий* прилагается только къ праздникамъ, а въ другихъ случаяхъ, въ смыслѣ *годовой*, употребляется слово *роковій* (роковій ярмарокъ). *Висілля* и т. п. торжества называются *врочістими оказіями*. Великодня ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели всякаго другаго праздника, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ радость неугомоннѣе. Запорожцы, въ одной виршѣ, объясняютъ эту радость какъ бы тѣмъ, что

»Теперь усякъ наістця въ смакъ свяченоі паски.«

Но мы не повѣримъ *чубатимъ*. Не тому мы радуемся, что *наімось паски*; хотя мы и *голѳдні*, однако удовлетвореніе этого чувства у насъ не играетъ первой роли. Мы радуемся просто тому только, что Великдень *на граніці*, потомъ *въ ділицяхъ* ⁽¹⁾, потомъ *въ ворѳтяхъ*, наконецъ *на порѳзі* и *въ хаті*. *Въ вѳрбкѣ неділю* (вай) Великдень чуть видно изъ-за горы, а мы уже поздравляемъ другъ друга и съ неописаннымъ восторгомъ приговариваемъ: *вѳрба бѳе, не я бѳю: за тѳжденъ Великдень!* Иной еще прибавитъ: *будь здоровъ, якъ вода и багатій, якъ земля*.

Вода не случайно вошла въ это поздравленіе; она имѣетъ огромное значеніе въ народныхъ вѳрованіяхъ и обычаяхъ. Прослѣдимъ это, сколько можемъ. Начнемъ съ *жілного* (великій) четверга,—онъ близокъ Великодню, а мы про Великдень и говоримъ. Въ *жілний* четвергъ купаются *відъ чорної хороби*. *На русали* купаются, *щобъ не було посухи*. Замѣчательно, что на русали купаются не раздѣваясь. Такъ же во всей одеждѣ купаютъ и тѣхъ, кто въ руки попадется. Я слышалъ, какъ купали попадю, дячка, проѳзжаго купца, управляющаго, перевозчика при перѳмъ и т. д. Обычай этотъ такъ держится, что выкупанные не только не сердятся, но сами мѣшаются въ гуртъ и съ азартомъ бросаются купать другихъ. На *Купайла* ходятъ купаться съ извѣстнымъ обрядомъ, и самъ Иванъ *купався*. На *Зелені свята* ходятъ на поле *кропѳти збѳже* и *свѳтя криниці*; на *Маковія* тоже *свѳтя криниці*. *На Орданъ* купаются *відъ*

(1) Ділиці—ровъ вокругъ села, за которымъ начинается цѳрина—посѳвъ. Царина въ противоположеніи голѳка.

корости. При цьому бережуться, *аби хто не крикнувъ: щобъ така була, якъ дубова кора; бо вона, хай счезає, и справді корю визьметця на тлі.* Тогда же умываються, *щобъ очи не боліли, а дівчата—щобъ рум'яною бѣти.* Надо замѣтить, что въ воду, приготовленную для умыванья, бросаютъ иногда *каліну* или *коралі* (дорогѣ нанясто), *щобъ черв'яному бѣти, —щобъ лице чисте було.* Коралі также совѣтують мужчинамъ носить на шеѣ, какъ женщины, *видѣ остудѣ.* Вода употребляется въ различныхъ шопотахъ—(примѣвахъ): *якъ воилю скидають (и огонь разомъ), якъ що виливають—отъ перелѣсника, абѣ що...* Въ разныхъ гаданьяхъ также употребляется вода; напр. *на Андрея виливають вѣскомъ, оливомъ.* Тогда употребляется вода холодная,—лучше, если *непочата.* Но и горячая вода употребляется, напр. *якъ виливають плаксивци, якъ покривають молодѣ (на Подолі не водать въ церковь скривати, а покривають дома—завивають въ намітку; до церкви ходять на вивдѣ); садовлять її на осливъ, чи що, а нідь ослономъ відро зъ водою, щобъ здорові були якъ вода.* (Послѣ употребляется и огонь). *Якъ вилуплятьця гусята або каченята, то, щобъ здорові росли, шіздо и шкаралупи виносять на воду. Якъ упаде дитина съ коляски абѣ що, що здорово забѣтця, то те місце злив'ють водою, щобъ не вадило.* Воду, между прочимъ, ставятъ на огонь, по выносѣ покойника изъ хаты—для души, которая прилетитъ въ видѣ мухи и *буде їсти и пити.* Посредствомъ воды узнають чисто или нечисто мѣсто. Погребая утопшаго, иногда поливаютъ его водою, *щобъ доць бувъ, —щобъ не було посухи.* Вода употребляется и въ чарахъ, особенно въ отношеніи къ любви. На воду (на Бігъ) выносятъ и первыя скорлупы писанокъ, крашонокъ въ томъ убѣжденіи, что онѣ поплывутъ къ Рахманамъ и укажутъ имъ, что пора праздновать Великдень (*). Что касается того, что желаютъ быть богатымъ *якъ земля,* то это пронстекаеть изъ представленія народнаго о богатствѣ ся: *кто жъ байтчий, коли вони всіхъ годѣ!* Землю также называютъ *сильною, бо вона всіхъ на собі носе.*

(*) Рахманы—это народъ, неумѣющій ни читать, ни писать, но крепенный. Они такъ далеко живутъ, что скорлупа заплываеть въ ихъ страну только къ Преполовенію. Тогда они и празднуютъ Великдень. Потому-то Подольне Преполовеніе знаютъ подъ именемъ *Рахманського Великодня.*

Сейчасъ лозу вьрачуть и котйки употребляютъ какъ лѣкарство отъ лихорадки и для скота, якъ, бувай, здуетця.

Отъ *вербои медли*, кромѣ обыкновенныхъ хлопотъ — *йти блити*, кромѣ приготовленій на паски и т. п., я ничего не замѣтила до *жидов четверга*—до *страсти*. Для *страсти*, хлопьята задолго впередъ готовятъ *добешки*; съ звономъ собираются къ церкви съ этими стучалками и когда звонитъ во время самой *страсти*, *пѣрабаня* или въ колокольню, гдѣ деревянная, или въ церковную ограду, или просто въ доски, разумѣется, если не запретятъ. Это повторяется каждый разъ при звонѣ колоколовъ, начинаясь и оканчиваясь вмѣстѣ съ звономъ, и продолжается до конца *страсти*. Рокотъ этихъ *добешокъ*, сливаясь съ звономъ колоколовъ въ одинъ гулъ, производитъ невыразимое впечатлѣнiе: повторяясь во всемъ окресткѣ; отражаясь тысячами перекатовъ эха въ лѣсахъ и горахъ, до глубины души поражаетъ человѣка, и такъ уже настроеннаго къ печали. Нельзя сказать, что это печаль; это совсѣмъ не печаль, но какое-то необыяснимое—*тихосумне* чувство: сердце такъ и расплывается. Особенно мнѣ врѣзалась въ память одна *страсть*, когда я былъ еще дитятею лѣтъ восьми-девяти. Я вышелъ изъ церкви *провѣтриться*. Ночь была темная, туманная и какъ будто *мрака ишла*. Яркій свѣтъ, пробиваясь сквозь окна, золотыми столбами наискось, стремился къ небу, будто указывая дорогу молитвамъ, и далеко-далеко исчезалъ въ туманѣ; постепенно ослабѣвая. Кажется даже, я видѣлъ радужные цвѣты. Внизу другая масса свѣта, сквозь растворенную дверь маленькой деревянной церкви, золотить молящихся. (Смѣсь радости и печали, на важно-спокойныхъ лицахъ стройнаго, краснаго народа, стоятъ кисти живописца-художника). И все это теряется въ дали, во мракѣ, и на извѣстномъ разстоянiи, кажется, не люди ходятъ, а духи, пришедшие вмѣстѣ съ нами праздновать *страсти* господни; то вырѣзываются изъ мрака, то снова погружаются въ мракъ, то опять покажутся, и снова исчезнутъ. Отъ сверканья свѣчъ и лица ихъ представляются сверкающими. Общая тишина, подъ равномерное журчанье весеннихъ ручейковъ, прерывалась по временамъ трескомъ *добешокъ*, да звономъ въ колокола и на время заглушала то заунывную *самолівку* старика-дьячка, то протяжное чтенiе *страстей* господнихъ нараспѣвъ. И за горой тотъ же трескъ и звонъ, и та же картина мерещится, и за лѣсомъ тоже. А вотъ чуть слышно изъ-за *Богу* отдаленный гулъ: и не вѣрится, звонъ ли это дѣйствительно и есть ли тамъ *людци*, преж-

нее ли впечатлѣніе продолжается, или эхо на эхо отзывается. И снова звонъ, и снова трескъ, и потомъ тишина; такъ и хочется выйтись въ гуртъ, да доবেшки не было, а *паникѣ мокрѣ*. Такъ и стоялъ (ы очарованный; забылъ и гдѣ я, и для чего тутъ; сердце словно таеетъ; но старикъ староста (разумѣется, церковный: тамъ иныхъ старость нѣтъ) помогъ мнѣ опомниться: *годи стояти, паникчу; казали панотець, щобъ уже до цѣркви ишли*, сказалъ онъ. И я пошелъ, озираясь и прислушиваясь, какъ сердце билось. Почему тогда не въ послѣдній разъ оно билось!..

Народное суевѣріе соединяетъ съ этимъ торжественно-печальнымъ вечеромъ разныя вѣрованія о вѣдмахъ. Но объ этомъ будетъ отдѣльно рассказано мною въ *Основѣ*.

Употребленіе *страстной свѣчки* извѣстно.

Отъ обѣда въ четвергъ до разговѣнья старушки ничего не ѣдятъ, т. е. ничего ровно и въ ротъ не берутъ. Въ эти дни хлопоты въ самомъ разгарѣ: женскій полъ такъ занятъ, что даже нѣтъ времени и заснуть; ночь и день работа: *паски печуть, поросята... А пѣкище начинки заготовить! Тамъ писанки пѣшутъ, крашанки красятъ; дивись—и витирати порѣ. А тамъ... не біянулася, а вже и Христія дочиталися. Хапайся—хапайся! пора вже святити... Боже-Боже! отуть-то колотни, яка не вправилася, або що! Платину, которою писанки витирають, прячуть и підкурюютьця відъ бишійхи, якъ въ оусі стрикає, або-що*. Но мы забѣжали впередъ. Еще есть *дѣйние*. Но пока дойдемъ до дѣйнія, займемся передачею легендъ, основанныхъ на событіяхъ, въ эти три дня совершившихся.

Въ молитвахъ Подолянъ есть примѣсь уніатства (отъ Отца и Сына); между молитвами считается сонъ *богородици* и *бурлацкій оче-пашь* (*). Что касается свящ. исторіи, то Подоляне имѣютъ ее свою отъ

(*). Къ сожалѣнію, я его незнаю; знаю только, что онъ раздѣленъ на прошенія; нѣкоторыя изъ нихъ передаю: *не дай, Боже, съ кожі кожуха, а зъ сани чобіть; избави, Боже, відъ Барської грѣби; избави, Боже, відъ Кулажінського срібни; избави, Боже, відъ служби въ Китайгородського мона.* Что касается объясненія этой молитвы, то я знаю слѣдующее: 1) *Барскій-грѣбля* обыкновенная плотина въ г. Барѣ. Она очень длинна, идетъ извилинами и весною до-того заплываетъ грязью, что ѣзда по ней въ высшей степени затруднительна и даже опасна. Кромя того, что можно *запрунути*, страшныя про-

сотворенія міра до Р. Х. и далѣ. Есть даже мнѣнія о будущемъ, ничуть не основанныя на христіанствѣ. Кромѣ чисто-религіозныхъ легендъ, есть и бытовыя. Бывъ собраны, онѣ могли бы пролить много свѣту на минувшую жизнь нашу, незапам'ятованную исторією. Легенды, относящіяся къ страстной недѣлѣ, такого значенія не имѣютъ: это евангельскія событія, украшенныя народною фантазією. Безъ сомнѣнія, это было когда-то полнымъ зданіемъ, но не бывъ поддержано воспитаніемъ, мало-по-малу затемнялось и теперь представляеть жалкіе обломки, показывающіе ясно, насколько небрежно было духовенство въ дѣлѣ образованія народнаго, даже религіознаго. Эти рассказы не должны умалять чести нашего народа; несмотря на нихъ, онѣ строго нравственъ.

Юмористическихъ рассказовъ, которые касались бы страстной недѣли, нѣтъ, хотя юморъ народный шагнулъ и въ небеса, и за облаками нашель для себя предметы и матеріалы. Духъ событій не таковъ, чтобы можно было потѣшаться. Иное дѣло лысына у ксендза (когонка), многоженство у магометанъ... Рассказы, относящіяся къ страстной недѣлѣ, всѣ серьезны и вотъ тѣ, которые и знаю.

»Якъ шукалі Христа згубити, то вінъ утікъ та й сховався и найперше въ ясла міжє воли. Жиди такъ ёго шукають, такъ шукають! А воляки іди собі пашу, та все мордю пригортають схованця—вибира ніби, котро лучче стебло, и все пригортають.

»Виховався Христось на цей разъ и поблагословивъ волиъ, щобъ мало іли и ситі були.

сѣлля (по-тамошнему—прірав) съ глухой стороны *зрѣбли*, глубокиа и наполнены водою, такъ и ждуть жертвы. Лѣтомъ ухабы и т. п. до-того надобдають, что дѣйствительно надо просить Бога объ избавленіи отъ этой *зрѣбли*. (Я разъ всего по ней проѣзжалъ лѣтомъ и не захочу больше). 2) *Кулаковського справа*. Былъ помѣщикъ на Подолі п. Кулаковскій (Кулаковский) изъ поповичей, отличавшійся несправедливымъ рѣшеніемъ жалобъ. Говорятъ, онъ наказывалъ и мста и обидчика. Наказаніе состояло въ неизвѣрномъ денежномъ штрафѣ на церкву; для обидчика прибавлялись *нагаі*. 3) *Китайгородського пона служба*. Китайгородъ—село, не знаю котораго уѣзда. Тамъ, въ оно время, былъ на приходѣ священникъ о. Семень. О *чобѣтяхъ зъ семні, кожузь съ козы* и говорятъ нечего. Такъ объяснялъ мнѣ этотъ *оче-наше* священникъ о. Писнячевскій.

»На другий разъ прийшлось ховатись. Куди туть? Вже Жиди знають, що бувъ міжє волами... Взявъ та й сховався міжє коні. Та коні, сказано худобина пажирлива, якъ почали їсти, то й зїли й те, чимъ Христось самъ себе бувъ—накривъ. То Жиди й забачили и взяли Христа. За це Богъ проклявъ коней, щобъ їли цілий вікъ, и все голодні стояли.« (Существуетъ слѣд. поговорка: воліві дай половин та жені поволі, а коневі вівса, та жені, якъ пса).

»Якъ привели Христа мучити, то нарobili цвахівъ (гвиздківъ) зо всякої деревини, тільки зъ гівни—ні. Та котрій побробують забити підъ паність, вінъ такъ и зігнѣтця, наче зъ воску зліпаний. Що туть робити? чимъ туть мучити? Ажъ въ голову заходя. Думали-думали та й порадились: затешімъ, кажутъ, ще зъ гівни. Якъ той не поїзе, то хто ёго зна, що вже й казати!.. Затесали изъ гівни, а вінъ и пішовъ, якъ залізний. Отъ и давай мучити Христа гівновими кілками (*). За це Богъ и проклявъ гівну, щобъ червіва була. Тимъ вона й червівіє такъ, що Богъ залявъ її червівити доки світа та сонця.«

Пзвѣстно, что дѣлають воробьямъ за мнимое ихъ участіе въ дѣлѣ умерщвленія Христа. Когда ослѣпять, »бідна пташїна не лїтїть, якъ видюща, куди носомъ; и знесѣтця вгору, скілько видно, складѣ крильця и пускаѣтця до землі, якъ камінець. Впаде и розібѣтця.«

Народъ вѣрїть, что стража, приставленная къ гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы, и »якъ місяць старий, то й вони старі—старѣзні, ажъ трусятця, а якъ місяць молодий, то й вони молодї, наче їмъ по двадцятому годочку.« На вопросъ: »колі ви прийшли«, они отвѣчаютъ: »вчора«.—А коли підете?—Взавтра.«

»Такъ уже їмъ Богъ давъ, щобъ жили до самого страшного суду.»

Объ Іудѣ розказывають: »повішусь, думає собі, піду въ пекло.

(*) См. 1 кожда господареві.

А Христось, якъ буде вивольити людські дүші, то й мою вивольить. Прийдьовъ до ідної деревини, перекинувъ мотузъ, чи що, и тілько опуштувся, вона й гіля попустилася. Вігъ до другої, и друга такъ; и трета такъ; ажъ до осичини прійшовъ, и завішався на осичині. Того-то хоць (*) якъ и тихо на дворі, а на осичині все явсть кїваецця, ніче живий. Другіе говорять, что онъ *завішався на бузині* и она оттого не годится теперъ для построекъ. *Бузникъ* почитается жилищемъ чорта.

»Завішавсь Юда та такъ и висівъ, ажъ докл самъ не ввирівався—Тоді вже впавъ и гинь у ярү. » Изъ разлагающагося тїла его вросъ *тютюнкъ*. Впрочемъ насчетъ тютюнку есть и другой рассказъ, въ который входить Христось съ апостолами. »Тїло Юди тутъ зітїло, а душа въ рїкї пропада. Бо якъ Христось пішовъ вивольити дүші, то й ёго дүшу хотївъ вивольити: «иди вонъ,» каже; та Люципірь навчївъ: «кажи, одну, не хочу,» Юда й каже: «не хочу.» — «Кажі, єйну, мнї и тутъ добре,» намовля взнавъ Люципірь. »Мнї и тутъ добре,» озвавсь Юда. Христось взнавъ: «иди вонъ.» А Юда все за Люципіромъ говорївъ. Такъ и третій разъ було. И зоставсь Юда найвірїщимъ сїномъ у Люципіра и сидїть въ нїго на колїнахъ, и своєю калїтку въ руці держить. » Въ одной виршї запорожской вотъ-что говорїтся:

»А сей Юда съ того студа, звїродивий макуха,

То синїе, то красїе, бо братъ злого духа.

Вельми вінъ злякъ (**), ажъ мїхъ залякъ зъ грїшїи за плечима.

За ёго грїхъ той клятий мїхъ все передъ очима.

Въ землю вкопавъ, щобъ мїхъ пропавъ, та окаменїла —

Посохъ и цвїть и трави нїть—білшъ не зеленїла.

Въ воді рибу мїхъ изъ глїбу роспужавъ и раки, —

Вернувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.

Злю мару пікъ у жару, да не загорївся —

Вогонь потухъ, а цей злий духъ въ печі й не нагрївся.

Крїпко пошить, чортомъ підбитъ, що и не дерецця;

Зъ води, зъ печі впять на плечі до Юди беретця.

И зъ цимъ мїшкомъ ходить пішкомъ у пеклі повсюду;

Панъ повелївъ, щобъ мїхъ не тївъ до страшного суду.»

(*) Хоць Подольє употребляють въ значенїи хотя, а *хоць* — сокращенное хочешь—*що хочь, роби*—вм. *що хочешь роби*; или—*роби, що пвчешь*—и *роби, що хочь*. Хоць повелит. вм. *хотї*; *що хотї* и *що хочь*—одно и тоже.

(**) Увидавши Христа.

Любопытны народныя рассказы объ изобрѣтеніи водки, о происхожденіи лысыхъ, кривыхъ и т. п. Но такъ-какъ эти рассказы могли бы войти только въ полный бытъ Подолянъ, то мы и оставимъ ихъ, потому-что они не относятся къ Великодню. А между-тѣмъ вотъ *діяніе* передъ нами. Оставимъ *жінкамъ та дівчатамъ ходити коло тіста, коло сіра тó-що*; а сами—*наше діло парубоцьке*—пойдемъ за *парубками*.

На Подолі нѣтъ *улиць*—перевелъсь; нѣтъ, кромѣ *вечерніць и оденькѣвъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, никакихъ сходокъ молодежи. Лѣвая сторона Днѣпра ночью имѣетъ больше жизни и поэзіи, чѣмъ днемъ: до полночи отъ сумерекъ вы слышите пѣсни, говоръ, смѣхъ... На Подолі въ это время развѣ собака залаетъ да пропоетъ пѣтухъ. Иногда волки завываютъ. Лѣтомъ, покрайней мѣрѣ, *ночліжники* поютъ, идучи на поле; пной и *на сонілку*. Но все это въ одиночку. Женскаго голоса ночью тамъ нибогда не услышите. А зимою *тіхо та сѣмно, якъ у домовіні*. Это, очевидно, зависитъ не отъ народнаго характера—народъ нашъ вездѣ одинаково *співочий*; причиною тому постороннее вмѣшательство. Въ этомъ отношеніи, особенно отличается духовенство. Въ последнее время, оно съ особеннымъ жаромъ стало преслѣдовать Купайла, Андрея, Маланку и т. д. подъ видомъ ревности о вѣрѣ, а *вечерніці*—подъ предлогомъ противодѣйствія разврату. Между-тѣмъ, народныя празднованія имѣютъ значеніе только игръ, а *вечерніці* суть вечернія сходки молодежи,—не что иное, какъ вечера у пановъ, только безъ участія старыхъ. Старики—или лучше мужья и жены—отдыхаютъ, или дома работаютъ, имъ не *до гостини*, не до *веселости*; а молодые сходятся въ одинъ домъ, съ тою цѣлю, чтобы не скучать за работою въ длинные осенніе и зимніе вечера. Этимъ-то именно и отличаются *вечерніці* отъ вечеровъ: здѣсь работаютъ, дѣло дѣлаютъ, а тамъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, театральничаютъ, проигрываются и т. п. Не безъ того, разумѣется, что бы не было нехорошихъ случаевъ въ народѣ; но развѣ то же самое не случается и въ высшемъ сословіи? хотя *панянки на вечерніцяхъ* не бываютъ. Да кто скажетъ, что и въ простомъ народѣ это отъ вечерницъ? Такой дѣвушки даже не принимаютъ на вечерницы. Я очень хорошо знаю вечерницы, знаю дѣвчатъ, знаю народныя обычаи и взгляды, и то знаю, что *хазяйський синъ* не посмѣетъ *заняты* съ нехорошею цѣлю *хазяйську дочку*. Для этого есть *жидівські паймичкі, рекруткі, московкі* (солдатки) и т. под.

пригуль. Притомъ, дѣвицы такъ связаны обрядомъ первой ночи, что только пьяная или крайне-безстыдная можетъ поддаться обольщенію; но если въ ея сердцѣ останется хоть не много стыда, если въ ея головѣ не перевелось сознаніе себя и чести, то такая можетъ уступить только *силъ*, и добровольно ни за что не согласится *підтоптати підъ ноги отця-нѣньку*. Парубки очень хорошо понимаютъ это, понимаютъ это и родители, а потому и позволяютъ своимъ дочерямъ не только ходить на вечерницы, но и *приймають на білі подушки*, какъ поется въ пѣсняхъ. Не понимаетъ или притворяется, что не понимаетъ этого, только духовенство, — разумѣется не безъ исключенія, — и назначаетъ штрафы за участіе въ томъ или въ другомъ. Штрафы эти состоятъ въ денежныхъ взысканіяхъ *на церкву*, или въ отработкѣ священнику, преимущественно во время говѣнья, также передъ свадьбою. Болѣе ревностные употребляютъ и другія болѣе радикальныя мѣры убѣжденія. Въ этомъ помогало духовенству и благоразуміе пановъ. (*)

Грустно, тяжело, невыносимо становится, что народъ, вмѣсто своихъ высоко-поэтическихъ сходовъ, долженъ собираться въ корчму, откуда никто не гоняетъ ниже словомъ, не только палкою или кнутомъ. Удивительно ли, что лѣтъ тридцать назадъ, и для парубковъ, рассказываютъ, считалось позорнымъ являться въ шпнокъ; а теперь и дѣвчата ходятъ туда, словно *до нанѣшки, такъ до шинкарки*. Что можно вынести изъ этого дома, кромѣ разврата? *пьяному и море по коліна*. Но этого не хотятъ видѣть, и годъ-отъ-году все сильнѣе накидываются на народныя обычаи. Можетъ, покажется несообразнымъ, что я такъ разговаривалъ о запрещеніяхъ, а между тѣмъ имѣлъ же время изучать обычаи: гдѣ плоды тѣхъ преслѣдованій? — На это я скажу, что не все удалось перевести: народъ очень упоренъ въ своихъ привязанностяхъ къ чему-либо. Притомъ, — я изучалъ народъ въ приходѣ своего отца, который самъ недоволенъ запрещеніями и остался украинцемъ. Онъ такъ правильно смотритъ на народныя игры, что не только не запрещалъ ихъ для народа, но и дѣтямъ своимъ — *хлопцямъ и дѣвчатамъ* — позволялъ ходить на Купайла,

(*) У Подолянъ остался до-нынѣ *громадський судъ*: всю громадою выбираютъ *судцівъ* изъ стариковъ — не больше семи, не меньше четырехъ, и они рѣшаютъ дѣла общимъ приговоромъ на сходѣ подъ открытымъ небомъ, куда призываютъ и спорящихся. Обычай этотъ поддерживали и нѣкоторые помѣщики.

гдѣ *справляли Андрѣя* и т. п. Только на *вечерницѣ* не пускали насъ,—очевидно, потому, что ни для насъ, *хлопцевъ*, ни для сестеръ нашихъ тамъ не было пары. Спасибо ему за это!.. Да и что намъ дѣлать было на вечерницахъ, гдѣ всѣ за работою? Кромѣ того, благодаря семинарскому воспитанію, я былъ настолько глупъ, что могъ бы надѣлать проказъ и быть вытолканнымъ, какъ выражаются, *стришия*. Спасибо за запрещеніе; этимъ я спасенъ отъ мучительныхъ воспоминаній. А на вечерницахъ паничамъ такъ часто достается!.. Счастливицы-панпчи — кого не бьютъ? за-то ужъ и ихъ, — кто не хочетъ.—По данному слову, пойдемъ за парубками. Вотъ ужъ дѣянія: пора.

Съ какимъ нетерпѣніемъ цѣлую страстную недѣлю ждуть Великоднѣ, съ такимъ же, если не съ большимъ, нетерпѣніемъ *въ великодну суботу* ждуть вечера. Не потому вечеръ играетъ такую роль, что отъ Великоднѣ онъ отдѣляется только ночью, нѣтъ—этотъ вечеръ имѣетъ свое собственное значеніе. Ни пѣсенъ, ни игръ въ это время не бываетъ; но обычай *вогонь клѣсти* включаетъ его въ число народныхъ празднованій и разжигаетъ сердца. *Вогонь клѣсти* имѣетъ что-то поэтическое само по себѣ; посмотрѣли бы вы, какъ ночлижники заботятся объ этомъ, какъ собираетъ ихъ огонь въ кружокъ, какъ они веселы вокругъ огня. Съ какимъ воодушевленіемъ послѣ рассказываютъ о тѣхъ ночахъ, когда на полѣ *вогонь клѣли!* и какъ завидуютъ этимъ счастливицамъ тѣ, кто по чему-либо не могъ имѣть удовольствія развести огонь! Кажется, что можетъ быть обыкновеннѣе огня, разведеннаго лѣтомъ въ саду, вмѣсто кухни, а между тѣмъ, такіе дни оставляютъ въ душѣ какія-то торжественныя воспоминанія. Даже тѣ *потрави* ѣдятся съ большимъ аппетитомъ, которыя приготовлены въ саду. Не смѣшно ли? старики любятъ полежать, посидѣть, побалакать возлѣ этого огня... Нѣтъ, не смѣшно. Посмотрите, съ какимъ торжественнымъ видомъ они рассказываютъ *дѣтворѣ* про давнія лѣта, про разныя *прибѣды* изъ своей молодости!.. Все это навѣялъ огонь. Къ этому огню выходитъ не только мать семейства, отецъ, но, если есть, и *дѣдъ потурбуе свою старість*. Любо посмотрѣть на этотъ кружокъ! румяная *молодиця* стряпаетъ, отъ огню еще болѣе зарумянившись, а тамъ отецъ нѣсколькихъ дѣтей самъ *дровця збирае*; а *старый дѣдъ* сидитъ въ тѣни, и вѣтеръ балуется его сѣдымъ чубомъ. А *дѣтворѣ?* шныряютъ сюда-и-туда *голоубезики*, пищать, кричать, забавляются, или тѣснымъ кружкомъ

сидять возлѣ дѣдушки, слушаючи каждое слово его, ловя каждое движеніе чувства. Но вотъ пробѣжало неудовольствіе по всѣмъ лицамъ вразъ—и всѣ заворушились—что это? это хозяйка зоветъ кушать. Несмотря на то, что обѣдъ этотъ—словно *хлібъ ядѣ заіця*, но всѣ не охотно принимаются за ложку, какъ будто жалѣя, что огонь болѣе ненужецъ, что они оставяють его одного и сверхъ догр еще и водою заляють. Огонь—великое дѣло: безъ удовольствія и ту *картоплю* копають и ту *кукурудзу* ломають, гдѣ огню не разводять; безъ огню и *бащанá* не выберутъ; безъ огню, подъ открытымъ небомъ, никакая *окагія* не обходится. Праздникамъ огонь придаеть торжественности. Но огонь *на ділня* имѣеть свою собственную важность;—это огонь *на ділня*. Никакъ я не могъ добитися, для чего разводять этотъ огонь. На всѣ мои вопросы отвѣчалъ: *бо ділня сѣ-задня*, иди: *бо вазатра Великдень*.—»Ну! то вазатра Великдень, а вогонь сѣгодня на-що?«—Та просто на-то, иди вазатра Великдень.—»То на щожь вогонь кладѣте?«—А на що такъ споконвіку ведѣтця?—Какъ видно, народъ самъ не знаетъ, для чего этотъ огонь нуженъ, и ему особеннаго значенія не придають; но съ какимъ неудовольствіемъ отказываются разводитъ его, когда кто-либо не позволяетъ! какимъ *домомъ* встрѣчаютъ запретителя!

Но я много наговорилъ уже, а еще не сказалъ, гдѣ и кто разводитъ огонь *на ділня*. Парубки разводять его недалеко отъ церкви, гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ: женскаго пола при этомъ огнѣ не бывають, а мужчины могутъ быть всѣхъ возрастовъ и сидять обыкновенно до благовѣста *на всебішнє*. Тогда идуть къ церкви, а огонь остается незалитымъ, чего не позволяютъ себѣ въ другихъ случаяхъ.

Замѣчательно, что ради этого огня забывается право собственности: кто что можетъ и у кого можетъ взять, все предають огню. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, по совѣту одного *чесного господа-рля—роздобѣти палива по шопáхъ* (повітка, сарай)—у него самого унесли *кругъ* довольно порядочныхъ колесъ и въ его же глазахъ положили на огонь.

— Брáво! брáво! сказалъ онъ.

— Та це, дядьку, ваше! замѣтилъ кто-то.

— А думаешь, я не пізнавъ... Щобъ зъ мене за господарь, якъ би я свого добра не пізнавъ? Та щожь робити?—хай хмару нагривае...

Не будетъ ли это указаніемъ на празднованіе съобща, на праздницькъ всего народа, на богослуженіе, при которомъ, какъ въ одной

семьѣ, не было ни моего, ни твоего, но все *наше*, какъ Богъ *нашъ*? Вѣдь у Славянъ можно же было воспользоваться чужимъ добромъ для угощенія чужестранца; можетъ-быть, такимъ же образомъ богатые заступали неимущихъ и въ дѣлѣ жертвоприношеній—что очень возможно. Сѣкиры не употребляютъ при этомъ огнѣ въ это время потому, что *звѣтра свято*, но, въ древности, очевидно это имѣло и другое значеніе,—быть-можетъ, то же самое, что и при кострѣ для сожженія вдовъ. Спать при огнѣ не позволено, а кто уснетъ, тому непременно *ліса підженуть*, развѣ отца побоятся. Не только, впрочемъ, у этого огня, но и въ домахъ противъ Великодня стараются не спать цѣлую ночь и цѣлую же ночь не тушатъ огня въ домахъ, разумѣется, кто имѣетъ возможность. Огонь, разведенный парубками, горитъ и на Великдень, иногда и до вечера, но уже поддерживаютъ его только дѣти. Не безъ того, что и парубокъ придетъ но не надолго, и это не считается уже обязанностію, какъ въ предшествовавшую ночь.

Казалось бы, сидя у этого огня, какихъ разсказовъ не слушаешься! имп, вѣдь, такъ богатъ нашъ народъ. Между тѣмъ, выходитъ иначе: всѣ сидятъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи, только изрѣдка слышно: *піджарь! поправь!* и т. п. Безъ разговоровъ, правда, не обходятся, но они ведутся въ-сторонѣ и почти безъ исключенія, имѣютъ предметомъ своимъ старину, прошедшія празднованія... Разъ я слышалъ предлинный и презанятельный разсказъ о бѣгствѣ нѣсколькихъ душъ изъ турецкой неволи—началось оно на Великдень, а потому и было передано старикомъ. Случаются и юмористическіе разсказы, но смѣяться непозволительно: «що ти колѣ волівъ, чи що! гамуйся!» такъ и загремѣть.

Когда я видѣлъ этотъ огонь, разгулъ уже исчезъ; но разсказываютъ, что *въ-давнину не такъ бывало*. Это, впрочемъ, ничего не отнимаетъ у самого характера празднованія, кромѣ роскоши, богатства, живости, а потому и пройдемъ это молчаніемъ.

Такъ-то парубки проводятъ на Подоли ночь противъ Великодня:—говорю проводятъ!... Можетъ-быть, слѣдовало бы сказать проводили? Можетъ-быть тѣ, кому, по обычаю, слѣдовало бы провести ночь у огня, ожидая благовѣста на всеношную, *не одно діянне проспáли*; быть-можетъ у огня они не разъ видѣли, въ эту ночь, искрившіеся глаза какого-либо *паліводы*; можетъ-быть и то, что не од-

ному соколу ясному приснилась въ эту ночь *сїяая голубка*, чорні очі, якъ теренъ, чорні брови, якъ шнурокъ, личко біле, хоць пиші,

»Зубки, губки перломъ чїсти,

Шня біла ще й въ намісті...»

Да чего не можетъ быть? все можетъ быть; только *сонъ марá*, а *Богъ віра*, и въ дѣйствительности отъ этого не лучше.

Предразсудки и суевѣрія неразлучны съ Подолянами и въ церкви. (О вѣдьмахъ будетъ разказано мною въ *Основѣ*).—Но на чемъ основано слѣдующее повѣрье: «якъ піпъ—отó въ притворі—скаже першій разъ: Христось воскресъ, то не відказувати ёму, якъ слідъ: во истину воскресъ, а що хочь, щобъ найлучче велось... Якъ скажешь, напр., щобъ мнї худоба найлучче велась, абó: щобъ у мене гроші не переводились; то такъ воно й буде цілий рікъ.» Миъ ничего такъ не хотѣлось, какъ учиться лучше всѣхъ, и я страхъ хотѣлъ сказать: *щобъ я вчївся лучче всїхъ*; но чувство радости преодолѣвало меня, и я, вмѣсто того, всегда отзывался: *востину воскресъ, и волосы ежились, ажъ морозъ піде поза плечі*. Такъ, должно быть, поступаютъ всѣ, кто, какъ и я нѣкогда, вѣрять въ справедливость этого суевѣрія. Счастливое время — дѣтство; тогда всему вѣришь, всему радуешься. Отчего бы и до смерти не быть такимъ довѣрчивымъ, такимъ беззаботнымъ? Отчего бы свѣту и въ самомъ дѣлѣ не быть такимъ, какимъ дѣти представляютъ его? Какъ бы хорошо было жить въ такомъ свѣтѣ! Кажется, на дѣтей и солнце не такъ свѣтитъ, для нихъ и соловьи не такъ поютъ, и все для нихъ лучше, прїятнѣе, восхитительнѣе... Или они глупы, или мы разучились быть счастливыми?... Отчего бы, въ-самомъ-дѣлѣ, и въ тридцать, и въ сорокъ лѣтъ, и во сто, не радоваться такъ хотъ бы и Великодню, какъ радуешься ему еще въ десять лѣтъ, а счастливыцы и немного позже? *Святїй знає...* А между тѣмъ Великодень все такое же *свято* и ничуть не меньшее... Но посмотримъ, какъ его проводятъ Подоляне—разумѣется, тѣ, которые и женятся, и умираютъ въ состоянїи дѣтства. Какъ они счастливы! Но кто пожелаетъ такого счастья своимъ дѣтямъ?

На *першій день Великодня* не топятъ, не варятъ и въ гости не ходятъ; все это почитается неприличнымъ для такого праздника. Но на *Рїздво*, напр., этого нѣтъ. На другой день мужьяны (чоловіки) ходятъ поздравлять попа, пана и другъ друга. При этомъ

христуютця, обмѣняваясь *писанками* или *крашанками*. На третій день — женщины ходятъ поздравлять попадью, паню и одвѣ другихъ. Ходятъ онѣ съ *калачами*, также *христуютця* и *миляютця* *писанками* или *крашанками* (*). Родъ *христовання* между молодежью — обычай *віддавати колодки*. Онъ состоитъ въ томъ-же: *христуютця*, т. е. цѣлуются трижды, но не мѣняютъ писанокъ, а дѣвушка даетъ ихъ парубку, — на томъ и конецъ. Парубокъ, получившій писанки, остается у этой дѣвушки въ долгу и обязанъ *наиняти танецъ*. Прежде, нежели расскажемъ обширнѣе объ этомъ обычай — *віддавати колодки*, объяснимся, что значить *наиняти танецъ*. На Подоліи нѣтъ деревни, въ которой не было бы нѣсколькихъ душъ музыкантовъ. Обыкновенные инструменты: *скрипка*, — иногда двѣ и три, *басъ*, *бубоць* и *цимбали*. Встрѣчаются флейты, кларнеты, чеканы. Это не то, что панская музыка: панская сама-по-себѣ, а эта сама-по-себѣ; и слыветъ подъ именемъ свободнаго оркестра — *вольна капелля*. Эта вольна капелля иногда играетъ превосходно (напр. бр. Вершинскій въ м. Крутыхъ Балтскаго уѣзда. Тульчинецкая вольна капелля, дзвѣтцающая подъ именемъ *Тоганъ*. — *Тогани*, состоитъ изъ цыганъ и евреевъ), и съ достоинствомъ замѣняетъ Чеховъ и другихъ музыкантовъ. Такіе замѣчательные музыканты, очевидно, ждуть панскихъ призывовъ, а всѣ остальные — *тирлицачі* по воскресеньямъ и праздникамъ собируются въ сельскій шинокъ, если попъ играть позволяетъ; не то — выходятъ въ тѣ корчмы, которыя стоятъ за селомъ и взвѣстия поды именемъ «вольныхъ» (на вольпу йдутъ). Разумѣется, на вольной одинъ подорожникъ да нѣсколько пастуховъ заходятъ въ корчму; охотниковъ погулять между ними едва ли отыщется. Поэтому вольна не веселитъ, и музыканты стараются задобрить попа и играютъ въ деревнѣ. Обычай тамъ такой, что попъ посылаетъ причетниковъ, тѣ одиннаютъ инструменты и приносятъ къ настоятелю. Музыканты должны выкупить ихъ; сумма назначается священникомъ и идетъ въ пользу церкви. Это еще ничего; но иногда причтъ получаетъ приказаніе побить инструменты, и исполняетъ это съ ожесточеніемъ, со всеусердіемъ. Тогда что? Очевидно, что бѣднымъ музыкантамъ легче ударить челою пастырю, нежели, разсердивъ его, допустить бого ударить инструментомъ *объ-землю*, или *объ лаву* и т. п. Получив-

(*) Разумѣется, гдѣ царь и паня, попъ и попадья дозволяютъ это себѣ. Большею частію обходится безъ *христовання*, только поздравляютъ.

ши разрѣшеніе, вольна капелія отправляется въ шинокъ и тамъ садится за столъ и играетъ по найму отъ штуки, какъ шарманщики. Каждая штука известна подъ именемъ *танця*, и платится двѣ, три до пяти копѣекъ мѣдью. Такую-то сумму парубокъ долженъ выбросить изъ кармана въ пользу дѣвчины, отдавшей колодку. Но не въ количествѣ дѣло, а въ чести: та дѣвушка значить въ селѣ; для которой больше *танцѣвъ наймають*; равнымъ-образомъ, тотъ парубокъ важнѣе, которому отдають большѣ колодокъ. Охотницы къ танцамъ, дѣвчины еще и честолюбивы: оттого нанятый танецъ морально дорогъ, хоть дешевъ платою. Откупаться надо, какъ можно скорѣй; потому вольна капелія зарабатываетъ преимущественно весной. Это разумѣется о вольныхъ танцахъ, въ шинкѣ. Та дѣвчина, для которой танецъ нанятъ, первенствуетъ въ немъ; но можетъ позволять и запрещать танцовать другимъ только съ согласія нанявшаго. На Подоли танцуютъ непремѣнно парами и *побішь*—мужчины и женщины. Танцовать *бовакуломъ*, какъ я видѣлъ въ г. Миргородѣ, на Подоли не водится. Кстати, тамъ въ танцахъ первенствуютъ дѣвчата, и парубки заискиваютъ—*залицаютьця*, а здѣсь парубки все, а дѣвчата ничего; такъ—что можетъ пройти *гуляння*, а танцуютъ только парубки, дѣвчатамъ не дадутъ. Это по-подольски невѣжество, а здѣсь удалство, молодечество. На Подоли вообще дѣвчата пользуются уваженіемъ парубковъ; хоть и должны остерегаться обидѣть кого изъ нихъ, и не имѣютъ гуртоваго прозвища, даже по одиночкѣ дразнить тамъ не каждую, и большею частію по отцу, какъ отца продразнить.

Въ Миргородѣ дѣвчата ровно ничего не значатъ, а парубки всеслыны, грубы въ обращеніи съ ними, даже въ известной степени нечестны, и всѣхъ вообще дѣвчатъ дразнить овцами—*шлѣнські візці—брррр*. Вообще говоря, Подоляне привѣтливѣе, развязнѣе, здоровѣе и больше развиты. Это я объясняю тѣмъ, что тамъ нѣтъ пацовъ—*дрібноти*, которые бы слѣдили каждый шагъ крестьянина (*). Не было тамъ и тайной экспедиціи. Далѣе тамъ народъ ничуть не сошелся съ солдатами и дѣтямъ своимъ не позволяетъ. Оттого тамъ разврата, сравнительно съ лѣвой стороною, можно—сказать, нѣтъ, и пѣсни прекрасны, цѣльны. Не такъ, какъ, напр., въ г. Миргородѣ, гдѣ поютъ

(*) На Подоли даже не употребляютъ слова крестьянинъ, какъ въ Гетманщинѣ—тамъ зовутъ себя *підданми*, а *кріпосними*—дворовыхъ.

просто чортъ знаетъ какія гадости, отвратительно слушать. Уже не говоря о языкѣ, который до крайности взломанъ на *москѳовське*, самое содержаніе безнравственно; иная пѣсня просто лишена смысла. Особенно это надо сказать о парубочнхъ пѣснахъ и тѣмъ болѣе гуртовхъ. Я не знаю, чѣмъ объяснить то, что парубки не стыдятся во все горло пѣть неприличныя пѣсни, даже въ присутствіи женщинъ. Это, должно быть, отзывается дружба съ солдатами... Нѣтъ, на Подоли не педоляшки, а чистые украинцы, безъ примѣси. Но возвратимся къ колодкамъ.

Обычай *віддавати колодки* имѣетъ связь съ *великопѣстнимъ пуцинемъ* или кажется, вѣрнѣе, съ *пуцинемъ* передъ *масницею* — точно сказать не могу. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ этихъ заговинъ парубки напимаютъ танцы для своихъ дѣвчатъ, и онѣ обязываются *віддати колодку* именно тому, кто танецъ напималъ. Какъ я сказалъ, можно отдавать и нѣсколько колодокъ, слѣд. нѣсколько парубковъ могутъ напимать танецъ для одной дѣвушки; но не все вразъ, а каждый порознь. По чтó же такое самая колодка?

Въ понедѣльникъ, на сырной недѣли, Подоляне празднуютъ *Колодія*. Этотъ *Колодій* (*) — *бабське свято*. Я видѣлъ, что для празднованія его сообраются у попадьи; ни священникъ, ни другой мужчина, на этомъ празднованіи не присутствуетъ. Не знаю, куда отнести обычай *зносити мітки попаді на колодія*, — къ позднѣйшимъ ли установленіямъ, или это остатокъ старой старины? Но носятъ *мітки* только въ томъ приходѣ, въ которомъ попадьа пользуется любовью *парафіянъ*. Колодій — не *ильнованця*: *льнуючи* попадьа въ старину сама ходила по хатахъ съ *пляшечкою*; теперь, когда уже позоромъ считаютъ сближеніе съ народомъ, — молодыя попадьи, посылаютъ довѣренную женщину и уже *безъ пляшечки* — а просто дай; на Колодія же молодиці сами сходятся къ попадѣ, которая дѣлаетъ для нихъ *учту*; на *ильнованця* ропшуть, жалуются, а Колодій празднуютъ съ радостью и недовольны молодыми попадьями, что онѣ и *Колодія* не *справляють*. Давно я былъ очевидцемъ этого празднованія и не помню причитаній — будто снится мнѣ, что поминаютъ коноплю. Какъ у себя дома празднуетъ народъ Колодія, не знаю; знаю только, что неженившемуся парубку, который попадется въ руки, молодиця, или и старуха, привязываетъ къ рукѣ или къ ногѣ

(*) Ножа *колодій* не-Подольски *колодичь*...

кусочекъ дерева,—преимущественно *качалку*, какъ бы въ наказаніе за то, что не женился. Это и называется *вязати колодку*. Кому привяжутъ колодку, тотъ долженъ *відкупити*сь — заплатитъ привязавшимъ, и того называютъ *нелюдянимъ*, *незвичайнимъ*, кто не *відкупи*тця. Привязать колодку могутъ только однажды въ годъ.

Легко понять, что оставшіеся отъ прошлаго года парубки, становятся ватажками вновь подростшихъ, какъ опытнѣйшіе. Не трудно понять и то, что они *заходя* только съ отборнѣйшими изъ дѣвчатъ и преимущественно съ оставшимися отъ прошлаго года. Разумѣется, мы не должны причислять сюда *вѣбірки*: бракованныя дѣвчата ждуть вдовцевъ. Подъ оставшимися отъ прошлаго года дѣвчатами, должно разумѣть тѣхъ, которыя не вышли замужъ по известнымъ видамъ своимъ или родительскимъ, а также еще очень молодыхъ. Этимъ-то парубкамъ и эти-то дѣвчата *віддають колодки*. Молодыя дѣвушки колодокъ *не віддають*, а молодые парубки не получаютъ ихъ — и очень просто — потому, что *на пущиня* они были незамѣчены, когда должаютъ на колодки.

Судя потому, что вяжутъ колодки неженившимся, что имъ же отдають ихъ, притомъ за прошлыя услуги, и тѣ дѣвчата, которыя прошлый годъ *дівували*, можно заключать, что Колодій есть остатокъ праздника любви. До весны парубки и дѣвчата какъ бы разъединяются; по связываетъ ихъ *колодка*. Отдачей колодки начинаютъ праздникъ весны и новую связь съ парубками. Если обратимъ вниманіе на содержаніе нѣкоторыхъ ганковъ, то окажется, что съ весны начинали мечтать о мужествѣ, слѣд. и о женитьбѣ. Поэтому можно предположить, что Колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна начальнымъ.

Обычай *віддати колодки* не есть что-либо выдѣляющееся изъ общаго хода празднованія; но не выдѣляясь самъ, онъ не препятствуетъ и другимъ обычаямъ идти своимъ чередомъ, и составляетъ только одну изъ частей Великодной обрядности. Притомъ онъ, какъ видимъ, принадлежитъ обоимъ поламъ, соединяетъ ихъ обязательствами. Между тѣмъ, все остальное строго дѣлится на двое — на *парубоче* и на *дівоче*.

Для празднованія Великодня, сходятся въ церковную ограду — на *цвинтарь*. Только первый день, впрочемъ, празднуютъ на *цвинтарі* — всѣ безъ исключенія; на второй уже собираются въ шпнокъ, и только не многіе — на *цвинтарь*; на третій день — кто въ шпнокъ идетъ,

а кто и дома сидит. Разумеется, здесь речь идет про молодежь. В давнее время, говорят, праздновали долбе вообще и долбе в церковной ограде; но теперь панщина и т. п. ослабила этот обычай и стала праздновать в три дня светлой недели — **Великого тижня**.

Ана Свидницкий:

(Следует продолжение)

... (The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a continuation of the article or a separate entry.)

ОТВѢТЪ

КІЕВСКОЙ КОМИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, приступая къ изданію собранныхъ ею историческихъ матеріаловъ, неоднократно приглашала публику содѣйствовать ея трудамъ доставленіемъ актовъ, а также указаніемъ и открытіемъ историческихъ матеріаловъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, вмѣсто содѣйствія, Коммиссія, по выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Руси, встрѣтила въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ клеветы и обвиненія ея членовъ въ недобросовѣстности, не имѣющія никакого основанія. Не смотря на то, мы считаемъ долгомъ благодарить нашихъ критиковъ, такъ-какъ ихъ обвиненія подали намъ поводъ объяснить съ большею точностію цѣль и направленіе Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть ложныя мнѣнія, изложенныя въ статьяхъ нашихъ обвинителей.

Въ 1860 году, Коммиссія, заботясь о возможной полнотѣ и разносторонности своихъ изданій, исходатайствовала своему главному редактору г. Иваишеву разрѣшеніе отправиться въ Варшаву, для извлеченія историческихъ матеріаловъ изъ Главнаго Архива Царства Польскаго. По этому поводу, г. Совинскій напечаталъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ слѣдующее извѣстіе: «сюда (т. е. въ Кіевъ) возвратился изъ ученой поѣздки въ Царство Польское профессоръ Иваишевъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи. Онъ хвалится огромнымъ приобрѣтеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи Рѣчи Посполитой. Набогатѣйшій рудникъ онъ нашелъ въ Піотровѣ. Г.—цъ

Иванишевъ—любитель судебныхъ скандаловъ. Въ своихъ поспѣхахъ онъ особенное обращаетъ вниманіе на тѣ жалобы и манифестаціи, которыя подавались противъ давняго польскаго правительства; книгъ декретовыхъ избѣгаетъ какъ огня. ¹⁾

Во всемъ этомъ извѣстїи г. Совинскаго нѣтъ ни одного слова правды. Г. Иванишевъ не только не открывалъ никакого рудника въ Пиотрковѣ, но даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Г. Иванишевъ никогда не хвалился огромнымъ приобрѣтеніемъ документовъ; извѣстїе о его открытіяхъ только недавно было напечатано въ отчетѣ университета Св. Владимира за 1860—61 учебный годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, что г. Иванишевъ, во время трехлѣтней командировки въ Варшаву, рассмотрѣлъ 220 книгъ Метрики Короной и Трибунала Люблинскаго и извлекъ изъ нихъ матеріалы для исторїи церкви въ Югозападной Руси, для исторїи мѣстной администраціи, акты о Козакахъ, жалованныя грамоты Киеву, Чернигову, Владиміру-Волынскому и войтамъ Кіевскимъ, также ревизїи нѣкоторыхъ городовъ и староствъ. Изъ этихъ актовъ уже напечатаны во II-й части Архива, издаваемого Коммиссіею: договоръ дворянъ Волынскихъ о защитѣ Люблинскаго православнаго братства, два бреве папы Климента VIII, статьи, постановленныя на избирательномъ сеймѣ 1632 г. для успокоенія православной церкви, списокъ западнорусскихъ дворянъ, присутствовавшихъ на этомъ сеймѣ; прочіе акты будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ изданїяхъ Коммиссіи. Неужели всѣ означенныя акты, открытыя г. Иванишевымъ, можно назвать юридическими скандалами?

Что касается до книгъ декретовыхъ, отъ которыхъ г. Иванишевъ, по выраженію г. Совинскаго, бѣжитъ какъ отъ огня, то подъ этимъ названіемъ разумѣются тѣ акты книги, въ которыя вносились судебныя дѣла и состоявшіяся по этимъ дѣламъ судебныя рѣшенія, или декреты. Такими судебными дѣлами и декретами наполненъ почти весь второй томъ изданнаго г. Иванишевымъ въ 1849 году сборника подъ заглавіемъ: Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Нѣсколько такихъ же судебныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ декретами, помѣщено въ I-й части Архива Югозападной Руси. Если г. Совинскому извѣстны декретовыя книги, которыхъ боится Коммиссія или ея главный редакторъ, то благороднѣе было-бы съ его стороны публ-

¹⁾ Виленскій Вѣстникъ 1860 г., № 73, стр. 703.

ковать объ этомъ съ большею опредѣленностію, обозначивъ, что онъ разумѣетъ подъ декретовыми книгами, и гдѣ эти книги находятся. Коммиссія почла—бы долгомъ воспользоваться указаніемъ г. Совинскаго; а до-тѣхъ—поръ мы имѣемъ право считать его объявленіе умышленною клеветою.

По выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива Югозападной Руси, достойнымъ продолжателемъ ложныхъ обвиненій, вымышленныхъ на редактора Коммисіи г. Совинскимъ, явился г. Падалица (Зенонъ Фишъ, какъ объявлено въ Варшавской Библіотекѣ 1861 г. № 6, стр. 716).

Г. Падалица, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 30, обвиняетъ Коммиссію въ томъ, что ея трудами управляетъ духъ пристрастія, изображающій историческую жизнь Польши только съ невыгодной стороны, что Коммиссія питаетъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство и даетъ публичъ выборки изъ актовъ, удовлетворяющіе не столько требованіямъ исторіи, сколько личнымъ предубѣжденіямъ членовъ Коммисіи. Такія обвиненія въ намѣренномъ искаженіи истины и въ недоброжелательствѣ, направленные противъ ученаго общества, заключающаго въ своемъ составѣ профессоровъ университета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, могли родиться только въ челоуѣкѣ, не знающемъ Польской исторіи и ослѣпленномъ ложнымъ патріотизмомъ.

Коммиссія предвидѣла, что, издавая акты, изображающіе политическую и религіозную борьбу двухъ національностей, она можетъ обнаружить такіе факты, которые покажутся странными и даже невероятными людямъ, составившимся въ ложныхъ историческихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ древней Польши и о томъ блаженствѣ, какимъ наслаждались народы, входившіе въ составъ Рѣчи-Посполитой. Поэтому, для устранения упрека въ пристрастіи и односторонности, Коммиссія, приступая къ изданію Архива Югозападной Руси, приглашала всѣхъ, кому понятна важность отечественной исторіи, сообщать ей историческіе матеріалы ¹⁾. Эта же просьба повторена была, при изданіи II-й части Архива. Коммиссія приглашала всѣхъ и каждого свѣрять изданные ею акты съ подлинниками, хранящимися въ Центральномъ Архивѣ и обязывалась вносить въ свои изданія всѣ древніе

¹⁾ Архивъ Югозападной Россіи, т. I, стр. IX.

акты, на которые ей указать, или которые будутъ ей доставлены, не обращая вниманія ни на какіе національные интересы ¹⁾.

На это приглашеніе Коммиссіи не отозвался ни одинъ изъ ея порицателей. На какомъ же основаніи г. Падалица и его сподвижники обвиняютъ Коммиссію въ томъ, будто она выбираетъ и печатаетъ только акты, невыгодные для Поляковъ и соответствующіе личнымъ предубѣжденіямъ ея членовъ, и что члены Коммиссіи питаютъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство? Г. Падалица ссылается на общее убѣжденіе ученыхъ, которые имѣли случай ближе познакомиться съ историческими сокровищами, хранящимися въ стѣнахъ университета. Если-бы г. Падалица дѣйствительно интересовался открытіемъ исторической истины, то, вмѣсто недоказанныхъ обвиненій, просилъ-бы своихъ ученыхъ пріятелей указать на тѣ акты Центрального Архива, которые не напечатаны Коммиссіею, по пристрастію и ненависти къ Польшѣ; этимъ онъ уличилъ-бы Коммиссію въ недобросовѣстности и оказалъ-бы услугу отечественной исторіи; а до тѣхъ поръ, пока г. Падалица будетъ основывать свое обвиненіе на однихъ слухахъ, мы имѣемъ право его самого и его ученыхъ друзей считать клеветниками.

Г. Падалица говоритъ, что, для обнаруженія пристрастія и односторонности Коммиссіи, дворянство возымѣло мысль опредѣлить въ Центральный Архивъ одного изъ своихъ членовъ, который-бы издавалъ акты независимо отъ Коммиссіи. Мы можемъ увѣрить г. Падалицу, что эту мысль возымѣли первоначально не дворяне, а нѣкоторые изъ членовъ Коммиссіи.

Въ 1859 г., предсѣдатель Коммиссіи, Юзефовичъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній ассигновать сумму на жалованье редактору, который избирался-бы дворянствомъ изъ извѣстныхъ ему польскихъ ученыхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался разборомъ актовъ въ Центральномъ Архивѣ и изданіемъ ихъ въ свѣтъ. Это предложеніе было одобрено дворянами и доведено предсѣдателемъ Коммиссіи до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальника, который изъявилъ на то полное свое согласіе. Въ прошедшемъ 1860 г., главный редакторъ Коммиссіи, г. Ивашишевъ, по просьбѣ Кіевского уѣзднаго предводителя дворянства, г. Бутовича,

¹⁾ Тамъ-же, ч. II, т. I., стр. XI.

составилъ, по этому же предмету, записку, для представленія дворянскому собранію. Въ этой запискѣ предположено, чтобы дворяне Кіевской, Подольской и Волинской губерній, сверхъ редактора, избирали четырехъ окончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, которые—бы, занимаясь въ Центральномъ Архивѣ, подъ руководствомъ редактора, участвовали въ изданіяхъ Коммисіи и вмѣстѣ съ тѣмъ причалясь къ разработкѣ отечественной исторіи, на основаніи подлинныхъ документовъ. Дворянство Кіевской губерніи опредѣлило ассигновать для этого 1500 руб. ежегодно; но дѣло остановилось только потому, что дворяне Подольской и Волинской губерній до-сихъ-поръ не постановляли, по этому предмету, никакого рѣшенія. Въ справедливости нашихъ словъ мы ссылаемся на г. Бутовича и извѣстнаго польскаго литератора Михаила Грабовскаго, которые принимали въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Съ редакторомъ Коммисіи г. Падалица сражается не равнымъ оружіемъ. Редакторъ Коммисіи основываетъ свои выводы на открытыхъ имъ постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, на актахъ Метрики Коропной и Трибунала Люблинскаго, на актахъ Метрики Литовской, на сеймовыхъ конституціяхъ и на сочиненіяхъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Г. Падалица отвѣчаетъ на все это бранью, обвиняетъ редактора въ односторонности и пристрастіи, не считая нужнымъ подтверждать своихъ словъ никакими доказательствами. Въ какой степени полезна для науки и прилична подобнаго рода критика, мы предоставляемъ судить читателямъ.

Всѣ эти обвиненія происходятъ главнымъ образомъ оттого, что г. Падалица не понималъ значенія статей, помѣщаемыхъ предъ каждымъ томомъ актовъ, издаваемыхъ Коммисіею. Цѣль и объемъ этихъ статей объяснены въ предисловіи къ 1-му тому первой части Архива. Тамъ сказано, что, въ началѣ каждого тома, Коммисія предполагаетъ помѣщать изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ издаваемыхъ актахъ и которыми обогащается отечественная исторія¹⁾. Изъ этого видно, что статья редактора Коммисіи, на которую нападаетъ г. Падалица, имѣетъ цѣлю изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и поэтому эта статья не можетъ считаться законченнымъ историческимъ

¹⁾ Архивъ Югозападной Россіи ч. I, т. I, стр. IX.

очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія. Если съ этой точки смотрѣть на статьи редактора Коммиссіи, помѣщаемыя въ началѣ каждаго тома актовъ, то упреки въ односторонности будутъ совершенно несправедливы.

Чтобъ доказать односторонность и пристрастіе Коммиссіи, г. Падаллица прибѣгаетъ къ средствамъ, недозваннымъ ни въ какой литературѣ, приписывая редактору Коммиссіи мысли, противныя здравому смыслу. Такъ г. Падаллица утверждаетъ, будто, по мнѣнію редактора Коммиссіи, Люблинской униі никто не хотѣлъ, и что она никому не была нужна ¹⁾. Стоять только прочесть слѣдующія слова редактора Коммиссіи, чтобъ удостовѣриться, съ какою недобросовѣстностью г. Падаллица искажаетъ мысли автора: «присоединеніе югозападной Руси къ Польшѣ,» говоритъ редакторъ Коммиссіи, «поставленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партією западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами» ²⁾. Предоставляемъ каждому судить, въ какой степени эта мысль похожа на ту, которую г. Падаллица приписываетъ редактору Коммиссіи.

Мы не понимаемъ, отъ чьего имени говоритъ г-нъ Падаллица, упрекая Коммиссію въ пристрастіи и недоброжелательствѣ. «Труды Коммиссіи,» говоритъ онъ, «изображаютъ только съ дурной стороны наше прошедшее» ³⁾. Акты, напечатанные Коммиссіею въ Архивѣ, изображаютъ съ дурной стороны: жалкое состояніе западно-русской православной іерархіи ⁴⁾, грубость и жестокіе поступки западно-русскихъ дворянъ ⁵⁾, разбойническій духъ козачества ⁶⁾, дѣйствія Римской пропаганды и происки іезуитовъ, самовластіе польскихъ аристократовъ и релігіозный фанатизмъ короля Сигизмунда III. Не знаемъ, къ какому изъ этихъ сословій причисляетъ себя г. Падаллица. Но если, подъ словомъ *наше* прошедшее, онъ разумѣетъ прошедшую судьбу польскаго народа и принимаетъ на себя роль его защитника отъ на-

¹⁾ Виленскій Вѣстникъ 1860 г. № 30, стр. 286.

²⁾ Арх. ю. з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIII.

³⁾ Виленскій Вѣстн. 1861 г., № 30, стр. 286.

⁴⁾ Ар. ю. з. Р. ч. I, т. I, стр. 7—13, 29, 152, 159 и друг.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 163, 189, 257, 286, 311 и др.

⁶⁾ Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. 118, 136, 230 и 277.

надеи Комиссии, то онъ жестоко ошибается, и трудъ его совершенно напрасенъ,—потому—что въ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ Комиссiею въ Архивѣ, онъ не найдетъ ни одной строчки, оскорбительной для Польскаго народа.

Негодование, съ какою смотрятъ нѣкоторые изъ отсталыхъ польскихъ патриотовъ на труды Комиссии, происходитъ преимущественно оттого, что они поверхностно знаютъ польскую исторiю. Настоящіе польскіе ученые, изучавшіе исторiю своего отечества во всей глубинѣ и обширности, по несомнѣннымъ памятникамъ, во многомъ сходны въ результатахъ своихъ изслѣдованій съ выводами, вытекающими непосредственно изъ актовъ, издаваемыхъ Комиссiею. Для примѣра возьмемъ исторiю Морачевского ¹⁾, родовитаго Поляка и пламеннаго польскаго патриота, жертвовавшего для своего отечества жизнь и имущество. Въ краткомъ жизнеописаніи этого ученаго сказано, что онъ долго готовился къ своему труду, приобрѣталъ для своей библіотеки самыя рѣдкія сочиненія, прилежно изучалъ писателей, современныхъ каждой эпохѣ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ, усердно работалъ надъ правомъ польскимъ и, для исторiи обычаевъ и просвѣщенія въ Польшѣ, много заимствовалъ матеріаловъ изъ польскихъ конституцій и литовскихъ статутовъ ²⁾. Польская исторiя, написанная Морачевскимъ, заслужила восторженные похвалы Делевеля, который находитъ въ этомъ сочиненіи вѣрное изображеніе исторiи Польши, проникнутое безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству (з). Возьмемъ нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго, касающіяся польской исторiи, и сравнимъ съ ними свѣдѣнія, заключающіяся въ изданіяхъ Комиссии.

Редакторъ Комиссии, основываясь частью на открытыхъ имъ матеріалахъ, частью на актахъ, извлеченныхъ ученымъ Дзюльскимъ изъ Метрики Литовской ⁴⁾, и на сеймовыхъ конституціяхъ, вывелъ заключеніе, что въ 1386 году, соединеніе Литвы и Югозападной Руси съ Польшею имѣло чисто—федеративный характеръ, вслѣдствіе котораго каждое изъ соединенныхъ государствъ, находясь подъ властію одного государя, должно было сохранять *главныя условія политической самостоятельности* ⁵⁾. Морачевскій идетъ гораздо далѣе: онъ

¹⁾ Dzieje Rzeczy Pospolitej Polskiej. Poznan, 1833.

²⁾ Moraczewski, Dzieje Rz. Pols. T. IX, стр. XXII.

³⁾ Тамъ-же, т. IX, стр. XXX.

⁴⁾ Zbiór praw Litewskich. Poznan, 1841.

⁵⁾ Архивъ, ч. II, т. I, стр. XVIII.

утверждаетъ, что *соединеніе Литвы съ Польшею было только кажущееся, а не дѣйствительное*, и что оно вѣрнѣе можетъ быть названо *договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ противъ могущественнаго Нѣмецкаго Ордена* ¹⁾.

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видны всѣ невыгоды избирательнаго образа правленія, ярко выступавшія особенно во время междуцарствія ²⁾. Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «при выборѣ короля, только малое число честныхъ пановъ руководствовалось любовью къ отечеству и внутреннимъ убѣжденіемъ; большинствомъ управлялъ матеріальный интересъ, опутываемый дипломатическими тонкостями, и давалъ избранію то или другое направленіе. Низшая шляхта трубила въ трубу своихъ милостивыхъ пановъ, рубилась и убивала изъ пулаковъ, потому что панъ, одержавшій побѣду при избраніи короля и содѣйствовавшій къ возведенію его на престолъ, возвышалъ не только себя, но и своихъ придворныхъ, доставляя имъ въ управленіе и пользованіе государственныя имѣнія ³⁾. По смерти короля, затворялись храмы правосудія, и даже не было никого, кто-бы, по закону, могъ захватить преступника на мѣстѣ преступленія. Поэтому, злые люди, пользуясь этимъ временемъ, принимались за грабежи, поджоги и разбои; словомъ, одна безправная сила властвовала. Междуцарствіе было мрачнымъ событіемъ для всѣхъ честныхъ людей и для цѣлаго общества» ⁴⁾.

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видно, что въ XVII вѣкѣ Посольская Изба, выражавшая голосъ провинціального дворянства, потеряла всякое значеніе, и что на желанія республики, выраженные въ инструкціяхъ дворянства, не было обращено надлежащаго вниманія ⁵⁾. Этотъ самый недостатокъ замѣчаетъ и Морачевскій, изображая законодательную власть сейма: «сеймъ, бывшій въ 1638 году, оказался весьма бурнымъ. Роптали на то, что шляхта напрасно совѣщается въ своей Избѣ, потому что сенатъ постановляетъ, отдѣльно отъ Посольской Избы, все, что ему угодно. Онъ издаетъ законы, но не публикуетъ ихъ установленнымъ порядкомъ и обращаетъ ни во что самыя

¹⁾ Moraczewski, Dz. R. P. Pols. T. II, 181.

²⁾ Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXVI и XXVII.

³⁾ Moraczewski, Dz. Rz. Pol. T. VI, p. 147.

⁴⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 221.

⁵⁾ Архивъ, ч. II, т. I, стр. XXV.

лучшія постановленія Избы Посольской. Изъ этого выходитъ, что *Речь Посполитая даже и не знаетъ, подъ какими законами живетъ она*¹⁾.

Въ статьѣ редактора Комиссіи, изображающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, сказано: «великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, ими причиняемое, ничѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволю, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоянно и контрибуціямъ. Выведенные изъ тергѣнія дворяне волынскіе поручали, въ 1649 году, посламъ своимъ спросить на Варшавскомъ сеймѣ: *«доло-ли отчизна наша къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои и доло-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ»*²⁾.

Объ этомъ-жъ самомъ предметѣ читаемъ у Морачевского: «въ 1634 году, весело, говоритъ Альбертъ Радзивилъ, возвращалось войско наше въ отечество, но невесело отчизна принимала его,—потому что жолнеры на походѣ, хуже непріятеля, опустошали дворянскія, церковныя и королевскія земли. Они вымогали деньги, брали непомѣрные провіанты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что *бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, запрягали въ возы, погоня ихъ клями и канчуками*. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе Татары имѣютъ болѣе любви и состраданія къ ближнему, чѣмъ иногда наши. Особенно Литвѣ дали себя знать Поляки»³⁾.

Издашыя Комиссіею акты изображаютъ въ жалкомъ видѣ состояніе Югозападной Руси, по присоединеніи этого края къ Польшѣ. Морачевскій, описывая войны Хмельницкаго, касается этого предмета слѣдующими словами: «казалось, наступила для Поляковъ пора дать отвѣтъ за смертельный въ политическомъ отношеніи грѣхъ, состоявшій въ томъ, что они, со времени возшествія на престолъ Сигизмунда III, упустили изъ виду понятіе о справедливости. Смѣшавъ политику съ теологіей, проникшись латинскимъ фанатизмомъ, они попирали религію и права равноправной Руси, которая только братствомъ,

¹⁾ Moraczewski. Dz. Rz. Pols. T. VII, стр. 352.

²⁾ Архив. ч. II. т. I, стр. XXXII.

³⁾ Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk., T. VII, стр. 310.

а не превосходствомъ силы, соединилась съ Рѣчью Посполитою, Русь, которая сильно увеличила могущество Польши и считала свое вѣроисповѣданіе также святымъ, какъ Поляки римско-католическое¹⁾.

Вотъ какъ пишетъ о давней Польшѣ настоящій Полякъ, ревностный патріотъ и истинный ученый. Теперь мы спросимъ нашихъ обвинителей: чѣмъ эта картина, нарисованная г. Морачевскимъ, свѣтлѣе той, какую представляютъ намъ издаваемые Коммиссіею акты, и не въ правѣ-ли мы повторить, что все негодование отсталыхъ польскихъ патріотовъ имѣеть своимъ источникомъ незнаніе отечественной исторіи?

Къ нашему удивленію, рассмотрѣнная нами статья г. Падалицы, наполненная грубыми ошибками и ложными, ни на чемъ не основанными обвиненіями, была перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, газетѣ академической, съ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя мысли, въ этой статьѣ изложенныя, не лишены основанія²⁾.

Въ помощь г. Падалицѣ, явилась въ апрѣльской книжкѣ *Современника*, критика на изданный Коммиссіею I-й томъ второй части Архива Югозападной Руси. Безыменный критикъ, разбирая это изданіе, заподозрилъ Коммиссію въ какихъ-то, какъ онъ выражается, заднихъ дѣлахъ. Это подозрѣніе г. критика опровергается тѣмъ, что означенное выше изданіе, заключающее въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, было предположено уже въ 1859 году и вошло въ планъ, начертанный Коммиссіею для Архива Югозападной Руси и объявленный для всеобщаго свѣдѣнія³⁾. Коммиссія, принимая изданіе означенныхъ выше матеріаловъ, имѣла не какую нибудь заднюю, а ту же самую цѣль, какъ и при изданіи другихъ историческихъ матеріаловъ, именно разъясненіе исторіи Югозападной Руси, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Предсѣдатель Коммиссія, г. Юзефовичъ, въ своемъ объясненіи, приложенномъ къ означенному выше изданію, изъявлялъ готовность содѣйствовать каждому, кто пожелалъ-бы повѣрять изданія Коммиссія съ оригиналами, хранящимися въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, обязываясь печатать каждый, открытый послѣдователемъ актъ, свидѣтельствующій въ пользу польскаго начала въ югозападной Руси⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 127.

²⁾ С. Петербургскія Вѣдомости 1861 г., № 170.

³⁾ Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. XI.

⁴⁾ Архивъ, ч. I, т. I, стр. VIII.

Этимъ словамъ критикъ далъ совершенно-ложное толкованіе. Онъ полагаетъ, будто, безъ дозволенія председателя Комиссіи, нельзя никому дѣлать справки въ Центральномъ Архивѣ, и разсуждаетъ о неудобствѣ обращаться къ председателю Комиссіи, прибавляя, что не всякій рѣшится высказывать недовѣрчивость къ Комиссіи, состоящей при высшемъ мѣстномъ начальникѣ. Считаемо долгомъ увѣрить читателей, что всѣ эти разсужденія не имѣютъ никакого основанія.

Центральный Архивъ есть установленіе совершенно отдѣльное отъ Кіевской Комиссіи для разбора актовъ и находится въ завѣдываніи Правленія Университета Св. Владиміра. Для членовъ Комиссіи открытъ входъ въ Архивъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и для всѣхъ другихъ лицъ. Желающіе пользоваться актовыми книгами прямо обращаются къ начальнику Архива и могутъ дѣлать повѣрки и выписки, не обращаясь къ председателю Комиссіи и нисколько не опасаясь вышшаго мѣстнаго начальства. Чтобъ облегчить повѣрку изданныхъ Комиссіею актовъ съ оригиналами, критикъ *Современника* совѣтуетъ размѣстить всѣ издашныя уже Комиссіею дѣла въ рукописяхъ, съ которыхъ они напечатаны, въ шкафахъ за номерами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ изданіи, и предоставить каждому приходить и повѣрять. Такой совѣтъ можетъ давать только тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ архивовъ.

Каждый архивъ слѣдуетъ опредѣленному порядку въ размѣщеніи книгъ и рукописей. Какое же право имѣетъ Комиссія требовать, чтобы для нея былъ нарушаемъ установленный въ архивѣ порядокъ? Притомъ, распределеніе рукописей сообразно съ изданіями Комиссіи было-бы совершенно излишнимъ, потому-что подъ каждымъ актомъ, напечатаннымъ въ изданіяхъ Комиссіи, означено, въ какой книгѣ и на какой страницѣ находится отыскиваемый актъ. По этому указанію, рукопись немедленно отыскивается и вручается, безъ всякихъ затрудненій, требователю. Въ справедливости всего нами сказаннаго, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Мнѣніе критика насчетъ состоянія Югозападной Руси подъ владычествомъ Польши во многомъ согласно съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ актовъ, изданныхъ Комиссіею. Критикъ предполагаетъ извѣстнымъ и даже слишкомъ извѣстнымъ, что въ западной и южной Руси существовала боязнь и оппозиція противъ окончательнаго соединенія съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ, что соединеніе послѣдовало съ гарантіею вѣры, языка и обычая со стороны Польши,

и что, вслѣдъ затѣмъ, начались іезуитскія махинаціи противъ вѣры, дворянство передѣлалось въ Поляковъ и католиковъ, а угнетеніе народа произвело козацкую революцію, что понятіе о равенствѣ гражданскихъ правъ сосредоточилось на одномъ шляхетскомъ классѣ, а остальная масса была повержена въ крайнее порабощеніе¹⁾.

Соглашаясь во всемъ этомъ къ Коммиссію, критикъ *Современника*, вслѣдъ за г. Падалицею, все—таки упрекаетъ ее въ пристрастіи и односторонности, требуя, чтобъ она изобразила вѣрную и подробную картину состоянія края и народнаго быта до соединенія съ Польшею, чтобъ она представляла совокупность понятій, убѣжденій, вѣрованій—всего, что входило въ кругъ тогдашняго народнаго образованія²⁾. Мы уже замѣтили выше, въ какой степени такое требованіе несправедливо. Для устраненія подобныхъ упрековъ и притязаній на будущее время, мы повторяемъ, что Коммиссія не имѣетъ своею задачею писать полную исторію Польши и Югозападной Руси, а издаетъ только историческіе матеріалы, излагая ихъ содержаніе въ статьяхъ, предлагаемыхъ къ каждому тому.

Издавая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, Коммиссія полагала, что она этимъ изданіемъ доставляетъ исторіи несомнѣнныя свѣдѣнія, изображающія общественный бытъ Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Не такъ думаетъ критикъ *Современника*: онъ полагаетъ, что нельзя вѣрно представить бытъ страны, по памятникамъ повседневной общественной письменности края, пользовавшагося свободою слова, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на Англію. Еслибы, говоритъ критикъ, собрать все дурное, что Англичане пишутъ и говорятъ о себѣ, то Англія представлялась—бы самою печальною въ мірѣ страню³⁾.

Приведенный критикомъ примѣръ Англичанъ нисколько не уменьшаетъ исторической важности и достовѣрности результатовъ, вытекающихъ изъ сеймовыхъ постановленій. Англичане стараются разъяснить свое прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, не увлекаясь ложнымъ патриотизмомъ, не боясь отыскивать дурныя стороны въ исторіи своего народа. Для этого они пользуются всѣмъ возможнымъ памятниками, отечественными и иностранными, частными и офиціальными, лишь—бы

¹⁾ Современникъ 1861 г., № IV, стр. 441.

²⁾ Тамъ—же, стр. 443.

³⁾ Тамъ—же, стр. 441.

только эти памятники были достовѣрны. Доказательствомъ можетъ служить исторія Маколея, въ которой самыми черными красками изображается продажность парламента, безсовѣстность судей, релігіозная нетерпимость государей и поразительная испорченность высшаго сословія.

Изображая состояніе парламента при Вильгельмѣ III, англійскій историкъ говоритъ, что въ вѣдомствѣ государственнаго казначейства состояло особое бюро, гдѣ члены парламента открыто продавали свои голоса правительству, и что существованіе этого бюро также хорошо было извѣстно каждому Англичанину, какъ существованіе рынка для продажи скота въ Смитфилдѣ.

Актовые книги XVII вѣка, въ которыхъ вписывались политическія судебныя дѣла, составляютъ, по мнѣнію Маколея, самую ужасную лѣтопись низости и разврата, какая только можетъ существовать на свѣтѣ. Король, чтобъ забавиться отъ противурѣчившихъ ему безпокойныхъ сановниковъ, употреблялъ клятвенпреступныхъ свидѣтелей, забраченныхъ, по его произволу, присяжныхъ и продажныхъ наглыхъ судей. До революціи 1688 года, суды въ Англии были грязными бойнями, куда каждая партія тащила поочередно своихъ противниковъ, и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, торн или вигъ, священникъ или ольдерманъ, все было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь-бы была возможность наживать деньги и проливать кровь. При такомъ состояніи судовъ, ничего итъ удивительнаго, что въ царствованіе одного Генриха VIII, современника польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, 27,000 людей погибло отъ руки палача.

Релігіозная нетерпимость королевы Елисаветы, современницы Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III, простиралась до того, что отправленіе богослуженія, по обрядамъ римско-католической церкви, запрещалось подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и тюремнаго заключенія; а если кто обращалъ протестанта въ римско-католическую вѣру, то совратитель и совращенный подвергался смертной казни, какъ за государственную измѣну.

Изображая испорченность англійскаго общества при Карлѣ II, современникъ Яна Казимира, Маколей говоритъ: «распутство стало доказательствомъ преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило прав-

ственность самых вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всё отрасли литературы. Кутежи того вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой-нибудь шайки разбойниковъ, шпрующихъ въ кабаки съ своими красавицами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, какая-то визость и грязность, которыми вѣчто подобное можно найти развѣ у героевъ и героинь грязной, безчувственной литературы, поощрявшей подобныя явленія.

Вотъ какъ описываетъ великій англійскій историкъ состояніе своего отечества, на основаніи официальныхъ актовъ и сказаній своихъ соотечественниковъ! Въ сравненіи съ этою картиною, изображеніе Рѣчи Посполитой, составленное редакторомъ Кіевской Комиссіи, на основаніи сеймовыхъ постановленій, является только блѣдною тѣнью; а между тѣмъ, никто изъ Англичанъ не думаетъ упрекать Маколея въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, а напротивъ, его исторія пользуется огромною популярностію. Такъ станемъ-же подражать Англичанамъ и ихъ великому историку, не будемъ сердиться за правду, какъ-бы ова горька ни была, но будемъ выводить на свѣтъ божій все, что было хорошаго и дурнаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Этимъ только путемъ мы достигнемъ истиннаго самопознанія; а самопознаніе есть первое условіе мпрнаго прогресса, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Критикъ *Современника*, согласно съ г. Падалцею, особенно нападаетъ на мнѣіе, высказанное редакторомъ Комиссіи насчетъ присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ. Но это мнѣіе критикъ *Современника* передаетъ не совсѣмъ вѣрно, приписывая редактору Комиссіи мысль, что Люблинская унія была истиннымъ *всѣмъ* бѣдствіемъ Югозападной Руси, единственною причиною всего, что только было дурнаго въ этомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкѣ, и что будто бы эта мысль есть единственный предметъ, на которомъ сосредоточено все вниманіе сочинителя. Такое обвиненіе доказываетъ только, что критикъ не вникнулъ въ содержаніе статьи редактора Комиссіи. Въ этой статьѣ опредѣляется, во-первыхъ, федеративный характеръ соединенія Литвы и Югозападной Руси съ Польшею въ 1385 году; затѣмъ слѣдуетъ Люблинская унія и ея послѣдствія; потомъ изображается борьба западнорусскаго дворянства за русскій языкъ и православію вѣру, наконецъ причины, содѣйствовавшія къ полоизвращенію западнорусскаго дворянства и къ ослабленію южно-русскихъ элементовъ

въ этомъ сословіи. На каждый изъ этихъ предметовъ обращено вниманіе, и о каждомъ изъ нихъ изложены главнѣйшія свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ Коммиссіею и пополненныхъ другими источниками.

Обвиненіе редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ считаетъ Люблинскую унию источникомъ *всѣхъ* бѣдствій и *всего* дурнаго въ Юго-западной Руси, совершенно несправедливо. Невыгоды, какимъ подвергся этотъ край, извлечены редакторомъ изъ сеймовыхъ постановленій и подробно перечислены, на основаніи жалобъ западнорусскаго дворянства. Эти невыгоды заключались въ своеволіи магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, въ несправедливой раздачѣ староствъ и высшихъ государственныхъ должностей, въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ власти судебной и исполнительной, въ неистовствахъ жезнеровъ и въ преслѣдованіи православной религіи ¹⁾. Всѣ эти невыгоды изображены со словъ дворянства, излагавшаго свои мысли въ инструкціяхъ посламъ, отправлявшимся на генеральный Варшавскій сеймъ. Излагая жалкое положеніе края послѣ Люблинской унии, редакторъ Коммиссіи представилъ выписку изъ сеймоваго постановленія, въ которой дворянство вольнское изображаетъ свое положеніе мрачными красками. Это сеймовое постановленіе относится къ 1622 году. Къ-несчастью, вмѣсто 1622, по ошибкѣ напечатанъ 1522 годъ. Эта опечатка подала поводъ критику *Современника* обвинить редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ намеренно искажаетъ историческую истину, потому что, изображая невыгоды Люблинскаго соединенія, бывшаго въ 1569 году, онъ заимствуетъ доказательства изъ времени, далеко предшествовавшихъ этому событію, то - есть изъ акта 1522 года. Еслибы критикъ *Современника* основательно зналъ исторію, то онъ легко догадался бы, что 1522 годъ напечатанъ по ошибкѣ, такъ-какъ въ этомъ году провинціальныя сеймы въ Югозападной Руси еще не существовали; притомъ же, стоило только критику взглянуть на выноски, помѣщенную подъ текстомъ ²⁾, и онъ увидѣлъ бы, что означенная выше выписка заимствована изъ сеймоваго постановленія 1622 года.

О самомъ Люблинскомъ сеймѣ, на которомъ постановлено было соединеніе Польши съ Югозападною Русью, критикъ имѣетъ невѣрное

¹⁾ Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXIV.

²⁾ Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXXIII.

понятіе. Коммиссія напечатала открытый сю въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ универсалъ, которымъ король Сигизмундъ Августъ повелѣлъ дворянству согласиться на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая непослушнымъ конфискаціею имѣнія. Тамъ же приложенъ и присяжный листъ, изъ котораго видно, что весьма значительное число дворянъ и притомъ представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, не явился къ присягѣ, несмотря на угрозу ¹⁾. Изъ этого весьма естественно выводится заключеніе, что присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ нельзя назвать добровольнымъ, такъ какъ оно вышуждено было королевскою угрозою. Критикъ *Современника* смотритъ иначе на это обстоятельство. Онъ полагаетъ, что означенный выше универсалъ есть только актъ распорядительный, понуждающій къ исполненію того, что уже было рѣшено законодательною властію сейма. Стоитъ только взглянуть въ акты, относящіяся къ Люблинскому сейму, напечатанныя въ Volumina Legum, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія. Означенный выше универсалъ данъ былъ королемъ 25 мая 1569 года. На другой день, то есть 26 мая 1569 года, когда дворяне не могли еще получить этого универсала, подписана была королевская грамота о присоединеніи земли Волинской къ Польшѣ. Сигизмундъ Августъ объявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ присоединяетъ землю Волинскую къ Польшѣ, по собственному замышленію и по доброй своей волѣ (z pewney wiadomości naszej, a z woli urzeczywey a osobliwey), съ добровольнаго согласія всѣхъ сословіи земель Волинской ²⁾. Универсалъ 1569 г. мая 25, напечатанный Коммиссіею, тѣмъ и важенъ, что онъ совершенно опровергаетъ эту послѣднюю фразу короля о мнимомъ согласіи дворянства и тѣмъ самымъ подрываетъ то основаніе, на которомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ утвердить предпринятое имъ, по произволу, безъ участія сейма, соединеніе Польши и Югозападной Руси. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 11 августа 1569 года, королевская воля была утверждена Люблинскимъ сеймомъ ³⁾. Изъ этого ясно видно, что изданный Коммиссіею универсалъ, 1569 мая 25, не былъ только актъ распорядительный, понуждавшій къ исполненію сеймоваго постановленія, какъ думаетъ критикъ, напротивъ того, онъ предшест-

¹⁾ Тамъ же, стр. 1.

²⁾ Vol. Leg. pag. 734.

³⁾ Тамъ же pag. 776 и 780.

вовагь какъ королевской грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ, такъ и сеймовому постановленію, подтвердившему эту грамоту.

Обвиняя русскихъ писателей въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на выгоды, происходившія для югозападной Руси отъ соединенія съ Польшею, критикъ Современника припаялъ на себя трудъ открыть эти выгоды, въ исторіи Польши, и представить ихъ русскимъ историкамъ. Важнѣйшею выгодою онъ считаетъ «сознательное право Земли заявлять свободный свой голосъ, излагать свои нужды, свои мнѣнія о положеніи, о потребностяхъ общаго отечества и своего роднаго края». Противъ этого можно замѣтить, что если подъ словомъ Земля разумѣть всѣ сословія государства или извѣстнаго края, то право Земли свободно заявлять свой голосъ о нуждахъ и потребностяхъ края никогда не существовало ни въ Польшѣ, ни въ Югозападной Руси. Это право принадлежало одному только шляхетскому сословию, которое и воспользовалось своею привилегіею для того, чтобы захватить въ свою пользу исключительныя преимущества, вредныя для цѣлаго государства и для всѣхъ прочихъ сословій.

Для уразумѣнія древняго устройства Рѣчи Посполитой, нужно обращать вниманіе на двѣ области, которыя въ благоустроенныхъ государствахъ должны сливаться въ одно цѣлое, но которыя въ давней Польшѣ расходились одна отъ другой на далекое разстояніе. Подъ этими областями мы разумѣемъ, во-первыхъ, основныя начала права, вошедшія въ древнее польское законодательство, и во-вторыхъ, явленіе этихъ началъ въ дѣйствительной жизни. Если мы будемъ разсматривать соціальныя начала Рѣчи Посполитой въ одной отвлеченной области права, независимо отъ дѣйствительной жизни, то найдемъ тамъ: свободу, равенство, сомоуправленіе, вѣротерпимость и другія понятія, къ осуществленію которыхъ стремятся въ настоящее время цивилизованныя государства. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, мы можемъ оправдать идеалистическій взглядъ Мицкевича на устройство Рѣчи Посполитой. Но если станемъ искать означенныхъ нами началъ въ дѣйствительной жизни западнорусскаго народа, то мы или вовсе не найдемъ ихъ, или найдемъ въ странно-искаженномъ видѣ. вмѣсто свободы, мы найдемъ разрушительное своеволіе, вмѣсто равенства — деспотизмъ немногихъ аристократовъ, вмѣсто самоуправленія — неустройство судовъ и безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, вмѣсто вѣротерпимости — религиозный фанатизмъ и преслѣдованія иноврѣ-

цевъ. Всеу этнедостатки и рѣзкій контрастъ между правомъ и дѣйствительностію весьма ясно изображаются въ изданныхъ Коммиссіею постановленіяхъ провинціальныхъ сеймовъ. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, Маколей характеризуетъ Рѣчь Посполитую тремя слѣдующими чертами: кукольный государь, буйствующій сеймъ и народъ, погруженный въ рабство (a puppet sovereign, a turbulent diet and an enslaved people) (1).

Такъ же точно и на право шляхты заявлять свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ мы должны смотрѣть съ двоякой стороны: въ отвлеченной области польскаго законодательства, это право представляется весьма важнымъ; но въ дѣйствительной жизни оно является въ искаженномъ видѣ и потому имѣло многія вредныя послѣдствія для Юго-западной Руси. Органами, для выраженія общественнаго мнѣнія, въ первой инстанціи, служили провинціальные сеймы; но въ этихъ законосовѣщательныхъ собраніяхъ голосъ шляхты былъ подавляемъ своеволіемъ немногихъ аристократовъ. Извѣстный уже намъ польскій историкъ Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «Провинціальные сеймы Великаго княжества Литовскаго производили дѣла не въ духъ польской вольности; имъ оказывали сопротивленіе князья и сильные паны. На генеральномъ сеймѣ 1569 года, поданы были жалобы, что на провинціальные сеймы съѣзжаются только воевода, староста и хорунжій. Эти лица пишутъ что имъ угодно, и рассылаютъ по домамъ шляхтѣ, для приложенія печатей; а которые отказываются приложить печати, тѣмъ грозятъ кіями (2).» Въ XVII вѣкѣ, провинціальные сеймы достигаютъ большаго развитія, какъ это можно видѣть изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, но зато опредѣленія дворянъ, постановленные этими законодательными собраніями, мало принимались въ уваженіе генеральными варшавскими сеймами. Дворянство вольнское говорило, чрезъ пословъ своихъ, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1645 году: «зеница вольностей нашихъ есть Посольская Изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхта исключена изъ сейма, бесполезно гибнуть благороднѣйшія желанія республики, гибнуть какъ инструкции, даваемые шляхтою посламъ на Варшавскій сеймъ, такъ и проекты законовъ, предлагаемыхъ шляхтою въ Посольской Избѣ (3).» Изъ этого можно заключить,

(1) Coll. of British authors. Tauchnitz edition, vol. 337 p. 297.

(2) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk. T. VI, p. 158.

(3) Арх. Югозападной Руси, ч. II, т. I, стр. XXV.

что голосъ шляхты и заявленіе частныхъ и общественныхъ потребностей не были выраженіемъ народнаго духа; что этотъ голосъ терялся, среди всеобщаго разстройства, возбуждая одно только неудовольствіе, выражавшееся протестами на сеймахъ, митержными рокошами и конфедераціями. Поэтому мы весьма сомнѣваемся, чтобы право подавать голосъ, предоставленное одному сословію и притомъ въ такомъ искаженномъ видѣ, можно было считать, какъ полагаетъ критикъ *Современника*, важнѣйшею выгодною, которою наслаждалась Югозападная Русь, по соединеніи съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ.

Вторая выгода, которою пользовалась, по мнѣнію критика, Югозападная Русь, вслѣдствіе соединенія съ Польшею, состояла въ благотворномъ распространеніи просвѣщенія іезуитами. Не будемъ разсуждать о благотворности іезуитскаго образованія; надъ этимъ образованіемъ уже произнесла судъ своей исторія. Замѣтимъ только, что критикъ, считая іезуитское образованіе благотворнымъ для Югозападной Руси, вѣдѣтъ съ тѣмъ исчислять его гибельныя послѣдствія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ явное противурѣчіе: «іезуиты, говоритъ критикъ, въ короткое время успѣли, посредствомъ воспитанія и реформированія понятій, не только поддержать падающее католичество, но и распространить его между тѣми, которые его не исповѣдывали, бросить въ понятіе религіозный фанатизмъ и подорвать въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность» ¹⁾. Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ о послѣдствіяхъ іезуитскаго образованія, но мы сомнѣваемся, чтобы Югозападная Русь была за это благодарна Польшѣ. Защищая важность іезуитскаго образованія, критикъ подверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что будто бы князь Константинъ Острожскій отдавалъ похвалу іезуитской системѣ воспитанія (445). Эта мысль совершенно противна общепринятому мнѣнію, что князь Константинъ Острожскій послѣдніе годы своей жизни провелъ въ борьбѣ съ іезуитами, что, противудѣйствуя ихъ гибельному вліянію, онъ учреждалъ православныя училища, выписывалъ ученыхъ Грековъ, заводилъ типографіи и печаталъ славянскія книги, для поддержанія православія и Русской народности. Мы полагаемъ, что критикъ открылъ какіе-нибудь новые историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе; но пока эти матеріалы сдѣлаются извѣстными, мы приведемъ слѣдующія слова изъ письма

¹⁾ Совр. стр. 443.

князя Константина Острожскаго къ Львовскому Православному братству. Поручая надзоръ за своимъ сыномъ этому братству, князь писалъ: «Бога рада попеченіе всяко сотворите, да не мнутъ въ немъ (т. е. въ его сынѣ) части ни единыя езуиты ¹⁾».

Теперь мы спросимъ, къ какимъ результатамъ привели критика всѣ усилія открыть и доказать выгоды, доставшіяся на долю Югозападной Руси, отъ соединенія съ Польшею въ 1569 году? Невыгоды: »езуитскія махинаціи противъ вѣры, преобразование западнорусскаго дворянства въ Поляковъ и католиковъ, угнетеніе народа, бывшее причиною козацкой революціи (стр. 141)». Выгоды: сомнительное, вредное на практикѣ право подавать голосъ на сеймахъ, предоставленное одной шляхтѣ во вредъ другимъ сословіямъ, и іезуитское образование, которое, по словамъ критика, бросило въ попятія народа релігиозный фанатизмъ и подорвало въ южно-русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность. Итогъ, по нашему мнѣнію, весьма не выгодный для Югозападной Руси. Этотъ перевѣсъ невыгодъ надъ выгодами чувствовала не только Русь, но и Литва, хотя этотъ край находился въ меньшей зависимости отъ польскаго правительства. Въ 1700 году, когда прошло почти полтора столѣтія послѣ Люблинской униі, литовскіе дворяне подали адресъ королю Августу II, прося его отдѣлить Великое княжество Литовское отъ Польши и принять надъ нимъ самодержавную власть. Въ этомъ адресѣ дворяне говорили: «Вникнувъ въ первоначальную судьбу и дѣянія народа Литовскаго, мы видимъ, что нѣкогда предки наши, рыцарство Великаго княжества Литовскаго, были гораздо счастливѣе, когда они, какъ вѣрные подданные, состояли подъ властію одного государя и монарха. Распространяя свои границы въ длину и ширину, они были страшны пограничнымъ народамъ и монархамъ, увеличивали, сохраняли и удерживали въ своей власти замки, города, крѣпости, староства и имѣнія. Но потомъ, когда сладкое и ни къ чему доброму не ведущее желаніе вольности, по малодушію властителей, проникло изъ Польши въ славный народъ Литовскій, когда предоставлено было каждому свободное право отвергать сеймовыя постановленія (*liberum jus vetandi*) и чрезъ то открыто было свободное поле для борьбы всѣхъ партій: тотчасъ княжество Литовское начало слабѣть и корчиться».

¹⁾ Киевлянинъ Т. 1, стр. 48.

въ своихъ границахъ. Сильнѣйшіе превозмогали надъ слабѣйшими, не исполнялись права и уставы ни божескіе, ни человѣческіе, и такое состояніе продолжалось до настоящаго времени. Черезъ это политическое свословіе, или вольность, принесенную къ намъ въ приданое изъ краевъ польскихъ, мы совершенно погубили и спасти себя не можемъ ¹⁾.»

Отвергая выгоды, какія находятъ г. Падалница и безыменный критикъ Современника въ Люблинской уніи, мы все не хотимъ сказать, что это событіе не имѣло никакой важности. Въслѣдствіе внутренней борьбы, слѣдовавшей за присоединеніемъ Югозападной Руси къ Польшѣ, составныя части Рѣчи Посполитой дотогу ослабѣли, что король Янъ Казиміръ, уже въ 1661 году, на Варшавскомъ сеймѣ, могъ предсказать раздѣленіе этого государства между сосѣдними державами ²⁾ и указать на соединеніе польскаго народа съ великорусскимъ, какъ на средство къ поддержанію политическаго существованія Польши ³⁾. Это ослабленіе Рѣчи Посполитой дало возмож-

¹⁾ Dzieje narodu Litewskiego prz. Teodora Narbuta. T. IX. Dodatki, str. 24.

²⁾ Moraczewski, Dz. Rz. Polskiej, T. IX, стр.

³⁾ Эта мысль выражена въ слѣдующемъ королевскомъ универсалѣ, данномъ дворянству волинскому:

Янъ Казиміръ и пр. Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: вельбнымъ, вельможнымъ, благороднымъ, дигнитаріямъ, урядникамъ, старостамъ, державцамъ и всему рыцарству и обывателямъ воеводства Волинскаго и повѣтовъ его, искренно и вѣрно намъ милымъ. Объявляемъ, что мы, тотчасъ по окончаніи Коммиссіи Виленской, постоянно и искренно желали назначить генеральный коронный сеймъ, для окончанія начатаго съ его милости царемъ Московскимъ дѣла и прочнаго успокоенія, чтобы на этомъ сеймѣ постановить окончательный миръ съ царскимъ величествомъ и народомъ московскимъ, происходящимъ отъ одной славянской крови, близкимъ къ народу польскому дѣянїями прежнихъ лѣтъ, одеждой, языкомъ и религією, на конфузїю всѣхъ сосѣднихъ народовъ, завидующихъ всему славянскому племени. Но этого святаго пахѣренія мы не могли привести къ желанному концу въ настоящее безпокойное время, по причинѣ непрерывныхъ войнъ, шведскихъ и венгерскихъ. Теперь, когда мы, по милости Божїей, изгнали непріятелей нашихъ изъ большей части государствъ нашихъ, мы вознамѣрились привести въ исполненіе вышеозначенное доброе дѣло, полезное всему славянскому народу. Въ слѣдствіе чего, симъ универсаломъ нашимъ, мы назначаемъ вѣрностямъ вашимъ генеральный шестинедѣльный сеймъ, безъ всякихъ торжествъ, на десятый день Іюля (потому что срокъ, назначенный на 28 число мѣсяца Іюня, мы должны были отложить, чтобы тѣмъ удобнѣе могли съѣхаться на сеймъ великіе послы его царскаго величества). А провинціальныи сеймъ воеводству Чашныхъ вѣрностей мы назначаемъ на 21 день

ность западнорусскому народу отдѣлиться отъ Польши и войти въ составъ восточной Россіи. Разсматривая Люблинскую унію съ этой стороны, мы должны допустить, что отдаленнымъ и окончательнымъ результатомъ этого событія было воссоединеніе разрозненнаго Русскаго міра въ одно могущественное государство; въ этомъ смыслѣ, соединеніе Польши съ Югозападною Русью на Люблинскомъ сеймѣ дѣйствительно имѣетъ громадное, всемірноисторическое значеніе.

Послѣднее возраженіе, сдѣланное безыменнымъ критикомъ *Современника* редактору Коммисіи, касается сходства между западнорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Редакторъ Коммисіи, говоря объ усиліяхъ западнорусскаго дворянства сохранить свой родной языкъ, замѣтилъ, что «въ официальныхъ актахъ до шестнадцатаго вѣка западнорусскій языкъ почти сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, и что съ XVI вѣка западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова вмѣстѣ съ грамматическими формами ¹⁾».

Эта мысль представлена въ критической статьѣ *Современника* въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: «г. Иванншевъ говоритъ, что, въ официальныхъ актахъ шестнадцатаго вѣка, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ языкомъ восточной Россіи.» Чтобы опровергнуть мысль редактора Коммисіи о сходствѣ западнорусскаго языка съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, критикъ пред-

мѣсяца іюня, искренно желая, чтобы ваши вѣрности, съѣхавшись на этотъ провинціальныи сеймъ, выбрали и послали на наступающій генеральный сеймъ уполномоченныхъ пословъ, людей достойныхъ и разсудительныхъ, и чтобы вы поручили посланъ своимъ исполнить на ближайшемъ сеймѣ все то, что вѣрностямъ вашимъ предложено будетъ нашимъ именьемъ для окончательнаго примиренія съ царскимъ величествомъ, для желаннаго въ теченіи многихъ вѣковъ соединенія славянскихъ народовъ, и для безопасности Рѣчи Посполитой. Не сомнѣваясь, что ваши вѣрности захотите сообразоваться, въ настоящемъ случаѣ, съ нашею волею и нашимъ намѣреніемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что вы будете слѣдовать нашей инструкціи и въ иныхъ дѣлахъ и потребностяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго спасенія отечества. А чтобы этотъ универсалъ нашъ дошелъ скорѣе до свѣдѣнія всѣхъ вѣрностей вашихъ, мы повелѣваемъ урядамъ гродскимъ публиковать его въ надлежащихъ мѣстахъ; а для большей вѣры, мы приказали, при собственноручной подписи нашей, приложить печать нашу. Дано въ Дубьску, 21 мая, года отъ Рождества Христова 1638, въ IX году царствованія нашего Польскаго и Шведскаго, Янъ Казиміръ король. Книга гродская Луцкая 1638 года, № 70, листъ 857 на оборотѣ.

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. II, т. I, стр. ХLI.

ставилъ двѣ выписки изъ рукописей XV и XIV вѣка: но эти выписки, писколько не опровергая сходства между двумя отраслями русскаго языка, доказываютъ только неопытность критика въ чтеніи древнихъ рукописей. Въ рукописи стоитъ: «чинимъ знаменито сямъ нашимъ листомъ...кто на нь возрнть, или его чтучи услышнть, комужь коли его будетъ потребно.» Критикъ читаетъ: «чинимъ знаменито сямъ нашимъ листомъ...кто на нь возрнть или чтучи ея услышнть, комужь коли его будетъ *потребитна*». Въѣсто: «п такожь что въ тыхъ именяхъ собѣ примыслнть» критикъ читаетъ: «и *такъ* што въ тыхъ илѣніяхъ собѣ примыслнть.» Въѣсто: «и такожь съ дуги, и зъ дубровами ц сѣножатми,» критикъ читаетъ: «и *такъ слуги* и съ дубровами и *виножатыми*.» Въѣсто: «можетъ собѣ полѣпшивати (т. е. улучшати),» критикъ читаетъ: «можетъ собѣ *налептовати*» и т. д. (стр. 447). Въ справедливости нашихъ поправокъ каждый можетъ удостовѣриться, прочитавъ грамоту Свидригайла, напечатанную въ актахъ западной Россіи, Т. I, № 48, стр. 36. Представивъ текстъ западнорусской рукописи въ такомъ искаженномъ видѣ, критикъ снискиваетъ: неужели г. Иваншевъ полагаетъ, что языкъ этой рукописи похожъ на современный ему языкъ восточной Россіи? Для рѣшенія этого вопроса, лужно прежде всего выучиться правильно читать западнорусскія рукописи, и тогда сходство между означенными отраслями русскаго языка окажется несомнѣннымъ. Въ представленной критикомъ выпискѣ изъ акта 1438 года, заключается около 200 словъ; въ числѣ ихъ можно найти не болѣе четырнадцати словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (кто, чинимъ знаменито, напотомъ, неопущенный, ижъ, нигоды, порадившисе, знаменавъ, съ радю, зъ, слушало, полѣпшивати, зереманы). Въ выпискѣ изъ акта 1361 года, въ числѣ 62 словъ, можно указать не болѣе четырехъ словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (обличье, тогда, пожадалъ, абыхмо); все прочее, какъ слова, такъ и грамматическія формы совершенно сходны. Неужели, послѣ этого, редакторъ Коммисіи не могъ сказать, что, въ официальныхъ актахъ до XVI вѣка, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи?

Разсмотрѣнная нами критическая статья Современника возбудила сильное сочувствіе нѣкоторыхъ польскихъ писателей, особенно извѣстнаго уже намъ г. Падалицы (Зенона Фиса) и редакторовъ жур-

нала, издаваемого въ Варшавѣ подъ заглавіемъ Библіотеки Варшавской.

Въ Вилнскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 35, г. Падалица призналъ статью *Современника* критикою ученаго историка російскаго, утверждая, что, послѣ совѣстливыхъ изслѣдовацій Соловьева, не было напечатано ни одного такого дѣльнаго и умнаго разсужденія объ исторіи Руси и ея отношеніи къ Польшѣ. Въ этомъ убѣжденіи, г. Падалица внесъ въ свою статью почти всѣ критическія изслѣдованія *Современника*, со всѣми ошибками. Онъ даже переписалъ польскими буквами выписки изъ рукописей, которыми критикъ *Современника* хотѣлъ доказать несходство западнорусскаго языка съ языкомъ восточной Россіи, повторивъ и слова, избрѣтшія критикомъ: *потребитна, намытвовати* и пр.

Признавъ за непреложную истину взглядъ *Современника* на исторію югозападной Россіи, на отношеніе этого края къ Польшѣ и на тѣ благодѣянія, какими наслаждался этотъ край подъ властію Польши, г. Падалица счелъ нужнымъ, при этомъ случаѣ, подвергнуть Кіевскую Коммиссію и ея главныхъ дѣателей новымъ обвиненіямъ. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Коммиссія, печатая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи, приложила къ нимъ двѣ передовыя статьи: одна изъ нихъ, излагающая содержаніе сеймовыхъ постановленій, написана редакторомъ Коммиссіи Иваншиевымъ, другая—предсѣдателемъ Коммиссіи Юзефовичемъ. Эти двѣ статьи напечатаны были особыми оттисками въ числѣ 500 экземпляровъ и издапы особою брошюрою, для раздачи преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ читать подлинныхъ актовъ, по незнанію польскаго и западнорусскаго языковъ, на которыхъ эти акты написаны. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, г. Падалица объявилъ въ своей статьѣ, что предсѣдатель Коммиссіи и редакторъ обманули публку, что ссылаи въ статьѣ редактора, излагающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, ложны, что въ этихъ актахъ заключается совѣтъ не то, что излагаетъ въ своей статьѣ редакторъ Коммиссіи, что, для распространенія такого обмана, Коммиссія публиковала сначала брошюру, заключающую въ себѣ статьи предсѣдателя и редактора Коммиссіи, а полное изданіе, заключающее въ себѣ акты, на которые вышеозначенныя статьи основываются, вышло въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже, и это будто сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы читавшіе

брошюру не имѣли возможности свѣрить ея содержаніе съ актами, на которыхъ она основана. По мнѣнію г. Падалицы, даже русскія повременныя изданія были введены въ обманъ смѣлыми ссылками редактора Коммиссіи на акты и ограничившись рецензіями одной только брошюры, не свѣривъ ея съ подлинными документами ⁽¹⁾. Такъ какъ увѣренія г. Падалицы въ томъ, что содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ изложено невѣрно, можетъ привести въ недоумѣніе польскихъ читателей, не знающихъ русскаго языка: то Коммиссія сочла нужнымъ напечатать на польскомъ языкѣ, отдѣльною брошюрою, статьи г. Юзефовича и г. Иваншова, приложивъ къ этимъ статьямъ выписки изъ историческихъ матеріаловъ, на которыхъ г. Иваншовъ основывалъ свои выводы.

Что же касается до прочихъ обвиненій г. Падалицы, то Коммиссія объявляетъ ихъ совершенно ложными, и можетъ опровергнуть ихъ оффиціальными доказательствами. Полное изданіе Коммиссіи вышло въ свѣтъ нѣсколько позже брошюры, не по какому—нибудь злоумышленію, созданному воображеніемъ г. Падалицы, но потому только, что брошюрованіе этого изданія, заключающаго въ себѣ около сорока листовъ, въ числѣ 825 экземпляровъ, потребовало болѣе времени, чѣмъ брошюра состоящая изъ четырехъ листовъ. По этой причинѣ, брошю-

(1) Приведемъ слова самого г. Падалицы, такъ какъ неблагородный поступокъ этого фельетониста можетъ показаться невѣроятнымъ для нашихъ читателей: «нужно знать, говоритъ г. Падалица, что брошюра, составленная изъ статей г. Иваншова и г. Юзефовича, не прошла незамѣченною въ русской литературѣ. С.—Петербургскія Вѣдомости напечатали о ней замѣтку на первыхъ столбцахъ и тѣмъ дали ей дѣйствительное значеніе. Другія повременныя изданія, не входя въ подробный разборъ, вполне повѣрили словамъ упомянутыхъ выше господъ и, обманутые ссылками г. Иваншова на акты, изданные вмѣстѣ съ брошюрою, не подозревали, что эти акты заключаютъ въ себѣ нѣчто совершенно другое, нежели то, что говоритъ о нихъ профессоръ. И то еще нужно знать, что брошюра выдана была еще тогда, когда не было окончено печатаніе актовъ, такъ—что ее читали и объ ней писали—когда никто не имѣлъ еще подъ рукою документовъ, чтобы свѣрить съ ними брошюру. Самая книга уже вышла въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже. Словомъ, русскіе газеты и журналы, не углубляясь въ подробности, и видя обихъ тѣхъ господъ (г. е. Юзефовича и Иваншова), стоящихъ передъ рѣшеткою съ огромною связкою документовъ, и не подозревали, что эти господа показываютъ не то, что подтверждаетъ ихъ мнѣнія, а напротивъ то, что ихъ опровергаетъ. Подкопы были многочисленны, цитатъ множество, ссылокъ еще больше; на какомъ же основаніи можно было заподозрить этихъ господъ?— и т. д. Biblioteka Warszawska 1861. Zeszyt 9, стр. 716.

ра получена балы изъ типографіи 10 генваря, а экземпляры полнаго изданія — 8 февраля. Затѣмъ Коммиссія немедленно сдѣлала распоряженіе о разсылкѣ, не брошюръ, а полныхъ экземпляровъ изданія, въ редакціи газетъ и журналовъ. Февраля 21 отправлено было нѣсколько экземпляровъ въ редакцію «Основы» и въ Москву, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ ученыхъ; посылки записаны въ кievской почтовой конторѣ за № 69, 71, 72 и 73. Февраля 25, препровождены полные экземпляры изданія въ книжную лавку Степана Литова; что же касается до брошюры, то она вовсе не поступала въ продажу. Февраля 27, отправлены были полные экземпляры изданія въ редакціи: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Слова, Сѣверной Пчелы, Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; посылки записаны въ кievской почтовой конторѣ за № 86, 87, 88, 89, 90 и 91. Изъ этого каждый можетъ убѣдиться, что Коммиссія не задерживала своего изданія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ утверждаетъ г. Падалица, и не прибѣгала къ придуманнымъ г. Падалицею низкимъ средствамъ, чтобъ ввести въ обманъ публику; напротивъ того, тотчасъ, по полученіи изъ типографіи своего изданія, Коммиссія сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ, частію чрезъ книгопродавца, частію разсылкою въ редакціи газетъ и журналовъ. Г. Падалица ложно утверждаетъ, будто объ изданіи Коммиссіи русскія газеты и журналы писали рецензіи по одной только брошюрѣ, не имѣя возможности свѣрить ее съ актами. Мы нашли двѣ рецензіи на изданіе Коммиссіи: одну въ «Основѣ», а другую въ «Современникѣ». Въ обоихъ журналахъ разсматривается не отдѣльная брошюра, но полное изданіе Коммиссіи, со всеми историческими матеріалами, въ немъ помѣщенными. Если Виленскій Вѣстникъ и С.-Петербургскія Вѣдомости ограничились въ своихъ замѣткахъ разсмотрѣніемъ одной только брошюры, то въ этомъ нисколько не виновата Коммиссія.

Г. Падалица, въ своемъ негодованіи на Коммиссію, доходитъ до того, что приписываетъ ей вещи совершенно невозможныя. Онъ утверждаетъ, что передовая статья редактора Коммиссіи, заключающая въ себѣ содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ, вышла въ свѣтъ прежде, нежели были напечатаны самые акты. Чтобъ убѣдиться, въ какой степени забывается г. Падалица, стоить только взглянуть въ статью редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ, почти каждая мысль подтверждается ссылками на акты, съ означеніемъ страницъ, на которыхъ эти акты напечатаны. Если бы статья редактора Коммиссіи вышла

въ свѣтъ прсжде, чѣмъ окончено было печатаніе актовъ, то какъ онъ могъ предугадать, на какихъ страницахъ будутъ напечатаны тѣ акты, на которые онъ ссылается?

Смотря на сплетеніе ложныхъ обвиненій, публично высказываемое г. Падалицею (Зенономъ Фишемъ) и г. Совинскимъ, съ неслыханнымъ въ польской литературѣ цинизмомъ, невольно подумаешь, что нѣкоторые лица, принадлежащія къ благородному западнорусскому дворянству, все еще находятся подъ вліяніемъ іезуитизма, учившаго когда-то, что цѣль оправдываетъ самыя неблагородныя средства. Неужели эта вѣковая ржавчина до того въѣлась въ югозападную Русь, что никакая цивилизація истребить ее не можетъ?

Нельзя не пожалѣть, что разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы нашла для себя мѣсто въ одномъ изъ ученыхъ польскихъ журналовъ, именно въ «Варшавской Библіотекѣ», гдѣ эта статья перепечатана со всѣми ошибками и ложными обвиненіями, нагроможденными г. Падалицею и безыменнымъ критикомъ Современника. Г. Падалица объявилъ статью Современника критикою ученаго историка російскаго, дѣльнымъ и умнымъ разсужденіемъ: зато Библіотека Варшавская признала статью г. Падалицы произведеніемъ знаменитой важности (znakomitej wartości). Неужели ученые издатели Варшавской Библіотеки дошли до того, что принуждены учиться Польской исторіи по сочиненіямъ г. Падалицы и по критическимъ статьямъ Современника?

Предсѣдатель Комиссіи М. Юзефовичъ.

Главный Редакторъ П. Явнишевъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ отдачь имѣній въ опеку за обременительныя повинности, — впродъ до введенія уставныхъ грамотъ. Поручено губернаторамъ и губерскимъ предводителямъ дворянства, чтобы они черезъ уѣздныхъ предводителей, внушили помѣщикамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьянскія повинности чрезмѣрно высоки и гдѣ вслѣдствіе того возникаютъ затрудненія въ побужденіи крестьянъ исправно отбывать сіи повинности, что отъ самихъ помѣщиковъ зависитъ прекратить возникающія затрудненія и неудовольствія, немедленнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ или пониженіемъ повинностей, соотвѣтственно способамъ крестьянъ. Въ случаяхъ когда эти внушенія останутся безуспѣшными и крестьянскія повинности окажутся чрезмѣрными, имѣнія должны быть отдаваемы въ опеку, на основаніи 1109 и 1110 т. IX св. зак. о сост., впродъ до введенія уставной грамоты. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 10 и 14 стр. 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 2).

О заявленіи крестьянами желанія перейти на оброкъ. Крестьяне могутъ заявлять помѣщику о своемъ желаніи перейти съ издѣльной повинности на оброкъ, и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ со времени утвержденія положеній, съ тѣмъ, что если желаніе это будетъ заявлено ранѣе года предъ истеченіемъ двухлѣтняго срока, то самый переходъ на оброкъ можетъ послѣдовать только съ наступленіемъ сего срока. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 3).

О правѣ вступленія въ бракъ лицъ женскаго пола изъ дворовыхъ и изъ крестьянъ. Дворовыя дѣвицы и вдовы, при выходѣ замужъ за людей, не принадлежащихъ къ обязаннымъ дворовымъ того же владѣльца, освобождаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній, не подвергаются взысканію оброка за время, остающееся до истеченія двухлѣтняго срока со вре-

мени обнародованія положенія. Временно обязанныя крестьянки пользуются тѣмъ же правомъ, при выходѣ за мужъ за людей, не состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ того же владѣльца. (Полож. гл. ком. объ устр. сел. сост. 1 июня 1861 г. Лѣт. сельск. благ. № 3).

Объ издѣльной повинности свободной женщины, вступившей въ бракъ съ временно — обязаннымъ крестьяниномъ, состоящимъ на барщинѣ, и о правѣ дворового человека, состоящаго на оброкѣ, потребовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательныхъ услугахъ у владѣльца. Свободная женщина, вышедшая замужъ за временно — обязаннаго крестьянина, отправляющаго барщину, не можетъ быть принуждаема къ отбыванію издѣльной повинности, согласно ст. 5 т. IX. Дворовый человекъ, состоящій на оброкѣ, если оныя перешелъ на таковой до обнародованія положеній, имѣетъ право требовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательномъ услуженіи владѣльца, на основаніи ст. 103 т. X св. зак. ч. 1; но при этомъ жена должна платить владѣльцу, до истеченія двухлѣтняго обязательнаго срока, оброкъ, въ назначенномъ владѣльцемъ размѣрѣ, но не свыше установленнаго въ ст. 1 о положеніяхъ объ устройствѣ дворовыхъ людей, т. е. по 10 р. въ годъ. Пол. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 17 июня. Лѣт. сельск. благ. № 4).

О порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности. Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при разсмотрѣніи представленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, принялъ во вниманіе, что, на основаніи ст. 21 Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ, мировые посредники въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ сравнены съ уѣздными предводителями дворянства и потому наравнѣ съ ними послѣдними могутъ быть отрѣшаемы отъ должности не иначе, какъ съ преданіемъ суду, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената. Право быть удалену отъ должности не иначе, какъ съ преданіемъ суду, есть весьма важное преимущество, отличающее мировыхъ посредниковъ отъ прочихъ чиновниковъ, которые могутъ быть увольняемы отъ службы и безъ суда, по усмотрѣнію того начальства, которое назначило ихъ въ должность. Эта послѣдняя мѣра, дающая началству возможность отрѣшать отъ должности тѣхъ изъ определенныхъ имъ самимъ чиновниковъ, которыхъ оно признаетъ неспособными и неблагонадежными, едва ли можетъ быть распространена на мировыхъ посредниковъ, которые какъ по своему служебному положенію, такъ и по способу ихъ избранія, отличаются отъ лицъ служащихъ, по опредѣленію отъ правительства. По Высочайше утвержденнымъ главнымъ основаніямъ для мировыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учреждений, *мировыхъ посредниковъ полагалось опредѣлять изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по выбору крестьянъ*, и только на первое трехлѣтіе допущено избраніе ихъ начальниками губерній съ утвержденіемъ въ должности сенатомъ. Но при этомъ правительство, по важности обязанностей мировыхъ посредниковъ, признало нужнымъ принять особыя мѣры, дабы въ должности сіи были назначаемы лица вполне благонадежныя. Съ сею цѣлью постановлено, что для избранія посредниковъ составляются предварительно уѣздными предводителями дворянства списки, въ которые вносятся только лица, имѣющія опредѣленную поземельную собственность, неопороченныя по суду и не состоящія подъ сѣдствіемъ. Эти списки повѣ-

ряются въ каждомъ уѣздѣ уѣздными дворянскими собраніемъ и затѣмъ уже избираются изъ нихъ мировые посредники начальникомъ губерціи, но не иначе, какъ по совѣщаніи съ предводителями дворянства.

По своимъ пантіямъ, мировые посредники поставлены въ зависимость отъ мировыхъ учреждений: уѣзднаго сѣзда и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; содержаніе назначено имъ умѣренное, а повышеніе въ должностяхъ они не могутъ разсчитывать; но какъ должность мировыхъ посредниковъ по той пользѣ, какую она можетъ принести, будучи посредствующимъ звѣномъ между помѣщиками и крестьянами, по соединенной съ нею самостоятельной дѣятельности, есть должность почетная, то въ мировые посредники поступило весьма много достойныхъ людей, изъ мѣстныхъ дворянъ, которые посвящали себя этой дѣятельности не изъ личныхъ выгодъ, не изъ расчетовъ на служебныя пособія и преимущества, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершившемуся; по волѣ государя, преобразованію. Если, при такихъ обстоятельствахъ, допустить вынѣ, въ измѣненіе высочайша утвержденаго 19-го февраля 1861 г. положенія, удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности безъ суда, то это уронитъ ихъ значеніе и будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ то, что многіе, и притомъ достойнѣйшіе, люди станутъ уклоняться отъ должности посредниковъ; труднѣе обязанности которой и могутъ быть исполняемы воплѣ добросовѣстно, только при независимости ихъ отъ посторонняго вліянія. На севъ основаніи главныхъ комитетъ, 31 іюня 1861 года, положилъ, что относительно временнаго удаленія мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности, а равно и отршенія ихъ отъ службы, долженъ быть соблюдаемъ, согласно ст. 21 высочайша утвержденаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, порядокъ, установленный для уѣздныхъ предводителей дворянства. (Св. зак. т. III уст. о служб. по выбор. ст. 263—269). (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 30 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 29 сентабря, 1861 г. № 78).

Объ освобожденіи, въ некоторыхъ случаяхъ, женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Въ отношеніи губернской, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствіи, возбужденъ вопросъ: допускается ли новыми положеніями о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, тѣлесное наказаніе въ отношеніи лицъ женскаго пола, и если допускается, то не слѣдуетъ ли установить для женщинъ случаи освобожденія отъ сего наказанія по примѣру мзятій, опредѣленныхъ положеніями для мужчинъ. Вопросъ этотъ представленъ былъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Комитетъ сей положилъ: 1) представленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ препроводить къ главно-управляющему II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, для соображенія съ общими, находящимся въ разсмотрѣніи его, вопросамъ, объ отменѣ вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола. 2) Въ дополненіи ко 2-му примѣчанію ст. 102 общ. полож. ст. 16 полож. объ устр. двор. людей и ст. 32 полож. о мѣстныхъ по крестьян, дѣламъ учрежд., пояснить, что, примѣняясь къ ст. 102 и 104 общаго положенія, изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію: а) достигшія 50-го лѣтняго возраста, б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ, и школъ, и г) принадлежащія къ

семействамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій. (Пол. глав. ком. объ устр. сел. сост. 6 авг. 1861 г. лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О переселеніи крестьянъ по актамъ, совершеннымъ до обнародованія положеній 19 февраля 1861 г. При исполненіи сдѣлокъ и актовъ, совершенныхъ частными лицами, подъ какими бы то нибыло наименованіями, явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, принудительное переселеніе крестьянъ можетъ быть допускаемо непаче, какъ согласно ст. 2 п. 2 правилъ о порядкѣ приведенія положеній о крестьянахъ въ дѣйствіе, безъ нарушенія правилъ, указанныхъ въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О представленіи въ распоряженіе правительства дворовыхъ людей и о порядкѣ принятія на мѣста жительства тѣхъ изъ нихъ, которые оподозрѣны или наказаны по суду. Дворовые люди, состоящіе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, не могутъ быть предоставляемы помѣщиками въ распоряженіе правительства; если же помѣщикъ пожелаетъ прекратить обязательныя отношенія къ нему такихъ людей, то долженъ поступать на основаніи ст. 21 и 22 полож. объ устр. двор. людей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ откажется принять дворовыхъ людей, наказанныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи по суду, надлежитъ представлять сими дворовыхъ людьми приписаться въ предѣловъ той губерніи, въ которой они числились, къ городскому или сельскому обществу, которое изъявитъ согласіе принять ихъ въ свою среду; на присканіе такого общества давать пмъ 6-ти мѣсячный срокъ, для чего они и должны быть снабжены шестимѣсячными билетами, по распоряженію губернскаго начальства; если въ теченіи этого срока означенные дворовые люди не примутъ общества, согласно принять ихъ, то губернскае начальство обязано распорядиться о высылкѣ сихъ людей въ Сибирь, на основаніи 340 и 402 ст. XIV т. св. зак. уст. о пред. и пресѣч. прест. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благ. № 6).

О прекращеніи приѣма воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и о предоставленіи канцелярскимъ служителямъ и бѣднымъ чиновникамъ новыхъ способовъ къ воспитанію ихъ дѣтей. Прекращенъ дальнѣйшій приѣмъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и взаи́мъ того предоставлена приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ этихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже постороннихъ, но вполнѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ, что при совершенной лишъ къ сему невозможности, указы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ. На изложенныхъ основаніяхъ, должны быть размыщены и воспитанники, находящіеся вышѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища закрываются, а экономическіе капиталы присоединяются къ суммамъ приказовъ, въ распоря-

женіе конхъ поступать и заданія, принадлежащія снмъ училищамъ. При этомъ предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ: тѣ заданія управляемыхъ канцелярскихъ училищъ, въ конхъ не будетъ предстоить надобности для приказовъ, — передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей съ нѣкоторымъ денежнымъ, на содержаніе ихъ, пособіемъ, изъ суммъ отпускавшихся на канцелярскія училища, на основаніяхъ, которыя имѣютъ быть ближе опредѣлены, по взаимному соглашенію обонхъ министерствъ. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 63.)

Объ избраніи особыхъ застѣателей въ приказы общественнаго призрѣнія. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, что, для присутствованія въ приказахъ общественнаго призрѣнія, взаи́мнъ застѣателей, которые въ прежнее время откомандировывались въ сіи учрежденія изъ бывшихъ совѣстныхъ судовъ, избираются особые застѣатели, по одному изъ cadaго сословія, а именно: отъ дворянства, губернскаго городского общества и поселенъ. (Мн. госуд. сов. 19 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 13 авг. № 65.)

О порядкѣ исключенія купцовъ, за порочное поведеніе, изъ общества, въ уездныхъ городахъ. Предоставленное 182-ю статьею устава торговаго (св. зак. 1837 г. т. XI. II.) купеческимъ обществамъ столицъ и губернскихъ городовъ, право на исключеніе изъ третьей гильдіи купцовъ, опороченныхъ судомъ, или замѣченныхъ въ явныхъ порокахъ, не дожидаясь въ семь послѣднемъ случаѣ судебного приговора, распространено и на купеческія общества уездныхъ городовъ, въ конхъ считается не менѣ тридцати капиталовъ, съ тѣмъ, чтобы приговоры сего сословія, объ исключеніи порочныхъ купцовъ, были засвидѣтельствованы подписью не менѣ какъ двухъ третей всѣхъ его членовъ, имѣющихъ право голоса, и чтобы въ приговорахъ снхъ было объяснено, въ чемъ именно и по какимъ доказательствамъ поведеніе исключенаго признается порочнымъ. Такимъ же порядкомъ должны быть, удалены изъ общества порочные члены малолюдныхъ купеческихъ обществъ, но не иначе, какъ по единогласному приговору всего городского общества. (Мн. госуд. сов. 19 іюня, 1861 г. въ Сен. вѣд. 18 авг. № 66.)

Объ отпущеніи, для поступающихъ въ военную службу, по собственному желанію, дворянъ и вольноопредѣляющихся, обязательныхъ сроковъ службы. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода военныхъ постановленій, отъиженъ законъ, обязывавшій дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ военную службу по собственнымъ прощеніямъ, пробывать въ оной обязательные сроки и предоставляти имъ право оставаться, въ случаѣ желанія, службу во всякое время, исключая военного, когда вообще отставки въ войскахъ прекращаются. При этомъ увольняются военскимъ званіемъ лишь прослужившіе общій установленный для нижнихъ чиновъ 15-ти-лѣтній срокъ, а не прослужившіе сего срока увольняются въ отставку безъ именованія военскимъ званіемъ. Въ случаѣ же вторичнаго вступленія на службу, прежняя служба считается за дѣйствительную. (Полож. воен. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 1 августа, № 61.)

О продолженіи начальникамъ губерній возлагать порученія на губернскихъ штабъ-офицеровъ корпуса жандармовъ. Предоставлено начальникамъ губерній, въ случаяхъ особой важности, возлагать на губернскихъ штабъ-офи-

пероу корпуса жандармовъ порученія и не указанныя въ законѣ, по которому они командировались по уѣздамъ, только для участія въ производствѣ свѣдствій о важнѣйшихъ происшествіяхъ или безпорядкахъ. (Высоч. повел. въ сен. вѣд. 23 авг. 1861 г. № 68.)

О населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ недворянскаго происхожденія. Въ поясненіе правилъ о порядкѣ поступленія населенныхъ имѣній къ лицамъ не дворянскаго происхожденія и составленія по симъ имѣніямъ уставныхъ грамотъ,—положено: 1) населенныя имѣнія, доставшіяся, по наследству или по просроченнымъ закладнымъ, не потомственнымъ дворянамъ, должны поступать въ вѣдомство дворянскихъ опеку впродъ до совершенія акта, о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственному дворянину; 2) затѣмъ на сіи имѣнія внолнѣ распространяются правила относительно отчужденія, передачи по наследству и отдачи въ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, и 3) владѣльцы такихъ имѣній, состоящихъ въ опекускомъ управленіи, согласно ст. 26 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній, могутъ участвовать лично въ составленіи уставныхъ грамотъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается вообще для лицъ, находящихся подъ опекою не по малолѣтству и слабоумію. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 августа 1861 г. въ сен. вѣд. 13 сентября 1861 г. № 74).

Объ усиленіи межевыхъ средствъ по крестьянскому дѣлу. Предоставлено управляющему межевымъ корпусомъ зачислять на службу по межевому вѣдомству тѣхъ изъ отставныхъ, разныхъ вѣдомствъ, чиновъ, которые по свѣдѣніямъ своимъ въ землѣмѣріи могутъ быть полезны для межевыхъ работъ по крестьянскому дѣлу и изъявляютъ желаніе служить безъ жалованья, довольствуясь задыльной платою, но добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Служившіе въ генеральномъ штабѣ, въ корпусѣ топографовъ, въ артиллеріи, въ инженеряхъ, санерахъ, въ флотѣ и по межевой части какихъ либо вѣдомствъ, зачисляются на службу безъ экзамена; прочіе же отставные зачисляются не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ губернской чертежной, по программамъ, установленнымъ для частныхъ землѣмѣровъ и таксаторовъ, не подвергался только испытанію въ таксаціи и естественныхъ наукахъ.

При этомъ наложенныя въ указѣ сенага 17 марта, 1831 г. правила, на основаніи коихъ, находящимся на службѣ по гражданскому вѣдомству дворянамъ—помѣщикамъ дозволено принимать на себя обязанности, соединенныя съ должностями по крестьянскому дѣлу, распространены и на состоящихъ на службѣ лицъ, знающихъ землѣмѣріе, которыя пожелаютъ заняться по крестьянскому дѣлу частными межевными работами. (Мн. госуд. сов. 14 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

Измненіе закона о несовершеннолѣтнихъ бродягахъ мужескаго пола, которые, по дѣйствовавшимъ до 1856 года законамъ, отдавались въ баталіоны военныхъ кантонистовъ. Въ замѣнъ подлежащихъ статей св. зак. изд. 1857 г. т. XIV, постановлено: бродяги престарѣлые и недостижшіе 17 лѣтняго возраста отсылаются въ приказы общественнаго призрѣнія. Находящіеся при бродягахъ, малолѣтніе обоюдо пола, если ихъ не пожелаютъ принять къ себѣ родственники ихъ, или общество, къ коимъ они принадлежатъ, по сдѣланіи о сихъ малолѣтнихъ надлежащихъ справокъ и публикацій, остаются въ вѣдѣніи

приказовъ. Изъ числа находящихся при бродягахъ дѣтей, малолѣтныя женскаго пола остаются въ вѣдомствѣ приказовъ до того времени, пока придуть въ совершеннолѣтіе, а малолѣтныя мужскаго пола, по вступленіи въ совершеннолѣтіе, приписываются къ податнымъ обществамъ.

На семь основанийъ слѣдуетъ поступать и при распредѣленіи всѣхъ бродягъ мужскаго пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; малолѣтныя же бродяги женскаго пола оставляются въ заведеніяхъ приказовъ до 17 лѣтняго возраста, а по достиженіи ими сего возраста, приписываются къ податнымъ обществамъ и выпускаются изъ приказовъ на собственное пропитаніе въ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Въ случаѣ же возвращенія или отдачи кому слѣдуетъ малолѣтныхъ бродягъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, должно быть взыскиваемо по расчету все употребленное на ихъ содержаніе во время нахождения въ оныхъ.

Бродягъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ и не подлежащихъ возвращенію, если они окажутся поведенія хорошаго и совершеннолѣтними, дозволяется приписывать къ податнымъ обществамъ, если сами они того пожелаютъ и обществами на принятіе ихъ будетъ изъявлено согласіе. Но если они, изъ тѣхъ малолѣтнихъ, мужскаго пола, которые остались въ заведеніи приказа и, достигши совершеннолѣтія, не пожелаютъ приписаться къ податнымъ обществамъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой приписки воспользоваться не могутъ, или же обществами не будетъ изъявлено согласіе на ихъ принятіе, то они обращаются въ военно-работія и арестантскія роты, если только это по состоянію ихъ здоровья окажется возможнымъ; въ противномъ случаѣ оставляются въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, для употребленія въ соотвѣтственныя сѣлакъ ихъ, работы. (Мп. гос. сов. 26 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

О приостановленіи отдѣленія ремесленниковъ отъ мѣщанъ. Впредь до утвержденія новыхъ, о ремесленной промышленности, правилъ, положено: не отдѣлять ремесленниковъ отъ мѣщанъ въ особыя общества по платежу податей и отправленію повинностей въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, въ конхъ раздѣленія сего по настоящее время еще не сдѣлано. (Пол. ком. мн. 23 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 8 сентября 1861 г. № 72).

Объ отмінѣ правилъ опредѣленія въ военную службу бѣдныхъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей. Отмінены правила объ опредѣленіи въ военную службу бѣдныхъ дворянъ имперіи и Царства Польскаго, а также положеніе 2-го апрѣля 1839 года объ обязательномъ зачисленіи въ службу сыновей офицеровъ и чиповниковъ, не дослужившихся до правъ потомственнаго дворянства. При этомъ, тѣмъ дворянамъ и вольноопредѣляющимся, которые по существовавшему для бывшихъ учебныхъ войскъ постановленіямъ, обязаны пробывать въ службѣ извѣстные сроки, представлено право на увольненіе въ отставку во всякое время, исключая военнаго, согласно положенію военнаго совѣта 26 іюня 1861 года. (Высоч. повел. въ сен. вѣд. 26 сентября 1861 г. № 47).

Временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. 16 августа утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и, вслѣдъ затѣмъ 4 сентября, наставленіе военнымъ начальникамъ, на случай народныхъ волненій и безпорядковъ. Въ издаваемомъ наказѣ подробно нало-

жесть образъ дѣйствии мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, во время возникающихъ волненій и безпорядковъ, для прекращенія которыхъ употребляется военная сила только въ случаяхъ открытаго сопротивленія и при безотлагательной необходимости. Но прежде прекращенія безпорядковъ силою, должны быть испытаны всѣ другія средства для восстановленія спокойствія и сдѣлано троекратное предвѣреніе сопротивляющимся о томъ, что въ случаѣ ихъ непослушанія, войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. Во всякомъ случаѣ, при возстановленіи порядка, не дозволяется употреблять какихъ либо наказаній, предоставляя это суду.

Согласно правиламъ, изложеннымъ въ наставленіи, начальники воинскихъ командъ, исполняя требованія полицейскихъ чиновниковъ, распоряжающихся на мѣстѣ безпорядковъ, распоряжаются сами, въ случаѣ, если этотъ чиновникъ будетъ захваченъ возмущившимся и лишень возможности дѣйствовать; и кромѣ того, когда возмущившіеся сами нападутъ на войска или когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмущившихся. Войскамъ же, находящимся въ караулѣ, въ патруляхъ, въ обходахъ и пр. для сохраненія общественнаго порядка, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для продолженія сопротивленія; б) при повужденіи къ должному повиновенію; в) для защиты охраняемыхъ ими лицъ, и предметовъ; г) для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. При этомъ послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою (оружіа, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ правилами, изложенными въ наставленіи. Полож. комитета въ 16 августа и 4 сентября 1861 г. въ сен. вѣд. 1 и 22 сентября 1861 г. №№ 73 и 76).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Ежегодное жертвованіе купцовъ и мѣщанъ посада Азова, Екатеринославской губерніи на богадѣльню. Общество купцовъ и мѣщанъ посада Азова Екатеринославской губерніи изъявило желаніе жертвовать ежегодно сумму на содержаніе устроенной тамъ временно, въ 1836 году купцомъ Пятаченко, богадѣльни и объ обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ «Азовской, купца Пятаченка богадѣльни.» (Полож. ком. мнв. 25 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 8 сент. 1861 г. № 72).

Учрежденіе въ Житомирѣ Еврейскаго ремесленнаго училища. 20 іюля утверждено положеніе о Житомирскомъ Еврейскомъ ремесленномъ училищѣ, учреждаемомъ въ видѣ ошута, на 3 года, съ цѣлью распространенія ремесленныхъ знаній между евреями, для направленія ихъ чрезъ то къ полезному и производительному труду. (Полож. ком. объ устр. евреевъ 29 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 18 сент. 1861 г. № 74).

Объ отмежеваніи скотопрогонныхъ дорогъ въ землѣ войска Донскаго. Въ измѣненіе и дополненіе 81 пункта полож. о размежев. земель войска Донскаго (*) опредѣлено: 1) скотопрогонныя дороги въ землѣ войска Донскаго для свободнаго и безплатнаго прогона скота, назначить въ 60 саж. шириною, безъ отвѣда при нихъ особыхъ попасныхъ мѣстъ, и вымежевать въ войсковую собственность въ тѣхъ направленіяхъ, какъ онѣ показаны на картѣ межевою комиссіею; 2) вымежеваніе этихъ дорогъ производить только изъ свободныхъ войсковыхъ и станичныхъ юртъ земель и изъ тѣхъ владѣльческихъ дачъ, кои еще не обмежеваны; 3) распространіе до 60 саженой ширины дорогъ, пролегающихъ между обмежеванными владѣльческими дачами, производить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть прилегающія войсковыя земли, изъ коихъ и вознаграждать владѣльцевъ за отошедшія земли; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такихъ свободныхъ земель нѣтъ, — оставить дороги въ прежней 10 саженой ширинѣ; 4) скотопрогонныя дороги, въ землѣ войска Донскаго, подчинить непосредственному надзору общества застрахованія скота, которое, на всемъ пространствѣ оныхъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, устраивать на свой счетъ искусственные воюпон, но съ тѣмъ, чтобы дороги эти были вполнѣ доступны свободному пользованію для прогона скота, какъ принадлежащаго обществу, такъ и всякаго другаго. Въ сихъ видахъ предоставить обществу учредить въ войскѣ, гдѣ признаетъ нужнымъ, центральное агенство инконтору, для производства своихъ операцій, и снабдить правленіе общества подлежащими, касательно дорогъ, свѣдѣніями. (Полож. воен. сов. 18 июля 1861 г. въ Сен. вѣд. 12 сент. 1861 г. № 73).

О закрытіи межевыхъ судовъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Положено закрыть немедленно межевые суда въ тѣхъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губерній, въ которыхъ, по открытіи генеральнаго межеванія, учреждены уже межевыя комиссіи, въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ межевыя комиссіи еще не учреждены, межевые суды закрываются постепенно, по мѣрѣ учрежденія комиссій. При этомъ межевыя палаты сихъ губерній, дѣла, производившіяся въ урядимыхъ межевыхъ судахъ, передаютъ въ межевыя комиссіи или уѣздные суды, смотря по предметамъ, для дальнѣйшаго производств. причежъ предоставлено межевымъ палатамъ и комиссіямъ, по переданнымъ въ нихъ неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ на основаніи положенія о размежеваніи Полтавской и Черниговской губерній 27 октября 1830 года, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, не вошедшими въ окончательную законную силу. (Мн. гос. сов. 26 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 13 сент. 1861 г. № 74).

Объ увольненіи черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ изъ морскаго вѣдомства. Поселянъ адмиралтейскихъ селеній, въ Херсонской губерніи, Богоявленска, Воскресиска, Калиновки, Висунска, Бережоговатаго и Покровскаго, положено уволить изъ морскаго вѣдомства, съ предоставленіемъ имъ права причислиться въ городскія или сельскія сословія, на основаніи общихъ законовъ; причежъ самыя селенія переименовать въ пригороды. Для завѣды-

(*) Согласно этому пункту, на войсковыхъ пустопорожнихъ земляхъ назначалась, для прогона скота полоса земли въ 10 саж; кромѣ того для попасовъ по обѣимъ сторонамъ этой полосы на луговыхъ мѣстахъ, по 30 и на горныхъ по 30 саж. и сверхъ того для прокормленія скота, въ каждую отъ дороги сторону, по одной верстѣ.

ваніи дѣлами общественными, хозяйственными и сиротскими, положено учредить въ пригородахъ, если возможно, для двухъ и трехъ вмѣстѣ—думы.

По судебнымъ дѣламъ, пригородные купцы, мѣшане и ремесленники подлежатъ вѣдомству Николаевскаго городского магистрата.

Съ освобожденіемъ черноморскихъ адмиралтейскихъ поселенъ отъ обязательной работы, на казенныхъ веряхъ, они обложены въ пользу казны и земства установленными, по новому званію, податями и повинностями. пожалованныя адмиралтейскіи селеніями земли оставлены за сими поселеніями и по переименованіи ихъ въ пригороды. Участки, состоящіе подъ домами, дворами, огородами и садами поселенъ, поступаютъ въ полпу юнкъ собственности съ правомъ передавать и отчуждать постороннимъ лицамъ. Кромѣ того, дозволено отдѣлить подлежащее количество земли, для надѣла тѣхъ изъ поселенъ, которые еще не получили таковыхъ участковъ, по изъявляемъ желанію пріобрѣсти ихъ, а также на случай переселенія въ пригороды постороннихъ обывателей и на выгонъ. Полевые земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи поселенъ, оставить за ними, при томъ же порядкѣ владѣнія; но еслибы современемъ пригородные обыватели пожелаали раздѣлить эти земли между собою на участки, то сіе имъ не воспрещается на томъ же основаніи, какъ это постановлено въ 34 ст. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по отношенію земель, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, въ Сен. вѣд. 29 августа 1861 г., № 69).

Уставъ общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода. 14-го іюля 1861 г. утверждены уставъ Общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода, имѣющаго цѣлью снабженіе города Одессы и ея окрестностей, во всякое время года, свѣжею и чистою водою, посредствомъ особаго гидротехническаго устройства. Согласно уставу, Общество принимаетъ на себя обязанность устроить водопроводы, для продажи чистой воды обывателямъ города во всѣхъ его частяхъ и для орошенія земель въ окрестностяхъ города, и устраиваетъ также водопой для скота.

Кромѣ того, Общество предоставляетъ пожарной командѣ, въ случаѣ пожара, повсемѣстное употребленіе воды изъ водопроводовъ бесплатно и, для удобства при несчастныхъ случаяхъ, устраиваетъ къ водопроводнымъ трубамъ, въ городѣ на 100, а въ предмѣстьяхъ на 200 сажень разстоянія, по одному пожарному крану. Устройство водопроводовъ, со всѣми принадлежностями, должно быть окончено Обществомъ, въ теченіе пяти лѣтъ со дня утвержденія устава.

Общество имѣетъ право безплатнаго привоза изъ-за границы чугунныхъ трубъ и другихъ принадлежностей, по въ такомъ случаѣ, когда, по сдѣланному приглашенію, русскіе заводчики, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, не примутъ на себя поставку оныхъ не болѣе какъ 15% дороже тѣхъ цѣнъ, по которымъ могли бы иностранныя трубы и другія принадлежности обойтись въ Одессѣ.

Капиталъ Общества опредѣляется въ 2,000,000 рублей, раздѣленныхъ на 20,000 акцій, по 100 рублей каждая. Впослѣдствіи капиталъ сей можетъ быть увеличенъ до 3,000,000 рублей, выпускомъ новыхъ 13,000 акцій по прежней цѣнѣ.

За воду, поставляемую во дворы и дома, посредствомъ трубъ, плата опредѣляется, по взаимному соглашенію съ домовладѣльцами. Наибольшая плата за потребленіе воды назначается: а), за ведро воды $\frac{3}{8}$ коп. сер. б), за бочку воды въ 40 ведеръ—12 коп. сер. и в), за водопой лошади, вола или пары овецъ $\frac{3}{8}$ коп. сер. Такъ какъ монеты въ $\frac{3}{8}$ коп. не существуетъ, то при отдѣльномъ разчетѣ за одно ведро или за одинъ водопой взимается $\frac{1}{2}$ коп. сер.

Бѣдые же жители города могутъ получать, для своего употребленія, воду бесплатно кружками изъ фонтановъ, которые Общество обязывается устроить, по указанію городского общества.

За воду, расходующую на поливку улицъ, общество взимаетъ не болѣе 3-хъ коп. за бочку, но не иначе, какъ по заключеніи съ городомъ на этотъ предметъ 12-м лѣтняго контракта и за количество, не превышающее 1,500 бочекъ въ день. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ Обществомъ обязанностей, учредители вносятъ въ мѣстную городскую думу залогъ въ 100,000 рублей, которые возвращаются, по окончаніи всѣхъ работъ по устройству водопровода и открытія онаго въ уставомъ опредѣленный срокъ.

Коль скоро будутъ разобраны всѣ акціи—учреждается правленіе общества, состоящее изъ четырехъ директоровъ, избранныхъ по большинству трехъ четвертей голосовъ общаго собранія акціонеровъ.

Въ директоры правленія могутъ быть избираемы только лица, имѣющія на свое имя не менѣе 50-ти акцій.

Каждый акціонеръ можетъ присутствовать въ общемъ собраніи, но подаетъ голосъ тотъ, кто имѣетъ на свое имя не менѣе 25-и акцій. Владѣющій 100 акціями—имѣетъ 2 голоса, 200 акцій и болѣе даютъ право на 3 голоса. По прошествіи 50-и лѣтъ со времени открытія водопровода, дѣйствія Общества прекращаются, водопроводы со всѣми принадлежностями поступаютъ въ собственность города, безъ всякаго вознагражденія, а наличный капиталъ раздѣляется между акціонерами. Независимо отъ сего городу предоставляется право пріобрѣтенія водопроводовъ общества и ранѣе сего срока, но не прежде истеченія первыхъ 15-и лѣтъ, со дня утвержденія устава. Сен. вѣд. 15 авг. 1861 г. № 63).

Объ измѣненіи сроковъ, назначенныхъ уставомъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода. Сроки, назначенные въ §§ 13, 23 и 31 устава общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для устройства водопроводовъ, предоставленія залоговъ въ обезпеченіе предпріятія и открытія подпаяки на акціи, положено считать не со дня утвержденія и обнародованія устава общества, а съ 1-го іюля, 1861 г.

Уставъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для снабженія жителей города во всякое время года свѣжею и чистою водою, утвержденъ 11-го апрѣля 1860 г. Согласно сему уставу, капиталъ общества опредѣлялся въ 200,000 рублей, раздѣленныхъ на 2,000 акцій по 100 рублей каждая; правленіе общества должно находиться въ Ростовѣ и состоять изъ 3-хъ директоровъ, по выбору общаго собранія акціонеровъ, на которомъ право голоса имѣетъ всякій, владѣющій 3-ю акціями. Выбранные въ первый разъ директоры остаются въ этомъ званіи три года: послѣ же сего срока ежегодно выбываетъ по одному директору и на мѣсто его избирается новый. (Мѣст. госуд. сов. 11 апр. 1860 г. и полож. ком. мѣст. 4 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 17 мая 1860 г. № 40 и 8 авг. 1861 г. № 63.)

О дозволеніи дальнѣйшаго пребыванія Евреевъ въ г. Одессѣ. Дозволено дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ Евреевъ, которые, проживая въ семъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ ономъ осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности; причѣмъ разрѣшено имъ заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ; по вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность мѣстному начальству, имѣть наблюденіе какъ за непремѣнною уплатою помянутыми Евреями установленныхъ ст. 528 уст. о пасп. и бѣг. по-

виновностей, такъ и опримѣненіи ко вновь прїѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ Евреямъ, во всей строгости, изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4-го іюня, Сен. вѣд. 29 авг. 1861 г. № 69.)

О дозволеніи Евреямъ заниматься ремеслами въ городахъ: Николаевъ и Севастополь. Дозволено Евреямъ мѣщанамъ заниматься въ Николаевѣ и Севастополѣ производствомъ ремеслъ какъ на правахъ иногородныхъ лицъ, такъ и съ правомъ водворенія въ оныхъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4 іюня, въ Сен. вѣд. 29 авг. № 99.)

Объ усиленіи сбора съ колонистовъ Новороссійскаго края и Евреевъ земледѣльцевъ Южнаго края. Вслѣдствіе утвержденія новыхъ штатовъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи съ подвѣдомственными ему: попечительствомъ о Бессарабско-Болгарскихъ колоніяхъ и Еврейскимъ попечительствомъ, положено: усилить взимаемый нынѣ сборъ съ колонистовъ Новороссійскихъ, по 9 коп. съ каждой, вышедшей изъ льготы, ревмзской души; на содержаніе же Еврейскаго отдѣленія отпести и доходы отъ излишнихъ земель, отведенныхъ подъ поселеніе Евреевъ. Взиманіе сего добавочнаго сбора начинается съ 1-го іюля 1861 года. (Мн. госуд. сов. 4 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 23 авг. № 68.)

О дозволеніи Севастопольскому магистрату свидѣтельствовать върющія письма. Въ дополненіе примѣчаній къ ст. 731 т. X С. I св. зак. изд. 1857 г. дозволено Севастопольскому городовому магистрату свидѣтельствовать върющія письма наравнѣ съ уѣздными судами. (Мн. госуд. сов. 13 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 60.)

Объ учрежденіи полицейскихъ судовъ въ Западныхъ губерніяхъ. 5 августа утверждено временное положеніе о полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Временнымъ положеніемъ воспрещаются всякаго рода публичныя заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка. За эти проступки виновные, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ, или уменьшающимъ вину — подвергаются: аресту на время отъ 2-хъ дней до 4-хъ и болѣе недѣль и денежному взысканію отъ 10 до 800 и болѣе руб. сер.;

Виновные въ оскорбленія должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, подвергаются, кромѣ денежнаго взысканія, аресту отъ 2-хъ недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ.

Сроки заключенія подъ арестомъ уменьшаются для несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 17-и лѣтнаго возраста, до одной трети указанныхъ выше сроковъ. Лица женскаго пола не присуждаются къ личному аресту, кромѣ случаевъ, когда арестъ назначается вмѣсто денежнаго штрафа.

Производство этихъ дѣлъ сосредоточивается въ полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, на первый разъ, въ губернскихъ городахъ, составляющихъ первую инстанцію для дѣлъ сего рода.

Ревизія дѣлъ, поступающихъ изъ полицейскихъ судовъ, производится въ апелляціонныхъ полицейскихъ судахъ, составляющихъ вторую инстанцію и учреждаемыхъ въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ.

Полицейскіе суды, руководствуясь общими правилами о поводахъ къ началію уголовныхъ дѣлъ, предварительно постановляютъ по каждому отдѣльному случаю, заключеніе о томъ: представляется ли достаточный поводъ къ призы-

зу къ суду обвиняемыхъ въ обнаруженномъ или заявленномъ проступкѣ. Призывъ къ суду обвиняемаго и свидѣтелей совершается повѣстками.

По явкѣ вызываемыхъ, судъ, въ присутствіи своемъ, допрашиваетъ словесно обвиняемаго и свидѣтелей; сущность отвѣтовъ записывается въ протоколъ засѣданія. Послѣ окончанія слѣдствія и удаленія подсудимыхъ, судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ, по большинству головъ, рѣшеніе и вслѣдъ затѣмъ словесно объявляетъ его подсудимымъ. Срокъ, для принесенія апелляціи, устанавливается семидневный. Отзѣвы пишутся на простой бумагѣ и при этомъ вносятся половина присужденнаго штрафа, на случай признанія апелляціи незаслуживающею уваженія.

Независимо отъ принесенія апелляціи, дѣла переносятся на ревізію апелляціонныхъ полицейскихъ судовъ по протестамъ стряпчихъ. Рѣшенія апелляціонныхъ судовъ признаются окончательными и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ Высочайшею властью.

Съ признанныхъ виновными, по рѣшеніямъ полицейскихъ судовъ какъ первой степени, такъ и апелляціонныхъ, кромѣ штрафовъ, взыскиваютъ издержки, необходимыя на покрытіе расходовъ по явкѣ свидѣтелей и другихъ лицъ, вызванныхъ судамъ, канцелярскіе расходы и наконецъ деньги, представленныя въ залогъ правой апелляціи, въ томъ случаѣ, когда будетъ утверждено приговоръ суда первой степени. Для уплаты штрафовъ, судъ назначаетъ семидневный срокъ, по истеченіи котораго, полиція, также въ теченіи семи дней, приступаетъ къ продажѣ съ публичнаго торга движимаго имущества, а въ случаѣ недостаточности его, къ паложенію севегра на имущество недвижимое и на получаемые съ него доходы, впредъ до назначенія въ продажу. (Полож. ком. мин. 3 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

О правилахъ при объявленіи какихъ либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи. Вслѣдствіе возрастающихъ въ Западныхъ губерніяхъ беспорядковъ, предоставлены главнымъ начальникамъ этихъ губерній особыя права, причемъ разрѣшено имъ самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, когда они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія.

Для мѣстностей же, объявленныхъ на военномъ положеніи, устанавливаемы особыя правила, изъ которыхъ главнѣйшія,—слѣдующія: 1) главный начальникъ края можетъ удалять отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и отрѣшати и предавать суду всѣхъ безъ изъятія членовъ земской и градской полиціи. 2) Всѣ жители и чиновники воинскіе и полицейскіе подвѣдомы военному суду, причемъ всѣ обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабѣжѣ и зажительствѣ, подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію, на основаніи военныхъ военно-уголовныхъ законовъ; 3) главный начальникъ утверждаетъ приговоры военныхъ судовъ и приказываетъ приводить ихъ въ исполненіе; 4) главный начальникъ края въ объявленную на военномъ положеніи мѣстность назначаетъ военнаго начальника, который обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ, или изъявленію *наружнаго неуваженія* къ правительству и мѣстнымъ властямъ, удалять изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи всѣхъ иностранцевъ, праздно проживающихъ, и подозрительныхъ людей.

3) Въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности: а) воспрещается — собираться безъ пужды на улицахъ и площадяхъ; по требованію полицейскихъ и военныхъ властей, всякія скопища должны немедленно раскоидиться, а въ случаѣ неисполненія сего послѣ трехъ предвараеній, скопища разсеваются силою; б) изъ процессій дозволяется только установленныя церковью, но и объ этихъ духовенство должно предвараить полицію, для принятія мѣръ къ предупреденію безпорядковъ; в) всякія собранія въ публичныхъ или частныхъ домахъ, которыя будутъ признаны вредными мѣстною властью, должны быть немедленно прекращаемы; г) лавки, шипки, кофейныя и другія подобныя заведенія, по распоряженію мѣстнаго начальства, запираются въ установленное время; д) мѣстная полиція и военные патрули вправѣ останавливать тѣхъ, которыхъ признають подозрительными, и отсылать ихъ къ военной власти; и е) въ случаѣ сопротивленія, воинская сила, вынужденная употребить оружіе, не подвергается отвѣтственности за послѣдствія.

Кромѣ того, по невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предвараются, что безпорядокъ долженъ вызвать экстремныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ (Полож. ком. мин-въ 8 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

ВІСТІ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ЮГЪ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ удалось сѣздить на родину—въ Малороссію и побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Я имѣлъ случай слышать и наблюдать тамъ нѣкоторыя явленія общественаго быта, преимущественно въ сферѣ происходящаго теперь преобразования по крестьянскому дѣлу; полагаю, что небольшой запасъ собранныхъ мною свѣдѣній не будетъ лишень интереса для читателей.

Начну съ хозяйства. Почти всѣ малороссійскіе землевладѣльцы жалуются на ущербъ, который они понесутъ въ своихъ доходахъ въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе совершающагося хозяйственнаго переворота. Имѣя въ виду уменьшеніе барщиннаго труда, многіе сочли необходимымъ убавить посѣвы. Но несмотря на это уменьшеніе запашки, все-таки оказался неуспѣхъ въ производствѣ хозяйственныхъ работъ. Это объясняютъ тѣмъ, что теперешній барщинный трудъ нигде не годится, что крестьяне, утративъ страхъ помѣщичьей кары, выходятъ на барщину поздно и дѣлаютъ все кое-какъ, до-испѣзы плохо. Для восполненія недостатка обязательной работы, многіе владѣльцы оказались въ необходимости прибѣгнуть къ найму, и помѣщичьи поля въ Малороссіи впервые, хотя и не вполне, обработаны были свободнымъ трудомъ, не изъ-подъ палки. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ, на первый разъ, оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Я былъ свидѣтелемъ затрудненій, какія встрѣчались при паймѣ рабочихъ на табачныхъ лаштаціи. Извѣстно, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской и Пол-

тавской губерній (*), табачная промисленность составляет главную отрасль сельскаго хозяйства. Табакъ требуетъ постояннаго и весьма тщательнаго за собою ухода. Сюда относятся: рассаживанье табаку, его поливка, полотьба, саповка, обрываніе верхушекъ, для того, чтобъ сосредоточить всё соки растенія въ боковыхъ листахъ и проч. Чтобъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ нѣсколько десятковъ десятинъ, засаживаемыхъ во многихъ имѣніяхъ табакомъ, необходимо ежедневно имѣть нѣсколько десятковъ и до сотни рабочихъ рукъ. Въ прежніе годы работы, эти, не требующія большой физической силы, исполнялись обыкновенно крестьянскими дѣтьми обоего пола, и частію женщинами. Но теперь, при запрещеніи брать на барщину лицъ моложе 18 лѣтъ, при уменьшеніи барщинныхъ женскихъ дней, помѣщики находились въ большомъ затрудненіи, какъ продолжать воздѣлываніе табачныхъ плантацій. Нѣкоторые рѣшились почти вовсе оставить табачную промисленность, или значительно уменьшили ея размѣры. Только весьма немногіе удержали прежній объемъ табачныхъ плантацій и, для обработки ихъ, принуждены были обратиться къ найму. Такъ какъ наемный трудъ составляетъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, новость, то понятно, что лица, нуждавшіяся въ немъ, на первый разъ, должны были встрѣтить затрудненіе. Собственно вольныхъ людей—козаковъ или государственныхъ крестьянъ—нельзя было нанять, потому что большая часть ихъ занята работою у себя дома; остальные же, по издавна—существующему обычаю, идутъ зарабатывать *коніюку* въ Поворосійскій край. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только обратиться къ прежнимъ крѣпостнымъ, т. е. къ тѣмъ же крестьянамъ, которые до сихъ поръ обязательно исполняли эту работу. Но они весьма неохотно отозвались на приглашеніе помѣщиковъ. Нельзя не предполагать, что въ числѣ причинъ ихъ отказа было также нѣкоторое желаніе лишиться помѣщика возможности имѣть хорошій табакъ. Весьма рѣдко случалось, чтобы на плантаціяхъ было то число рабочихъ, какое дѣйствительно было нужно, а въ праздникъ; который, бывало, шелъ не въ счетъ рабочихъ дней, нельзя было найти никого, ни за какія деньги. Сверхъ-того, другое затрудненіе заключалось еще въ томъ, что каждый работникъ, дитя или женщина, напимались съ

(*) Козелецкій, Нѣжинскій, Сосницкій, Борзевскій, Ковотопскій, а равно Ромевскій, Прилуцкій и Пирятинскій.

условіемъ, чтобы расчетъ производился не попедѣльно, а по окончаніи работъ каждаго дня. Поводомъ къ такому требованію служило, какъ догадываются, опасеніе крестьянъ, чтобы помѣщикъ не сталъ считать ихъ грудъ обязательнымъ, крѣпостнымъ, и не отказался бы отъ производства уплаты за работу нѣсколькихъ дней. Не говоря о неудобствѣ подневнаго расчета вообще, главная трудность удовлетворенія требованій крестьянъ, заключалась въ недостаткѣ мелкой разнѣнной монеты. Цѣны на рабочихъ въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Прилуцкомъ и Пятинскомъ были: для дѣтей отъ 5 до 7 коп., а для женщинъ отъ 10 до 12 и 15 коп. въ день. Сколько было нужно разнѣнныхъ денегъ, для такихъ мелкихъ платежей! Кто не имѣлъ мелкихъ денегъ, что весьма часто случалось, тотъ почти не могъ нанять рабочихъ. Нужно было посылать нарочнаго въ уѣздный городъ, для разнѣна блетовъ, да и тутъ съ большимъ трудомъ и не всегда можно было достать мелочи; напр. въ Нѣжинѣ, во время Троицкой ярмарки, одинъ мой знакомый не могъ разнѣнять на мѣдъ билета въ 25 руб. и едва-едва успѣлъ достать мѣди на 10 рублей, съ лажемъ по 5 коп. на рубль. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій при наймѣ рабочихъ въ будущемъ году, нѣкоторые помѣщики предполагаютъ еще, съ зныи, договорить нужное число людей въ *Литва* (т. е. въ Бѣлоруссіи), на все лѣто. При существованіи изложенныхъ обстоятельствъ, должно полагать, что въ нынѣшнюю осень табакъ, несмотря на хорошій его урожай, будетъ довольно дорогъ. Относительно же будущаго времени, есть большая вѣроятность думать, что черезъ годъ, два или три, почти всѣ большія помѣщичьи табачныя плантаціи прекратятся, ибо сами крестьяне, значительно облегченные отъ барщинной работы, станутъ производить табакъ въ большомъ количествѣ, на своихъ огородахъ, мелкими плантаціями. И какъ они, по-обыкновенію, не принимаютъ въ расчетъ труда, употребленнаго на обработку своего поля, то цѣны, по которымъ они начнутъ продавать табакъ, будутъ гораздо ниже тѣхъ, по которымъ могутъ уступать табакъ помѣщики, затратившіе на производство его нѣсколько сотъ рублей. Можетъ-быть, что такое состояніе табачной промышленности будетъ продолжаться недолго, и что современемъ, когда крестьяне лучше поймутъ цѣну труда и времени, большія плантаціи снова возникнутъ; но, покаместъ, до этого далеко, и означенный кризисъ, кажется, неизбеженъ. Помѣщики, которые захотятъ соперничать съ крестьянами, должны будутъ обратиться или къ воздѣлыванію высшихъ сортовъ та-

баку, или сократить издержки производства посредством введенія какихъ нибудь особыхъ усовершенствованій, машинъ и т. п. (*)

Повороссійскій край, съ которымъ я только теперь нѣсколько ближе познакомился, посѣтивъ нѣкоторыя имѣнія Александрійскаго (Херсон. губ.) и Екатеринославскаго уѣздовъ, представляетъ много любопытнаго, для сравненія съ Малороссіей въ отношеніи хозяйственного положенія помѣщичьихъ имѣній.

Повороссійскія губерніи всегда отличались отъ Малороссіи, равно и отъ прочихъ губерній, тѣмъ, что обязательный трудъ, хотя и существовалъ тамъ во всей своей силѣ, но при незначительности крѣпостнаго населенія, въ сравненіи съ обширностію земель, сельскія работы издавна производились тамъ не иначе, какъ съ участіемъ вольнаго труда. Ни одинъ помѣщикъ не могъ обойтись безъ наемныхъ рабочихъ и большую часть всѣхъ полевыхъ работъ производилъ всегда вольными людьми. Каждый изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ имѣлъ, въ этомъ случаѣ, полное основаніе рассчитывать на большое число лицъ, приходящихъ въ Повороссію, какъ изъ малороссійскихъ губерній, такъ и изъ Литвы, для заработковъ. Кромѣ того, въ обширныхъ степяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній, въ большомъ числѣ кочуютъ, удобно скрываясь отъ полиціи, такъ называемые *бурлаки*, т. е. бѣглые помѣщичьи, крестьяне, или солдаты. Эти люди, нисколько не опасаясь быть захваченными, всегда готовы къ услугамъ желающаго пользоваться ихъ трудомъ. Паспортовъ ни у кого не спрашиваютъ, и наниматель можетъ не знать, кто у него работаетъ, а если и знаетъ, что такіе-то изъ нанятыхъ—бродяги, то, при всемъ же—

(*) Намъ кажутся опасенія почтеннаго автора насчетъ закрытія табачныхъ плантацій преувеличенными. Особенно, соперничество крестьянъ съ помѣщиками въ обработкѣ табаку представляется невозможнымъ. Если крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, поспѣшитъ продать барышникамъ нѣсколько пудовъ воздѣланнаго имъ табаку, то этимъ онъ нисколько не подрываетъ цѣны, которая зависитъ отъ запроса и отъ количества табаку у большихъ плантаторовъ; не такъ давно бывало, что нѣкоторые помѣщики запродавали на корнѣ свой табакъ; но это не имѣло вліянія на цѣны. Мы были бы весьма рады, если бы освобожденный крестьянинъ, увеличивъ свои табачныя плантаціи, могъ вступить въ соперничество съ помѣщикомъ; но это едва ли сбыточно. Откуда крестьянину получить возможность воздѣлывать табакъ въ большемъ, чѣмъ онъ теперь воздѣлываетъ, количествѣ, когда пространство его огородовъ останется тоже самое, какое было и прежде и когда онъ не перестанетъ садить огородныя овощи, которыхъ необходимы для его продовольствія? *Ред.*

ланін предать ихъ въ руки надлежащей власти, не рѣшится этого сдѣлать, опасаясь товарищей пойманнаго, которые жестоко отомстили бы за такой поступокъ. Цѣны на трудъ въ Новороссійскомъ краѣ, уже нѣсколько лѣтъ, держатся довольно высокія. Работникъ съ косою (въ Новороссійскомъ краѣ косою убирается какъ сѣно, такъ и хлѣбъ) стоитъ отъ 75 до 1 руб., съ граблями отъ 60 до 80 коп. въ день. Кромѣ этой денежной платы, непрѣмѣнное условіе найма составляютъ *харчи* и *порціи*, т. е. пища и водка, которыя каждый хозяинъ обязанъ давать рабочимъ нѣсколько разъ въ день. Какъ вольный человекъ, пришедшій издалека заработать денегъ, такъ и бурлакъ, любятъ поѣсть *добре*, и хорошіе работники всегда избѣгаютъ тѣхъ имѣній, гдѣ пища не совсѣмъ хороша. Они скорѣе согласятся на уменьшеніе платы,—только бы хорошо ихъ кормили. По принятому обычаю, ихъ кормятъ 4 раза въ день, по утру *снѣданье*, потомъ *обѣдъ*, *полудень* и наконецъ *вечеря*. Ко всѣмъ этимъ срокамъ, тутъ же въ полѣ, на мѣстѣ работъ, въ подвижной кухнѣ приготавливаются различныя кушанья, какъ—то: *кулишь* (жидкая каша) или *галушки*, съ саломъ или съ постнымъ масломъ, *борщъ* съ рыбой, мясомъ и саломъ и *крутая каша*. Кромѣ того, работникамъ даютъ хлѣбъ, а иногда кукурузу, огурцы и проч. Послѣ каждой ѣды, работникъ получаетъ порцію водки, равняющуюся небольшому стакану. Въ имѣніяхъ съ 3 или 4 тысячами десятинъ земли (такихъ весьма много въ Новороссійскомъ краѣ), въ продолженіи лѣта, работаютъ отъ 100 до 200 и болѣе наемныхъ рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ, т. е. плата за трудъ и пища, обходятся всегда въ нѣсколько тысячъ рублѣй. Уже по этому расходу на рабочихъ, можно судить о величинѣ оборотнаго капитала въ имѣніяхъ Новороссійскаго края. Кромѣ вольнаго труда, здѣсь довольно давно стали вводиться разныя машины и усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія. Кошныя молотилки существуютъ почти вездѣ, даже въ маленькихъ имѣніяхъ, а въ большихъ нерѣдко можно найти и паровыя. Всѣ эти условія, подавляя собою крѣпостной трудъ, сдѣлали значеніе его неважнымъ для большинства помѣщиковъ, а потому объявленіе свободы въ Новороссійскомъ краѣ не могло прозвѣсть того невыгоднаго вліянія на состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ въ Малороссіи. Это отчасти зависѣло и отъ того, что въ Херсонской губерніи (въ Екатеринославской я этого не замѣтилъ) крѣпостная работа была не многимъ слабѣе прежней. Должно полагать, что относительная рѣдкость крѣпостнаго населенія, разбро-

савнаго на огромныхъ пространствахъ Херсонскихъ степей небольшими селами и деревнями, и происходящій отсюда недостатокъ частаго общенія между крестьянами препятствуютъ развитію въ нихъ тѣхъ чувствъ, которыя замѣтны, при густомъ крѣпостномъ населеніи, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ.

Смотря на энергическую дѣятельность многихъ Новороссійскихъ сельскихъ хозяевъ, на рациональность принимаемыхъ ими средствъ, ихъ стремленій и цѣлей, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему ничего подобнаго не видно въ Малороссіи, почему послѣдняя такъ отстала отъ своей молодой сосѣдки? — Отвѣтомъ на это служить, главнымъ образомъ, различіе географическихъ и другихъ условій той и другой мѣстности.

Плодородныя новороссійскія степи, расположенныя вдоль южной границы нашей, примыкаютъ къ берегамъ Чернаго моря. Днѣпръ, прорѣзывающій Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, будучи судоходенъ, на всемъ протяженіи отъ Николая (Екатеринослав. губ.) до Херсона, сближаетъ съ Одессою и другими нашими южными портами даже довольно отдаленные отъ береговъ пункты. Правильное буксирное и пассажирское пароходство, которое содержитъ, на означенномъ пространствѣ, «Общество пароходства и торговли по Черному морю», представляетъ способы для возможно-скораго сообщенія съ портами. Только хозяйства, находящіяся совершенно въ сторонѣ отъ Днѣпра, лишены возможности пользоваться пароходствомъ, но и для нихъ медленность обыкновенныхъ способовъ сухопутныхъ сообщеній облегчается относительною близостію разстоянія торговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, почти каждый земледѣлецъ въ Новороссіи обезпеченъ во всѣхъ своихъ продажахъ и покупкахъ. Еврей или другой купецъ, пріѣзжая въ деревню, не смѣетъ предложить помѣщику, за его пшеницу, ленъ или шерсть, цѣну ниже дѣйствительной, зная, что, въ противномъ случаѣ, весь товаръ можетъ быть удобно отправленъ непосредственно хозяиномъ въ самое мѣсто сбыта. Чтобы купить машину или другое что нужно для хозяйственнаго производства, стоитъ только сѣсть на пароходъ и выбрать самому въ Одессѣ вещь, по своему желанію, которая не замедлитъ прибыть на мѣсто, вслѣдъ за своимъ хозяиномъ. Многія машины можно купить, не ѣздивши въ Одессу, въ Екатеринославѣ, или выписать эти вещи, черезъ контору г. Ульмана, находящуюся въ селѣ городѣ. Нуженъ каменный уголь, для паровыхъ молотильныхъ машинъ, — его всегда мож-

но достать въ Никополѣ. Словомъ—близость пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и достаточныя удобства сообщенія съ ними по Днѣпру, давая возможность рассчитывать на выгодный сбытъ продуктовъ, невольно побуждаютъ новороссійскаго землевладѣльца къ дѣятельности, труду и энергической предпримчивости. Выгоды, общаемыя разработкою нетронутыхъ еще естественныхъ богатствъ почвы, въ Новороссійскомъ краѣ такъ значительны, что тамошніе дѣятельные хозяева, ради ихъ, терпѣливо сносятъ и свое пустынножителство, и гладкое однообразіе природы, и даже недостатокъ многихъ существенныхъ удобствъ жизни, какъ напр. хорошаго помѣщенія. Многіе помѣщики живутъ почти въ хатахъ, отличающихся отъ крестьянскихъ только лучшею мебелью. Такъ—какъ кругомъ все степи, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, то нѣкоторые изъ помѣщичьихъ усадебъ не имѣютъ подлѣ не только сада или лѣса, но даже ни одного порядочнаго тѣнистаго дерева. Расчетъ, допускающій одно производительное употребленіе капиталовъ, на улучшение нѣмной, заставляетъ тѣмъ болѣе сокращать расходы, относящіяся къ удобствамъ и удовольствіямъ жизни, что всѣ молодые дѣятельные землевладѣльцы, начинающіе только свое поприще, принуждены держаться системы кредитныхъ хозяйствъ.

Въ Малороссіи мы видимъ совершенную противоположность. Ближайшими къ Малороссіи пунктами заграничной торговли являются тѣ же южныя черноморскіе порты, что и для Новороссійскаго края, но съ тою разницею, что Малороссія, вслѣдствіе своего положенія къ сѣверу, несравненно болѣе отъ нихъ отдалена. Естественнымъ воднымъ путемъ сообщенія съ Чернымъ моремъ, для Малороссіи, долженъ былъ бы служить также Днѣпръ, протекающій по югозападнымъ ея предѣламъ. Но пороги, между Екатеринославомъ и Никополемъ, уничтожаютъ возможность правильнаго судоходнаго сообщенія Малороссіи съ Херсономъ и Одессою. Эти пороги дѣлаютъ то, что Малороссія, отправляя свой хлѣбъ, ленъ и другія произведенія къ Черному морю, медленнымъ и дорогимъ способомъ, на чумацкихъ фурахъ, не можетъ и помышлять о соперничествѣ съ Новороссійскимъ краемъ въ заграничной торговлѣ своими продуктами. Мы слышали, что составляется компанія, для уничтоженія Днѣпровскихъ пороговъ. Если этотъ слухъ справедливъ, то нельзя не пожелать новому предпріятію всевозможнаго успѣха. Пока это не осуществится или не проведется на югъ желѣзная дорога, Малороссія будетъ оставаться страной почти изолированной, безъ всякихъ средствъ для перевозки грузовъ. Въ ней по-

чти вѣтъ и шоссеіныхъ дорогъ, которыя такъ уже не новы въ великорусскихъ губерніяхъ. Московско-Харьковское и Кіево-Петербургское шоссе едва лишь касаются малоросіійской границы, на сѣверо-востокъ и западъ. Есть, однакожь, одинъ рѣчной путь, по которому Малоросія отправляетъ часть своихъ продуктовъ, это — вверхъ по Днѣпру, въ Бѣлоруссію. Перевозка грузовъ здѣсь совершается въ баркахъ, бичевою или съ парусомъ, при подталкиваніи судна безчисленными шестами или баржами. Медленность этого способа, требующаго содержанія множества рабочихъ, и огромныхъ съ ихъ стороны трудовъ, служатъ причиною, что количество хлѣба, отправляемаго этимъ путемъ, едвали превышаетъ 50—60 тысячъ пудовъ въ годъ, — количество, весьма незначительное въ сравненіи съ тѣмъ, что Малоросія производитъ. «Общество пароходства по Днѣпру», кажется, могло-бы замѣнить означенную нерпыбытную перевозку грузовъ, буксированіемъ барокъ посредствомъ пароходовъ; но оно, повидному, находитъ для себя болѣе выгоднымъ ограничиваться пассажирскимъ пароходствомъ. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, легко понять, почему малоросіійскіе землевладѣльцы въ настоящее время не производятъ такихъ оборотовъ, не отличаются такою дѣятельностью и такою распорядительностью, какъ ихъ собратья въ Новоросіи. Можно даже думать, что самое уничтоженіе обязательнаго труда мало поможетъ бѣдѣ. Отдаленность отъ пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и совершенное отсутствіе сколько-нибудь порядочныхъ путей сообщенія лишаютъ ее, какъ и всю центральную Россію, средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ, безъ котораго невозможны успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь побужденіе къ увеличенію и усовершенствованію производства, посредствомъ введенія дорожныхъ машинъ, когда нѣтъ надежды на увеличеніе сбыта? Цѣны всегда такъ низки на всѣ продукты, что помѣщикъ радъ-радехонекъ, если ему удастся отъ продажи чего-нибудь получить разомъ 500 — 600 руб. сер. Откуда тутъ быть капиталамъ для тысячныхъ оборотовъ, какіе ведутся, напр., въ Екатеринославской губерніи?

Одно преимущество имѣетъ Малоросія предъ Новоросіійскимъ краемъ, это—удобства деревенской жизни. Хорошіе помѣщичьи усадьбы, фруктовые и всякіе сады, устроенные трудами нѣсколькихъ поколѣній, близкое соедѣство помѣщиковъ другъ отъ друга, относительная близость уѣздныхъ городовъ, изобиліе всякихъ вкусныхъ плодовъ и яствъ — дѣлаютъ здѣсь жизнь спокойною и пріятною. Благодаря,

именно, этимъ условіямъ, Малороссія повсюду въ Россіи приобрѣла себѣ славу *благодѣтельной* страны. Къ-сожалѣнію, однакожь, нельзя не признаться, что указанныя выгоды далеко не въ состояніи искупить вышечисленныхъ неудобствъ. Малороссійскіе помѣщики начинаютъ уже теперь понимать это, видя и слыша, какіе доходы доставляютъ имѣнія въ Новороссіи; но вмѣстѣ съ этимъ они сознаются, что едвали бы согласились отдать свои старыя имѣнія за скучныя, бездѣльныя, хотя и богатые, новороссійскія степи...

Ущербъ, который послѣдуетъ въ хозяйствѣ малороссійскихъ землевладѣльцевъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, еще болѣе увеличивается естественнымъ бѣдствіемъ — саранчею. Это прожорливое насекомое, истребляющее всякую растительность, отъ обыкновенной травы и всѣхъ сортовъ хлѣба до табаку и древесныхъ листьевъ, прилетѣла въ Малороссію, въ прошломъ году, изъ Новороссійскаго края, гдѣ она, уже нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно остается. Предостереженія, сдѣланныя помѣщиками предводителями дворянства о перепаханіи полей, на которыхъ положены саранчею яйца, остались, какъ и должно было ожидать, безъ всякихъ послѣдствій. Прошедшая холодная зима возбудила надежду, что яйца пропадутъ отъ морозовъ, но ожиданія не сбылись. Въ началѣ іюня саранча выплодилась въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Козелецкомъ, Переяславскомъ, а равно за Днѣпромъ, въ Кіевской губерши. Нечего говорить объ отчаяніи и безпокойствѣ жителей, даже сосѣднихъ уѣздовъ. Земская полиція стала принимать мѣры къ уничтоженію саранчи. Способъ истребленія состоялъ въ томъ, что на протяженіи всего поля, занятаго саранчею, копались рвы, и крестьяне, съ метлами въ рукахъ, должны были загонять сюда саранчу, которую потомъ засыпали землею. Каждый крестьянинъ, если на поляхъ его деревни была саранча, долженъ былъ посвящать на истребленіе ея два дня въ недѣлю (одинъ барщинный и одинъ свой). Но крестьяне такъ неохотно брались за эту работу, что мѣстное выраженіе — *выгонять на саранчу* — можно понимать почти буквально. Въ Малороссіи крестьяне и даже многіе изъ помѣщиковъ убѣждены, что саранча есть «наказаніе Божіе», что старые и мудрые люди читаютъ эту фразу, написанную іероглифами на самыхъ крыльяхъ насекомого. Поэтому почти всѣ того мнѣнія, что истреблять саранчу — значитъ гнѣвить Бога, и что единственное средство противъ этого бѣдствія заключается въ молитвѣ. При такихъ предразсудкахъ истребленіе саранчи не могло идти успѣшно: крестьяне исполняли свое дѣло кое-

какъ, только для виду. Количество саранчи не уменьшалось, и это подало поводъ говорить, что масса саранчи даже увеличивается. Въ Кіевской губерніи, гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, землевладѣльцы думаютъ, что уничтоженіе саранчи возможно, дѣло это вело единодушнѣе и лучше. Много-стараній о немъ прилагало, какъ мы слышали, кіевское губернское начальство, посылая въ разныя мѣста своихъ чиновниковъ, для побужденія крестьянъ и для распорядженія работами. Кромѣ способа, принятаго въ Полтавской губерніи, здѣсь употреблялся еще, другой. Въмѣсто того, чтобъ сгонять саранчу въ рвы метлами, ее ловили сѣткою, наподобіе тѣхъ, какія дѣлаются для ловли бабочекъ. Изъ сѣтокъ, саранча выбрасывалась въ приготовленные ямы или рвы, и затѣмъ также засыпалась землею, сожигалась или топталась ногами. Но гораздо болѣе успѣшнѣе способъ истребленія саранчи употребляется въ Екатеринославской губерніи. Это способъ конныхъ ловушекъ. Дѣлается деревянный ящикъ около 2 арш. длины и 1 арш. ширины. Съ длинной боковой стороны ящикъ открытъ; дно его съ этой же стороны продолжено такъ, что ширина собственно ящика вдвое менѣе ширины всего дна. Въ двѣ дыры, просверленные по угламъ продолженнаго дна, продѣты по двѣ веревки, въ конъ впрягаются лошади. Для каждаго такого ящика, нужно пару лошадей и одного человѣка, который управляетъ лошадыю, сидя верломъ. Нѣсколько такихъ запряженныхъ ящиковъ ставятся въ рядъ въ полѣ, занятомъ саранчею. Въ то время, когда лошади скачутъ, ящикъ тащится по землѣ, и саранча волею — не — волею попадаетъ въ открытое отверстіе ящика. Когда ящикъ достаточно наполнится, саранча, сожигается, топчется ногами и засыпается землею въ приготовленныхъ рвахъ или ямахъ. Истребленіе саранчи этимъ способомъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ было такъ успѣшно, что вредъ, причиненный ею въ нынѣшнемъ году, не можетъ считаться значительнымъ. Какъ этотъ, такъ и другіе указанные способы могутъ быть употребляемы только въ началѣ лѣта, когда саранча не имѣетъ еще крыльевъ; для истребленія же летучей саранчи, которая причиняетъ наиболѣе вреда, нѣтъ никакого положительнаго средства. Но такъ-какъ это насекомое боится звука, то нѣкоторые землевладѣльцы спасаютъ свои поля, прогоняя саранчу шумомъ, звономъ, крикомъ, пальбою изъ ружей и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіе лѣта саранча три раза измѣняетъ свой наружный видъ. Я видѣлъ это насекомое во всѣхъ трехъ періодахъ его развитія. Похожая на обыкновеннаго кузнечика, саранча, по выходѣ

изъ яйца, бываетъ чернаго цвѣта, величиной менѣе обыкновеннаго комара. Только безчисленность массы, выскакивающей изъ-подъ ногу идущаго по полю, заставляеть замѣчать ее. Когда саранча достигнетъ роста величинаю въ дюймъ, то сшмаетъ съ себя черную кожу и дѣлается краснаго цвѣта съ коричневымъ отликомъ. Въ это время у ней начинаютъ расти крылья. Когда крылья достигнутъ извѣстнаго размѣра, саранча принимаетъ желтый цвѣтъ съ черными оттѣнками и начинаетъ дѣлать небольшіе перелеты, въ нѣсколько сажень. Укрѣпляясь болѣе и болѣе, она, къ концу юля, дѣлается способною подыматься довольно высоке и пролетать значительныя пространства. Въ концѣ лѣта саранча кладетъ свои яйца, выбирая запаханныя поля, а сама умираеть. Каждое яйцо ея можетъ, говорятъ, произвести до 70 насѣкомыхъ. Во время южнаго своего развитія, туловище саранчи достигаетъ величины 2 дюймовъ, а крылья, которыя всегда длиннѣе туловища, до $2\frac{1}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ дюймовъ. Не вся саранча одновременно подвергается указаннымъ видоизмѣненіямъ. Между красными насѣкомыми, можно замѣтить много черныхъ, а между желтыми летучими—красныхъ-скакуновъ. Саранча не занимаетъ большихъ сплошныхъ пространствъ, а располагается всегда полосами, въ нѣсколько верстъ ширины и нѣсколько десятковъ верстъ длины. Она скачетъ и летаетъ не въ разныхъ направленіяхъ, какъ кузнечики или бабочки, а держится преимущественно одного какого-нибудь пути. По сдѣланному мною наблюденію, вся масса саранчи, во всѣхъ полосахъ, въ Малороссіи и Новороссіискоужь краѣ, направлялась, въ этомъ году, въ своемъ ходѣ и перелетѣ, на юго-западъ. Непріятно видѣть перелетающія массы этихъ насѣкомыхъ вблизи. Въ Херсонской губерніи такія массы нѣсколько разъ пересѣкали мнѣ дорогу. Онѣ не представляются, какъ обыкновенно говорятъ, густою тучею, а скорѣе походятъ на сѣтъ, раскинутую отъ земли вверхъ на нѣсколько сажень, въ длину на нѣсколько верстъ и въ ширину, я думаю, не болѣе, а можетъ быть и менѣе, 1 версты. Эти массы натѣкаютъ на все, что имъ попадается на встрѣчу, ударяются о людей и лошадей. Ударъ ихъ въ лицо довольно чувствителенъ, и лошади всегда обнаруживаютъ при этомъ нѣкоторый испугъ, фыркають и бросаются въ сторону. Я замѣтилъ, что насѣкомыя эти, оставаясь безъ пищи, въ ящикѣ, куда они были заключены, ѣли другъ друга и были живы до 9 дней. Трудно теперь даже приблизительно опредѣлять количество нанесеннаго саранчею вреда въ Малороссіи, но можно думать, что онъ довольно

значителенъ, и, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть слѣдствіемъ повышение цѣнъ на всѣ продукты.

Отъ предметовъ хозяйственныхъ перейдемъ къ другимъ, болѣе живымъ. Постараемся сообщить читателямъ факты, характеризующіе въ известной степени нынѣшнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательны различія между обоими сословіями недоразумѣнія, въ чемъ теперь нѣтъ недостатка. Такъ, въ Малороссіи нѣкоторые помѣщики, немедленно по объявленіи манифеста, предложили всѣмъ дворовымъ и должностнымъ крестьянамъ своихъ имѣній известное жалованье, а иные предоставили имъ даже право оставить, если пожелаютъ, службу, не дожидаясь истеченія обязательнаго двухлѣтняго срока. Эта прекрасная и въ то же время престаившая мѣра возбудила въ крестьянахъ одного имѣнія самыя страшныя подозрѣнія. Дѣло было въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Дворовыя и должностныя лица, сперва съ удовольствіемъ согласившись принять предложенныя имъ условія о жалованьи, по истеченіи нѣсколькихъ дней, всѣ одинъ за другимъ стали отказываться и отъ жалованья, и отъ службы. Невозможно было понять причину этого отказа, безъ всякаго видимаго повода. Послѣ долгихъ отиѣкиваній, кто-то изъ крестьянъ объяснилъ, что между ними распространился слухъ, будто всѣ служащіе теперь помѣщику за жалованье навсегда должны будутъ остаться въ этомъ положеніи, и снова сдѣлаться крѣпостными. Сколько нужно было усилий, чтобъ убѣдить крестьянъ въ ложности и нецѣлности такого мнѣнія. Послѣ долгихъ убѣжденій, они согласились продолжать служить за жалованье, какъ было условлено. Въ деревнѣ говорили, что виновникомъ слуха, который такъ смутилъ крестьянъ, былъ какой-то заѣзжіи мѣшанинъ, сдѣлавшій это, какъ полагали, въ отмщеніе помѣщику, за то, что послѣдній не согласился продать какой-то продуктъ, по предложенной цѣнѣ... Вотъ другой также странный примѣръ недоразумѣнія. Въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ есть много мелкихъ имѣній, гдѣ крестьяне не пользовались допымѣ надѣломъ земли, и зарабатывали хлѣбъ съ панскаго поля (получая 3-й и 4-й снопы) въ дни, свободные отъ барщины. Владѣльцемъ одного изъ такихъ имѣній (въ Херсон. губ.) было предложено въ это лѣто крестьянамъ, въ видахъ обоюдной выгоды, снимать хлѣбъ въ теченіе всей недѣли, за 4 снопы, безъ барщины, или, если не желаютъ этого, работать установленную барщину, а за работу, въ свободное за тѣмъ время, получать 3-й снопъ. Какъ ни ясно, что въ первомъ

случаѣ недѣльное пріобрѣтеніе каждаго работника было бы значительно больше, чѣмъ во второмъ (*), однакожъ крестьяне приняли второе условіе. Вообще нужно сказать, что крестьяне не идутъ почти ни на какія сдѣлки съ помѣщиками. Отъ этого составленіе уставныхъ грамотъ чрезвычайно затруднительно, и весьма многіе помѣщики не думаютъ приниматься за это дѣло, желая ввалить его на мировыхъ посредниковъ. Много будетъ работы посредникамъ!

Случаи недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ, подобные двумъ приведеннымъ, встрѣчаются нерѣдко; съ перваго раза они кажутся столь странными, что каждый готовъ отнести ихъ къ непониманію крестьянами собственныхъ интересовъ, а иной, незнающій народа, согласится, пожалуй съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, утратившихъ и свою народность и чувство правды, помѣщиковъ, что крестьяне просто глупы и тупоумны... Да, нашему крестьянину придется много работать для своего умственного образованія, до-сихъ-поръ ему не было ни времени, ни простора объ этомъ подумать; въ этомъ каждый долженъ съ грустью сознаться. Но развѣ приведенные случаи не показываютъ наивно-благородную, хотя и слабую натуру, которая, увлекаясь одною мыслию о свободѣ, не замѣчаетъ собственныхъ выгодъ? Развѣ причины описаннаго образа дѣйствій крестьянъ не кроются въ томъ состояніи, въ которомъ они до сей поры находились? Долго поработанные, проливавшіе вѣчно свой потъ изъ-за чужихъ выгодъ, нерѣдко обманутые, крестьяне, весьма понятно, не могутъ вѣрить искренности и чистотѣ предложеній помѣщика. Они полагаютъ, что владѣлецъ, который лишается теперь возможности извлечь для себя выгоды изъ дароваго ихъ труда, долженъ питать къ нимъ личную ненависть, и поэтому не можетъ предложить имъ никакихъ дѣйствительно — выгодныхъ условій. Смотря недовѣрчиво на все предложенія, исходящія отъ помѣщика, крестьяне всегда готовы думать, что тутъ заключаются какіе нибудь извороты или ухищренія, съ цѣлію удержать ихъ въ прежнемъ, крѣпостномъ состояніи. Наконецъ крестьяне, ожидавшіе освобожденія нѣсколько лѣтъ, какъ бы желаютъ теперь убѣдиться въ наступленіи обѣтованнаго дня, и оттого ловятъ всякій случай, чтобы увѣриться: точно ли слово помѣщика не можетъ быть и не бу-

(*) Если положить, что мужчина можетъ убрать среднимъ числомъ 120 сноповъ въ день, то въ первомъ случаѣ еженедѣльный заработокъ каждаго работника будетъ составлять 180, а во второмъ только 120 сноповъ.

деть для нихъ болѣе закономъ. Нельзя не замѣтить также, что послѣдній изъ двухъ вышеприведенныхъ фактовъ можно объяснить отчасти свойствами самаго народнаго характера. Малороссъ вообще подозрителенъ; сверхъ того онъ не любитъ связывать себя какимъ нибудь условіемъ, обязывающимъ его къ извѣстной непремѣнной работѣ и лишаящимъ возможности взяться за другое дѣло. Такъ въ упомянутомъ случаѣ крестьяне, я увѣренъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду, что, при работѣ за 4 снопы, безъ барщины, они будутъ обязаны, по условію, являться каждый день на работу, тогда какъ, при трехдневной барщинѣ, остальные дни у нихъ совершенно свободны. Правда, что, въ это время, они также должны необходимо работать, чтобъ имѣть на зиму хлѣбъ; но украинцу важно то, что при этомъ онъ все-таки не лишается нѣкоторой независимости въ дѣйствіяхъ: «захотѣлъ,—пошелъ на работу, не захотѣлъ,—не пошелъ,»—вотъ-что дорого!—Помѣщики, утверждающіе, что крестьянинъ глупъ, очевидно, говорятъ это потому, что все еще не могутъ придти въ себя отъ потери прежней власти, прежняго своего значенія. Они дѣйствительно раздражены; и хотя, подъ вліяніемъ духа времени, стараются казаться приверженцами свободнаго труда, но въ раздраженіи не могутъ скрыть своихъ настоящихъ убѣжденій.—Въ этомъ легко убѣдиться, при всякомъ случаѣ, когда они говорятъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, гдѣ крестьянинъ выказалъ чувство собственнаго достоинства и независимости. Въ каждомъ подобномъ поступкѣ, эти господа видятъ дерзость, личную для себя обиду, оскорбленіе своего дворянскаго званія и проч. Ужъ гораздо лучше тѣ застарѣлые помѣщики и помѣщцы, которые, въ своихъ закоренѣлыхъ убѣжденіяхъ, всегда являются открытыми сторонниками крѣпостнаго права... Впрочемъ, справедливость требуетъ также замѣтить, что неудовольствія помѣщиковъ противъ крестьянъ иногда имѣютъ дѣйствительныя основанія, въ нарушеніи крестьянами ихъ законныхъ правъ или въ неисполненіи своихъ обязанностей, въ-отношеніи барщинной работы. Такъ, всего чаще случается, что крестьянъ обвиняютъ въ потравленіи помѣщичьихъ полей своимъ скотомъ. Ни убѣжденія, ни арестъ пойманнаго крестьянскаго скота, ничто не помогаетъ. Одни штрафы могли бы, можетъ быть, дѣйствовать, если бы взысканіе ихъ не было сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Такъ какъ прежде примѣры потравленія были довольно рѣдки, то, быть можетъ, справедливо полагаютъ, что въ настоящее время крестьяне впадаютъ въ это съ намѣреніемъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, помѣщикъ,

которому надобно ежедневно твердить, чтобъ одинъ крестьянинъ не пускалъ къ нему на баштанъ своей свиньи, застрѣлить ее изъ ружья. Крестьяне такъ были раздражены этимъ поступкомъ, что изъ этого могла бы произойти для помѣщика весьма несприятная исторія, еслибъ на защиту къ нему не явился случайно волостной старшина, захватившій въ эту деревню, при объѣздѣ своей волости. Выборные крестьянами сельскія власти, по какому-то странному противорѣчю съ своимъ назначеніемъ, вообще, сколько я могъ замѣтить, богаѣ клоняты на сторону помѣщиковъ. И въ настоящемъ случаѣ, помянутый старшина возстановилъ порядокъ, какъ мнѣ говорили, довольно сильно наказавши крестьянъ розгами. При всѣхъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ съ крестьянами, помѣщики довольно рѣдко обращаются къ посредникамъ. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что они нѣсколько ошиблись въ своихъ расчетахъ на посредниковъ, думая найти въ нихъ людей, которые будутъ цѣнить какъ сословныя различія, такъ и личныя знакомства. Просьбы, приносимыя первое время помѣщиками посредникамъ, нѣрѣдко клонились или къ тому, чтобъ напугать и прижать крестьянъ, или чтобы просто лишить ихъ пользованія тѣмъ или другимъ изъ правъ, предоставленныхъ новымъ положеніемъ. Такъ, одна Полтавская помѣщица просила посредника запретить ея дворовой дѣвушкѣ выйти замужъ. Когда посредникъ сослался на статью положенія, дозволяющую крестьянамъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика, то барыня стала умолять сдѣлать это единственное отступленіе отъ правилъ, изъ уваженія къ ея милой особѣ и къ тому, что замужество дѣвушки лишитъ ее булочницы. Не приводя другихъ примѣровъ, достаточно сказать, что мирные посредники, принадлежащіе вездѣ къ лучшимъ людямъ между дворянами, всѣ, за весьма немногими исключеніями, отбросили въ сторону свои личныя отношенія и сословныя различія, и взяли себѣ за правило: защищать ту сторону, которая дѣйствительно нуждается въ защитѣ. Каждый изъ нихъ вполне понялъ и то, (чего не понимаютъ многіе помѣщики), что только братскимъ союзомъ съ крестьянами, ихъ довѣренностью и уваженіемъ можно сохранить общественный порядокъ, а равно упрочить собственное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, крестьяне съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращаются къ посредникамъ во всѣхъ дѣлахъ, когда встрѣтится надобность.

Что касается до земской полиціи, то помѣщики еще рѣже, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, обращаются къ ея помощи, пото-

му что, обыкновенно, нелюбятъ входить ни въ какіи сношенія съ полицейскими властями. При неисполненіи слугами или крестьянами своихъ обязанностей, помѣщикъ твердитъ одно: «теперь эманципація, теперь эманципація...» Въ этихъ словахъ бывшаго душевладѣльца, вмѣстѣ съ притворнымъ равнодушіемъ, слышится досада и даже — пронія... Вмѣшательство полиціи бываетъ чаще въ тѣхъ, преимущественно большихъ, имѣніяхъ, гдѣ распорядителями хозяйства являются не сами владѣльцы, а поставленные ими управляющіе. Эти ревнители чужихъ интересовъ, вслѣдствіе своего отвѣтственного положенія предъ помѣщикомъ, не всегда бываютъ снисходительны къ крестьянамъ. Оттого здѣсь иногда случается, что ничтожное дѣло принимаетъ характеръ *исторіи*, для потушенія которой вызывается войско. Такъ было, по слухамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губерніи.

Съ освобожденіемъ отъ попечительства помѣщиковъ, крестьяне большей части имѣній лишаются одной очень важной выгоды, это—бесплатнаго врачебнаго пособія, въ случаѣ болѣзни. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были содержимы для этого помѣщиками особые врачи и почти вездѣ были наемные фельдшеры. Теперь помѣщики болѣе не считаютъ себя обязанными заботиться о здоровьи крестьянъ, отпускаютъ изъ своихъ деревень врачей и фельдшеровъ, а крестьяне остаются безъ всякихъ средствъ къ леченію. Государственные крестьяне имѣютъ медиковъ и фельдшеровъ⁽¹⁾; вѣроятно, и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ также будутъ въ свое время назначены особые медицинскіе чиновники. Но долго-ли и какъ имъ оставаться въ настоящемъ безпомощномъ положеніи?

Крестьяне съ необыкновеннымъ рвеніемъ пользуются новымъ своимъ правомъ—вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Интересно было бы знать, насколько число браковъ между бывшими крепостными, въ настоящемъ году, болѣе прежнихъ лѣтъ? Повидному, число это должно быть очень значительно, такъ—какъ въ теченіе нынѣшней весны и лѣта не проходило недѣли (исключая постовъ), безъ того, чтобы во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ, не было по крайней мѣрѣ одной, двухъ, а иногда и болѣе свадебъ. И кажется, эти свадь-

(1) Медики и фельдшера государственныхъ имуществъ имѣютъ значеніе чиновниковъ медицинской полиціи. Леченіемъ крестьянъ они не занимаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ—случаевъ повальныхъ болѣзней. Едва-ли лекаря-чиновники замѣнятъ тѣхъ, хотя и немногихъ медиковъ, которые жили въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

бы много содѣйствуютъ увеличенію пьянства, которое и безъ того довольно сильно въ Малороссіи (1).

Весною въ газетахъ часто попадались извѣстія о томъ, что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне стали очень воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, послѣ объявленія имъ свободы. Обстоятельство это не произвело на Малороссію такого благотѣльнаго дѣйствія. Народная поговорка: *«не на те козакъ нѣе, що е, а на те, що буде»* въ настоящее время, кажется чаще, чѣмъ когда либо, исполняется на дѣлѣ. Недостатокъ серебряной мелкой и даже мѣдной монеты, затрудняющей, какъ уже было замѣчено, помѣщиковъ и приносящей еще болѣе вреда маленькимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, также не остается безъ вліянія на усиленіе пьянства. Кредитный билетъ, приносимый крестьяниномъ въ шиннокъ, почти весь переходитъ въ руки шинкарей, за недостаткомъ сдачи. Понятно, что трактирщики, желая заставить побольше купить своего товара, не всегда добросовѣстно отказываютъ въ сдачѣ. Малороссійскіе шинкари иногда употребляютъ и болѣе благородныя и невинныя средства, для привлеченія посѣтителей: дѣлаютъ заманывающія надписи на своихъ трактирахъ, и притомъ въ стихотворной формѣ. Такъ, по дорогѣ изъ Чернигова въ Штань, на дверяхъ двухъ деревенскихъ трактировъ (въ Куликовкѣ и Жуковкѣ), мнѣ бросились въ глаза слѣдующія надписи: *«Не журысь, выпей водки и повеселысь»* и другая—*отдыхни и осьмиху водки возьми»*. Въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, прибыль трактирщиковъ, я думаю, не менѣе какъ и въ Малороссіи. Одинъ помѣщикъ Александрійскаго уѣзда, находя, что крестьяне его деревни, въ коей выпивалось до 80 ведеръ въ недѣлю, слишкомъ пьянствуютъ, приказалъ возвысить цѣну водки съ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за ведро. Сомнительно, однакожь, чтобы эта мѣра возымѣла желаемое дѣйствіе. Въ томъ же уѣздѣ я видѣлъ, впрочемъ, примѣръ замѣчательнаго воздержанія. Крестьянинъ, жепив-

(1) Въ 1839 г. въ губерніяхъ Южнороссійскихъ, среднее потребленіе вина каждымъ жителемъ обоаго пола составляло: въ Черниговской (менѣе 1½ мил. жител.) и Кіевской (менѣе 2 мил. ж.) 1,92 ведра, въ Екатеринославской (болѣе 1 мил. жит.) Херсонской (болѣе 1 мил. ж.) Харьковской (1½ мил. ж.) и Полтавской (около 2¼ мил. ж.) отъ 1,53 до 1,39 ведра. Между тѣмъ потребленіе вина въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ томъ же году, самое большее было для С. Петербургской, Ставропольской и Московской по 1,68, 1,63 и 1,07 ведра на каждого жителя; для прочихъ же оно простиралось отъ 0,64 до 0,23 ведра на каждую душу.

шись въ юлѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую рабочую пору, добровольно отказался отъ всѣхъ свадебныхъ церемоній, продолжающихся иногда, какъ извѣстно, цѣлую недѣлю и всегда сопровождающихся пьянствомъ. Правда, удовольствія эти были только отсрочены и должны будутъ нешрѣнно состояться осенью; но нельзя не видѣть торжества благо-разумія въ томъ, что на другой день послѣ брака, въ понедѣльникъ, и мужъ и жена были на работѣ. Мнѣ кажется, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ подобный случай почти немислимъ.

Въ заключеніе, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно новыхъ удобствъ пассажирскаго сообщенія между Петербургомъ и Южной Русью Два, три года, и даже менѣе, назадъ, человѣкъ, испитыющій своего экипажа, не иначе могъ попасть на Югъ, какъ протрясшись на перекладной повозкѣ, около полуторы или двухъ тысячъ верстъ. Теперь же, благодаря diligencсамъ и пароходамъ, можно доѣхать, напр. до Одессы, почти не испытывая ѣзды на перекладной. О переѣздѣ отъ Петербурга до Острова нечего говорить, такъ—какъ всѣмъ извѣстно, что черезъ этотъ городъ пролегаетъ Петербурго—Варшавская желѣзная дорога, встрѣчающаяся здѣсь съ кіевскимъ шоссе. Въ Островѣ, выйдя изъ вагона, вы садитесь прямо въ почтовый diligencсъ, который доставляетъ васъ, послѣ 100 часовой ѣзды, т. е. на пятая сутки, въ Кіевъ. Здѣсь, сѣвши на пароходъ «Общества пароходства по Днѣпру», вы пріѣзжаете на другой день въ 4 часа пополудни въ Кременчугъ, и если это случится наканунѣ отплытія парохода въ Екатеринославъ, то на третій день, по отъѣздѣ изъ Кіева, въ 4 же часа пополудни, вы въ Екатеринославѣ. Отъ этого послѣдняго вамъ придется сдѣлать не болѣе 100 верстъ на перекладныхъ до Николая, и затѣмъ новый пароходъ «Общества пароходства и торговли» везетъ васъ черезъ Херсонъ — въ Одессу. Право, нельзя не радоваться, что наконецъ существуетъ возможность совершить такое путешествіе на югъ, не только весьма удобное въ сравненіи съ прежнимъ, но даже пріятное! Конечно, къ diligencсамъ можно отнести только первое. Удобства ихъ, въ сравненіи съ обыкновенной почтовой ѣздой, всѣмъ извѣстны: помѣщеніе покойное, вы защищены отъ непогоды, не знаете хлопотъ о лошадяхъ, васъ везутъ безостановочно, вамъ ненужно брать никакой подорожной, ненужно платить носсеинныхъ сборовъ. Плата за мѣста отъ Острова до Кіева—наружное 28 руб. и внутреннее 40 руб., значительно менѣе суммы провозныхъ денегъ, которую бы пришлось израсходовать, ѣдучи одному,

на пару лошадей. Вообще можно сказать, что издержки путешествія до Кіева, въ дилижансѣ, сокращаются почти на—половину. Дорого стоитъ перевозка значительнаго багажа по 5 коп. съ cadaго фута, сверхъ полпуда, дозволеннаго имѣть бесплатно. Но если, какъ обыкновенно стараются дѣлать, дорожная поклажа не велика, то въ наружномъ мѣстѣ дилижанса можно за 30 руб. съ небольшимъ доѣхать изъ Острова въ Кіевъ. Важная невыгода состоитъ только въ затрудненіи получить мѣсто въ дилижансѣ, особенно наружное. Дилижансы ходятъ въ Кіевъ и обратно только два раза въ недѣлю, и, при множествѣ желающихъ ѣхать въ дилижансѣ, вы почти навѣрное рискуете не найти мѣста, если не купите билета за недѣлю или даже за двѣ до отправленія дилижанса, а это чрезвычайно трудно,—такъ какъ заранѣе не всегда можно опредѣлить съ точностію день выѣзда. Хорошо было бы, еслибъ почтовое начальство позаботилось, чтобы дилижансы, между Кіевомъ и Островомъ, ходили нѣсколько чаще, напр. хотя раза 4 въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что всегда всѣ мѣста въ нихъ были бы заняты... По Днѣпру я не ѣздилъ дагдѣ Екатеринослава, а потому могу судить только о пароходствѣ, которое содержится между Екатеринославомъ и Кіевомъ. «Общество пароходства по Днѣпру», начавшее свою дѣятельность, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ, чрезвычайно оживило страну, для которой ѣзда на пароходахъ была совершенною новостью. Окрестные жители весьма довольны пароходствомъ, а Общество съ своей стороны, кажется, старается доставить публикѣ удобства. Въ прошломъ году, между Кіевомъ и Кременчугомъ, пароходы совершали только по 2 рейса въ недѣлю, теперь же, съ іюня мѣсяца, прибавлено еще два рейса. Для публики, дѣйствительно, удобнѣе имѣть возможность рассчитывать на отправленіе парохода 4 раза въ недѣлю, вмѣсто двухъ; но выгодно ли это для самого Общества, не ошиблось ли оно въ своихъ расчетахъ? Въ иные рейсы, какъ раза два мнѣ случалось видѣть, пассажировъ бываетъ на пароходѣ весьма мало. Помню 3 іюли, когда я ѣхалъ въ Кременчугъ, въ 1 классѣ было только три пассажира, а во 2-мъ и 3-мъ, я думаю, не болѣе 20 человекъ. Говорятъ, что подобный недостатокъ пассажировъ не рѣдкость со времени увеличенія числа рейсовъ. Между Кременчугомъ и Екатеринославомъ пароходы совершаютъ только по 2 рейса въ недѣлю, и на нихъ, какъ я видѣлъ и слышалъ, также не бываетъ много пассажировъ. Не выйдете ли было бы Обществу, вмѣсто длинныхъ пассажирскихъ пароходовъ, содержать буксирные пароходы?

Плата за мѣста весьма умѣренная, напр. въ 1 классѣ, отъ Кіева до Кременчуга, 10 руб., а отсюда до Екатеринослава 5 руб. Относительно стола и внутренняго устройства, пароходы не представляютъ особенныхъ удобствъ, но вообще удовлетворительны. При путешествіи на пароходахъ, большое удовольствіе доставляютъ живописные виды праваго берега Днѣпра, хотя, къ сожалѣнію, они встрѣчаются не вездѣ. Отъ Екатеринослава почти до Канева, правый берегъ также низокъ, пустынеиъ и песчанъ, какъ и лѣвый. Живописность видовъ начинается весьма близко отъ той горы, на которой погребено тѣло добраго нашего поэта, Т. Г. Шевченка. Пароходъ, останавливающийся у Канева, пристаеетъ подлѣ самой этой горы, въ разстояніи не болѣе версты отъ нея. Простой бѣлый крестъ, на высокой сложенной изъ дерна могилѣ, спрятанной между кустовъ и деревъ, видѣтъ лишь тогда, когда пароходъ подъѣзжаетъ къ Каневу, со стороны Кіева. Могилу Шевченка безпрестанно посѣщаютъ пріѣзжающіе на пароходѣ; для жителей же окрестныхъ мѣстъ, она сдѣлалась мѣстомъ прогулокъ въ часы отдыха.

Имя Шевченка стало здѣсь народнымъ и, вмѣстѣ нѣсколько таинственнымъ. Уже и теперь въ народѣ ходятъ о Тарасовой могилѣ легенды, созданныя живымъ украинскимъ воображеніемъ.

М. Н. Дараганъ.

Петербургъ.
24 сентября 1861 г.

Нѣсколько словъ о Пинчукахъ. (*)

По поводу статьи г. Левченка: *Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ* (Основа, кн. I.)

(Письмо къ редактору).

Г. Левченко по-видимому — правильно помѣтившій *Пинчуковъ* въ числѣ Русиновъ, говоритъ, что« при опредѣленіи народности, нужно

(*) Спѣшимъ помѣстить въ *Основѣ* весьма любопытное свѣдѣніе о малоизвѣстной отрасли южнорусскаго племени, причисляемой нѣкоторыми къ бѣло-

обращать внимание на мужскія и женскія одежды, головные уборы, и характеръ построекъ. Миѣ кажется, что, при опредѣленіи народности, едва ли не главное мѣсто занимаетъ самое нарѣчіе народа, — и потому послушайте, *якъ бѣдють Пинчуки*. (1)

— А що, Оедоръ, чи знашовъ теля?

— Ні, да вже найдеться, бо бувъ *въ Казуся*, то казавъ, що небійсь, ще поганинъ (2) ёго не набачивъ. Добрій оцей чоловікъ Казусь, хочъ и кажу, що е въ ёго ширѣ въ носі (3), да й гріхъ тому, хто се каже: Добра юдина! не одну вінъ спасѣну душу поратувъ въ тяжкій пригоді. Отъ якось на тымъ тижні пронавъ у нашего дяка кінъ, да вінъ у ёго бедолаги и вся худоба, бѣльшей е не має. Що бѣдному робити? Почесавъ голову, да скорійшь и до Казуся. Отъ пришовъ поклонивсь да й ка: «Казуспку—батечку, поратуй!» такъ, ка, и такъ.—Добре, спску; не журись.»

Отъ вийшовъ Казусь зъ хати, подививсь на всхідъ соньця, поговоривъ, якъ ёго тамъ Бигъ падоумивъ, чи зробивъ що, да вернувшись въ хату й каже: «не бійсь, пане дяче: кінъ живъ. Иди лишень теперъ шукати, а поганинъ уже до ёго не доступить.»

Поклонивсь панъ дикъ, да й вийшовъ, да уже не пошовъ до—дому, а взявши мале хлопя, бачъ воно пасвлю коня, то зна де кінъ zostавсь,—пошовъ на всю нічь шукати. Отъ ходить нічь—нема, день—нема; уже и друга нічь—нема, адъ нідь світь чують—щось наче тупотить. Воши туди, ажъ стоить кінъ, голодний якъ жердка, не тильки що траву нідь собою вигризъ, а землю вишкробавъ, якъ отъ на хату; бо бачъ на сімъ місці зхоинвъ ёго Казусь; то вже и до ёго нищо не прьстунить и ёму нельга зойти зъ мѣсця. Тоді дикъ за коня да перехристившись и додому. Прииѣвъ кварту, позвавъ Казуся,—да и я на сѣе нахопивсь, то й чувъ, якъ самъ панъ дякъ

уссамъ. Только *курная* изба представляетъ разительное отличие *Пинчуковъ* отъ прочихъ Украинцевъ, которыхъ такъ ужасаетъ подобное жилище.

Искренно благодарны г. Мохраницъ за сообщенное извѣстiе и съ нетерпѣнiемъ будемъ ожидать болѣе-подробныхъ народоописательныхъ свѣдѣнiй.

Мы просили бы ставить ударенiя,—разборчивѣе писать слова, неупотребибельныя въ другихъ мѣстахъ Украины и обозначать городъ, мѣстечко и село, гдѣ будетъ записанъ *тотъ* ил *другой* образецъ народнаго говора.

(1) Пинскъ теперь Минской губерніи.

(2) Поганинъ—волкъ.

(3) Пинчуки отзываются такъ о своихъ колдунахъ, которымъ сильно вѣрятъ.

росказувавъ. Отъ же жъ теперъ и я, хочъ еще и не знашли теля, да вже не боюсь: знайдеться, бо сказавъ Казусь. Да отъ жду жінки: пійшла шукати. Вже її пізно, а її досі нема. Добранічть!»

Потомъ оба друга расходятся,—каждий идетъ въ свою «хату», т. е. небольшую курную избу, вымазанную (внутри) сѣрою глиною, о 3-хъ (небольше 4-хъ) окошечкахъ, и покрытую деревянными досками,—рѣдко соломомъ (иколотомъ). Одинъ изъ нихъ садится на лавку, закуриваетъ трубку съ маленькимъ чубучкомъ собственаго издѣлія, сбрасываетъ свиту, пошитую гладко, т. е. безъ фалдъ, съ стоячимъ небольшимъ воротничкомъ; шапку—огромнаго сиваго, рѣдко—чорнаго, барана; поясъ, и садится за столъ, ужинаетъ, а потомъ ложится на «запечку», а прочая семья размѣстилась по другимъ лавкамъ, (обыкновенно одна хата—общая спальня и для мужчинъ и для женщинъ). Другой, пришедъ домой, въ подобную же хату, садится на «переднічью» и начинаетъ «постели плести, а снови давъ волокни впти, (постелы обыкновенно дѣлають изъ лозы, а только на праздникъ изъ лыны; волокни вьютъ изъ молодой лыны (*лутъе*); и оба дожидаютъ «жінки и матери». Наконецъ приходитъ жена, въ величайшей радости, пригнавъ теленка. Входитъ жена въ хату. На головѣ у нея «нажетка», свита, подобная той, какую уже мы видѣли (никогда не другая какъ напр. въ Малороссіи, изъ какой-нибудь рябой холетинки). Сбрасываетъ свиту, потомъ юнку изъ грубаго холста, и «приникае» къ рубанкѣ фортухъ. Дочь, пришедшая съ нею, тоже въ подобной свитѣ, которую уже скинула. На головѣ у нея платокъ, (всегда бѣлый), завязанный довольно большою складкою, и въ «літницѣ» суконная (рябая—красная) собственаго работи юнка, что впрочемъ уже составляетъ признакъ богатой хаты. Все это она уже успѣла сбросить—и вотъ всѣ перекрестившись сѣли за столъ. Поужинавъ ложатся спать, причемъ отецъ, хозяинъ дома, говоритъ: «Не щобсчите жъ, а спите, щобъ взавтра рано повставали на гутреню: такижъ то святее снесенне.»

Вотъ — что на первый разъ я считалъ лишнимъ сказать вамъ о Пинчукахъ. Дальше скажу кое-что о географическомъ положеніи Пинчуковъ—особенностяхъ какъ уѣзда, такъ и города Пинска, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ обычаяхъ, и тогда рѣшимъ съобща, что такое Пинчукъ,—разумѣю—какой они народности...

Ю. Мохравця.

ИЗЪ БОРИСПОЛЯ.

*Що п'яна жінка, що білена кішка,
що чоловік зь Борншполя—все одно.*

Изъ приведенной мною пословицы видно, что наше мѣстечко не пользуется хорошою репутаціей; но, и безъ этой репутаціи, нельзя отказать Борншполю во всесторонней замѣчательности. Впервыхъ оно существуетъ (по народному преданію) со времени убіенія Борнса; во-вторыхъ въ немъ до 6,000 жителей (по академическому мѣсяцослову), въ томъ числѣ, по сказаніямъ старожиловъ, 72 помѣщичка; въ-третьихъ, оно замѣчательно въ торговомъ отношеніи; въ четвертыхъ, здѣсь находилъ почтовая станція — не простая, а такъ-сказать привилегированная: на ней принимается всевозможная корреспонденція, и даже всякая переписка на *гербовой*. Вѣроятно, правительство, снисходя къ нуждамъ обывателей нашего мѣстечка, учредило подобную экспедицію. И въ самомъ дѣлѣ, потребность юридической практики — одна изъ величайшихъ потребностей Борншполя. У насъ много такихъ пановъ; для которыхъ составленіе всевозможныхъ *актовъ* есть поэзія жизни; они готовы вепнеать много листовъ *гербовой* за пару гусей,—а такая умѣренность задѣльной платы не можетъ быть ни чѣмъ инымъ объяснена, какъ только любовью къ искусству для искусства...

По количеству тяжбъ, едвали можно найти подобный уголокъ на всемъ земномъ шарѣ. Наше благородное общество состоитъ изъ нѣсколькихъ враждебныхъ лагерей, взаимно бомбардирующихъ сплетнями и исками. Замѣчательно, что при этомъ не строго соблюдается раздѣленіе труда; обыкновенно сплетни составляютъ спеціальность прекрасной половины рода человѣческаго, а сутяжничество мѣте-прекрасной; у насъ же существуетъ конкуренція между обоими полами на обоихъ поприщахъ, т. е. и на поприщѣ сплетень, и на поприщѣ сутяжничества.

Наше мѣстечко, по народной поговоркѣ, и *теперь-то любитъ стеклянного бога*. У насъ болѣе 30 шинковъ (*). Акцизъ не уменьшилъ пья-

(*) Слѣду оговориться: всѣ свѣденія, сообщаемыя мною, почерпнуты не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ устъ людей добрыхъ волостныхъ, на которыхъ ся шлю.

выпивку идетъ рѣшительно все, что, за исполненіемъ многообразныхъ повинностей и за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, могло бы быть сбережено про черный день. У нашего крестьянина (за исключеніемъ немногихъ *базатирей*), никогда нѣтъ запасной копѣйки, и чрезвычайныя происшествія, напр. плохой урожай, погребеніе, свадьба приводятъ хозяйство въ разстройство. Каждый день у насъ бываетъ базаръ, въ пятницу—какъ бы полугорь, а въ понедѣльникъ—настоящій торгъ, на который пріѣзжаютъ съ продуктами изъ разныхъ окрестныхъ селъ, и продается одного хлѣба до 1,000 пудъ. Каждая баба находитъ выгодный сбытъ продуктовъ своего домашняго хозяйства и средство выпить. Поведѣльникъ—день пьянства и вышеприведенная пословица у насъ говорится такъ: *що бѣшена кішка, що понедѣлкова жіінка, що чоловікъ зъ Боришполя—все одно*. Въ этотъ день бабы пользуются полной эманципаціей. Большая часть изъ нихъ что торгуетъ, то и пропьетъ,—развѣ купить соли или другого вещества, недостающаго въ хозяйствѣ; а остальное посвящается *склянному богу*. Существуетъ даже разсказъ, что женщины нашего мѣстечка, идя замужъ, *вымовляютъ* себѣ понедѣльникъ, т. е. условливаются, что въ этотъ день они свободны отъ власти мужа, могутъ пить и т. д. Впрочемъ и безъ договора они могутъ свободно пользоваться понедѣльникомъ, потому что мужья въ этотъ день пьянствуютъ и жены остаются безъ бдительнаго надзора; большая часть жепъ *понеделкуютъ* до поздняго вечера *не топлятъ печи* и дѣти нерѣдко остаются безъ пищи и присмотра. Исключеніе существуетъ для живнаго времени—тогда считается предосудительнымъ. Въ большей части шинковъ сидятъ евреи, что весьма облегчаетъ возможность выпить и при безденежьи; потому что гѣннское племя Израіля не брезгаетъ ни какимъ приношеніемъ, въ какихъ бы продуктахъ оно ни состояло. Кромѣ торга, у насъ есть три ярмарки и красные торги предъ Рождвомъ и Великоднемъ. На каждой ярмаркѣ продается до 5000 пудовъ хлѣба и до 500 четвертей овса.

На ярмарочной площади красуется отъ 5 до 7 выставокъ, т. е. временныхъ шинковъ, имѣющихъ *нотаріальное* значеніе, потому что рогатый скотъ, лошади, колеса, одежда—напр. свита, не могутъ быть проданы безъ *могорича*. Вещь съ той минуты считается проданною, договоръ считается тогда святымъ и пенарушимымъ, когда выпить

могоричъ (1) Блуждая на ярмаркѣ на Петра и Павла, я услышалъ весьма оригинальную атестацію, данную лошади продавшимъ ее хозяиномъ-козакомъ. Описывая всевозможныя качества ея, онъ прибавилъ *»хочь у подводу пойдете, до пань не буде бить.«* Въ нѣсколькихъ словахъ простосердечный мужичекъ далъ атестатъ и лошади и подводной повинности и панамъ, ѣздящимъ на обывательскихъ.

Что касается до народной нравственности, то она обстоитъ несовсѣмъ благополучно. *Перезва* оглашаетъ по стогнамъ нашего мѣстечка весьма неутѣшительныя вѣсти въ циническихъ пѣсняхъ. Наши дѣвчата *вчацають* въ шиночки; этому способствовали мѣры нашего мѣстнаго *уряда*, заботящагося не только о матеріальномъ благостояніи, но и о процвѣтаніи нравственности. Мѣстнымъ властямъ казались предосудительными собранія дѣвчатъ на улицахъ: онѣ разгоняли поющихъ позднимъ вечеромъ и даже брали подъ арестъ. Поэтому дѣвчата стали собираться въ шинкахъ, гдѣ подъ эгидою откупа они могутъ пѣть сколько *душа забажаетъ*, въ сообществѣ паробковъ, въ особенности ямщиковъ (эти у насъ самые веселые). И такъ попеченія нашихъ мѣстныхъ начальниковъ — Савонаролъ привели къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приводятъ всѣ *положительныя мѣры* по части улучшенія нравственности.

Частые солдатскіе постои внушили нашимъ *дѣвчатамъ и молодичамъ* нѣжную расположенность къ *москаликамъ*. Я старался узнать причину предпочтенія москалей предъ паробками и, по распросамъ послѣднихъ, оказывается, что причина такого предпочтенія кроется въ томъ, что москали умѣютъ лучше хранить тайну; а паробки, по товариществу, расскажутъ другъ другу, и тогда дѣвчина не жди хорошаго жениха, а молодича жди колотушекъ отъ мужа.

Солдатская муза оставила въ нашемъ мѣстечкѣ значительныя слѣды: наши дѣвчата поютъ пѣсни принадлежащія къ циклу казарменной поэзіи и изобилующія цинизмомъ. Многія украинскія пѣсни окрасились московскимъ цвѣтомъ и поются на московскій ладъ.

На *Кунала* я пошелъ на улицу, чтобы увидѣть этотъ, пережившій многіе вѣка, народный праздникъ. Дѣвчатъ было мало; многія не вышли на улицу. Все шло вяло, за народною пѣснію слѣдовала «сударыня,—барыня», — и я былъ не радъ, что пошелъ.

(1) Одинъ мой знакомый, нанявъ *майстра*, изъ козаковъ, для постройки чуланчика, самъ уѣхалъ по дѣламъ службы. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что майстеръ не принимался за дѣло и на упрекъ за неисполненіе обѣщанія, возразилъ, что *моторича ще не пили*.

Порча эстетическаго вкуса связана съ порчею нравственности — и только одно средство противодѣйствовать злу—это грамотность. Нужно чтобы дѣвчата ознакомились съ богатствомъ, чистотою и глубиною нашихъ чисто-народныхъ пѣсень и съ глубокими и дѣвственными думами нашего батька Тараса; нужно также, чтобы мѣстныя власти не особенно заботились о нравственности и оставили въ покоѣ поэтическіе обычаи нашего народа.

Теперь у насъ въ мѣстечкѣ всеобщее уныніе. Къ намъ прилетѣла саранча, въ прошломъ году, на Спаса, и благополучно вывелась въ огромномъ количествѣ. Препедрержація власти, конечно, не оставались въ бездѣйствіи: онѣ такъ энергически дереписывались, что еслибы счастье количество бумагъ, написанныхъ по поводу саранчи, то вышла бы большая цифра.

Весною згоняли народъ и настроили будочекъ, и уже, когда саранча выросла до-того, что очутплась въ хлѣбахъ, начали копать рвы, загонять ее туда и закапывать. Работа шла безтолково и вяло, такъ что совершенно напрасно тратился трудъ огромнаго количества людей. Дворяне, назначенные быть распорядителями при истребленіи саранчи (прозванные народомъ саранячими панамп), отказались подъ разными предлогами....

Народъ весьма неохотно занимался истребленіемъ. Насчетъ саранчи существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что это кара Божья, которой нужно подчиниться; что тамъ, гдѣ саранчу не истребляли, она ничего не трогала; что будтобы по ночамъ ходила *сараняча мати* и плакала, и т. д.

Одинъ прохожій богомолецъ набралъ саранчи полъ — мѣшка и понесъ въ свою сторону, говоря, что это благодать Божія.

Саранча была у насъ слишкомъ давно и народъ не знаетъ всей великости этого бѣдствія. Но многіе старожилы говорятъ, что въ пхъ время, что ни дѣлали съ саранчой—ничто не помогало, а стали Богу молиться, саранча снялась и полетѣла; потому и теперь народъ налагалъ на себя дань для того, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятиемъ, и было уже нѣсколько церемоніальныхъ процессій въ житѣ, за 6 верстъ отъ мѣстечка, гдѣ совершались молебны съ водосвятиями. Саранча истребила большое количество хлѣба и сѣна; если она не улетитъ отъ насъ (она теперь начинаетъ летать), то слѣдствіемъ будетъ совершенное разореніе хозяйствъ нашихъ сельскихъ обывателей,—не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ недостатка сѣна

и соломы, для прокормленія скота. У насъ много такихъ козаковъ, которые, кромѣ грунта, не пьютъ ни куска земли; но, нѣтъ плугъ воловъ, обрабатываютъ съ четвертой копы чужія поля и такимъ образомъ, приобрѣтаютъ значительное количество хлѣба. При теперешнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (*), они должны будутъ сбыть скотъ за ничтожную сумму и прійти въ совершенное раззореніе. Вообще нужно замѣтить, что, при всѣхъ обстоятельствахъ, не благопріятно дѣйствующихъ на развитіе хозяйства, нашъ народъ спасается отъ нищеты тѣмъ благорасположеніемъ, тѣмъ товариществомъ, которымъ проникнуты всѣ его хозяйственныя отношенія. Одно изъ неблагопріятныхъ условій для хозяйства, — условіе, лежащее въ самомъ характерѣ народа, это раздробленность семействъ, слѣдовательно раздробленность хозяйственныхъ силъ, какъ вещественныхъ, такъ и личныхъ, хотя это вредное условіе и выкупается энергіею труда, необходимою спутницей хозяйственной независимости и массою нравственныхъ послѣдствій, формирующую сознаніе личности. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ является высокій акцизъ, на хлѣбное вино, составляющее у насъ предметъ всеобщаго потребленія; но самыя неблагопріятныя условія, — это распредѣленіе нашихъ ода-тей и повинностей. Наши козаки платятъ возвышенный подушный окладъ. Эта подушная подать въ высшей степени неуравнительна. Часто небогатый козакъ платитъ большую сумму, потому что вся его мелюзга попала въ ревизію, и напротивъ, богатый, женившійся послѣ ревизіи., не платитъ подати за родившихся, во все время до слѣдующей ревизіи. Подводяная повинность тоже крайне неуравнительна. Тотъ, у котораго двѣ лошади и болѣе (сколько бы ихъ ни было), даетъ пару на стойку на три дня; у кого одна, тотъ спрыгается съ другимъ, имѣющимъ тоже одну лошадь и каждый долженъ быть при этой парѣ три дня; такъ что каждая лошадь шесть дней на стойкѣ. О постоянной повинности и говорить нечего; тотъ, кто бѣднѣе, слѣдовательно беззащитнѣе, тотъ болѣе и страдаетъ. Згоны на работы, на дороги, тягости для бѣднаго чѣмъ для богатаго, потому что богатые должны отработать одинаковое число дней и т. д.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ хозяйственныхъ товариществахъ, о томъ благорасположеніи, которое служитъ подкладкою всѣхъ хозяй-

(*) Кромѣ саравчи, у насъ есть еще другой врагъ, — это постоянные дожди; если они не прекратятся, то погноятъ сѣно и хлѣбъ, которые народъ поторопился убрать, боясь саравчи.

ственныхъ отношеній, существующихъ въ народѣ, и о нѣкоторыхъ полезныхъ мѣрахъ правительства, поддерживающаго благосостояніе. Неурожай и другія неблагоприятныя обстоятельства, а равно отсутствие запасной копѣйки, необходимой въ такихъ случаяхъ, какъ свадьбы, похороны и т.п. уменьшили хозяйственные средства нашихъ козаковъ. Очень многіе изъ нихъ имѣютъ только пару воловъ или пару коровокъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣсколько хозяевъ сприсягаются. Замѣчательно, что тутъ не заботятся о томъ, чтобы всѣ выорали поровну; напротивъ, у кого больше семянъ, тотъ можетъ товарищескими волами выорать больше, совершенно безвозмездно, «коли въ ёго ё насіння — нехай собі оре», такъ разсуждаетъ нашъ простолюдинъ, безъ зависти и корыстолюбія. Много есть также такихъ, которые не имѣютъ ни земли, ни скота. Они имѣютъ возможность заработать себѣ хлѣбъ, или во время жнивья или во время молотбы.

У насъ даютъ жнецамъ 4-й снопы, въ окрестныхъ селахъ $\frac{3}{4}$. (*) т. е. поочередно два третій, три четвертый и д. т., или даже 3, но разнообразіе заработной платы въ этомъ случаѣ основано не на спросѣ и предложеніи, а на особомъ народномъ воззрѣніи; этотъ способъ уплаты за трудъ есть средство для бѣднаго заработать хлѣба, а потому народъ говоритъ, что вознаграждать такимъ образомъ трудъ, значитъ *дать заработать* (**), и разница зависитъ отъ качествъ хозяина: *якъ отъ хозяина*, говоритъ народъ. Тоже нужно сказать о молотбѣ: въ нашемъ мѣстечкѣ даютъ 10 или 11 мѣрку, въ окрестныхъ селахъ 8 или 9, тоже *якъ отъ хозяина*. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній, въ Лебеднѣ, (крестьяне въ немъ помѣщичьи) даютъ третій снопы жита, пшеницы и ячменя. и за то жнущій обязанъ помогать при уборкѣ овса и гречихи. Въ другихъ же мѣстахъ даютъ снопы изъ овса и гречихи. Вообще у насъ работникъ, если неспециально вознаграждается хлѣбомъ, то все таки хлѣбъ составляетъ часть уплаты, наприм.: порядочный наймитъ получаетъ двадцать и болѣе руб. и *присізокъ півчетверика* (четыре мѣры) *жита и півчетверика гречки*. Пастухъ получаетъ четвертку (двѣ мѣры) *пашни*, за корову—дойнячку и пятакъ, и кромѣ того полу-

(*) Мы этого $\frac{3}{4}$, не понимаемъ и просимъ болѣе подробнаго объясненія. *Ред.*

(**) Въ нашемъ мѣстечкѣ одинъ хозяинъ—козакъ, *багатиръ*, даетъ пятый снопы: *«нехай саранча поїсть, а 4-го не дамъ»*, говоритъ онъ. Народъ не любитъ богатыхъ козаковъ больше, нежели паповъ,—особенно скоро нажившихся. «Изъ старца nebude пана»; «изъ паймита не буде доброго хозяина»: такъ выражается народъ о своихъ разжившихся собратахъ.

часть дневное продовольствіе одинъ или два раза въ мѣсто. Многіе работники, правда, навиваются за деньги; но это или зарабатывающіе для уплаты податей, или некозайливые пьянчужки. Хозяйливый чело-вѣкъ старается, чтобы получить за трудъ натурою, хлѣбомъ. Деньги круглы, говоритъ онъ,—разкатятся, а хлѣбъ прокормитъ цѣлую зиму. Если сравнить уплату натурою, съ уплатою деньгами; то первая, по существующимъ у насъ цѣнамъ, для работника въ двое выгоднѣе послѣдней. Вообще, на всѣ хозяйственныя отношенія, существующія въ нашемъ народѣ, какъ я уже сказалъ, нельзя смотрѣть съ одной экономической точки зрѣнія. Здѣсь есть другая сторона, это — благора-положеніе, желаніе помочь ближнему, или, какъ выражается народъ, *«дать заробить»*.

Не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, способствующихъ народному благосостоянію, о мѣрахъ, которымъ сочувствуетъ самъ народъ. Впервыхъ, о застрахованіи усадебъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ; эта мѣра была встрѣчена недовѣріемъ; сначала застраховывали за ничтожныя суммы; но удостовѣрившись, что правительство платитъ ту сумму, въ которую были застрахованы погорѣвшія усадьбы, многіе желаютъ возвысить оцѣночную сумму и это скоро обнаружится, потому что переоцѣнки бываютъ каждые три года и теперь имъ приближается срокъ. Прежде, если сумма, потребная для удовлетворенія погорѣвшихъ, была незначительна, то ее пересылали черезъ почту; для полученія же болѣе значительной суммы, отряжался урядникъ въ губернской городъ, находящійся отъ нашего мѣстечка въ 300 верстахъ. Этотъ урядникъ старался вознаградить путевыя издержки на счетъ получившихъ страховыя деньги. Теперь послѣдовало измѣненіе. Послѣ пожара, мѣстныя власти извѣщаютъ палату государственныхъ имуществъ о количествѣ суммы, потребной для удовлетворенія пострадавшихъ отъ пожара. Палата государственныхъ имуществъ проситъ казенную палату сдѣлать распоряженіе о выдачѣ суммы изъ мѣстнаго казначейства, и казначейство выдаетъ, по полученіи приказа казенной палаты. Намъ кажется, что эта процедура слишкомъ длинна. Казначейство могло бы выдавать, по требованію окружного правленія, а потомъ окружное правленіе могло бы увѣдомить палату государственныхъ имуществъ, а казначейство, — казенную палату. Вторая полезная мѣра правительства, устройство по волостямъ ссудныхъ кассъ, которыя даютъ возможность, не прибѣгая къ «заставѣ», приобрѣсть необходимое количество денегъ. Въ понятіи застава, со-

виіщається, понятіє залога и заклада, т. е. это есть обезпеченіє долга, какъ посредствомъ недвижимаго, такъ и посредствомъ движимаго имущества. Большею же частію заставаляють земли. Застава устроена въ высшей степени неэкономически. Дающій деньги получаетъ землю въ свое пользованье. А такъ какъ козацькія земли, вслѣдствіє закона, воспрещающаго отчужденіє козацькихъ земель лицамъ не козацькаго сословія, пали въ цѣнѣ; то заимодавецъ пользуется почти двойнымъ количествомъ земли противъ данной имъ суммы; слѣдовательно получаетъ слишкомъ большой процентъ, а должникъ, отдавъ двойное количество земли и лишившись пользованія ею, теряетъ возможность уплатить долгъ, и часто земля дѣлается собственностью заимодавца. Нельзя не пожелать, чтобы ссудная касса могла расширить кругъ своихъ операцій и вытѣснить совершенно заставу. Третья мѣра правительства—это забота о круглыхъ сиротахъ, имъ назначается опекунъ; продукты, подверженные глѣнію, продаются и деньги отдаются въ кассу, для обращенія за проценты. Сироты, прійдя въ возрастъ, находятъ имущества въ надлежащемъ видѣ и еще съ капиталцемъ. До введенія этой мѣры, сиротскія имущества нерѣдко разграблялись родственниками.

Наше мѣстечко ведетъ торгъ съ Кіевомъ, въ-особенности мукой и крупой, крупу выдѣлываютъ въ крупно-дерняхъ и жерновахъ. Многіе зарабатываютъ копійку извозомъ, получая съ пуда отъ 5 до 6 коп. за провозъ въ Кіевъ, куда считается 30 верстъ старымъ шлякомъ. Въ Кіевѣ находятъ всегда сбытъ привезенныя продукты, хотя и тутъ обходится не безъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, за шоссе берутъ 9 коп. съ лошади и 9 коп. съ пары воловъ. Для того, чтобы избѣжать платы 18 коп. туда и 18 коп. обратно, наши крестьяне оставляютъ одну лошаденку въ слободкѣ и уже одною странствуютъ по кіевскимъ горамъ. Шоссейный сборъ въ такомъ случаѣ уменьшается въ половину, и вѣроятно въ такой же пропорціи уменьшаются силы лошади. Намъ кажется этотъ сборъ высокимъ, тѣмъ болѣе, что наши мужики захватываютъ незначительную часть оплачиваемаго ими шоссе. На самомъ базарѣ нашего крестьянина ждетъ еще одно горе. Въ Кіевѣ существуетъ запрещеніє, торговцамъ покупать ранѣе 12 часовъ; правительство имѣло въ виду дать средство жителямъ города записаться выгодиѣ необходимыми продуктами безъ соперничества съ торговцами. Конечно, это неисполняется и только причиняетъ убытокъ крестьянкамъ, привозящимъ хлѣбъ. Торговцы входятъ въ сношенія съ завѣдующими городскими вѣсами,

(т. е. со взявшими на откуп вѣсовыя сборы) и не только покупають ранѣе 12 часовъ, но даже пользуются покровительствомъ вѣсовщиковъ. Послѣдніе въ пользу торговцевъ обвѣшиваютъ крестьянина и выходятъ, что для жителей города нѣтъ выгоды, для крестьянина убытокъ; торговецъ не въ накладѣ; вѣсовщикъ и базарный съ барышемъ. Вотъ какіе обороты принимають иногда покровительственныя мѣры.

II. Чубинскій.

ПАНЪ ПАДАЛИЦА.

до пана Владымыра Антоновича.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Після того, що написано въ листі високоповажного Володимира Антоновича (*Основа*, кн. VII: про *Варшавську Бібліотеку* и про пана Горжковського, здавалося бь нічого й рѣчи знімати про ті лукаві трихи-мниси. Отъ же наша громада дозволяє говорити усякому и про всячину, хто бь ві оазався за правду, хоча бь и за таку, що вже заржавіла. Панъ Падалиця такъ гаряче вступаєтця за свою панську сторону, що ажъ написавъ свій листъ по-паному. Друкуємо сей листъ, не переміняючи въ ѣмъ й правописі. Накриває панъ Падалиця високоповажного Антоновича мокримъ рядкомъ, що притьмомъ вінъ не по правді рѣмствує на *Варшавську Бібліотеку* и на пана Горжковського. Нехай же теперъ нашъ киевський сотрудникъ докладно ѣму одвітує, що, по панному розуму, не гартно вчичено съ польскої сторони... нехай нагадає хочъ те самє, що вже разъ сказано и доказано въ першому листі, бо панъ Падалиця чятає той листъ не зо всімъ такъ, якъ написано, а по-своєму.

На Стрийковськихъ, Кохоцькихъ и Гроцескихъ нічого було пану Падалиці здаватисъ безъ усякої критики, бо хто читаєтъ їхъ, той знає, що первий зъ нихъ у козацькій справі не судя, бо не доживъ до неї; другий видумувавъ такъ, якъ и нашъ Ковіський, а третій писавъ багато по слухамъ, утікши съ Польщи до Венгеръ: то хочъ и бажавъ говорити правду, такъ пехотя, иводі и помилявся. Пиша річъ, якъ панъ Падалиця пише: «Слово у насъ було вольне и річъ вольна.» Що не безъ добра було въ польскої старовині, про се нічого й казати. Зъ великимъ жалемъ споминаємо ми *велику руїну* (див. прикощечча *Хмельницчини*, П. А. Куліша); та хто жь їй виненъ, пане Падалице, якъ не те панство, зъ своїми помішниками-сзунтами, — за котóre ви стоїте? Звісно, якъ хто вамъ пойме віри, що князь Ерѣма по правді владавъ трохи не половиною земель Украинськихъ, що козакі-нетяги-котримъ *ніде було стати й коня понасти*—були вїродки,—що їхъ учинками правила рига palatia, и такъ далі, и такъ далі, — хто, нажемъ, пойме вамъ у цимъ ві-

ри, — той мусить заплакати на панських могилах, — мовь на батьківських. Тяжъ-часомъ, ми йнакше розуміли и розуміємо всю справу. По своєму вікові, козаки вдавались у такі вчинки, за котрі їх пань Горжковський зве розбишаками; а про те — білились воші противъ такихъ *цвинкованихъ* людей, которихъ ми, по щирій правді, зовемо дикими дєснотами и тиранами. Скажіте жь, панове Поляки, чіє ч'адо — *розбишачтво* козацьке? Ваше рідне ч'адо! Чи, може, ви й досі віруєте, (якъ писали ваші прѣдки,) що въ народі и въ козакахъ була и можеть бути *riga malitia*? Ми думаето такъ, що коли недужа дитина просіла матері: *М'амо, закрій м'ні очі, щобъ на того Ляха не дайтись*, (да й чи одно жь сє слово живе у народі и досі?), — такъ треба не въ якогось непорочного єзуїта, а въ самої історії — давнїї да и новїї — питатись, звідкі ся *дика* ненависть уалдась у всьго народу? Тяжъ-то ми бажали бъ, щобъ такі пацове, якъ отъ и пань Падашиця, вомісто того, щобъ доводити невідомими пацєрами, що Хмельницький бувъ розбишака — и більшъ нічого, — розібрали бъ перше, чи нема справді у самїхъ прїпїсняхъ Польского панства такого яду, що всяке добре діло одъ єго нївечитця, гине, а згїнувши ставовитця отрутою и самїхъ споминокъ. *Ред.*

Позвольте мнї, пане Антоновичу, одклькнутця на вашъ лысть, надрюкований у «*Основи*» за Іюль місяць, зъ московськимъ наголовкомъ: «*Што обз этомъ думать?*» Выбачайте що будемъ говорить до васъ мовою руською, бо по-польскі «*Основа*» не друкує (*), а по-московські мы самі калякать не уміємо.

За що се вы розсердылись на Горжковського и на Крашевського и за що кладете вину гуртову на усі наші історычеські книгі и на усіхъ пысателїв? Сумно намъ стає слухаючы вашої мовы. До чого се вы прыдыраетесь? Чымъ же такъ оце провиныла редакція «*Варшавьской Бібліотекі*», що розказала те що вычитала у старосвіцькіхъ паперахъ? Чы жь вона вынна за те що тіхъ документівъ не надрюковала? Вона жь каже що хотїла та колижъ не можна... Або жь то васъ, пане Антоновичу, врозумлять треба про те, що у насъ можна, а чого не можна? Самі вы про се добре знаете. Ну, а чогожъ се вы не лаговорылы на ті повїєсті Горжковського, которыхъ не читалы? Може справді вони бездарні, але може браві и толковыты? Передъ неводомъ рыбу неловлять. Коли судъ, то пехай же вінъ буде чыстий и справедлывий. Коли повертаете на законъ и правду, то й самі держитця закону и правды. Отъ тогді вы, пане Антоновичу, будете маты передъ усіма чысте око.

(*) Надрюкує — коли що доладше получить — переложивши на рідню мову. *Ред.*

За що вы докоряете редакціи *Варшавської Бібліотеки*? За дві чы тры строкі, которі вона напысала, щобъ податы вістку про нові квыгі. Не ужежь оце ненайшлы вы у польськїхъ историчеськїхъ квыгахъ, шырокої и розумної мовы про Українну? Чомъ же вы не читалы Лелевеля, Шайноху, Короновича, Маціовського, Бѣловського? Чомъ же вы не дознались про ті памятникы историчеськіе що їхъ пысалы: Стрыйковскій, Коховскій, Грондзькій, Оржельскій, Рудавскій и решта. Когы вы їхъ читалы, то положыть руку на серце и скажыть по совісті: Чы ті учени мужи говорылы неправду? Правду вони говорылы про насъ и про Українну и не скрывалы ані злого ані доброго. Спытайте Куліша, Костомарова, Соловьева и тїхъ усїхъ що вчыталысь пылно въ нашу исторію, а и воны вамъ скажуть, що мы не таылы правды и не безчестылы нікого лукавою мовою. Слово у насъ було вольне и річь вольна. Не такій свїтъ теперъ, пане Антоновичу, щобъ выгадовать брехні одынъ на одного. Но до того иде теперъ, щобъ помыями залывать очі. Про давні діла пысать можна, але не слїдъ, та и непыходытьця, щобъ те усе що було, прыклада-ты до того що е и що буде. Дай намъ Боже, щобъ те усе що мынулось, послужыло намъ на науку, та на корысть, а не на колотнечу. Гай,—гай! якъ та кровь що ии безневынно пролыто, та мае намъ теперъ мараты выдъ и руки, то неведеды сѣго Господы!

Вы розсердылысь на насъ, пане Антоновичу, Богъ васъ зна за що, та ии сердытымъ окомъ дывытесь на усе що стоить передъ вами. И бачытьця вамъ, що буцімъ—то пысателі наші доказують що край межъ горамі Карпацькімі, та межъ рікамі: Вѣпржемъ, Прыпетью и Дніпромъ, и теперъ и спершу бувъ польськїмъ. «Про те, пане Антоновичу, чый вїнъ бувъ и чый вїнъ е, исторія зна и запысала уже на свої карты. Не наша сыла переначыть исторію. Про се можна говорыть и доказовать, але сердытьця нема защо. Теперъ на инчый спосібъ межують зѣмлі. Мынулося те время, когы народомъ торговалы якъ скотыною, та забіралы ёго цїлымі табунами. Теперъ вїнъ мае свїй голосъ и свое право. Отъ же, по-моєму, то ані вамъ ані намъ непыходытьця тягнуть ёго за полу. Хто ёго зна щобъ вїнъ сказавъ якъбы добре розважывъ та подумавъ? А може бѣ вїнъ не схотївъ муштроватьця и по вашій командї?...»

И во истыну, нпхто изъ польськїхъ пысателївъ не сказавъ такого порочного слова, за яке вы намъ докоряете. Вчытайтесь лышень пылно въ исторію, то вы тамъ дочытаєтесь, що и тогді наветь, ко-

лы усi королi та князкi заiзжали землi и забiрали не пытаючысь,—мы двiйчи пытались васъ и просылы прыстать но доброi волi. Чымъ—же мы тогдi робылы не поправдi?

А я слытаю васъ: Чымъ же то и теперъ робымо лукаво и не шыро? Чы загорнуть васъ пiдъ себе бажаемо? Чы закрепостыть васъ хочемо? Докажуйте намъ, колы такъ кажете. И подумать того не можна, чымъ насъ порочыте. Не вслухалысь вы мабутъ добре у той гомонъ народный що розлягаецця по ярахъ та по лiсахъ и селэхъ одъ Выслы ажъ до Днiпра. Не нахлыкаемо мы нiкого до ножiвъ, не куемо путь на ничiн ногi. Идемo до васъ зъ хрестомъ свyтымъ, подаемо вамъ на вiчный мыръ руку, кажемъ: Боже помагай! а вы цураетесь насъ и за добре слово одказуете лайкою. Гай, гай! не наладъ повертаете роботу. Вамъ усе слытыця Коливчына, выклыкаете Гайдамакiвъ, вельчаетесь Желiзнякомъ та Гонтою, а забуваете що теперъ уже не те, що було колысь и що колотнеча наша выйшла бы усiмъ намъ на погбелъ, а одному чортовi на радiсть.

Не цураемось мы розсужовать та роздумовать старосвiцкi дьянiя. Знаемо що исторiю нашу пылно намъ розважаты треба и учытыця не для чваньбы, а для науки. Чымъ лучче iн пiзнаемо, тiмъ выднiйшi стануть шляки нашi. Але за те намъ обiдно, пане Антоновычу, що вы вытыкаете намъ очi за такi дiла, що iхъ земля накрыла уже давно одною могылою. Якъ на вашу дулю мы вамъ тожъ зачнемъ тыкаты дулi, то тiлько полаемось, та й годi. Безсмертный вашъ Гоголь сказавъ колысь: »Положимъ, что Александръ Македонскiй былъ великiй человекъ, да зачѣмъ же стулья ломать?« Отъ же ся прысказка прыходытыця и до вашоi речi. Нехай вашъ Богданъ бувъ лыцаръ великiй, але защо докорять, якъ кто скаже що нi?

А що про акты Кiевскоi Коммиссiи, то ей-Богу стыдно вамъ заступатьця. Не того вы десятка чоловiкъ, щобъ таку хвалыты роботу. Про кныгi я нiчого не скажу, але те скажу що воны зъ лукавою напысаны думкою. Щобъ вы сказали про садокъ, якъ бы я вамъ вынiсь зъ нѣго мiшокъ кiслыць? Сказалыбъ що садокъ на око гарный, та овощи родыть поганi. Дежъ—то! цiлый мiшокъ самыхъ за себе кiслыць а нi одного яблока гарного та солодкого! А якъ на правду, то у садку найшлысь бы и гарнiи овощи, та я вамъ iхъ не вынiсь. Ну, чыжъ садокъ за те выноватъ, що я васъ попоштувавъ самыми за себе кiслыцями? Ни, се уже мене за те выноватыть треба. Се уже я шакаостывъ, а садокъ нiчого не вынешъ. Отъ же такъ

саме и зъ тїми книгами. Повыбїравъ ктось самї кіслычкі, частує ко-го зостріне, тай ще прыговорює: »Оцежъ, якїй садокъ поганый! Оцежъ яка брыдка овощъ! Хотьбы тобі насміхъ одно солодке най-шлось яблочко!«

Колыжъ мы знаємъ той садокъ и знаємъ що тамъ е усякіи ово-щи. Отъ мы, wybачайте, и сказаны що той панокъ бреше. Нехай же насъ хочъ цыганъ судыть: чья тутъ правда?

Ажъ сумно намъ стало слухаючы вашої лайки на Горжковського. Знаємъ мы того чоловіка и знаємо те про нѣго що вінъ чоловікъ правдивый и чесный. Не разъ балаказы мы зъ нымъ про старыну україньську и дывовались слухаючы, якъ то вінъ бїдолаха збїравъ старї книги, якъ вінъ вештався на торжкахъ та скуповувавъ, якъ вышукывавъ підъ стрїхами, якъ пішкі ходывъ по Україні и послїдню копїйку оддававъ за лысть старого паперу. Але поклястысь можна, що вінъ не збїравъ того хламу на те щобъ ёго затасовать. Вінъ зъ нѣго дошукывався правды, бо любывъ правду. Ажежъ Кулішъ такъ саме збїравъ старї книги та пацеры по Україні. Чыжъ намъ за те порочыть ёго треба? Ни, за те ёму вельке спасыбі. И вы, пане Антоновиччу, не побоялысь Бога,—порочыты того чоловіка? Не думавъ вінъ про старыну нічого неправдыго и не злословывъ шко-лы Україні. А за те, що вінъ пішовъ у Рымъ, та ставъ тамъ ксіон-дзомъ, (*)—глумоватыця непрыходытыця. Якъ бы вамъ прыйшла думка пострыгтысь у ченці у Кїевської Лаври, — чы ужежъ оце заразъ на смїхъ васъ підняты треба? Нехай вамъ Богъ помага! Абы зъ тверезымъ серцемъ та по доброї волї.

Не прогнївайтесь, колы вамъ скажемо що и до Крашевського пры-чепылысь вы Богъ зна зъ чого и защо. Никто у насъ не зневажã Шевченка. Віччая памать тому генїєві високому и народному! Про похороны ёго у Уніицької церкві, выйшла якась ошыбка. Той кто пысавъ до *Польскої Газеты*, не знавъ, мабутъ, добре. За щожъ заразъ сердытыця, докорять и выгадовать на насъ те, що и на думку ніколы не прыходыло? Бодай васъ! Чого вы не начыдумованы! И ся-ка и така Унія, и мы їи не хочемъ и їи у насъ нема и не буде и багацько ище де-чого... Смїхъ тїлько та й годї! Та ктожъ тебе, голубе мїй, заганас у Унію? Кому вопа теперъ потрібна? До чого

(*) А чомъ же се ви, пане Падалице, не додали:—*сзутомъ?*.. Тимъ-бо-й-ба...

ія прышыты можна? Якъ—такі вамъ несбромъ лякаты народъ хрещеный такімъ клочанымъ пугаломъ?

Сказали вы намъ прыказку, що »брехнею світъ перейдешъ, та назадъ не вернешся.« Доказуете, що »вельможна шляхта уже перешла у одынь кінець и пытаетесь: чы справді вертатыметьця тымъ самымъ шляхомъ? Отъ же колыбъ вы тільки не сердылись, то я бы вамъ сказавъ, що сю прыказку можна прыложыты не конечно до самої шляхты, а до кожного перевертня...

Не поприкаемъ васъ, не хочемъ заводыть колотнечі—крый Боже! За одно тільки просымо васъ: Якъ що колы прыйдетьця до розмовы, то говоріть чесно и правдыво. Якъ розмовлятыmemo зъ толкомъ, то може и зрозуміемъ одынь—одного. Така наша думка и така рада. Идучы у—куці, скорійше и певнійше найдемо те, що загубылы. А якъ найдемо, то не дай Боже, щобъ послі мы вамъ або, вы намъ вытыкали прыказкою: *»Лучче зъ розумнымъ згубыть, якъ зъ дурнемъ найты.«*

Прощавайте, добродію!

Тадеушъ Падалица.

15 октобрія 1861 року.

Зъ Украйны.

ИЗЪ М.

(Письмо къ редактору)

Грустно, что первое слово изъ М. является обличительнымъ; но такова, знать, доля наша. Въ вашемъ журналѣ, правда, я обличительныхъ статей не начитывалъ, а потому не могу разсчитывать, чтобы мое письмо было помѣщено; но куда же намъ обратиться за защитою народныхъ своихъ обычаевъ, если не къ «Основѣ»? Основа—украинскій вѣстникъ: пусть же она скажетъ слово за насъ. Быть можетъ общественное мнѣніе благодѣтельно подѣйствуетъ на нашу градскую полицію, и она перестанетъ видѣть зло тамъ, гдѣ его и не бывало,—перестанетъ преслѣдовать пѣсни. Впрочемъ пѣсенъ-то она не преслѣдуетъ, какъ словесныя произведенія; но преслѣдуетъ пѣніе. А отнять у насъ пѣніе, значить отнять все. Лукавое преслѣдованіе это огранчпвается *чесными*, а *омнибусовъ* не трогаютъ. Это еще безот-

радѣе: тотъ можетъ скрипѣть сколько угодно, кто развратенъ! Какою цѣною покупается право предаться поэтическому влеченію природы!.. Вотъ—что происходило у насъ 13—14 августа.

Быль десятый часъ вечера, когда я возвращался изъ *гостини*. Недалеко отъ моей квартиры, въ предмѣстьи, издавна собиралась *улица*. Старое мѣсто ея теперь заняли подъ печки для солдатъ и потому на этотъ разъ *улица* стала собираться у самого окна моего. Это привело меня быть очевидцемъ такихъ штукъ, про которыя я и слышать бы не хотѣлъ. — Когда я шелъ домой, на улицѣ уже было двѣ дѣвицы; только—что онѣ начали пѣсню, какъ солдатъ отъ печекъ разразился бранью. Но это не важно: насъ здѣсь уже приучили къ солдатскимъ обычаямъ. Дѣвицы побѣжали и стали у воротъ ближайшаго двора—сажень десять *отъ улицы*. Я вошелъ къ себѣ. Въ это время вдаль, раздалась парубочья пѣсня. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу я рѣзкій женскій крикъ, потомъ топотъ многихъ ногъ. Ночь была безъ луны, а потому, высунувшись въ окно, я могъ увидѣть только двѣ человѣческія фигуры у тѣхъ же воротъ; но какого были пола, узнать было нельзя. Остальные *уличане* заслонены были отъ меня подсолнечниками. Отсюда, вдругъ, отдѣляется одинъ, какъ видно было поочертанію одежды, солдатъ, и пошелъ къ воротамъ; за нимъ и другой—но этотъ уже побѣжалъ. Не надо упускать изъ виду, что еще не пѣли здѣсь на улицѣ, когда это происходило. Только—что эти два солдата присоединились къ тѣмъ двумъ лицамъ, что стояли у воротъ, какъ я слышалъ повелѣніе: — ступай! ступай за нами!—и женскую просьбу. Тутъ я узналъ, что то были дѣвицы (и одна изъ нихъ изъ того—самого дома, у воротъ котораго описываемое происходило). Должно быть, дѣвицы сопротивлялись, потому—что кто—то закричалъ:—тяни ее! тащи!—и въ воздухѣ раздался ударъ палкою (ціпкомъ), потомъ умоляющій, дрожащій голосъ:—*не бийтеса...*

Солдаты, квартирующіе у насъ имѣютъ поползновеніе *старшувати*. Недѣли три тому назадъ, напр., два солдата встрѣтили на улицѣ прохожаго парубка, порядкомъ отколотили, сняли свитку и шапку, которыя, говорятъ, отдали только послѣ многихъ просьбъ. Предполагая, что и здѣсь проворствуютъ солдаты, я немало былъ удивленъ, отчего это парубки позволяютъ такъ *знуцатьця* надъ дѣвцами; одѣлся и вышелъ съ цѣлію вступить за обижаемыхъ. Но уже было поздно: на улицѣ ни души живой, и только вдали виднѣ-

лась движущаяся масса. Прибавивши шагу, я настолько приблизился къ шедшимъ, что разглядѣлъ десятскихъ, парубковъ и дѣвиць. Легко догадаться, куда ведутъ эти алгуашилы. Унасъ, говорятъ, издавна преслѣдуютъ *улицю*, но сегодня заберутъ, а завтра ужъ нѣтъ; и всѣ утверждаютъ, что это хотятъ *оиреи*—и только, (но мы узнаемъ кое чтó и больше). Я уже зналъ, что забранныхъ съ улицы запираютъ въ темную, а послѣ заставляютъ городъ подметать, но видѣть этого не случалось. Рассказываютъ даже, что городничіе, бывало, заберутся на *досѣтки*—особенно на *складчину*, все поѣдятъ, повыпьютъ, заберутъ всѣхъ и отправляются. Мало-ли еще чего рассказываютъ; но это дѣло — сторона. Вотъ чтó-то будетъ завтра?

Назавтра (*въ 5-мъ часу утра*) я былъ уже на базарѣ и увидѣлъ, что парубки (12) и дѣвицы (4) подметали городъ; десятскіе за ними присматривали. Отпустили ихъ только *въ часъ по полудни*. Такимъ образомъ, у каждаго изъ арестованныхъ пропалъ горячій рабочий день. И за чтó же такое наказаніе? Неужели ни на минуту нельзя отрѣшиться отъ дѣйствительности? Но день все-таки пропалъ... А кому не извѣстно, что для хлѣбопашца значить потеря дня въ жнива — и еще у насъ и въ настоящемъ году, когда только и слуховъ, что жалобы на опустошенія, производимыя саранчей! Но на это не смотреть: завтра Успенье, надо, значить, принарядитъ городъ. Такъ не лучше ли было бы самимъ многочисленнымъ десятскимъ стать съ метлою въ рукахъ? А страмъ, а стыдъ? Какъ же такимъ особамъ браться за метлу? Онѣ стоятъ себѣ, онтакечка, заложивши руки за спину, да, знай, погукують: работай, работай!—Это по насъ; извѣстное дѣло—нашъ братъ десятскій—не простой человекъ. Такъ намъ ли за метлу?.. И подумать нельзя!..

Такъ *онтакечка* загребли жаръ чужими руками—подмел городъ; надо было еще соръ вывезти. Для этого есть пожарныя лошади, но ихъ трогать не пристало для такихъ работъ (во избѣжаніе сраму); потому что гг. десятскіе позволяютъ на нихъ прогуливаться по отдаленнымъ заведеніямъ. И тутъ не задумался: поймали первыхъ попавшихся въ глаза, — кто ѣхалъ на поле, взвалили на ихъ возы сору и — поѣжай здоровъ! да только, *знай, подальше; или — ишь какова* (т. е. палка въ рукѣ!) *до пальцевъ побыю! Нѣжли ты умнѣе насъ? Ступай! тебѣ приказываютъ.* — Согнулся бѣдный протачекъ и повезъ. А десятскіе важно — страхъ важно! — показиваютъ да поглядываютъ: *чисто! ишь, какъ чисто! и въ по-*

лицу не видано такой чистоты, чепурности, ей Богу!—Кабы таперинька губернаторъ!—Хорошо, братцы, благодарствуемъ! Вотъ вамъ на водочку.—Онтакешка было бз до сподобы. Уладими, ей-ей уладими; спасибо намъ...»

Вечеромъ (14 авг.) я вышелъ распросить—какъ все было, и мнѣ ничего особеннаго не рассказали, только, что «сидимъ мы, говорятъ, шутимъ, какъ пришелъ девятка (десятскій) и сталъ возлѣ насъ; потомъ и другой пришелъ и также сталъ. Погодя пришло еще два и съ этими два парня, что служать при полиціи писарями—и побрали насъ. —Это у насъ обходъ такъ ходить.—Когда мы поровнялись съ домою квартальнаго, онъ вышелъ на улицу босой и приказалъ посадить насъ въ тешную...—Какъ разъ на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ прервалъ полицейскій чиновникъ. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, я началъ упрекать его,—зачѣмъ вамъ, говорю, мѣшаться *въ улицы!* Зачѣмъ запрещать людямъ пѣть, говорить—словомъ—зачѣмъ это?

— Запрещать улицы — чтоли? Это — безчинство.

— Хоть я съ вами не согласенъ насчетъ безчинства; но пусть по-вашему. Въ такомъ случаѣ, всѣ улицы безчинство.

— Разумѣется.

— А городская?

— Городская! гмъ! та другое дѣло!

— Какъ же—другое? Напротивъ: все равно *улиця*. И вы должны подумать, что дѣлаете, и для чего дѣлаете.

— О! мы знаемъ, для чего забираемъ *улицю*.

— А нельзя ли и мнѣ знать? спросилъ я.

— Очень просто: для того, чтобы городъ подмели, отвѣтилъ онъ.

— Это не хорошо. Но если вы хотѣли уже непременно сдѣлать несправедливость, то можно было уменьшить ее—нужно было забрать городскую улицу, гдѣ *омнибусы* такъ долго были слышны послѣ обхода. Между тѣмъ забрали *чеснихъ*, и вѣроятно, когда этихъ заперял, къ тѣмъ сами побрели.

— Больше чѣмъ вѣроятно,—даже несомнѣнно; но въ томъ—то и вся штука, «що коло тихъ и десятникъ поживитця, а зъ цѣхъ що кому? хай же хочъ городъ замѣтають, коли такі.» Это подлинныя слова появнутаго чиновника.—Итакъ, что у насъ преслѣдуютъ?

Услыхавъ это, я уже не сталъ больше говорить про *улицю* — (достаточно было и этого) и *звернувъ* на собакъ:

— Почему, говорю, полиціи лучше не обратитъ вниманія на то, что у насъ собаки нападаютъ среди улицъ и калѣчатъ проходящихъ: тамъ дитя чуть не забили, тамъ порвали дѣвочку, тамъ, говорятъ, офицера.

— Эге! захотѣли вы!.. притомъ же мы не знаемъ, чьи это собаки.

— Къ вамъ же поступаютъ жалобы, въ которыхъ должно быть прописано, чьи онѣ.

— Мало ли чего къ намъ не поступаетъ! Этакъ, какъ выражаются у насъ, этакъ и бумаги въ уѣздѣ не станеть, если обращать вниманіе на всякій толчекъ.

Мнѣ осталось только распрощаться съ этимъ господиномъ. Но я все-таки не уяснилъ себѣ, почему берутъ подъ арестъ поющихъ, всѣмъ, и даже полиціи, извѣстныхъ своею честностію? Ужели за то, что они не развратны, какъ выразилось его благородіе?

Будьте такъ добры, напечатайте это письмо въ *Основъ*; быть-можетъ (повторяю) кто-нибудь — посылнѣе нашихъ (если это возможно) — вразумитъ нашихъ любителей чистоты, и они не будутъ препятствовать *честнымъ* пѣть и веселиться, какъ не препятствуютъ *другимъ*.

паі

г.б-

ср-

ЛИСТЪ ЗЪ ДОРОГИ.

лрр

лрр

Херсонъ, 14 іюля 1861.

г.б-

Ідучи въ Херсонъ я сподівався на-краще, и дуже-дуже здивовався уіхавши въ цей городъ. Улиці перити наче ровами, валяється усюди по дорозі каміння!... и будинкамъ и улицямъ—а (може й людямъ) далеко до Полтави. Пробувъ я въ Херсоні 1½ сутокъ; на такий короткий часъ не багато чого розвідаешъ. Розкажу все по порядку. Приїхавъ я уже смеркомъ; мерщій передегся и пішовъ подивитись на

Дніпръ. Погода стояла тиха, *білолицій* глядів такъ пильно у воду, наче хотів стрибнути зъ неба щобъ покупатись... Народу на березі пошти не було... Багато де-якихъ думъ навівъ на мене Дніпро своєю тихесенькою фялею про давню давнину, про нашу козацьку волю, про всю Україну, що

«Сиротою

По-надъ Дніпромъ плаче...

Хтось кинувъ у воду камець... розійшлась кругами фяля... показались бульбушки, наче слізи дніпрові...

На другій день уранці роспитався, що по-чимъ. Пшениця була місяць назадъ 9,—а теперъ (въ половині іюля) по 5 я по 4 карб. за четверть; мука життя 30 к. за пудъ, сіно по 10 коп. за пудъ, овесъ 2 карб. за четверть; сало 5 карб. за пудъ, масло 7—8 карб.— Дешевше усёго гурки—семи-гривенний за сотню. Овощі продають на вагу, а не на ліку; груши 5 коп., вишені 9 коп. за хунтъ, яблосъ ще не видно.—Поснідавши пішовъ по судамъ... Та й набрався жъ я чиховиці у повітовій скарбівні! Купивъ, знаєш, гербового папіру на 1 карб. 75 коп., даю *бумажку* въ 10 карб.—Узявъ москаль,—сховавъ у скриню, и дае мнѣ 8 карб., а четвертака, каже, нема. Прохавъ щобъ хочъ мідяками давъ, — *нема*, та й годі—»У казначействі, каже, не дають здачи« — »Ну, кажу я, а якъ би я схотівъ розмінять *билетъ* (25 р.)—»На стольці, каже, йди.«—А на стольцяхъ беруть проміни 8—10 коп. за рубъ.—Нічого було робить: пропавъ четвертакъ!..

Упоравшись по судамъ, пішовъ я зъ Лавріномъ роздивитця городъ по-видну. У городі 11 церковъ, (одна мнжо ними гречеська) 1 костелъ и еврейська синагога. Попредъ города въ садку стоить пам'ятникъ Потемкину: на високій підмостці стоить статуя Потемкина и дивитця на Дніпръ. Ще на конці города пам'ятникъ Говарду. На південному боці его написано: «скончався 20 генваря 1790 г. на 63 году отъ рожденія»; на схиднѣму: *alios salvos fecit* и на захиднѣму: «*Vixit propter alios.*» Зо всёго видно, що Херсонці не дуже поважують пам'ять сёго незабутного чоловіка; бо кругомъ пам'ятника таке поппсано, що брідко й сказать. Були ми и въ кріпості. У церкві (великомучениці Катерини) поброєнній Царицею Катериною II, стоить дзиглякъ, на которому седіла ся Цариця. На цвінтарі е чимало пам'ятниківъ, міжъ ними два такихъ старихъ, що вже не видно й

надписі, и надъ кимъ вони постановлени—незвісно; есть пам'ятники: Принцу Александру Виртембергскому зъ надписаннемъ: «праху, скончавшагося во цвѣтъ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ, героя»; — Князю Молдавскому Эмануїлу Россете; Полковникові Петру Мартиновичу, убитому 6 Декабря 1788, на 21 року життя, Инженеръ Полковникові Миколі Івановичу Корсакову, умершому 24 Августа 1788 р. и инше. На пам'ятнику Корсакові написани стихи:

Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалнію сыновъ Россіи погребенъ:
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрой духъ его отъ'тѣла отлученъ.

Відсіля пішли ми у садъ штурманської школи. У воріть саду зди-
вувались ми побачивши на стовбчику прибиту дощечку зъ словами:
«Входи и гуляй, рукамъ воли не давай.» — Садъ поганенький, дивитця
ні на що; хиба—що тутъ абрикось, посажений Катериною II, та її
той, мабуть, скоро всохне.

Для мене найпотрібній було знати: — якъ иде наука въ Херсоні?
та ба! Вийнялась, бачъ, така пора, що въ школахъ не учатця. Въ
Херсоні е гимназія, повітова и приходська школа, школа канцелярсь-
кихъ дітей, штурманська школа, дівочий приютъ; хлоп'яча и дівоча
недільні школя. При гимназії, кажуть, заведена хороша книгарня.
Правда, въ городі е дві книгарні, — та що зъ нихъ? Ще—таки кни-
гарня и. Шаха—такъ и сікъ, а про другу її говорить нічого! II.
Шахъ виписує собі у книгарню: *Основу, Отечество. Записки, Руський Вістникъ, Современникъ, Руське Слово, Библиотеку для чтенія, Одеський Вістникъ, С. П. бурські Відомості и Собраніе Иноземнихъ романівъ.* А спитай скільки въ ёго предла-
тниківъ? На рокъ—8, на півроку—6, да на місяць—9: отъ—тобі її
всі! Не дивуйся: згадай тільки, що въ Херсоні найбільшъ живуть
українці,—народъ, одорваний одъ корня,—що «одъ одного берега од-
чалили, а до другого—не пристали.» — Есть въ Херсоні й печатня
п. Ващенко, да не довелось її побачити.

Прощай, друже! Напишу тобі зъ Полтави, якъ вертатимусь. А
скучно степомъ іхать... скрізь могили

Стоять, да сумують...

Наче гадюка вьетця коло серця, бо якъ часомъ споглянешъ наці могили, що нагадують те про що минуло, про волю и тільки *нишкомъ* (наче боїтця голосно) въ полі зъ вітрами говорять.»

Олександръ Переходовець.

Р. С. Може Переходовець де-в-чімъ и помилвся... дарма: нехай самі Херсонці ёго й поправлять.

ІЗЪ ЛУБЕНЬ ПОЛТАВСКОЇ ГУБ.

(Сентябрь 1861.)

Душа душу знає серце, серцю вість подає, кажуть люди: оттакъ и ми теперъ побачили, що вамъ щира наша мова, наші нужди, наше горе... Спасбі!. Прислали ви намъ до воскресної школи ріднихъ квіточокъ: хай цвітуть — не засихають, хай дощечкомъ да сонечкомъ їх оживляє; хай люди читають да пам'ятають, «чні ми діти».

Яклий же вамъ привіть послать одъ нашої школи за вашъ дарунокъ?.. Скажимо вамъ щирю правду про те, якъ ми тутъ учимось?..

Бовнає дзвінь у неділю на Лубенській соборній дзвіниці, кличе людей до церкви; идуть люди и старі й малі Богу молитись; а малі знають що після церкви да підуть вони ще въ школу грамоті вчитись, а школа зоветця воскресною: по празникамъ да по неділямъ бува тільки,—значить праведна школа—праведної думки дитина,—щирого серця розмова зъ дітками малими, христіанська, братерська школа; не налають тамъ, ні гіркого слова не скажуть, ласкою обійдуть тебе, дадуть тобі книжечку въ руки, розкажуть яка тó грамота и до чого вона, и якъ тяжко жити чоловікові безъ неї въ грамотній землі,—все рівно, що птиці співучій пробувати безъ співу... У неділю співають въ соборі *воскресники* да ученикі училища повітового, співають гарно: Денись Дмитровичъ,—хай ёму здоровья да вікъ довгий!—учителя шівчого до того діла випросивъ у начальства, а теперъ хлопята щиримъ серцемъ вспівають дяку свою за все добре.

Після обідні сбираємось у школу учити да вчиться, и хто тільки зайде до насъ грамотний да чесний, той и нашъ: и бумагу и карандаша й книжечку ёму дамо,—учи тільки дітокъ нашихъ, щобъ були

грамотні,—щобъ знали—що—правда, а що—кривда, щобъ знали якъ кривду правдою побороти.

Учимо у школі вірі Христовій, що сказавъ людямъ: «блаженни алчущіє и жаждущіє правды, блажені плачущіє яко тин утѣшатся». Чого жъ ѡ бажать, объ чімъ и молитись, якъ не о правді да утіше-нівъ? Читають наши дітки въ школі святе евангеліє, читають вони яки були люди фарисеї — яки охидні, да якъ кривою очи людямъ завязували, якъ надъ правдою знущались... якъ за правду своєю кривою Праведного Христа замучили! Люблять наши дітки, дуже люблять читати ту святую мову; роздали ми імъ по книжечці того праведного и великого слова; а якъ би ще були у насъ тики книжечки, то ѡ щєбъ давали; то свята мова—то. Боже сімья:—росте-росте да и вырасте въ дерево высоке—высоке, що неба досягне да ѡ саме небо до землі прптягне!

А не тільки читати, а ѡ писати наши дітки уміють: такъ и виведе на бумазі: «поки сонце зійде—роса очи вийсть!» Що се я?.. Оттакъ—пакъ! Простіть мене: се я збрехавъ... вони у насъ сєго не пишуть, вони, бачите пишуть усє помосковски, а тамъ — дальше, де сонце не світить, балакають може люди и по-нашому... Воно бачите світъ давно вже такій перевертєнь!.. Такъ оце вже правду кажу: пишуть наши дітки по-московські, знають арифметику, та не такъ — аби-якъ, а розсуждаючи: охоты у їхъ багато до вчення, та ба!.. Бідні вони: ні карандаша, ні бумаги, ні пера, ні-за-що купити! — що ми дамо, то тільки и е у їхъ; а школа наша все бідніша становитця: грошинять дазьбі!.. До школи багатимъ яке діло? тамъ же вчитця *мужва*, а несчастна мужва—то для иншого мовъ гадина!.. А въ добримъ домі потрібно було бъ мати єдину душу, єдину мову, єдине серце!.. Любови да согласки треба, дуже треба усімъ намъ!..

Чувъ я що въ *Оснoві* завєлись за слово »Жидъ«! Богъ зна що такеє!. Есть объ чімъ толковатись!.. У насъ давно вже немає ні жидівъ ни євреївъ—а тимъ що кажуть: я—жидъ, або я—єврей, не вірте. Який же жидъ безъ Іудової землі, який то єврей—безъ язика свого стародавнєго, безъ свого закону, безъ свого обичая, безъ віри.. Тимъ котрі зовутця жидами, здаєтця, що вся віра у тимъ тільки ѡ стоїть, щобъ не істи *трафного*, щобъ істи своїми ложками, да свій хлїбъ, свій горщокъ мати, свою тарілку... пророківъ своїхъ вже вони давно забули: спитайте которого жида, то и не перелічить!. Хто хоче быть жидомъ, хай иде въ *Іудову* землю; хто хоче бути євреємъ, нехай той—научить попереду народъ свій говорити по-єврейскі а не понімецькі;

хай научить народъ свій читать пророка Давида, якъ вінъ пророчивъ,— научить читать Іезекиля якъ вінъ пророчивъ воскресенне мертвихъ; а коли сѣго не зможе, хай буде громадяниномъ тієї землі, дѣ уродився и вирієть,—а ні—то, просто, чоловікомъ, бо чоловікъ—то перве діло въ світі; то любя дитина и у людей, и у Бога...

Годі, прощайте до другого разу.

Василь Шевчъ.

ЗЪ ГАДЯЧА, ПОЛТАВСЬКОЇ ГУБ.

(Августъ 1861 року.)

«Скрізь, якъ у дзвінъ дзвонять—говорять за школи и бібліотеки. И въ Гадячі обѣ цимъ річъ. Якъ почнуть розсказувать—що якъ би вонѣ було добре, що зовсімъ би народъ змінився—тільки слухай! Довго говорили, а далі—добрі люде принялись и за діло: перше, то сямъ, то тимъ побитомъ, відкрили городську бібліотеку, а отцѣ недавно—жѣнську школу. Послѣдню хоть не гараздъ, бо ще нема на тѣ розршѣнія, а все есть надія, що колись бѣде така, якъ и въ людѣй. Нехай же иі, до другого часу, Богъ помага та добрі люде, а ми дѣ—що поговоримъ за бібліотеку.

Въ Гадячі, після Різдваиныхъ Святківъ, охотники до театру змѣвились показати спектаклі. Показали, та на ті гроші, що зібрали, відкрили городську бібліотеку. Вона виписує: *Руській Вістникъ*, *Современникъ*, *Отечественні Записки*, *Бібліотеку для чтенія*, *Основу*, *Руське Слово*, *Драматическій Сборникъ*, *Московскі Відомості*, *Руській Міръ*, *Искру*, *Вікъ*, *Иностранні романи*, *Художественній листокъ и Журналъ Волного Економического Общества*, да ще послано гроші, зароблені за другі два спектаклі, щобъ прислали сочинѣній самихъ лѣччихъ писателівъ—Гоголя, Пушкіна и другіхъ. На Українській мові тільки и є що *Кобзарь*. Нема ні *Хати*, ні *Повістей Квітки*; нічого нема. А такихъ книжокъ треба, та ще и дѣже, бо въ Гадячі народъ все почти Українці,—такъ що жъ імъ рѣдніше—чи своє, чи чужѣ? мабуть своє. Бібліотека находитьця на квартирі въ одного зъ учредителівъ, дѣктора Черниша, вінъ ією и розпоряжає. За те, щобъ брати читати до дому журнали и га-

зети, плата—дуже поцінна—*три* карбованці на годъ, а на місяць коповикъ. Якої жъ ще дешевшої? Здається, скільки треба бъ бути підписчиківъ, а їх тільки всього на всього—43, годовихъ 39, 1 пів-годовий й 4 місячнихъ. Чого жъ такъ? Хіба, скажуть, що роздають книжки не справно? що напередъ великимъ панамъ дають? Такъ ні! ще, до которого часу, сего нічого нема: всякъ, хто бъ не записавсь чи дворянинъ, чи купецъ, чи міщанинъ, все одно, всі рівні. А все це відъ того, що є багато ще такихъ людей, котрі на язичі якъ на органі, а прийдеця до діла—й піє підъ себе—заразъ и назадъ: за що, кажуть, я буду платити 3 карбованці? що книжки дадуть прочитати? лүчче проімъ, або проиграю въ карти, — такъ знатему де дівъ; адже мій батко не читавъ, а живъ на світі? такъ и я. Отакі!... Хотби жъ сами не записувались, то й сіл்கось, — а то й другихъ піддрочують. По-моєму, лүчче жъ взяти книжку та читати, чимъ цілий день виспати, а нічъ въ карти програти; а по їхъ—хто ёго зна... не вгадаю...

Иванъ Кивайголова:

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРЕМІИ ЗА СОЧИНЕНІЕ:

«Исторія Кієвскаго університета и лицевъ — Нѣжинскаго и Одесскаго.»

На прощальномъ обѣдѣ, даномъ въ честь Н. И. Пирогова сообщено было мною многимъ изъ присутствовавшихъ, о желаніи, изъявленномъ нѣкоторыми изъ гг. студентоу університета, сдѣлать пожертвованіе для ученой цѣли, которая будетъ пзбрана самимъ Николаемъ Ивановичемъ. Подобное выраженіе признательности и уваженія къ бывшему начальнику, не могло не встрѣтити искренняго сочувствія со стороны присутствовавшихъ, которые заявили также о готовности своей присоединиться къ числу жертвователей. — Когда это предположеніе сдѣлалось извѣстнымъ, тогда начали поступать деньги изъ разныхъ мѣстъ кієвскаго учебнаго округа на имя ректора університета. Деньги передавались на храненіе казначею університета, у котораго накопилось около 1000 рублей, хотя цѣль пожертвованія еще не была

опредѣлена.—Нынѣ, по полученіи отзыва Николая Ивановича, предложено предназначить сдѣланныя пожертвованія на выдачу преміи за сочиненіе, написанное на слѣдующую тему:

«Изложить сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи вообще, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, т. е.: Университета Св. Владиміра и Лицеевъ—князя Безбородко и Ришельевского.»

Ходатайство о семъ отъ г. Попечителя, барона А. П. Николаи, уже послѣдовало. Что касается программы, разъясняющей, какъ самую тему, такъ и порядокъ удостоенія преміею написанныхъ на эту тему сочиненій, то, по полученіи нѣкоторыхъ указаній отъ Николая Ивановича, въ представленіи начальству изложено нижеслѣдующее:

I.

По самому содержанию своему, тема заключаетъ въ себѣ двѣ части: а) *Общую сравнительную исторію университетскаго образованія на Западѣ и въ Россіи.* Здѣсь, на основаніи лучшихъ монографій, авторъ долженъ представить послѣдовательный очеркъ пережытій въ ученѣмъ, административномъ и экономическомъ устройствѣ заведеній, въ нравахъ и обычаяхъ университетскаго сословія, изобразить вліяніе на университеты окружающаго ихъ общества и на оборотъ—вліяніе университетовъ на общество и въ особенности опредѣлить *различіе въ ходѣ и значеніи университетскаго образованія и во вліяніи гуманизма и реализма на просвѣщеніе въ Европѣ и у насъ*; б) *Подробную исторію Университета Св. Владиміра и двухъ лицеевъ Нѣжинскаго и Одесскаго.*—При изложеніи этой части необходимо, чтобы авторъ по возможности воспользовался *всѣми историческими оффиціальными документами и преданіями, которые должны быть разработаны критически.*—Жизнь университета должна смѣять на первомъ планѣ. Исторія его возникновенія, само собою разумѣется, потребуетъ отъ автора хотя краткаго, но обстоятельнаго изложенія историческихъ свѣдѣній о прежней системѣ образованія на юго-западѣ Россіи, съ опредѣленіемъ степени участія въ ней правительства и общества, съ показаніемъ въ какой степени она удовлетворяла потребностямъ того и другаго и вообще, какіе были ея достоинства и недостатки.—Затѣмъ

документально и критически должна быть разработана и изложена исторія университета и лицеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а именно: 1) время и способъ учрежденія; 2) административная часть; 3) хозяйственная часть; 4) вспомогательныя средства просвѣщенія—библіотеки, ученныя коллекціи и, типографіи; 5) свѣдѣнія объ учащихъ и учащихся по всѣмъ категоріямъ; 6) степень и размѣръ обученія; 7) нравы и обычаи ученаго сословія; 8) результатъ дѣятельности заведеній и вліяніе ихъ на окружающую ихъ среду, на сколько оно обнаружилось въ общественной и учено-литературной дѣятельности преподавателей и воспитанниковъ заведеній; 9) вліяніе общества на университетъ и лицей: въ какой мѣрѣ оно содѣйствовало и препятствовало ихъ преуспѣванію.

II.

Сочиненія ищущихъ преміи, написанныя на рускомъ языкѣ, должны быть доставлены къ назначенному сроку, въ Кіевъ, на имя ректора Университета Св. Владиміра. — Фамиліи авторовъ должны заключаться въ запечатанныхъ конвертахъ, съ обозначеніемъ девизовъ на конвертахъ и сочиненіяхъ.

Срокъ, для подачи сочиненій назначается чрезъ 4 года, со дня утвержденія программы правительствомъ. Въ теченіи этого времени, сумма, собранная по подпискѣ, и въ настоящее время простирающаяся до 1000 руб. сер., вмѣстѣ со всѣми имѣющими поступить пожертвованіями, обращается въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій для приращенія процентами.

Для разсмотрѣнія сочиненій и присужденія премій, составляется особая коммиссія изъ лицъ, выбранныхъ совѣтомъ Университета Св. Владиміра и педагогическими совѣтами кіевскихъ гимназій (каждымъ по два лица). — Прочія высшія и среднія заведенія, принимавшія участіе въ пожертвованіи, имѣютъ право присылать, въ назначенный срокъ, въ эту коммиссію, выбранныхъ ими лицъ, въ такомъ же числѣ.

Коммиссія избираетъ одного, или двухъ рецензентовъ, которые пишутъ подробные разборы присланныхъ сочиненій, съ своимъ о нихъ заключеніемъ.

Рецензіи эти служатъ коммиссіи основаніемъ, для присужденія преміи. — Отчетъ коммиссіи и рецензія удостоеннаго преміи сочиненія печатаются въ повременныхъ изданіяхъ. — Распоряженія о времени и

порядкѣ собирація комиссіи возлагаются на ректора университета. Рецензентамъ выдается премія за разборъ, въ 200 руб. каждому.

За сочиненіе, которое будетъ признано вполне соответствующимъ требованіямъ этой программы, назначается премія въ количествѣ всей суммы, собранной по подпискѣ и увеличенной процентами, за вычетомъ преміи рецензентамъ.

Авторъ сочиненія, признаннаго достойнымъ преміи, обязанъ напечатать его въ теченіи 2-хъ лѣтъ. — Если, по истеченіи означеннаго срока, сочиненіе не будетъ напечатано авторомъ, то университетъ печатаетъ оное самъ, и вычитаетъ изъ преміи издержки по изданію. — Напечатанное сочиненіе составляетъ собственность автора.

Такъ какъ деньги продолжаютъ доселѣ поступать, то печатный отчетъ о томъ, сколько и откуда поступило, необходимо отложить на время, тѣмъ болѣе, что еще нѣтъ всѣхъ данныхъ, для составленія именнаго списка жертвователей. — Отчетъ этотъ не заставитъ себя долго ждать и послужитъ удостовѣреніемъ, что пожертвованія получены, и что, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, они будутъ употреблены по назначенію.

При семъ я покорнѣйше прошу васъ м. г. подѣлиться съ читателями вашего журнала извѣстіемъ о томъ, что вскорѣ поступитъ въ продажу Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова за 1858 — 1861 годы, съ портретомъ автора гравированнымъ на стали. Книга эта содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Чего мы желаемъ? 2) О предметахъ сужденій и реній педагогическихъ совѣтовъ гимназій. 3) Школа и жизнь. 4) О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ. 5) Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній. 6) Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. 8) Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразования морскихъ учебныхъ заведеній. 9) Взгляды на общій уставъ нашихъ университетовъ. 10) Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ — при прощаніи его съ кіевскимъ учебнымъ округомъ, со студентами Университета Св. Владиміра, съ г. Кіевомъ, и при посѣщеніи имъ еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

Комиссію по продажѣ означенной книги принялъ на себя книго-продавецъ Іосифъ Завадскій. Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 50 к.— Выручка, за покрытіемъ расходовъ на печатаніе, предназначается, по желанію П. И. Пирогова, въ пользу студентской бібліотеки.

Покорнѣйше прошу васъ, м. г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Н. БУНГЕ.

(Письмо къ редактору «Кіевскаго Телеграфа.»)

СВѢДѢНІЕ О ЧИСЛѢ ПРОДАНЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЙ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Полтавскій корреспондентъ, завѣдывающій продажею дешевыхъ (отъ 3 до 15 коп. за экземпляръ) изданій на Украинскомъ языкѣ, сообщаетъ «Основѣ», что въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, съ января по октябрь 1861 года, продано:

1) Въ Хоролѣ	2,478	экземпляровъ.
2) — Зеньковѣ	1,955	—
3) — Миргородѣ	800	—
4) — Гадячѣ	966	—
5) — Золотиношѣ	884	—
6) — Прилукахъ	322	—
7) — Кременгугѣ	353	—
8) — Херсонѣ	220	—
9) — Умань (Кіевской губ.)	191	—
10) — Новомосковскѣ (Екатериин. г.)	177	—
11) — Лукны	206	—
12) — Пирятинѣ	161	—
13) — Константиноградѣ	61	—
14) — Валкахъ (Харьковской губ.)	100	—
15) — Ромнѣ	27	—
16) — Полтавѣ	1,972	—
17) м. Сарочинцахъ (Миргородск. у.)	770	—
18) — Решетилковѣ	91	—
19) — Опишиѣ	84	—
20) — Кивалѣвкѣ (Зеньк. уѣзда)	80	—

21) — Санжарахъ	54	—
22) — Шишакъ (Миргор. уѣзда)	53	—
23) с. Чутовъ	70	—
24) — Васильевкѣ (Полтавск. уѣзда)	70	—
25) — Нижнихъ Млинахъ (Полт. у.)	63	—

Всего продано 12,195 экземпляровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

И. А. Кулишъ приступилъ къ изданію *драматическихъ сочиненій Григорія Квитки (Основьяненка)*. Извѣстно каждому, что въ свое время провинціальныя театры наши всего болѣе заняты были представленіемъ комедій и оперъ Квитки. Поэтому, независимо отъ степени таланта автора, онѣ имѣютъ для насъ значеніе и въ исторіи нашей общественной жизни. Многія изъ драматическихъ сочиненій Квитки составляютъ библіографическую рѣдкость. Слѣдовало бы также издать и всѣ сочиненія Котляревскаго, перваго самостоятельнаго двигателя словесности, которая въ наше время признана не одними Украинцами достойною внимательнаго изученія.

Вышелъ второй томъ *Литовской церковной Учѣи*, П. Кояловича. Ожидаемъ продолженія этого замѣчательнаго труда, снабженнаго множествомъ выписокъ изъ разныхъ малоизвѣстныхъ книгъ и рукописей (*).

Въ Одессѣ, изданъ *Полонезъ на смерть Т. Гр. Шевченка*, съ его портретомъ (впрочемъ — довольно-грубымъ, напоминающимъ поэта только одеждою). Полонезъ сочиненъ *В. Н. Пащенко*мъ (учи-

(*) Ц. 1-го тома 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. Ц. 2-го тома 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

телемъ музыки въ Одессѣ) и продается въ музыкальномъ магазинѣ Нейгеборна по 1 р., съ пересылкою. Извѣстный знатокъ музыки, П. П. Собальскій, хвалить полонезъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, выставленъ *черновой снимокъ съ маски, слѣпленной съ Т. Гр. Шевченка*, г. художникомъ Каменскимъ. Желающіе приобрести подобную маску изъ гипса могутъ записаться, оставивъ въ магазинѣ 3 рубля, съ тѣмъ, что когда число желающихъ будетъ равняться *двадцати*, то маска изъ гипса будетъ выдана подписчику за 3 р.; въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ обращаться съ заказомъ къ самому художнику, а деньги изъ магазина будутъ выданы обратнѣ. —Художникъ Каменскій весною уѣдетъ изъ Петербурга, и потому сохвѣтуемъ воспользоваться его трудомъ немедленно.

Возраженіе на нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя въ статьѣ *Национальная Безтактность* и во 2-мъ № *Дня*, найдено полезнымъ до-времени отложить. Полагаемъ, что читатели *Дня* (если не самъ Ив. С. Аксаковъ и не Вл. Ив. Ламанскій), внимательно прочтя одну эту книжку *Основы*, усомнятся въ справедливости прежде-временнаго прорицанія названныхъ нами двухъ писателей насчетъ дальнѣйшаго развитія украинской словесности. Не развивается только та словесность, которая не проникнута живою идеей, которая проповѣдуетъ идеи ложныя, или возбуждается къ движенію искусственно-сочиненной теоріей, не имѣющей связи съ дѣйствительными, жизненными общественными началами. Если бы наша народная словесность была въ *такомъ* положеніи, то мы сами пожелали бы ей—скорѣе оправдать московскихъ пророковъ; но пока этого не случилось,—мы будемъ попрежнему любить родное слово, нисколько не сомнѣваясь, что шуть, по которому идетъ оно, и прямѣе и яснѣе того, что думаетъ освѣщать для насъ (и для Галичанъ) *День* съ высоты своего наставническаго величія.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

VII.

№ XVII и XVIII изображаютъ *дівчину Полтавской губ.* въ праздничномъ нарядѣ; гравированы мною съ рисунка И. И. Соколова. —

№ XIX изображаетъ нѣсколько предметовъ, въ которыхъ отразился народный вкусъ. Въ статьѣ, помѣщенной мною въ X книжкѣ *Основы*, я сказалъ нѣсколько словъ о народной архитектурѣ.—Планъ жилья является изъ потребностей жизни, изъ плана выходитъ наружный видъ. Въ наружныхъ украшеніяхъ и убранствѣ вкусъ проявляется наиболѣе. Утварь, когда въ ней есть украшенія, точно также, какъ и разныя части зданія, составляетъ лучшій матеріалъ для изученія народнаго вкуса; и потому подобнаго рода предметы слѣдуетъ каждому изъ насъ собирать и обнародовать. Только этимъ путемъ, мы можемъ разъяснить себѣ вкусъ народа.—Я удерживаюсь пока отъ выводовъ и критики и буду доставлять лишь матеріалъ въ сыромъ видѣ, какимъ онъ былъ добытъ мною, или сотрудниками, съ натуры. Пусть каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, я—же съ своей стороны прошу сообщать мнѣ эти замѣчанія и, если кто можетъ, пополнять мое собраніе рисунками или вещами. Жители деревень, хуторовъ, селъ, мѣстечекъ, провинціальныхъ городовъ имѣютъ гораздо болѣе возможности собирать и изучать предметы подобнаго рода; но къ сожалѣнію, почти все оставляютъ ихъ въ пренебреженіи, полагая, что это не стоить вниманія; а между тѣмъ рушатся старинныя стросенія, точить червь старинную утварь и мебель, гниетъ прадѣдовское шитье, и вскорѣ мы почти будемъ лишены возможности изучить вкусъ нашихъ предковъ. Надо снѣшить собирать малѣйшіе и, повидимому, неважные остатки нашей старины; все пойдетъ въ пользу и на дѣло: отъ старосвѣтскаго ключа, грубой кузнечной работы, до изящной колиськи или затѣйливой ложки.

Представляемые мною образчики (№ XIX) послужатъ указаніемъ для тѣхъ, кто желаетъ собирать, что, при подобнаго рода изученіи, все важно и нѣтъ бездѣлицъ.

1. Изображаетъ *колицку*, снятую съ природы въ *Херсонской губ.*, въ хатѣ селянина.

2. — Старинная монастырская ложка; она представлена здѣсь почти въ два раза менѣ своей подлинной величины. Рисунокъ доставленъ П. А. Кулишемъ. — Она — деревянная и раскрашена масляными красками.

3. — Деревянная солонка, снятая съ природы въ хатѣ у козака *Полтавской губ. въ селѣ Фадѣевкѣ*. Длина ея — три вершка.

4. — Изображаетъ верхній брусъ на воротахъ; узоръ повторяется всего три раза во всю длину бруса, а между тѣмъ ворота высоки и широки, такъ — что обозъ въѣзжаетъ въ нихъ свободно. — Эти ворота сняты мною въ селѣ *Красный-Рогъ, Черниловской губ. Млиинскаго уѣзда*.

5. — Старосвѣтскій ключъ. Онъ изображенъ въ $5\frac{1}{2}$ разъ меньше своей натуральной величины, снятъ въ хуторѣ *Заротъ, Полтавской губ. Лубенскаго уѣзда*.

Л. Ж.

ПОПРАВКИ.

Въ статъѣ *Видеѣна*, на стр. 1, въ строкѣ 3, вмѣсто *старшійхъ*, слѣдуетъ читать *старшійнхъ*.

Въ поэмѣ *Настуся*, на стр. 1, стихъ 1-й, слѣдуетъ читать:

Якъ зустрѣнись ми съ тобѣю.

На стр. 13, стихъ 22-й слѣдуетъ читать:

Силами знемігся.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ВЪ 1862 ГОДУ.

Объявляя объ изданіи «КІЕВСКАГО ТЕЛЕГРАФА» въ 1862 году и вступая въ четвертый годъ своего существованія, редакція не намѣрена завлекать своихъ подписчиковъ слишкомъ заманчивыми и блестящими обѣщаніями. Аккуратно выпуская два раза въ недѣлю номера и исполняя свои обѣщанія, редакція имѣла уже случаи высказаться передъ публикой касательно цѣли и направленія этого изданія. Читатели «Кіевскаго Телеграфа» могли убѣдиться, что редакція постоянно старалась объ улучшеніи своего изданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ о скорѣйшемъ сообщеніи всѣхъ новостей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Читатели могли замѣтить, что многія извѣстія они находили даже скорѣе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», чѣмъ въ столичныхъ изданіяхъ, получаемыхъ здѣсь довольно поздно. Мѣстный отдѣлъ, по интересу извѣстій, почти цѣлкомъ былъ перепечатываемъ многими столичными повременными изданіями, что конечно служитъ лучшимъ доказательствомъ его важности и общезанимательности. Имѣя своихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заграничій, а также и во многихъ городахъ Россіи, газета наша не была лишена

также корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, чѣмъ знакомила читателя съ разными новостями общественной жизни, промышленности и т. п. Многія новѣйшія открытія, усовершенствованія, работы на желѣзныхъ дорогахъ, устройства школъ и т. п., все это сообщалось своевременно.

Сверхъ того, редакція, по мѣрѣ своихъ средствъ, получала изъ Петербурга, особенно важныя телеграфическія депешы, заимствуя ихъ своевременно изъ того же источника, изъ котораго заимствуютъ и другія повременныя изданія въ Россіи.

По Высочайше утвержденной въ 1859 и дополненной (въ 1861 году) программѣ, изданіе это заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, въ которыхъ сообщаются правительственныя распоряженія и разныя другія свѣдѣнія, относящіяся преимущественно до здѣшняго края или имѣющія общій интересъ. Съ будущаго года, редакція намѣрена въ этомъ отдѣлѣ печатать производства, назначенія и награды гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, служащихъ въ юго-западномъ краѣ Россіи.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ, гдѣ сообщаются политическія извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Кроме того, въ этотъ же отдѣлъ поступаютъ торговыя извѣстія изъ Галиціи, Австріи и другихъ мѣстъ, съ коими граничитъ юго-западный край Россіи. Отдѣлъ политическій въ будущемъ году мы намѣрены значительно расширить, для исполненія каковой цѣли часто будутъ выходить номера въ полтора и два листа.

III. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ, особенно изъ городовъ и другихъ пунктовъ западнаго края, о замѣчательныхъ событіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о ходѣ промышленности, торговли, земледѣлія, урожаяхъ и т. п.

IV. ЛИТЕРАТУРА, куда будутъ входить небольшія повѣсти, рассказы, и вообще беллетрическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ переводныя, также историческія описанія, путешествія, мемуары, біографія и т. п. все, что по мѣрѣ возможности примѣнительно къ здѣшнему краю.

V. ФЕЛЬЕТОНЪ, или новости общественной жизни, литературы, театра, музыки, разборы выходящихъ въ здѣшнемъ краѣ книгъ и разныя другія статьи, преимущественно легкаго содержания.

VI. ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода, о продажахъ, покупкахъ, зрѣлищахъ, увеселеніяхъ, выходѣ новыхъ книгъ, о пріѣзжающихъ въ Кіевъ

и выѣзжающихъ, метеорологическія наблюденія, вексельные и денежные курсы и проч. и проч.

VII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ КІЕВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ будутъ выдаваться въ видѣ особыхъ прибавленій одинъ разъ въ мѣсяць, каждое отъ одного до двухъ листовъ in 4°, такъ что къ концу года изъ этихъ прибавленій составится большой томъ литературнаго содержанія, съ особымъ оглавленіемъ, заглавнымъ листомъ и оберткою. Сюда войдутъ какъ переводные такъ и оригинальные повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены, комедіи, историко-статистическія описанія замѣчательныхъ мѣстностей здѣшняго края, статьи научнаго содержанія и т. п. Вообще редація обратитъ особое вниманіе на эти прибавленія и постарается сдѣлать ихъ по возможности интересными для читателей.

Особенно важныя **ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ**, редація также какъ и въ настоящемъ году, будетъ получать изъ Петербурга.

Во время Крещенской ярмарки (контрактовъ), для городскихъ подписчиковъ будутъ выдаваться ежедневно съ 20 января по 3 февраля **ЯРМАРОЧНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ**, съ ежедневнымъ извѣщеніемъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ Кіева.

Всѣ постановленія Кіевского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, точно также какъ и въ этомъ году будутъ выдаваться подписчикамъ въ видѣ особыхъ приложений, чѣмъ мы надѣемся оказать услугу всѣмъ помѣщикамъ, Мировымъ Посредникамъ и другимъ служащимъ лицамъ.

Всѣмъ подписчикамъ городскимъ и нигороднымъ въ теченіи года редація обѣщаетъ разослать *два литографированныхъ и шесть рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ* изображающіе наиболее достопримѣчательныя виды, памятники и сцены изъ юго-западнаго края Россіи. (*).

Задавая себѣ такую программу, редація получила согласіе отъ нѣкоторыхъ ученыхъ и литераторовъ, которые и до сихъ поръ не оставляли ее своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, участвовать своими трудами въ ея изданіи и въ будущемъ году. Здѣсь могли-бы мы представить цѣлый рядъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣй-

(*) Обѣщанныя подписчикамъ рисунки, въ этомъ году, непремѣнно будутъ разосланы не позже первыхъ чиселъ ноября мѣсяца.

ствіе, но за лучшее считаемъ выставить русскую поговорку: «что дѣло само за себя скажетъ,» и подписчики убѣдятся, что редакція, какъ и въ этомъ году, сдѣлаетъ больше нежели общается.

Редакція искренно благодаря своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣе проситъ и въ будущемъ году сообщать ей обо всемъ, что можетъ быть интересно для читателей.

Въ 1862 году «Кіевскій Телеграфъ» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по Четвергамъ и Воскресеньямъ, и будетъ содержать въ каждомъ номерѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годовое изданіе, въ Кіевѣ безъ доставки 7 руб. съ доставкой на домъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою во всѣ города российской Имперіи 9 руб. Желаніе подписаться на полугодовое изданіе платятъ съ доставкой на домъ и пересылкою 5 руб. безъ пересылки и доставки 4 руб. сер.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ, Н. Г. *Овсянникова*, въ гостинномъ дворѣ: въ Москвѣ—у *Щепкина*, въ Варшавѣ у книгопродавца *Истомина*; въ Одесѣ—у книгопродавца *Бьлаго*; въ Казани—у М. Я. *Мясникова*; въ Житомирѣ—у *Будкевича*; въ Каменцѣ—Подольскомъ—въ музыкальномъ магазинѣ А. *Коципинскаго*. Сверхъ того, подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, какъ жители Кіева, такъ и иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно: «Въ Редакцію газеты «Кіевскій Телеграфъ», въ Кіевѣ у ограды Михайловскаго монастыря въ домъ *Шараго*». Сюда же должны быть адресованы статьи; (*) письма и объявленія для помѣщенія въ Кіевскомъ Телеграфѣ. Желая облегчить городскихъ жителей, редакція, для подписки а также и приѣма частныхъ объявленій для помѣщенія въ Кіевскомъ

(*) По существующимъ постановленіямъ, редакціи всегда должны быть известны фамилія и мѣсто жительства автора статьи, хотя бы статья и являлась, по желанію автора, въ печати безъ подписи, о чемъ редакція считаетъ не лишнимъ еще разъ извѣститъ здѣсь своихъ сотрудниковъ. Статьи не извѣстныхъ авторовъ напечатаны быть не могутъ.

Телеграфъ, открываетъ контору при книжномъ магазинѣ *Барщевскаго на Крещатику*.

Редакція ручается за своевременную и аккуратную высылку газеты только тѣмъ изъ подписчиковъ, кои подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ. При этомъ редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ означать свои имена и адреса четко и правильно. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она покорнѣе проситъ о заблаговременной подпискѣ, ибо можетъ оказаться недостатокъ въ первыхъ номерахъ и запоздалые подписчики получать газету съ того №, къ которому поступать ихъ требованія. Газета сдается на почту постоянно въ день выхода и отправляется съ первою отходящею почтою въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ съ печатнымъ адресомъ.

Кромѣ всехъ обѣщанныхъ приложений годовымъ подписчикамъ, предлагается къ выбору, *безплатно* одна изъ трехъ премій:

1.) *Сборникъ* литературныхъ статей, изданный редакціей въ 1860 году. Содержаніе его слѣдующее: Анята, рассказъ І. Корженевскаго.—Десять стихотвореній изъ Гейне.—Отставный солдатъ—рассказъ.—Жиденокъ, повѣсть въ стихахъ.—Наполеоновскія идеи.—Васильковъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ.—Три литографированныя вида Кіева.

2.) *Западня*, сцены изъ уѣздной жизни въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Денпоза.—Три литографированныхъ вида Кіева.

3.) *Портретъ Н. И. Пирогова*, большого формата, литографированный, на китайской бумагѣ и три картины изъ альбома памятниконъ и видовъ Подольской и Вольнской губерній. На пересылку этихъ премій сверхъ подписной суммы прилагается за фунтъ.

Сверхъ того всѣ годовые подписчики, кои ихъ требованія поступаютъ во редакцію не позже 1 января 1862 года, получаютъ въ видѣ преміи *безплатно* «Гетманъ Петръ Дорошенко» (1665—1676 г.) соч. М. Аз—ча и Ис. Мандрыки). Съ литографированнымъ портретомъ П. Дорошенко. *Редакторъ и издатель А. фонъ-Юнкъ*.

Редакція приступила къ изданію слѣдующаго сочиненія, содержащаго въ себѣ до 250 страницъ убористой печати на превосходной бѣлой бумагѣ.

Г Е Т М А Н Ъ ПЕТРО ДОРОШЕНКО.

(1665—1676)

(СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ П. ДОРОШЕНКО).

Сочин. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки.

СОДЕРЖАНІЕ:

ГЛАВА I.

Присоединеніе Украины къ Московскому государству. Переяславскій договоръ. Смерть Хмельницкаго. Избраніе Юрія. Выговскій. Восстаніе Пушкаря. Битва подъ Полтавою. Гадячскій договоръ. Копотопская битва. Удаленіе Выговскаго. Вторичное избраніе Юрія. Измѣна его. Междоусобіе. Черная рада. Набраніе Бруховецкаго и Тетери. Походъ Яна Казимира. Казнь Выговскаго. Отъѣздъ Тетери въ Польшу. Дорошенко его преемникъ.

ГЛАВА II.

Происхожденіе Дорошенка. Походъ Михаила Дорошенка въ Крымъ. Петръ. Дорошенко—конюшій Хмельницкаго. Служба его въ войскѣ козацкомъ. Дѣла подъ Сребнымъ и Хмельникомъ. Набраніе его въ Гетманы. Гибель Опары. Поѣздка Бруховецкаго въ Москву. Статьи московскія. Возвращеніе Бруховецкаго изъ Москвы. Взятіе Брацлава. Бунтъ въ Черяславль. Вступленіе Маховскаго въ Украину. Сраженіе подъ Брацлавомъ.

ГЛАВА III.

Андрусовскій договоръ. Изгнаніе Косогова. Смерть Ладыженскаго. Осада Подгайцевъ Дорошенкою и Татарами. Подгаецкій договоръ, мирныя условія. Сношенія Московскаго двора съ Дорошенкою. Предательство Бруховецкаго. Вражда его съ Мефодіемъ. Примиреніе. Слѣдствія Андрусовскаго договора. Волненіе въ Украинѣ. Возмущеніе Бруховецкаго. Гибель Воеводъ. Походъ Дорошенка къ Опашному. Смерть Бруховецкаго. Участъ Мефодія.

ГЛАВА IV.

Затруднительное положеніе Дорошенка. Удаленіе Ромодановскаго. Возвращеніе Дорошенка въ Чигиринъ. Суховый Гетманъ Запорожскій. Набытъ его. на Восточную Украину. Набраніе Многогрѣшнаго въ Гетманы. Глуховскія статьи. Сношенія Дорошенка съ Султаномъ. Суховый и Ханенко разоряютъ Западную Украину. Дѣйствіе Корецкаго въ Восточной Украинѣ. Сраженіе подъ Рогинцами и Новой—греблей. Новыя нападенія Суховія и Ханенко на Западную Украину. Сѣрко спасаетъ Дорошенка въ Стеблевѣ.

ГЛАВА V.

Огреченіе Яна Казимира. Избраніе короля. Михаилъ Корибутъ Вишневецкій Новый сеймъ въ Андрусовѣ. Послы Дорошенка въ Варшавѣ. Условія предлагаемыя имъ. Острожская коммиссія. Избраніе Хаенка въ Гетманы. Новое посольство Дорошенка въ Константинополь. Письмо Дорошенка и задиѣпровскихъ полковниковъ въ Сѣчь. Кіашко грабитъ Лубенщину. Проклятіе на Многогрѣшнаго. Бульгъ Разина. Начало войны съ Поляками. Осада Умани, Кальника и Брацлава. Польскія войска на зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ. Каштелятъ Лужецкій.

ГЛАВА VI.

Безпечность Поляковъ. Четвергоновская битва. Вступленіе султана въ Подолье. Взятіе Каменца. Осада Львова. Бугарскій договоръ. Умани признають власть Дорошенка. Кошевой Вдовиченко. Паденіе Многогрѣшнаго. Избраніе Самойловича. Конотопскія статьи. Возстаніе Умани. Убіиство Пиза. Хаенко оставляетъ польскую службу. Сѣрко въ Крыму. Мазепа. Хотинская битва. Смерть короля.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Походъ Самойловича и Романдановскаго за Днѣпръ. Осада Чигирина. Взятіе турками Ладжиана, Умани и Лысяки. Неудачное нападеніе на Сѣчь. Король въ Украинѣ. Взятіе Павлочи. Заговоръ противъ Дорошенка. Примиреніе его съ Сѣркомъ. Вторичная осада Чигирина. Паденіе Дорошенка. Удаленіе его изъ Сосницы въ Москву. Великодушіе царя. Пребываніе Дорошенка въ Ярополчѣ. Смерть его.

Изданіе поступитъ въ продажу, не позже 15 января 1862 года, и будетъ продаваться въ редакціи Телеграфа по 2 руб. сереб. Иногородные прилагаютъ на пересылку за 3 фунта.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА, ВЪСТІПКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ,

будетъ издаваться съ 1 января 1862 года по слѣдующей программѣ:

- I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Узаконенія.
- II. СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, рассказы, пѣсни, стихотворенія.
- III. НАУКИ. Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, ремесла, искусства и проч.

IV, СМЪСЬ. Открытія, изобрѣтенія, случаи, разныя извѣстія — вообще мелкія статьи.

Рисунки и чертежи къ статьямъ, по мѣрѣ надобности.

Шесть книжекъ въ годъ, по 10 печатныхъ листовъ каждая. Годовая цѣна 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовые конторы. За доставку на домъ, предлагается 30 коп. сер.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ СЕНЬКОВСКАГО и КОМП., въ Большой Морской, д. № 20, и у другихъ книгопродавцевъ.

Журналъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — есть потребность развитаго общества; а для класса людей, большинство которыхъ малограмотно и притомъ небогато матеріальными средствами, насущную потребность составляетъ — дешевая учебная книга. — Но изданіе дешевыхъ книгъ у насъ еще плохо вознаграждаетъ трудъ издателя, — оно часто даже не окупается.

Чтобы помирить обоюдныя потребности — издателя и читателей, — мы рѣшились издавать журналъ, большая часть общепонятныхъ статей котораго составила бы послѣдовательно начальныя (элементарныя) руководства или учебники по разнымъ отраслямъ знаній. Въмѣстѣ съ тѣмъ журналъ дастъ грамотнымъ людямъ всѣхъ состояній и возрастовъ пріятное и полезное чтеніе.

Изданіе этого журнала вызвано нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, — людьми, дѣятельно участвующими въ общемъ дѣлѣ образованія народа. Ихъ содѣйствіе поможетъ Редакціи твердо держаться принятой цѣли, хотя и трудной, но возможной къ достиженію.

I и III Отдѣлы будутъ содержать въ себѣ тѣ статьи, изъ которыхъ мы намѣрены составить систематическія руководства къ изученію: отечественныхъ законовъ, исторіи, землеописанія, естественныхъ наукъ, хозяйства и проч.

Во II Отдѣлѣ: разныя художественныя произведенія словесности, равно приличныя для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ состояній. Признавая необходимымъ только одно — общечеловѣческое развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всѣхъ сословій, мы стараемся избѣгать всякой односторонности, и исключимъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была нравственна, и исполненіе художественно.

Въ IV Отдѣлѣ войдутъ, между прочимъ, слѣдующія постоянныя рубрики:

I Воскресныя и другія народныя школы.

Для этого Редакція покорнѣе проситъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ школъ, не отказать въ сообщеніи свѣдѣній о воскресныхъ и другихъ школахъ. Главное содержаніе этихъ свѣдѣній: губернія, уѣздъ, городъ, село или деревня, гдѣ существуетъ школа. Время и способы учрежденія ея. Число учащихся, полъ, возрастъ, вѣроисповѣданіе, званіе, и родъ занятій ихъ. Число обучающихся, полъ и сословіе ихъ. Предметы обученія. Средства школы.

2. Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основательныя вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3. Книжки. Указаніе книгъ, предназначенныхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, будетъ имѣть свою нумерацію страницъ, и для большаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ брошироваться отдѣльно.

Статьи и письма — на имя Редактора подписываются: **АЛЕКСАНДРУ ФОМИЧУ ПОГОСКОМУ** — въ Редакцію НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ издаетъ съ 1858 г. СОЛДАТСКУЮ БЕСѢДУ; такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то отнынѣ послѣдній журналъ приметъ размѣры и содержаніе НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество, сочувствующее нуждамъ народа, найдетъ средства помочь ему—съ достоинствомъ воспользоваться тѣмъ высокимъ правомъ свободы, которое, только при извѣстной степени образованности народа, будетъ уже не мертвой буквой закона, а живымъ источникомъ общаго благосостоянія. Для этой цѣли Редакція имѣетъ честь предложить и свои услуги—и прежде всего обращается къ тѣмъ, кто, кромѣ матеріальныхъ средствъ, имѣетъ желаніе, а слѣдовательно и сознаніе обязанности—помогать независимости народа въ дѣлѣ его образованія.

Редакторъ *А. Погоскій.*

ВСѢМЪ ГРАМОТНЫМЪ.

...И кто приметъ такое дѣла во Имя
 Моё—тотъ Меня приметъ...»
 Еванг. отъ Матвея Гл. XVIII.

Порѣшнное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого поплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое ПРАВО и свою ОБЯЗАНОСТЬ, а этого не узнать, съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: угбй самъ прочесть и понять то, что о тебѣ и для тебя написано.

Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ челоѣка совсѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Нетолько—что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ и усадьба перемѣнять свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

Какъ именно обрабатывать поле и держать хозяйство, какъ обращаться съ домашними животными, какъ устроить свой домъ, и наконецъ какъ вести и воспитывать семью свою—все это надо узнать, всему выучиться.

Пусть мы, пол-вѣка отжившіе, кой—какъ проживемъ до могилы: старому челоѣку трудно учиться. Но дѣтямъ нашимъ—вся жизнь вперед: въ невѣжествѣ остаться имъ нельзя. Они—настоящіе, прп-рожденные вольные люди: имъ надо жить на свѣтѣ не кое—какъ, не по нашему, а по правилу твердому и разумному. Для этого имъ нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильному и твердому разумнѣю слова.

Трудное дѣло, кажется, миллионы дѣтей грамотѣ выучить: но дѣло это только *кажется* труднымъ, а съ Божіею помощію оно легко и просто.

Искусный садовникъ въ одну осень прищепить и привѣсть плодъ къ цѣлому саду дичекъ—и на слѣдующіе годы всѣ эти деревца безплодные дадутъ плодъ. Невеликъ трудъ садовника въ дѣлѣ этомъ, но велика и безконечна польза труда его: дикое дерево навсегда стало плодоноснымъ и пѣтъ числа плодамъ, которые народитъ оно.

Дѣти наши—тотъ же садъ дичекъ безплодныхъ; а садовникъ имъ—всякій грамотный. Потрудиись немножко надъ ребенкомъ, привей къ нему науку первоначальную—и малый трудъ твой, съ Божією помощію, принесетъ великіе полезные плоды. И это есть священная обязанность каждаго грамотнаго, науку или ремесло знающаго: передвай свое знаніе незнающимъ, распространяй его кругомъ себя.

Знахари и чародѣи, волшебствующіе во имя разныхъ темныхъ силъ—умирають, не открывая своего мнимаго знанія никому, ни даже дѣтямъ своимъ. Это потому, что открывать—то имъ нечего: все знаніе ихъ есть ничто иное, какъ наглая ложь и обманъ; въ предсмертный часъ совѣсть претитъ имъ губить души дѣтей своихъ передачей имъ такого лживаго знанія.

Но тотъ, кому дано истинное знаніе, дана наука—и если онъ незахотѣлъ бы передать науки этой дѣтямъ, тотъ поступилъ бы противъ совѣсти своей: онъ зарылъ бы данный ему Богомъ талантъ въ землю—все равно, что укралъ бы его у свѣта.

Нѣкоторые утверждаютъ, что для обученія грамотѣ *осъхъ* дѣтей—средствъ нѣтъ: то есть—нѣтъ времени и денегъ на то. Но это неправда: если есть примѣры, что люди умирають съ голоду, то это не потому, что на свѣтѣ хлѣба мало, а потому что милосердія недостаетъ въ людяхъ,—точно также нелѣпо утверждать, что нѣтъ средствъ на первоначальное ученье дѣтей.

Пятакъ не деньги, коли ты на него чарку пьешь, или пряникъ ѣшь; вольный часъ не время, коли этотъ часъ въ бабки проиграешь, или прогуляешь посвистывая. Но великія деньги—тотъ же пятакъ, если ты на него букварь купишь; дорогое время тотъ часъ, на который ты засядешь за букварь. Вотъ тутъ-то и нуженъ грамотный человѣкъ: укажи—что купить, покажи—какъ сѣсть, научи—съ чего начать; дай ходъ малому ребенку, или темному человѣку—и дѣло пойдетъ.

И пойдетъ это чистое дѣло точно такъ, какъ идетъ неостанавливаясь чистая вода изъ ключа живаго, никогда неизсякающаго, и постоянно освѣжающаго и напоющаго кругомъ себя все жаждущее. На то Богъ ключъ открылъ—всѣ довольствуйся; на то-же и тебѣ дано знаніе—всѣмъ удѣляй его.

Ни жертвы, ни доблести великой отъ тебя не требуется,—тутъ и нѣтъ ихъ: пойми, что уча тому, чему самъ наученъ—тебя неубу-

дети, а ты отдаешь только долгъ твой; уважь этотъ святой долгъ—и непременно полюбишь тѣхъ, кому выплачиваешь его—полюбишь учениковъ своихъ.

Безмездныя воскресныя школы — образецъ такого ученія; и всюду, гдѣ есть грамотный и есть дѣти — тамъ, значитъ, все есть, что нужно для такой школы. Священникъ, дворянинъ, солдатъ или крестьянинъ — всѣ равны въ этомъ дѣлѣ: кто грамотенъ — тотъ и учитель.

Для дальнѣйшаго-же обученія разнымъ знаніямъ выучившихся грамотѣ — есть немало книгъ, а между прочими — будетъ издаваться съ 1862 года для народа «НАРОДНАЯ БЕСѢДА» по шести книжекъ въ годъ.

Въ книжкахъ этихъ будутъ объясняться по порядку всѣ правила и познанія, необходимыя каждому вольному трудящемуся человѣку — какъ земледѣльцу, такъ и ремесленнику. Объясненія эти будутъ ведены такъ, чтобы дать точныя свѣдѣнія, нужныя и удобныя для приложенія къ дѣлу.

Подписка на «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» производится такъ:

«Прошу выслать «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» на 1862 годъ: (*такой-то* губерніи, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*. — Прилагается 00 рублей, за 00 экземпляровъ».

Подписывать: ВЪ РЕДАКЦИЮ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Все дѣло это будемъ вести по совѣсти, за свое усердіе ручаемся, а успѣхъ — какъ Богъ дастъ.

А. Поповскій.

О Б Ъ И З Д А Н І И

ВЪ 1862 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ МІРЪ

СЪ САТИРИЧЕСКИМЪ ЛИСТКОМЪ

ГУДОКЪ.

Постепенно возраставшее въ теченіе настоящаго года сочувствіе публики къ нашему изданію, убѣждаетъ насъ, что мы успѣли вполнѣ возстановитъ къ нему общественное довѣріе, начинавшее колебаться до поступленія его въ наши руки. Мы настойчиво стремились къ этой цѣли, потому что довѣріе публики ко всякому изданію есть непремѣнное условіе его успѣха; теперь намъ остается, опираясь на это довѣріе, осуществлять наши дальнѣйшія предположенія относительно улучшенія изданія. Мы приняли за правило вообще не оставаться въ долгу у публики: за всякое проявленіе ея сочувствія, за всякую поддержку нашего дѣла мы постоянно будемъ отвѣчать горячимъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ея многостороннихъ и разнообразныхъ требованій отъ современнаго періодическаго изданія, имѣющаго, по своей программѣ, социальное значеніе.

Что касается до характера и направленія нашего журнала, то мы первые сознаемся, что далеко еще не успѣли выполнить нашей задачи въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ направленіе нашего журнала обозначалось лишь отрицательно: все, что было напечатано на страницахъ «Русскаго Мира», смѣемъ надѣяться, не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ старовѣрства и обскурантизма или какихъ-либо узкихъ сословныхъ интересовъ. Мы вѣрнемъ въ одинъ лишь современныя стремленія, мало-по-малу обнаруживающіяся и въ нашемъ обществѣ; вѣрнемъ въ одинъ лишь идеалъ нашей эпохи, уважаемъ не интересы отдѣльныхъ сословій, а интересы цѣлаго народа, и съ этой-то точки зрѣнія смотримъ на всѣ современныя событія у насъ и въ Европѣ, на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, на всю обста-

новку общественной жизни, и вообще на всю массу дѣлъ, вопросовъ и заботъ, занимающихъ умъ и сердце современнаго человѣка. Насколько будетъ возможно, мы будемъ высказывать наши воззрѣнія, но во всякомъ случаѣ просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ строгими къ намъ во всемъ, что касается выполнения нашей задачи, и вѣримъ, что они въ этомъ отношеніи будутъ къ намъ вполне справедливы.

Поставляя себѣ цѣлью, какъ можно болѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ читающей русской публики, мы увеличиваемъ съ будущаго 1862 г. число постоянныхъ рубрикъ нашего журнала, согласно съ утвержденной программой, извѣстной публикѣ изъ прежнихъ нашихъ объявленій, и объ этомъ скажемъ теперь нѣсколько словъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ: повѣсти, рассказы и стихотворенія, преимущественно оригинальныя и имѣющія социальное значеніе; также статьи историческія, политическія, экономическія и научныя. Принимая вообще литературу и науку за средство къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, мы будемъ руководствоваться этимъ взглядомъ и въ выборѣ печатаемыхъ статей. Бѣдность и упадокъ нашей современной литературы, можетъ быть, лишать насъ возможности вести этотъ отдѣлъ именно такъ, какъ бы мы желали; но мы ручаемся за одно, что съ нашей стороны употреблены будутъ всѣ средства и усилія, чтобы сдѣлать его интереснымъ. Редакціи журналовъ не могутъ создавать талантовъ, и относительно произведеній изящной и научной литературы болѣе всего поставлены въ зависимость отъ постороннихъ причинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ будетъ заключать въ себѣ: 1) **Обозрѣнія** текущихъ событій, извѣстія **политическія**, внѣшнія и внутреннія, **обозрѣніе законодательства и администраціи**, **официальныя извѣстія**, передовыя статьи по этимъ предметамъ; **производства въ чины, опредѣленія и перемѣщенія** по гражданской и военной частямъ, и всякаго рода другія извѣстія, имѣющія какой либо интересъ и значеніе. 2) **Сводъ извѣстій и постановленій по крестьянскому дѣлу**, заимствованныхъ изъ официальныхъ и неофициальныхъ источниковъ. 3) **КРИТИЧЕСКУЮ и БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ** хроникку о журналистикѣ и литературѣ, русской и иностранной. 4) **ТЕАТРАЛЬНЫЯ и МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ**. 5) **БИР-**

ЖЕВУЮ и АКЦИОНЕРНУЮ хронику. 6) **ФЕЛЬЕТОНЪ**, заключающій въ себѣ городскія, провинціальныя и иностранныя политическія извѣстія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, гдѣ, между прочимъ, будетъ **СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ**, въ которомъ соединены будутъ свѣдѣнія, относящіяся къ ежедневнымъ практическимъ потребностямъ жителей Петербурга, именно: извѣстія о торгахъ, аукціонахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и т. п.; цѣны акцій и другихъ бумагъ на здѣшней биржѣ; курсы: цѣны товаровъ; цѣны на съѣстные припасы; часы отхода почтъ, поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, омнибусовъ, и проч. и свѣдѣнія объ отдаваемыхъ въ Петербургѣ **квартирахъ, дачахъ** и другихъ помѣщеніяхъ; свѣдѣнія эти будутъ собираемы отъ Редакціи. *Эта послѣдняя рубрика нашего справочнаго листка* открывается, по желанію многихъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ и имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между пріискивающими и отдающими квартиры. Въ особенности Справочный Листокъ можетъ быть практически полезенъ для пріѣзжающихъ въ столицу и незнакомыхъ съ условіями здѣшней жизни.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія къ «**РУССКОМУ МІРУ**» будетъ издаваться при немъ съ 1862 года сатирической листокъ съ карикатурами «**ГУДОКЪ**», о составѣ и характерѣ котораго говорится ниже. Подписчики на «**РУССКІЙ МІРЪ**» получаютъ «**ГУДОКЪ**» бесплатно.

Изданіе при «**РУССКОМЪ МІРѢ**» въ текущемъ 1861 году **музыкальныхъ приложеній** имѣло успѣхъ выше всякихъ ожиданій; болѣе половины подписчиковъ, получившихъ одну газету, абонировались въ теченіе года и на музыкальныя приложенія. Желая и въ этомъ отношеніи удовлетворить потребности публики, мы увеличиваемъ съ 1862 года число музыкальныхъ пьесъ и самый объемъ ихъ: музыкальныя приложенія (всего до **70** пьесъ) въ теченіе года будутъ составлять до **800** страницъ собственно нотъ, на лучшей вѣленевой бумагѣ. Разсылаемыя подписчикамъ, еженедѣльно, музыкальныя пьесы составятъ въ теченіе года **три тома, отъ 250 до 300** страницъ каждый, на которые, въ концѣ каждой трети года, высылаемы будутъ излишныя обертки съ оглавленіемъ пьесъ, составляющихъ томъ. Такимъ образомъ для подписчика каждая музыкальная пьеса обойдется съ пересылкою около **6** коп. сер.

Отличительная особенность нашего времени, бесспорно, необыкновенно разнообразие, съ которымъ совершается движеніе событій, законодательства, административныхъ мѣръ и проч., такъ что одно простое сообщеніе извѣстій, касающихся современной общественной и политической жизни, обремененная лишь массой и разнородностью свѣдѣній вниманіе читателя, и удовлетворяя одному лишь минутному любопытству, не можетъ произвести на него того общаго и цѣльнаго впечатлѣнія, которое можетъ быть достигнуто группировкой, обобщеніемъ и уясненіемъ событій, постановленій и административныхъ мѣръ; поэтому мы находимъ, что изданія, выходящія болѣе одного раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, неимѣющія ни возможности, ни времени обобщать и объяснять всего того, что печатаютъ на своихъ столбцахъ, не удовлетворяютъ самой насущной и самой важной потребности общества, — именно: яснаго сознанія современнаго положенія дѣлъ; доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что наши ежедневныя газеты не имѣютъ никакой инициативы для общественнаго мнѣнія, которая вся нераздѣльно принадлежитъ ежемѣсячнымъ журналамъ. Желая содѣйствовать читающей публикѣ въ наиболѣе ясномъ и наглядномъ усвоеніи общаго понятія о текущихъ дѣлахъ, а также и въ слѣдствіе того, что журналы посылаются въ провинціи по тяжелой почтѣ, причемъ, конечно, теряется уже быстрота въ сообщеніи извѣстій, — мы рѣшились съ 1862 г. ограничиться выпускомъ номеровъ «РУССКАГО МІРА», вмѣсто двухъ, только одинъ разъ въ недѣлю, отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ въ каждомъ; всего же, за исключеніемъ пасхальной недѣли, въ которую вовсе не будетъ выпуска, въ годъ выйдетъ 51 номеръ.

На 1862 годъ предлагаются подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за цѣлый годъ, по выбору, одна изъ слѣдующихъ **ПРЕДЛАЖЕНІЙ**: 1) **Первый томъ сочиненій А. О. Писемскаго**, заключающій въ себѣ: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюякъ», «Бракъ по страсти», «Компкъ» и комедію «Ипохондрикъ». 2) **Второй томъ**, заключающій: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «М—г Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедію «Раздѣлъ» и критическую статью «Разборъ сочин. Н. В. Гоголя». 3) **Третій томъ**, заключающій рассказы: «Плотничья артель», «Старая барышня», романъ «Тысяча душъ» съ передѣланной главой во 2-й ча-

сти; драму «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» (*). 4) **Аскольдова могила**, А. Верстовскаго. 5) **Травиата**, Верди. 6) **Севильскій Цирюльникъ**, Россини. 7) **Трубадуръ**, Верди. 8) **Марта**, Флотова. 9) **Фенелла** (Muette de Portici), Обера. 10) **Балъ-Маскарадъ**, Верди. 11) **Арольдо** (Stipelio). Верди. 12) **Іоанна Гусманъ** (Сицилійскія Вечерни), его же. 13) **Виндзорскія кумушки**, Николай и 14) **Страделла**, Флотова. (Всѣ означенныя оперы аранжированы для фортепяно въ 2 руки).

Всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ», получая ежегодно, въ видѣ преміи, одинъ изъ выпусковъ предпринятаго съ 1861 года изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», постепенно могутъ составить бесплатно избранную бібліотеку изъ сочиненій русскихъ писателей. Кромѣ полученія ежегодно въ премію по одному выпуску означеннаго изданія, всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое изданіе «Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», получать по I р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе 2 р. 50 к. сер. Предоставляется также право всѣмъ подписчикамъ на «РУССКІЙ МІРЪ» прибрѣтать музыкальныя изданія Θ . Стелловскаго (въ числѣ 4,500 сочиненій) съ уступкою 50%: Подробный каталогъ онымъ разсылается всѣмъ подписчикамъ безденежно.

Цѣна на **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ**, безъ музыкальныхъ приложений:

На годъ: Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою на домъ	7 —
Съ пересылкою по почтѣ	8 —

На полгода уплачивается половина этихъ цѣнъ.

На **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ**, съ Музыкальными приложениями:

на годъ: Безъ доставки	10 р.
Съ доставкою на домъ	11 —
Съ пересылкою по почтѣ	12 —

(*). Первые два тома соч. А. Θ . Писемскаго вышли уже въ свѣтъ и поступили въ продажу, а третій томъ выйдетъ въ мѣсяцъ сего 1864 года.

На полгода съ музыкальными приложеніями подписка не принимается, равно какъ не принимается подписка и на одинъ музыкальный приложеніи безъ журнала **РУССКІЙ МІРЪ**.

Редакція «РУССКАГО МІРА», принимая въ соображеніе матеріальныя средства большинства нашей читающей публики и желая облегчить подписку на годовое изданіе журнала, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, что она допускаетъ разсрочку въ уплатѣ подписной суммы чрезъ гг. казначеевъ по третямъ или по мѣсяцамъ; равнымъ образомъ и лица другихъ сословій могутъ пользоваться правомъ разсрочки, съ тѣмъ, что гг. инородные должны высылать на пересылку за цѣлый годъ, а подписную сумму уплачивать впередъ, не менѣе какъ за треть года.

ГУДОКЪ, САТИРИЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

*Будетъ выходить съ 1 января 1862 года еженедѣльно,
въ видѣ прибавленія къ «Русскому Міру», по одному
печатному листу въ каждый нумеръ, подъ редакціей
Обличительнаго поэта.*

Характеръ и составъ этого листка мы опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Отричаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни, — вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція «ГУДКА». Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отричаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приносятъ обществу несомнѣнную пользу. Мы въ-рнимъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя «искуства для искусства», но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы въ-рнимъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью. Все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать.

СОСТАВЪ **ГУДОКА** БУДЕТЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

- 1) Небольшіе рассказы, очерки и сцены изъ русской жизни.
- 2) Сатирическія и юмористическія стихотворенія.
- 3) **Вчера и Сегодня** — общественная хроника.
- 4) **Афоризмы, эпиграммы, вопросы, мелкія замѣтки** и пр.
- 5) **Провинціальная хроника.**
- 6) **Каррикатуры.**

Открывая при ГУДОКѢ отдѣлъ провинціальной корреспонденціи, мы просимъ сообщать намъ факты изъ губернской жизни, не стѣсняясь ни формой статей, ни литературнымъ изложеніемъ.

Желающіе получать ГУДОКЪ **отдѣльно** отъ РУССКАГО МІРА, платять за годъ безъ перес. 4 р. с., съ перес. и доставкою на домъ 5 р. с.

Бывшіе подписчики на ГУДОКЪ имѣютъ право получать этотъ листокъ бесплатно на полгода, для чего благоволятъ сообщить въ Контору Русскаго Мира настоящія свои адреса.

Подписка принимается: **въ С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «РУССКІЙ МІРЪ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ф. Стелловскаго**, поставщика Двора Его Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27. Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной. **Въ Москвѣ:** Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда.

РЕДАКТОРЪ А. ПИРОГЛИФОВЪ.
ИЗДАТЕЛЬ Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.

**ОБЪ ИЗДАНИИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.**

Предпринятое съ 1861 г. изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** имѣетъ цѣлью—

совмѣстить въ себѣ все классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продаж.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы; то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца, компактною, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соответственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія Сочиненій Русскихъ Авторовъ не будетъ соблюдено хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ за окончаніемъ печатанія сочиненій **А. Ф. Шенемскаго** будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ: Кантемира, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Выходящіе въ 1861 году три выпуска заключаютъ въ себѣ сочиненія **А. Ф. Шенемскаго**, *просмотровыя и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюлькѣ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ».

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг. Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣтній», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя».

ВЪ ТРЕТІИ: романы и повѣсти: «Шюттичья артель», «Старая барыня», «Тысяча душъ», съ перерѣзанной первой главой 2 части; драма «Горькая судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ».

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска **три р.**, на пересылку за два фута; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ помянутыхъ пьесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ; цѣны публикуются въ «Русскомъ Мирѣ».

НА ИЗДАНИЕ ЭТО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **три руб.** за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска **Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ приобретаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, выданы будутъ подписчикамъ бесплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб. безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ; полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ и подписчикамъ на журналъ «РУССКІЙ МІРЪ», которые, получая ежегодно по одному тому изданію **бесплатно** и имѣя право приобретать остальные по выбору, платя только по 1 р. 50 коп. за томъ, могутъ, такимъ образомъ, составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и **бесплатно**—изъ получаемыхъ ими въ премію томовъ.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, у Ѳ. Стелловскаго.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

И

СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЪ 1862 ГОДУ

будутъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, по тѣмъ же программамъ
и въ тѣхъ же объемахъ, какъ и въ нынѣшнемъ.

ПРОГРАММА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.

- I. Распоряженія Правительства.
- II. Сельское хозяйство.
- III. Домашняя медицина и Ветеринарія.
- IV. Библіографія.
- V. Біографіи хозяевъ и агрономовъ.
- VI. Хозяйственная лѣтопись.
- VII. Хозяйственные извѣстія.
- VIII. Торговья извѣстія.
- IX. Хозяйственные замѣтки.
- X. Объявленія.

Рисунки будутъ помѣщаемы въ каждомъ номерѣ.

ПРОГРАММА СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА.

- I. Извѣстія о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до сельскаго сословія.
- II. Статьи по всѣмъ отраслямъ практическаго сельскаго хозяйства.
- III. Общепонятно изложенныя статьи по естествознанію.
- IV. Разказы изъ быта поселинъ; — о народныхъ предрассудкахъ, повѣрьяхъ и т. п.
- V. Указанія на цѣны сельско-хозяйственныхъ предметовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, на работы и т. п.

Въ нужныхъ случаяхъ къ статьямъ будутъ прилагаемы рисунки.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА выходитъ *еженедѣльно* въ 4-ю долю листа большаго формата въ 16 страницъ.

СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ, выходитъ *два раза въ мѣсяцъ* въ 4-ю долю листа меньшаго формата въ 8 страницъ.

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ **три** руб. съ пересылкою и доставкою, а отдѣльно СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА **одинъ** руб. тоже съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ и отдѣльно на СЕЛЬСКИЙ ЛИСТОКЪ принимается въ копторахъ Редакціи:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви:

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Иногородные могутъ адресоваться по слѣдующему адресу: *Въ Редакцію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ и СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА въ С. Петербургъ.*

ХАРАКТЕРИСТИКИ

изъ

СРАВНИТЕЛЬНОГО ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ И ЭТНОГРАФИИ,

приспособленныя, для домашняго и школьнаго образованія, (извѣстныя) *Вильгельмомъ Пютцомъ*. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Переводъ М. Тихоновича. Цѣна (безъ пересылки) 4 р.

НВ. Во 2-й томъ войдетъ, между-прочимъ, характеристика: 1) *Галиціи и Буковины*; 2) *Венгріи*; 3) *Семиградіи*; 4) *Кроаціи, Славоніи и Воеводины Сербской*; и 5) *Военной Границы*.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Балува́ть — пировать.
Ба́рва — цвѣтъ, краска.
Ба́ро-ра́но — очень рано.
Ба́рокъ — вазѣкъ (въ упряжи).
Бовкунъ — волъ, запряженный въ-одиночку.

Бовтъ! — междометіе, выражающее плескъ воды.

Бри́дкій — северный, непогодный.

Бри́жи — складки.

Буць! — бухъ!

Вадо́вшь — вдоль.

Ви́іе — дышло въ возахъ, предназна-
ченныхъ для воловъ.

Ви́правити — отправить; проводить
кого въ дорогу.

Ви́снювати — исключить изъ семьи;
лишить наслѣдства.

Ви́слопати — высуууть языкъ.

Ви́тришити — (очи) — выпучить глаза.

Ви́хнути — умолять; присмирѣть,
утихнуть.

Ви́хлюпати — выплескать.

Ви́ллати — владѣть.

Ви́ловикъ — владѣющій многими во-
лами.

Во́рье — огорожа; дерево, употреб-
ляемое на огорожу.

Вруба́ти — отрубить (часть чего-
либо).

Втруча́ться — вмѣшиваться; втис-
нуться куда.

В(У)сту́пати — вступать; уступать;
сбавлять цѣну.

Ви́ятеръ — ятеръ.

Гарбузі́ня — тыквянные стебли.

Годо́ваній — откормленный.

Ги́лі (повеслі ги́лі) — гиль; чепуха.

Голдува́ти — отдавать почести, —
должное.

Голомо́взикъ — лысый. Голомо́-
аина — лысина.

Грасува́ти — разорять, истреблять.

Гужі́вочка — веревочка.

Гуртові́й — общій, общественный.

Гучно — звучно, громко.

Дале́бі — ей-богу, истинно.

Дзюба́тий — съ большимъ клювомъ,
восьмь (о птицахъ).

Дибки (варѣчіе) — ходить какъ ма-
ленькія дѣтя.

Дигни́таръ — сановникъ.

Довбе́шка — долбня.

До-до́лу — на землю, напо́ль.

Дротя́ній — проволочный.

Дубора́ — (пішло на голові волосся) —
волоса стали дыбожь.

Дякова́ти — исправлять должность
дьячка.

Живце́мъ — живьемъ.

Жи́лий — (четвергъ) — жмилымъ на-
зывается четвергъ послѣдней недѣли
великаго поста.

Жа́унто — немнѣющая дна кадка, въ
которой парится бѣлье во время стир-
ки.

Завжде́ — всегда.

Загорну́ти — подчинить своей власти.

Замі́сьцъ — вмѣсто.

Запоро́шити — зачистить, часто за-
стучать брыгами, или зернами.

За́стѣвка — застѣжка.

Засту́кати — захватить, поймать.

Затурко́тити — загремѣть, застучать

(о возѣ и т. п.)

Захи́сть — закрытое, защищенное

мѣсто.

Зведе́нникъ — сводникъ.

Зга́га — сжога.

Злапати — поймать; прибрать къ рукамъ.

Знегідде — невзгода.

Зринати — всплывать на поверхность воды.

Зумітись — изумиться.

Ізджалий — обученный, выѣзженный (конь).

І-гі-гі-гі! — звукъ, выражающій ржаніе лошади.

Ілляуванне — хождение жепъ лицъ духовнаго званія по прихожапамъ за сборомъ разныхъ продуктовъ.

Каленикъ — Калина.

Картоплиня — картофельные стебли.

Качалка — скалка.

Керувати — управлять (рульмъ и т. п.).

Кізка — (умец.) — коза.

Кихъ-кихъ! — междометіе, выражающее смѣхъ.

Клочялий — пакляной.

Колотнеча — схватка, свалка.

Кресь-кресь! — междометіе, выражающее ударъ огниза по кремню.

Кублитись — угнѣдаться, усаживаться.

Кульбана — сѣдо.

Кѹна — кочка болотная.

Лестивий — лстывий, прельстительный.

Листовне (нарѣчіе) — письмомъ.

Ломачище — (увелич.) — дубинка.

Лѹно — грудь.

Лопотити — шумѣть (о чемъ-либо упругомъ, издающемъ при движеніи звукъ.)

Лѹснути — лопнуть; (въ переносномъ значеніи) умереть.

Лялечка — отъ — лѣля — куколка; дитяtko.

Лѣпати — хлопать.

Лѣснуги (дверима) — хлопнуть.

Маховіи (віла) — самыя длинныя, которыми мечуть въ стога сѣно.

Майнути — поспѣшно уйти.

Милочи — любовныя ласки.

Митель — щолокъ

Млостъ — тошнота, слабость отъ жару и т. п.

Мовчазливый — молчаливый.

Мотлѣтись — шататься; ходить взадъ и впередъ.

Морѹка — мученіе (мучиться съ кѣмъ-нибудь, съ трудомъ совладать).

Мѹрокъ — мракъ.

Мусіи — Мойсей.

Навдивовижу — на удивленіе, на диво.

Навзаводи — всю пруть.

Наврѹчити — слгзлнть.

Навтѣатись — натѣшиться; налюбоваться.

Нагодитись — нечаянно прибыть; случиться.

Надблизитись — приблизиться, подступить.

Насторѹчитись — приготовиться къ чему; насторѹчити уши — наострить уши.

Насторчъ — стремглавъ, вертикально.

Не мигъ — (отъ могтїи) — не могъ.

Неукъ — необученный (конь).

Нечутно — неслышно.

Нобилітація — возведеніе въ дворянство.

Нѣвчїти, нѣвкати — млукать.

Нѣти віри — вѣрять.

Обѣта — гауптвахта.

Обїтиця — общианіе.

Обїи мише — обхватъ.

Обробити — обхватать.

Одвїчний — вѣчный.

Односерде — едиоудшно, согласно.

Одностѣйце — едиоудшно.

Одштовхнїти — оттолкнуть.

Озлїсть — злость; досада.

Окзѹпокъ — небольшой, или недо-сыпанный мѣшокъ.

Опанась — Леонасіи.

Оперїшити — сильно ударить.

Осторога — предостереженіе.

Отѣборюватись — укрѣпляться въ таборъ, окружать войско связанными, одиць съ другимъ, возами.

Отѣцький — отцовскій.

Охлѣпъ — (нарѣчіе) — безъ сѣла.

Пѣлно — отопленіе.

Пїльпо — внимательно.

Пїсьмѣкъ — грамотѣй.

Пїдохїти — подхватить.

Поблизѹ — неподалеку; вблизи.

Повзтї — ползти.

Подѣтись — податься; отступить.

Подѣтокъ — подать.

Позахѹплювати — позахватывать.

Полотѣпко — (умец.) полотно.

Полохливий — пугливый.

Полѹдрабокъ — боковая часть воза, имѣющая видъ лѣстницы (драбн-пи), бокомъ положенной.

Полюванне — охота; преслѣдованье врага на военномъ полѣ.

Поляпати — похлопать.

Помѣрлий — умершій.

Помїи — помон.

Помилїтись — ошибиться.

Помста — отмщеніе.
Потлумити — подавить, стѣснить.
Потребізна — потребность.
Потуха — на потуху — на похмѣлье.
Поуэзъ — подлѣ, вблизи, мимо.
Пошахрувати — обмануть; пустить туманъ въ глаза.
Пристромити — приткнуть.
Притичина — необыкновенный случай; помѣха.
Прицілокъ — та наружная сторона хаты, которой соотвѣтствуетъ внутренняя стѣна съ образами.
Пришта — притча.
Провесна, провесень — начало весны.
Проклятущий — (увел.) проклятый.
Прядка (волосся) — пучекъ волосъ.
Прясти (ушима) — мотать ушами.
Псувати — портить.
Рабованій — награбленный.
Рабунокъ — награбленная добыча.
Розбишáцтво — разбойничество.
Розрухъ — смута; безладіца.
Роспудити — распугать; разогнать.
Роспустити патѣки — (въ перен. смыслѣ, расплакаться).
Росціпити — рознять.
Росторжа — конецъ ярмарки; начало ярмарочнаго разлѣзда.
Свяченій — освященный.
Сѣгобóчний — находящійся на этой сторонѣ.
Скрутитись — взбѣситься.
Сисунъ — самый молодой жеребенокъ.
Спѣка — жара.
Спотикнутись — споткнуться; оступиться.
Стрижчя — годовалый жеребенокъ, съ подрѣзанной гривой.
Струити — отравить.
Стяжка — полоса.

Суходóбле — материкъ.
Сучка — сука.

Таемниця — тайна.
Таншъ — дешевле.
Та й годі — и только.
Теревѣні (править) — ласы разводить; баласничать.
Третина — третья часть.
Трисъ, трисъ! — междометіе, выражающее трескъ.
Тридцáтокъ — тридцать.
Трихи-миихи — шутки.
Трусити кóминъ — чистить трубу.
Трюхикати — бѣжать трусцой.
Тулятись — скитаться.
Узѣсенский — (умен.) — узкій.
Удúчити — попасть; нацѣлить.
Упиúтись — упереться.
Упóвни — полный (о лупѣ).
Упóрати — управиться съ дѣломъ.
Урівні — въ уровень.
Уривокъ — кусокъ (веревки).
Устромити — воткнуть.
Учта — пиръ.
Ушúхнути — утихнуть; успокоиться.

Харапúдитись — принимать пугливый видъ.
Хапъ! — хвать.
Химороди — (гиáти) — штукарить, причудничать, колдовать.

Чапкѣнько — скоренько.
Чудувáтись — удивляться, дивиться.

Шийка — (увелич.) — шея.
Шкарлúпа — скорлупа.
Шкурáтокъ — кусокъ простой кожи.
Шлантю — рысцой.
Шугáти — летать, (собственно означаетъ производить шумъ во время полета.)

Щó-ночі — каждую ночь.

ОСНОВА,

ЮЖНОРУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВЪСТНИКЪ,

будеть издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и разказы на южнорусскомъ языкѣ, а также на великорусскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРИЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДОПИСАНІЕ. Языкознание. Современный, общественный и частный, бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВЪДѢНІЕ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южнорусскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южнорусскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи (¹).

(¹) Не входя теперь въ объясненіе cadaго изъ этихъ отдѣловъ, припомнимъ для желающихъ ближе познакомиться съ нашимъ взглядомъ на дѣло *Основы*, что подробное объявленіе было напечатано въ октябрьскихъ номерахъ *С. Петербургскихъ* и *Московскихъ вѣдомостей*, *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*, разслано при *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* и приложено въ 1-й книжкѣ *Основы*.

Предметъ *Основы* остается тотъ же: всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе Южнорусскаго края и Южнорусскаго народа. Направленіе *Основы* также не измѣнится. Оно заслужило общее одобреніе, и намъ остается только повторить главныя начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакция: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности, и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясенія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни.

Руководящею идеею *Основы* будетъ просвѣщеніе въ народномъ духѣ. Редакция, отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ то же время считаетъ вреднымъ и космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главныя жизненныя силы изъ родной почвы, — которыя богатѣютъ не столько заимствованіями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени. Признавая значеніе каждой народности въ общей жизни человѣчества, мы всего больше должны стараться уразумѣть *наши* національныя особенности, *наши* природныя, ни у кого не заимствованныя, средства существованія; мы должны стремиться къ тому, чтобы занять между другими народами такое же мѣсто, какое занимаетъ дѣятельный семьянинъ въ кругу прочихъ членовъ семейства. Пока человѣкъ не созналъ себя и не опредѣлялъ ясно своихъ отношеній къ другимъ людямъ, до-тѣхъ-поръ онъ — существо безличное. Тѣже самое можно сказать и о цѣлыхъ народахъ. Всякій народъ только съ того времени становится необходимымъ членомъ человѣческой семьи, когда, посредствомъ всесторонняго самопознанія и полнаго проявленія нравственныхъ силъ своихъ, начнетъ вносить въ общую жизнь человѣчества такой вкладъ, какого другой народъ не вноситъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ необходимымъ и *общеполезнымъ* — дальнѣйшее развитіе украинскаго народнаго языка и словесности, которая уже заявила свое право на вниманіе просвѣщеннаго общества, представивъ нѣсколько произведеній, замѣчательныхъ по красотѣ образовъ, по достоинству чувствъ и мыслей — общечеловѣческихъ и, въ то же время, возможныхъ, по своему внутреннему и виѣшнему характеру, только въ одномъ Украинскомъ народѣ. Вопросъ — *быть или не быть* нашей словесности? еще недавно составлялъ предметъ спора для многихъ; но его

разрѣшила утвердительно сама жизнь, неподдающаяся никакой предвзятой теоріи. Никто теперь не скажетъ, что украинской словесности *нѣтъ*, какъ, бывало, говорили и писали прежде. Одного Шевченка, признаннаго великимъ поэтомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ, достаточно для того, чтобы убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ старовѣровъ въ томъ, что украинская словесность существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Но еще не умолкли послѣдніе звуки перваго нашего *Кобзаря*, а уже мѣсто его заступаетъ другой, въ поэзіи котораго слышится новый строй народнаго стиха, является новое содержаніе и новая сила. Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* мы сообщаемъ мелкія его стихотворенія, которыя, надѣмся, пріятно удивятъ нашихъ читателей; но у насъ есть въ запасѣ цѣлыя поэмы того же автора, соотвѣтствующія этимъ начаткамъ.

Украинская проза также дѣлаетъ успѣхи рѣшительные и расширяетъ область своего выраженія почти съ каждымъ мѣсяцемъ. Безпрестанно являются новые дѣятели украинской словесности, кругъ преданныхъ ей людей увеличивается быстро. Все убѣждаетъ насъ, что вопросъ о ея существованіи есть вопросъ жизненный, порожденный не мечтателями, а самою силою вещей. Поэтому-то она и вызвала къ энергической дѣятельности столько талантливыхъ людей; поэтому она и въ обществѣ читающимъ находитъ себѣ такое сочувствіе. Итакъ, съ увѣренностію, что приносимъ своимъ изданіемъ пользу существенную, что дѣлаемъ дѣло, нужное не для однихъ Украинцевъ, но для всего Славянскаго міра, мы будемъ продолжать его по мѣрѣ нашихъ силъ, въ ожиданіи новыхъ и новыхъ помощниковъ. Особенное вниманіе людей мыслящихъ обращаетъ на себя оживившаяся русская народность въ Галиціи, гдѣ она до-того была задавлена, что Нѣмцы и Поляки начали уже печатно утверждать, будто *Руси* въ Галиціи нѣтъ вовсе. Говоря языкомъ украинскимъ и живо сочувствуя нашей словесности, Галицкіе Русины, въ настоящемъ году, начали издавать собственную литературно-политическую газету *Слово*. Въ школахъ у нихъ вводится преподаваніе на родномъ языкѣ; русинскій же языкъ начинаютъ употреблять и въ судопроизводствѣ. Даже въ своей одеждѣ, Галицкая молодежь старается быть *руською*, но никакъ не нѣмецкою, или польскою. Пробужденіе долго дремавшихъ моральныхъ силъ, которыя обнаруживаются теперь съ такою своеобразностію, пророчитъ Русскому міру существованіе еще болѣе самобытное, менѣе и менѣе подчиненное вліянію чуждыхъ народностей, хотя и связанное съ ними общечеловѣчески. Многіе образованнѣйшіе Великороссіяне дѣйствительно смотрятъ на оживленіе украинской словесности съ чувствомъ тро-

гательнаго для насъ доброжелательства; мы слышимъ отовсюду, что даже языкъ украинскій сдѣлся предметомъ изученія для многихъ просвѣщенныхъ людей. Многіе уже понимаютъ, что Русская Земля до тѣхъ поръ не проявитъ себя всесторонне, пока въ ея огромномъ пространствѣ не затрепещетъ жизнью все, что способно къ жизни. Поэтому, работая на украинскомъ полѣ, *Основа* работаетъ для всего рускаго міра и притомъ, какъ специалистъ, котораго замѣнить некъмъ. Вотъ нашъ взглядъ на наше дѣло. Надѣмся, что это — взглядъ всѣхъ друзей просвѣщенія, всѣхъ истинныхъ почитателей самаго мудраго законодателя — жизни, неподкупный судъ котораго, въ нашемъ литературно-народномъ дѣлѣ, есть единственно вѣрный судъ.

Неможемъ не радоваться, что съ такой точки посмотрили на дѣло *Основы* лучшіе русскіе журналы, и считаемъ своею обязанностью выразить имъ нашу *громадську* признательность.

Переходя къ болѣе частнымъ обстоятельствамъ нашего вѣстника, скажемъ, что первое время его существованія необходимо должно было быть — и было — очень труднымъ. Программа наша, съ перваго начала, не могла быть выполнена удовлетворительно во всѣхъ частяхъ ея. Вполнѣ сознавая недостатки *Основы*, мы употребимъ все стараніе — устранить ихъ въ будущемъ году, и надѣмся представить — *современную южно-русскую летопись, вѣсти изъ Русинской Галиціи и съ Юга вообще, разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ и разные этнографическіе, историческіе и юридическіе матеріалы* — въ такой полнотѣ, что они составятъ какъ-бы новый отдѣлъ *Основы*. Но и въ настоящемъ году, не смотря на скудость нѣкоторыхъ отдѣловъ, редакція всё-таки имѣла столько рукописей въ своемъ распоряженіи, что обѣщанное ею количество листовъ оказалось недостаточнымъ, такъ что, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, она, вмѣсто обязательныхъ 108 печатныхъ листовъ, выпустила около 160 листовъ. Такимъ образомъ, при томъ запасѣ матеріаловъ, какой *Основа* уже имѣетъ, и при возрастающемъ числѣ трудящихся и готовыхъ для нея трудиться, назначенное число листовъ для книжки оказывается недостаточнымъ, и съ 1862 года каждая книжка *Основы*, для выполненія нашей программы, необходимо должна заключать въ себѣ неменѣе 15 листовъ. По причинѣ сопряженнаго съ этимъ увеличенія издержекъ, бывшихъ и въ этомъ году весьма значительными, мы должны увеличить и подписную цѣну нашего изданія.

Чтобы познакомить съ содержаніемъ *Основы* тѣхъ, кто не могъ до-

сельъ читать ее, представляемъ перечень статей, помѣщенныхъ въ девяти вышедшихъ книжкахъ:

Анны Барвинокъ (псевдонимъ): Съ Волини.

Антоновича (В.): Что объ этомъ думать?

А. Нечуй-вѣтеръ (псевдонимъ): 1) Съ дороги, 2) Сирітський жалъ; 3) Не було змалку — не буде її до 'станку.

Бьлухи-Кохановскаго (М. А.): 1) О молотильной машинѣ съ локомотивомъ; 2) О рабочемъ скотѣ и о хворобѣ.

Волокитина (Н. Н.): О естествознаніи на Югѣ.

Гоголя Н. В.: Замѣтки и наброски для драмы изъ Украинской исторіи.

Дымскаго (М.): Хоролъ.

Жемчужникова (Л. М.): 1) По поводу выставки въ С. Петербургской академіи художествъ; 2) Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе (съ рѣчами, говореными у гроба); 3) Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ (съ портретомъ); 4) Объясненія къ рисункамъ *Живописной Украины*, издаваемой авторомъ.

Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.

Иванишева (Н. Д.): О провинціальныхъ дворянскихъ сеймахъ въ Юго-Западной Руси.

Историческіе и юридическіе акты.

П. Казюки (псевдонимъ): 1) О публичныхъ лекціяхъ Н. П. Костомарова; 2) Північника.

Ка-па (псевдонимъ): Мои воспоминанія.

Костенецкаго (Я. И.): 1) О руководствѣ къ пчеловодству г. Краузе; 2) Письма о Пчеловодствѣ.

Костомарова (Н. И.): 1) О федеративномъ началѣ въ древней Руси; 2) Отвѣтъ иностраннымъ публицистамъ по вопросу о Русси; 3) Двѣ народности (черты нравственныхъ различій въ племенахъ: Великорусскомъ и Украинскомъ); 4) Черты народнои Южнорусской исторіи; 5) Гетманство Выговскаго; 6) Воспоминаніе о двухъ малярахъ (одинъ изъ нихъ — Шевченко); 7) Слово о Сковородѣ; 8) Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго; 9) Черноморскіе козаки.

Кузьменка (П. С.) Не такъ ждалося, да такъ склалося.

Кулика (В. С.): Дѣ-що въ Полтавы.

Кулиша (П. А.): 1) Хмельницина; 2) Старосвѣтское дворницѣ; 3) Другой человекъ; 4) Характеръ и задача Украинской критики; 5) Обзоръ Украинской словесности: I. Климентій, II. Котляревскій, III. Артемовскій-Гулакъ, IV. Гоголь; 6) Исторія Украины; 7) Украинскія Незабудки; 8) О повѣсти г. Кузьменка; 9) Передовые Жиды; 10) стихотворенія: Народня Слава; Солонія; Кумейки; Съ того свѣту; Зъ-за Дунаю; Что мнѣ и тебѣ, жено?

Лавровскаго (П.): Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину, о Малорусскомъ языкѣ.

Лазаревскаго (А. М.): Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводящую Конискиемъ?

Л-б-цева (Ө. Г.): Объ ярмаркахъ (до сѣльскихъ парафіанъ).

Левченка (М. М.): 1) Мѣста жительствова и мѣстныя названія Русиновъ; 2) Замѣтка о Русинской терминологіи.

Лисейкина: Гимназическая переписка (прежня педагогическія понятія и порядки).

Лолуса (псевдонимъ): Русалка, стихотворный переводъ изъ Мицкевича, на украинскомъ языкѣ.

М. (И. В.): Географическое обозрѣніе края, населеннаго Южнорусскимъ народомъ.

Макарова (И. Я.): Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ.

Максима-Чорного (псевдонимъ): Съ другого берега Днѣпра.

Максимовича (М. А.): 1) Письма о Богданѣ Хмельницкомъ; 2) Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ.

Марка-Вовчка (псевдонимъ): 1) Три доли; 2) Не до пари; 3) Два сини; 4) Ледащия.

Межова (В. И.): 1) Библиографія крестьянскаго вопроса въ Южнорусскомъ краѣ; 2) Историческая библиографія.

Мизко (Н. Д.): Воспоминаніе о Соленикѣ.

Мордовцева (Д. А.): 1) Дзвонарь; 2) Салдатка.

Педорозумѣніе по поводу слова »жидъ«.

Номиса (псевдонимъ): 1) Тітка Пастя; 2) Різдяніи святки; 3) Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка; 4) О крѣпостномъ населеніи въ Россіи; 5) Багата кутя; 6) Святый вечеръ.

Носа (С. А.): 1) Хуртовина; 1) Зъ Непитаіи-Города.

Нобачного (псевдонимъ): Знайденіи на дорозі листъ.

Омельковича (Митра): 1) Антінъ Танський; 2) Жидівська Дяка.

Основляненка (Квитки): Листъ до Шевченка.

Побратина (псевдонимъ): Концертъ 27 апрѣля.

Познанського (Б): Листъ зъ Дударівъ.

Пестержецаго (А. А.): 1) О крестьянахъ старинной Югозападной Руси; 2) О народномъ языкѣ.

Стороженка (А. П.): 1) Закоханний чортъ; 2) Степня ригъ; 3) Матушине благословення; 4) Страшна Баба.

Свляченка (псевдонимъ): Вовчяца.

Судомлинова (М. И.): О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи.

Сьрова (А. П.): Музыка южнорусскихъ пѣсень (съ нотами 6 пѣсень для пѣнія и фортепьяно).

Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнаго края.

Памятное дѣло.

Т. (Г.): О народности въ религіозной жизни.

Хоречко (псевдонимъ): Липовыя пущи.

Хуторянина (псевдонимъ): Листи съ хутора: 1-й и 2-й, о городской и сельской жизни; 3-й о значеніи Шевченка, какъ народнаго поэта; 4-й о сельскомъ ворѣ. Всѣ четыре письма на украинскомъ языкѣ.)

Чубинскаго (П. П.): Погуковщина.

Чужбинскаго (А. С.): Пазъ Украинны.

Шановала (К.): Зъ подорожника.

Шевченка (Т. Г.): 1) Посланіе славному Шафарикові; 2) Чернець (Семень Паліи); 3) Москалева Криниця; 4) Певольникъ; 5) Черниця Марьяна; 6) Мелкія стихотворенія; 7) Дневникъ.

Юзефовича (М. В.): Объясненіе по поводу издаваемыхъ Кіевскою Комисією древнихъ актовъ.

Стихи на украинскомъ языкѣ: Гг. *Витавскаго, Гльбова, І. Галки, Галузенка, Кузьменка, Кулика, Конискаго, Навроцкаго, Петрова, Руданскаго, Таволи-Мокрицкаго, Чубинскаго* и друг.

Мѣстная переписка, объясненіе южнорусскихъ словъ, встрѣчающихся въ *Основѣ*, и другія статьи.

Имѣя въ виду статьи, находяшіяся въ распоряженіи редакціи, она можетъ обѣщать, что слѣдующія книжки *Основы* не уступятъ занимательностію содержанія вышедшимъ.

Надѣемся, что многіе профессора и учителя мѣстныхъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній также примутъ съ будущаго года живое участіе въ *Основѣ*, какъ единственномъ изданіи, программа котораго охватываетъ все стороны южнорусской жизни.

Всѣхъ сообщавшихъ и желающихъ сообщать въ *Основу* вѣсти изъ разныхъ сторонъ Юга, усердно просимъ увѣдомить объ условіяхъ, выполненіе которыхъ должнѣ быть обязательно для редакціи: необходимо установить опредѣленные отношенія заранее, дабы избѣжать впоследствии нарасныхъ недоразумѣній.

Подписка принимается: въ *С. Петербургѣ*, для городскихъ: въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Д. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Пв. Давыдова, П. П. Крашенинникова, П. Г. Овсянникова; въ *Москвѣ*: у П. В. Базунова; въ *Кіевѣ*: у В. Г. Борщевскаго; въ *Полтавѣ*: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; въ *Таганрогѣ*: у К. Д. Данилова; въ *Одессѣ*: у Ал. С. Великанова, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** адресуютъ:
Редактору Основы, Василию Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круулазо рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.

Цѣна за 12 книжекъ, каждая не меньше 15 листовъ, 10 р. 50 к. безъ пересылки, — 12 р. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Для своевременнаго распоряженія о напечатаніи надлежащаго числа экземпляровъ, редакція проситъ поспѣшить подпискою.

Подписавшіеся и послѣ выхода *деяти* книжекъ *Основы* получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Редакторъ В. Бьлозерскій.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ,

И ОБЪ ИЗДАНІИ

ЖИВОПИСНАГО СБОРНИКА И РИСУНКОВЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Издание *Живописной Украины* будетъ также продолжаться и въ 1862 году. Условія подписки слѣдующія: для подписчиковъ, получающихъ *Основу*, цѣна остается таже, т. е. 4 р., городскіе подписчики платятъ 6 р., а подписчики иногородные, не получающіе *Основы*, платятъ за годовое изданіе 9 р.; исключеніе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если иногородный подписчикъ выписываетъ не менѣе десяти экземпляровъ: тогда цѣна остается прежняя, т. е. 6 р. за каждый экземпляръ. Подписка принимается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и на *Основу*; иногородные *исключительно* подписываются *въ редакціи Основы*.

Прошу гг. подписчиковъ высылать мнѣ разнаго рода рисунки, тѣпы, одежды и т. д. и сообщать письменно свои замѣчанія относительно моего изданія. Это доставитъ мнѣ возможность узнать вкусъ общества и исполнить справедливыя его требованія.

Съ 1862 года, я выпускаю, кромѣ настоящаго изданія, — другой альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ *Живописный Сборникъ*, въ гораздо-большемъ размѣрѣ, — куда войдутъ не одни Малороссійскіе сюжеты и тѣпы, но и Великорусскіе, а также фантазіи, пейзажи и проч. Вообще программа *Ж. Сборника* — самая обширная и не стѣсненная никакой особой народностью. Цѣна будетъ объявляться печатно, по мѣрѣ выхода рисунковъ.

Кромѣ этого, я приготавливаю къ изданію *рисунки изъ народной архитектуры* Великорусской и Малороссійской, съ объясненіями, а потому покорнѣйше прошу всѣхъ, кто интересуется и кто занимается этимъ предметомъ, высылать мнѣ, черезъ редакцію *Основы*, рисунки, какъ цѣлыхъ зданій и построекъ, такъ и частей ихъ и подробностей, равно и замѣчанія свои о русской народной архитектурѣ.

Левъ Жемзужниковъ.